

АРХИМАНДРИТ
СОФРОНИЙ (САХАРОВ)

ВИДЕТЬ БОГА
КАК ОН ЕСТЬ

АРХИМАНДРИТ СОФРОНИЙ
(САХАРОВ)

ВИДЕТЬ БОГА КАК ОН ЕСТЬ

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь
2011

ББК 86.3
С 60

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 10-17-1671

Софроний (Сахаров), архимандрит

С 60 Видеть Бога как Он есть. Изд. 3-е, исправленное. – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 400 с.

Книга представляет собой изложение личного духовного опыта архимандрита Софрония (Сахарова; 1896–1993) — выдающегося духовного писателя-подвижника нашего времени. Сия духовная автобиография является незаурядным примером неотвлеченного богословия и опытного познания Божественной реальности в самой жизни. Неподдельная искренность автора кладет на каждое его слово печать достоверной подлинности, ставя читателя пред Истиной Бытия как неоспоримым фактом.

В настоящем издании сохранены особенности авторского стиля, орфографии и пунктуации.

ISBN 1–874679–32–0

978–1–874679–32–5

© Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь — текст, верстка, составление, 2006.

© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.

Все издательские права сохранены за Свято-Иоанно-Предтеченским монастырем (Эссекс, Великобритания) и защищены законом. Без предварительного письменного согласия и благословения издателя любое переиздание настоящего текста или его части в какой бы то ни было форме или в переводе на иностранный язык является незаконным.

Адрес издателя: *Monastery of St John The Baptist,
The Old Rectory, Tolleshunt Knights,
by Maldon, Essex, CM9 8EZ, England*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Благодать смертной памяти	9
О страхе Божиим	20
О покаянии	26
О покаянии и духовной брани	44
О духовном плаче	57
Колебания в поисках непоколебимого	67
Благословение знать путь	75
Суммарное изложение жизни нашего духа	114
О духовной свободе	134
О вдохновении	145
Об истощании и богооставленности	148
О любви до ненависти к себе	170
О нетварном свете	180
О личном начале: в Бытии Божественном и бытии человеческом	224
Литургическая молитва	267
Литургический язык	284
Гефсиманская молитва	287
О молитве, в которой открывается Бог-Истина	297
Послесловие	315
Указатель ссылок на Священное Писание	317
Тематический указатель	324

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господь заповедал нам не творить ни молитвы, ни милостыни, ни поста, ни иных добрых дел пред людьми, считая сие лицемерным исканием славы от них. Отец наш Небесный, «Который втайне... и видящий тайное» (Мф. 6, 1–18), не благоволит о таких деяниях. И не только заповедь Божия повелевает скрывать нашу внутреннюю жизнь от посторонних глаз, но и нормальный духовный инстинкт, как некий «категорический императив», запрещает нарушать тайну души, стоящей пред Богом. Молитва покаяния пред Вышним есть самое интимное место нашего духа. Отсюда желание скрываться где-то под землю, чтобы никто тебя не видел, никто не слышал, чтобы все оставалось только между Богом и душою. Так я жил первые десятилетия моего раскаяния пред Господом. К тому же мой горький опыт немалое число раз показал, что необходимо убегать и от обращенности на самого себя, иначе мы становимся жертвою духа тщеславия или самодовольства. За эти движения нашего духа мы претерпеваем богооставленность.

Однако, с того времени, как я был поставлен духовником еще на Святой Горе Афон — более сорока лет тому назад, — разъясняя приходившим ко мне отцам-подвижникам происходящие с ними духовные явления, я тем самым давал им возможность догадываться о ниспосланных мне Свыше опытах. И чем дальше продолжалось мое духовническое служение, тем большим становилось

мое обнажение пред братьями моими. Приближаясь к исходу моему в старческом возрасте, подавленный день и ночь телесными немощами, я становлюсь менее уязвимым людскими о мне суждениями. В силу этого я решился на еще большее обнаружение, теперь уже пред многими, того, что ревниво хранил от посторонних глаз доселе.

Мой путь, мои опыты по характеру своему, вероятно, не совсем обычны. Однако, своим существенным содержанием они раскрыли для меня трагизм положения миллионов людей, рассеянных по всему лицу Земли. Не исключена возможность, что моя исповедь, вернее — моя духовная автобиография, облегчит хотя бы некоторым из них найти благоприятное решение в постигающих их испытаниях.

Происходившее со мною не было следствием моей инициативы, совсем нет. Но Бог, по Ему единому ведомому Промыслу о нас, благоволил посетить меня и допустить меня прикоснуться к Его Вечности. Его святая рука беспощадно бросала меня ничтожного в неопишуемые бездны. «Там» в изумлении до великого ужаса я становился зрителем реальностей, превосходивших мой разум. Об этом пытаюсь я говорить в подлежащих страницах.

Мои опыты не сразу усваивались моим рассудком. Прошли десятилетия, прежде чем они приняли форму моего догматического сознания. До посещения меня Богом я, читая Евангелия или послания Апостолов, не понимал действительно, какая онтологическая реальность скрывается за каждым словом Святого Писания. Сама жизнь показала мне, что вне живого опыта Бога или встречи с властями и мироправителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными (ср. Еф. 6, 12), одна интеллек-

туальная осведомленность не приводит к тому, что является смыслом веры нашей: знание Бога, сотворившего все сущее. «Знание» — как вхождение в самый Акт Его Вечности: «Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3).

В часы, когда ко мне прикасалась Любовь Божия, я «узнавал» в ней Бога: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4, 16). После же посещений Свыше я читал Евангелие с иным, по сравнению с прошлым, сознанием. Я глубоко и благодарно радовался, встречая подтверждение моему опыту. Эти чудные совпадения самых существенных моментов моего осознания Бога с данными Откровения Нового Завета бесконечно дороги моей душе. Они были даром Неба: Сам Бог молился во мне. Но все сие принимало форму «моего состояния».

Я был крещен в самые первые дни моего появления на свет. По чину нашей Церкви — при этом таинстве на все члены моего тела полагалась «ПЕЧАТЬ ДАРА ДУХА СВЯТОГО». Не эта ли Печать спасла меня от блужданий по чужим дорогам? Не она ли была причиной многих «чудных совпадений» моих переживаний с духом Евангельского Откровения?

В данной книге я останавливаюсь вниманием на описании части ниспосланных мне опытов. Однако, параллельно с этим, считаю важным упомянуть, что весь ход моей жизни в Боге привел меня к убеждению, что всякое отклонение нашего умного сознания от правильного разума Откровения неизбежно отразится на проявлениях нашего духа в повседневности. Иными словами: истинно праведная жизнь обусловлена верными понятиями о Боге — Святой Троице.

Итак, я вручаю себя с доверием всякому читателю, надеясь, что он расположится помянуть меня в своих молитвах к Отцу нашему, Который на Небесах.

БЛАГОДАТЬ СМЕРТНОЙ ПАМЯТИ

По истечении более чем пяти десятков лет невозможно мне восстановить в памяти хронологическую последовательность событий моего внутреннего мира. Полет духа в умном пространстве — неуловим, как сказал и Сам Господь при беседе с Никодимом: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3, 8). В данное время моя мысль останавливается на некоторых из тех тягостных и отчаянных положений, которые в дальнейшем оказались для меня драгоценным познанием и источником сил для совершения всем нам предлежащего подвига. Испытанное мною, как бы резцом на камне, начертано на теле моей жизни, и это дает мне возможность говорить о том, что творила со мною десница Божия.

С юных лет мысль о вечности усвоилась моей душе. С одной стороны, это было естественным следствием детской молитвы Живому Богу, к Которому ушли мои деды и прадеды; с другой — дети, с которыми я тогда общался, с наивной серьезностью охотно останавливались раздумьем на сей тайне. Подрастая, я все чаще возвращался к размышлению о бесконечном, о том, что пребывает всегда; особенно в беседах с моим немного младшим меня братом Николаем (1898–1979). Он был мудрее меня, и я многому научился от него. Когда же началась Первая Мировая война (1914–1918), проблема вечности стала

доминирующей в моем сознании. Вести о тысячах убиваемых на фронтах неповинных людей поставили меня вплотную пред зрелищем трагической действительности. Невозможно было примириться с тем, что множество молодых жизней насильственно прерывается, и притом с безумной жестокостью. И я сам мог оказаться в их рядах; и моей задачей было бы убивать неведомых мне людей, которые в свою очередь стремились бы возможно скорее покончить со мною. И если волею злых властителей создаются подобные положения вещей, то где смысл нашего явления в мир? И я... зачем я родился? Ведь я только что начал входить в осознание себя человеком: внутри загорался огонь благих желаний, свойственного молодости искания совершенства, порывы к свету всеобъемлющего знания. И все сие отдать? И таким образом! Кому и для чего? Ради каких ценностей?

Я знал по детским моим молитвам, что предшествовавшие поколения ушли в надежде на Бога; но в те дни не было со мною детской веры. Вечен ли я, как и всякий другой человек, или все мы сойдем во мрак небытия? Этот вопрос из прежде спокойного созерцания ума становился подобным неоформленной массе раскаленного металла. В глубоком сердце поселилось странное чувство — БЕССМЫСЛЕННОСТИ ВСЕХ СТЯЖАНИЙ НА ЗЕМЛЕ. Что-то совсем новое, ни на что другое не похожее было в нем.

Внешне я все же был спокоен; часто весело смеялся; жил, как все вообще живут. Мирным образом что-то совершалось в сердце, и ум, всего совлекаясь, заключался вниманием внутрь. По необъятным просторам моей страны проходил гигантский плуг, вырывая корни прошлого. Все были подняты на ноги; повсюду напряжение, превышавшее силы людские. Больше того: во всем мире

возникали события, полагавшие начало новой эре в истории человечества, но мой дух не останавливался на них. Многое рушилось вокруг меня, но мое внутреннее крушение было более интенсивным, чтобы не сказать — более важным моментом для меня.

Почему так? Я не мог в те дни мыслить логически. Мысли мои рождались внутри, исходили из состояния духа. Если я умираю действительно, т. е. погружаюсь в «ничто», то и все другие, подобные мне люди, также бесследно исчезают. Итак, все суета; подлинная жизнь нам не дана. Все мировые события не больше, чем злая насмешка над человеком.

Страдания моего духа были вызваны внешними катастрофами, и я, естественно, отождествлял их (катастрофы) с моей личной судьбой: мое умирание принимало характер исчезновения всего, что я познал, с чем я бытийно связан. И это уже независимо от войны. Моя неизбежная смерть не была лишь как нечто бесконечно малое: «одним меньше». Нет. Во мне, со мною умирает все то, что было охвачено моим сознанием: близкие люди, их страдания и любовь, весь исторический прогресс, вся Земля вообще, и солнце, и звезды, и беспредельное пространство; и даже Сам Творец Мира, и Тот умирает во мне; все вообще Бытие поглощается тьмою забвения. Так тогда я воспринимал мою смерть. Овладевший мною Дух отрывал меня от Земли, и я был брошен в некую мрачную область, где НЕТ ВРЕМЕНИ.

Вечное ЗАБВЕНИЕ, как угасание света сознания, навело на меня ужас. Это состояние сокрушало меня; владело мной против моей воли. Совершавшееся вокруг меня навязчиво напоминало о неизбежности конца всемирной истории. Видение бездны становилось всегда присущим, лишь по временам давая мне некоторый покой.

Память о смерти, постепенно возрастая, достигла такой силы, что мир, весь наш мир воспринимался мною подобным некоему миражу, всегда готовому исчезнуть в вечных провалах небытийной пустоты.

Реальность иного порядка, неземного, непонятного, овладевала мною, несмотря на мои попытки уклониться от нее. Я помню себя отлично: я был в житейской повседневности, как все другие люди, но моментами я не ощущал под собою земли. Я видел ее моими глазами как обычно, тогда как в духе я носился над бездонной пропастью. К этому явлению затем присоединилось другое, не менее тягостное: предо мною мысленно возникла преграда, которую я ощутил как свинцовую толстую стену. Ни один луч света, умного света, не физического, как и стена не была материальной, не проникал чрез нее. Долгое время она стояла предо мною, угнетая меня.

Независимо от всего внешнего: войны или болезней и подобных им бедствий, сознавать себя приговоренным к смерти в какой-то день, было для меня несносною мукою. И вот, без того, чтобы я размышлял о чем-либо, вдруг в сердце вошла мысль: если человек может так глубоко страдать, то он велик по природе своей. Тот факт, что с его смертью умирает весь мир и даже Бог, возможен не иначе, как если он сам по себе является в некотором смысле центром всего мироздания. И в глазах Бога, конечно, он драгоценнее всех прочих тварных вещей.

Господь знает мою благодарность к Нему за то, что Он не пощадил меня «и не отступил, все творя, доколе не возвел меня» до видения Царства, пусть еще «отчасти» (ср. начало Литургического канона свт. Иоанна Златоуста и 1 Кор. 13, 12). О, ужасы этого благословенного времени! Никто не в силах добровольно пойти на эти

испытания. Вспоминаю сейчас того космонавта, который отчаянно взывал к земле спасти его от смерти в пространстве; радио уловило его стоны, но не было ни у кого средств придти ему на помощь. Думаю, что позволительно до некоторой степени провести параллель между тем, что переживал бедный космонавт, с тем, что испытывал я в моменты падения в мрачную бездну. Но мой дух обращался не к земле, а к Тому, Кого я еще не знал, но в Бытии Которого я был уверен. Я не ведал Его, но Он был как-то со мною, обладая вполне средствами для моего спасения. Он наполняет Собою все, но от меня Он скрывался, и я видел смерть не по телу, не в ее земных формах, но в вечности.

Так: «под знаком минуса» раскрывалось во мне глубинное Бытие. Материальный мир терял свою консистенцию, время же — протяженность. Я томился, не разумея совершавшегося во мне. В то время я еще не имел никакого понятия об учении Отцов Церкви, об их опытах. Вследствие столь существенного пробела в моих познаниях я увлекся мистической философией нехристианского Востока. В моем безумстве я предполагал найти в ней исход из ямы, в которую я погружался. Не мало драгоценного времени я потерял из-за этого. Впрочем, много лет спустя, претерпев не однажды отступление от меня благодати за тщеславные помыслы, я иногда думал: великое горе — духовное невежество; но в моем случае именно неосведомленность сделала возможным для меня носить в течение долгих лет излившийся в изобилии на меня дар Бога моего: благодать СМЕРТНОЙ ПАМЯТИ, которую весьма высоко ценят Святые Отцы. Действительно: когда я встретился с писаниями святых аскетов, воспевавших высоту сего дара, то оказался в опасности утратить усвоившееся мне сознание моего ничтожества.

В том периоде моей жизни, незабываемом, но совсем не простом и нелегком, я был испытан не раз страшными помыслами: гнева на Создавшего меня. Измученный непониманием происходящего со мною — я вступал в борьбу с Богом; я мыслил о Нем, как о Враждебном Властелине: «Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал» (Пушкин). У всех людей единый природный корень, и поэтому я переносил мои личные состояния на всех. Мой умишко «бунтовал» во имя всех поруганных ненужным даром этой жизни, и я сожалел, что нет у меня такого меча, которым было бы возможно рассечь «проклятую землю» (ср. Быт. 3, 17), и тем положить конец отвратительному абсурду... Немало и других идиотских идей приходило мне на ум, но эти две, кажется, были самыми крайними. К счастью, этого рода горечь никогда не проникала в глубокое сердце: там место было занято. Недоведомо где-то в духе оставалась надежда, шедшая дальше всех пароксизмов отчаяния: Всемогуший не может быть иначе, как БЛАГ. Если бы не так, то откуда у меня идея Благого Существа? И мой внутренний слух сосредоточивался на чем-то неосознанном и вместе реальном.

Никогда не смогу воплотить в слова своеобразного богатства тех дней, когда Господь, не внимая моим протестам, взял меня в Свои крепкие руки и точно с гневом бросил в беспредельность созданного Им мира. Что скажу? Суровым образом, но Он открыл мне горизонты иного Бытия. Мои страдальческие перипетии были подлинно «хождением по мукам».

Война с Германией приближалась к печальному для России концу. За несколько месяцев до сего развязывалась уже другая, гражданская, во многих отношениях более

тяжкая, чем международная. Видение трагизма человеческого бытия как бы срасталось с моей душой, и смертная память не покидала меня где бы я ни был. Я был расколот странным образом: мой дух жил в той таинственной сфере, для которой я не нахожу выражения словом, рассудок же и душевность жили, казалось, своей привычной повседневностью, т. е. подобно всем прочим людям.

Я торопился жить: боялся потерять каждый час, стремился приобрести максимум познания не только в области моего искусства, но и вообще; много работал как живописец в моем ателье, просторном и спокойном, сделал целый ряд путешествий по России, по Европе; месяцами жил в Италии и Германии, затем более оседло во Франции. Встречался со многими лицами, главным образом причастными к искусству, но никогда, никому не сказал я ни слова о моей «параллельной» жизни в духе: ничто изнутри не толкало меня на такую откровенность. Совершавшееся во мне — исходило от какого-то начала, высшего меня, помимо моей воли, не по моей инициативе: я не понимал происходившего; и, однако, оно было свято для меня.

Красота видимого мира, сочетаясь с чудом возникновения самого видения, — влекла меня. Но за видимую действительностью я стремился ощутить невидимую, вневременную, в моей художественной работе, дававшей мне моменты тонкого наслаждения. Однако настало время, когда усилившаяся смертная память вступила в решительную схватку с моей страстью художника. Тяжба была ни короткою, ни легкою. Я же был как бы полем борьбы, двупланной: благодать смертной памяти не снижалась до земли, но звала в возвышенные сферы; искусство же изощрялось представить себя, как нечто высокое,

трансцендирующее земной план; в своих лучших достижениях дающее прикоснуться к вечности. Напрасными были все эти потуги: неравенство было слишком очевидным, и в конце победила МОЛИТВА. Я чувствовал себя удержанным между временной формой бытия и вечностью. Последняя в то время была обращена ко мне своей «отрицательной» стороной: смерть обволакивала все.

Невозможно поведать здесь о всех формах, в которых созерцаемое мною угасание всякой жизни проявляло себя внутри моего духа. Ярко помню одно из наиболее характерных для тех дней: читаю, сидя за столом; подпру голову рукою, и вдруг — ощущаю череп в моей руке, и я мысленно смотрю на него извне. Физически я был еще молод и нормально здоров. Не понимая природы происходящего со мною, я пробовал освободиться от переживаний, нарушавших мирный ход моей работы. Я спокойно говорил себе: «Предо мною еще целая жизнь; быть может, сорок и даже более лет, полных энергии...» И что же? Внезапно приходил ответ, не мною обдуманый: «Если и тысячу лет... а потом что?» И тысяча лет в моем сознании кончалась прежде, чем была оформлена мысль.

Все, что подлежало тлению, обесценивалось для меня. Когда я смотрел на людей, то прежде всякой мысли я видел их во власти смерти, умирающими, и сердце мое наполнялось состраданием к ним. Я не хотел ни славы от «мертвых», ни власти над ними; я не ждал, чтобы они меня любили. Я презирал материальное богатство и не высоко ценил интеллектуальное, не дававшее мне ответа на искомое мною. Если бы мне предложили века счастливой жизни, я не принял бы их. Мой дух нуждался в вечности, и ВЕЧНОСТЬ, как я понял позднее, стояла предо мною, действительно перерождая меня. Я был слепой, без

разума. Она, вечность, стучалась в двери моей души, замкнувшейся от страха в самой себе (ср. Откр. 3, 18–20).

О, я страдал, но исхода не было нигде, кроме возродившейся во мне молитвы; молитвы к еще Недоведомому, вернее Забытому мною. Пламенная молитва захватила меня в свои недра и в течение многих лет не покидала меня ни наяву, ни во сне. Длительным было мое мучение. Я был доведен до истощания всех моих сил. Тогда, совсем неожиданно для меня, некая тонкая как бы игла проткнула толщу свинцовой стены, и чрез создавшийся волосной канал проник луч Света.

Больной часто не знает, от какого недуга страдает он, и говорит врачу о своих субъективных ощущениях, ожидая узнать объективный диагноз. Так я просто излагаю «субъективную» историю пережитого мною опыта.

У Отцов Церкви я нашел учение о сей форме благодати. СМЕРТНАЯ ПАМЯТЬ есть особое состояние нашего духа, совсем не похожее на всем нам свойственное знание, что в какой-то день мы умрем. Она, сия дивная память, выводит дух наш из земного притяжения. Будучи силою, Свыше сходящею, она и нас поставляет выше земных страстей, освобождает нас от власти над нами временных похотей и привязанностей, и тем делает нас естественно свято живущими. Хоть и в негативной форме, она, однако, плотно прижимает нас к Вечному.

Память смертная дает нам опыт бесстрастия, но еще не того положительного, которое проявляется как полновластие любви Божией; не имеет она и чисто отрицательного характера, то есть как противоположение любви. Она — память смерти — пресекает действие страстей и тем полагает начало коренной перемене всей нашей жизнедеятельности и характера восприятия всех вещей.

Тот факт, что она дает переживать смерть нашу как конец всего мироздания, подтверждает данное нам Откровение о том, что человек есть образ Бога, и как таковой он способен вместить в себя и Бога, и сотворенный космос. И это есть также начало конкретизации в нас ипостасного принципа. Сей опыт приготавливает наш дух к более реальному восприятию христианского Откровения и тому богословию, в основе которого лежит опыт иного бытия.

Когда силою смертной памяти все мое существо было переведено в план вечности, тогда, естественно, пришел конец моей детской забаве — занятию искусством, владевшим мною как рабом. Скорбен и узок путь нашей веры: все тело жизни нашей покрывается ранами на всех уровнях, и болезнь доходит до той грани, когда страдальческий ум умолкает в состоянии интенсивного пребывания вне времени. Выпадая из сего бытийного созерцания, мы обретаем в глубине сердца уже готовые мысли, не нами изобретенные; в тех мыслях заключено предвосхищение дальнейших откровений о Боге. Сей благодатный дар не может быть описан нашими будничными словами. Опыт показывает, что ассимилируется он, дар, не иначе, как в длительном процессе всестороннего ИСТОЩАНИЯ. Тогда, как бы уже сверх всяких ожиданий, приходит исцеляющий все раны Несозданный Свет. В сиянии этого Света пройденный «тесный» путь предстает как уподобление Истощанию Христа, чрез которое и нам даруется усыновление Богу-Отцу.

По мере того, как нам открывается Абсолютное Бытие, мы все напряженнее ощущаем свое ничтожество и нечистоту. И это жутко. Однако я сожалею, что в последней старости моей сила благословенного состояния умалилась во мне. Господь дал мне жить в потоках Его милости, но

я ничего не понимал: у Него все по-особенному. Но Он не оставил меня до конца во тьме: Он привел меня к ногам Блаженного Силуана, и я увидел, что весь мой предварительный опыт приготовил меня к пониманию его, Силуана, учения.

Да будет Имя Господне благословенно
во веки веков.

О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Страх Божий есть следствие духовного озарения человека. Его природа — неизъяснима психологией. В нем, страхе этом, нет ничего общего с животным. Есть много степеней и форм его, но мы сейчас остановимся на одной из них, наиболее действенной для спасения нашего: «ужас» оказаться недостойным Бога, открывшегося нам во Свете незаходимом (ср. Мф. 10, 37–38). Охваченные сим святым страхом — освобождаются от всякого иного земного страха. Отцы наши, бестрепетные служители Духа, удалялись в пустыни и жили (да и теперь есть таковые) среди диких зверей и ядовитых змей, в условиях суровой природы и столь крайней нищеты, что идет дальше воображения современных людей. И это ради свободы предаться плачу в сознании своей далекости от Бога Возлюбленного. Не всем доступно понять, почему духовные мужи, презревшие все, что есть в мире сем, рыдают не меньше, и даже более, чем женщины-матери над гробами дорогих сердцам их сыновей. Они, отшельники, плачут при созерцании внутри себя темной бездны: глубоки корни «познания зла», вырвать которые невозможно своею силою. Непознавшим сего — описанного выше — состояния духа нашего сие страдание останется навсегда непонятным. Не потому скрывается от посторонних глаз тайна эта, что у Бога есть лицепрятие (Деян. 10, 34), но потому, что благодать сия доверяется лишь тем, кто сам доверяет себя Богу-Христу. И

сия благодать есть также дар любви Божией, без которой слезы не потекут.

От любви Божественной рождается святое дерзновение. Так малая горсть Апостолов, прежде малодушных, после сошествия на них Духа Святого, исполненные мужества, пошли на духовную брань со всем прочим миром. Едва ли не все они приняли мученическую кончину. Дивные слова сказал Апостол Андрей Игемону в Патрах, грозившему его распять: «Если бы я боялся креста, я бы его не проповедывал». И он был распят, и, вися на кресте, прославлял крестную смерть Владыки Христа.

Дары Духа Святого — бесценны. Всякий истинный дар есть не что иное, как пламя любви. Но для расширения сердца нашего до способности воспринять любовь Христову в ее ярких проявлениях — необходимо всем без исключения пройти чрез многие испытания. Живущие в плотском покое атрофируются духовно и пребывают закрытыми для любви божественной универсальной, хриstopодобной. Таковые живут и умирают без того, чтобы дух их восходил к Небу. Между дарованиями Свыше и подвигом веры существует некоторая соразмерность: все идущие путем заповедей Христа, в самом следовании Ему перерождаются: одни более, другие менее, в зависимости от проявленного усердия их. Чрез со-распятие воплощенному Богу-Слову нисходит на верующего благодать, уподобляющая человека Бого-человеку. Сей великий дар включает в себя и богословие живоносное чрез реальное пребывание во Свете любви.

Благодать покаяния дается тем, кто полною верою принимает слово Христа о том, что если мы не уверуем в Его, Христа, Божество и абсолютную истинность всего, заповеданного Им, то тайна греха не раскроется для нас в

своей онтологической глубине, и мы «умрем во грехах наших» (ср. Ин. 8, 21 и 24).

Самое понятие греха наличествует лишь там, где отношения между Богом-Абсолютом и человеком-тварью принимают характер чисто личный. Иначе остается только интеллектуальное представление о той или иной ступени совершенства формы существования. Грех всегда есть преступление против любви Отчей. Он проявляется как удаление наше от Бога и в склонении воли нашей к страстям. Покаяние всегда связано с воздержанием от греховных влечений. И вне христианства ведется борьба с некоторыми страстями; и в гуманизме наблюдается преодоление тех или иных пороков; но поскольку отсутствует ведение о глубинной сущности греха — гордости, постольку сей злой корень остается непреодоленным, и трагизм истории не перестает нарастать.

Святые Отцы говорят: одно смирение может спасти человека, и одной гордости достаточно, чтобы свести в адскую тьму. Победа же над всем комплексом страстей означает обретение богоподобного бытия. Все страсти непременно облечены в некую форму, видимую или мысленную, воображаемую. В горячей покаянной молитве дух христианина совлекается представлений видимых вещей и рассудочных понятий. Совлечение ума от всех зрительных и мысленных форм практикуется и в других аскетических культурах. Однако в самом «мраке совлечения» душа не встречает Живого Бога, если молитва совершается без должного сознания греха и искреннего покаяния. Возможно все-таки испытывать некий отдых — покой от калейдоскопического хода обыденной жизни.

От великой печали о потерянном Боге душа естественно обнажается от материальных и мысленных образов, и ум-дух приближается к той грани, за которую может

явиться Свет. Но и эта грань может остаться непройденною, если ум обратится на себя. Не исключены при этой обращенности на самого себя случаи, когда ум увидит себя подобным свету. Важно знать, что сей свет свойствен нашему уму, так как он — ум — создан по образу Бога, открывшегося нам как Свет, в котором нет ни единой тьмы (см. 1 Ин. 1, 5). Так совершается переход к иной форме мышления, к иному роду разумения, высшему по сравнению с научным эмпирическим знанием. Совлекшийся в порыве покаяния всего преходящего — дух наш, как бы с некоей вершины видит относительность и условность всех наших практических сведений. И опять, и опять: Бог истинно переживается или как Огонь очищающий, или как Свет озаряющий.

«Начало премудрости — страх Господень» (Пс. 110, 10). Страх сей нисходит на нас Свыше. Он, страх, есть духовное чувство, прежде всего Бога и затем нас самих. Мы живем в состоянии страха в силу живого присутствия Бога Живого при сознании нашей нечистоты. Действие сего страха таково: он ставит нас пред Лицом Бога, чтобы быть судимыми от Него; мы же пали ТАК низко, что скорбь наша за нас самих становится глубинным страданием, более тяжким, чем мука видеть себя во тьме неведения, в параличе нечувствия, в рабстве страстям. Страх сей есть пробуждение наше от векового сна в грехе. Он же несет нам свет разумения: с одной стороны, нашего гибельного состояния, с другой — ощущение святости Бога.

Удивительна природа сего блаженного страха: вне его действия, очистительного конечно, не откроется нам путь к совершенной любви Божией. Сам он есть не только начало премудрости, но и любви. Он и потрясает душу

нашу видением нас самих, как мы есть, и привязывает нас к Богу сильным желанием быть с Ним. Страх сопровождает изумление пред открывающимся нам Богом. Сознать себя недостойным ТАКОГО Бога, вот в чем ужас. Быть вечно в том адском мраке, сущность которого мы узреваем при еще невидимом нами, но дающем нам «видеть» Свете нетварном, вызывает томительную жажду вырваться из гнетущих объятий нашего падения, войти в сферу Света не вечернего, к Богу любви святой.

Только чрез веру в Бога-Христа получаем мы подлинный критерий о реальностях нетварного и тварного миров. Но для этого нам необходимо все наше бытие: и временное, и вечное — строить на незыблемом камне заповедей Христа. Весьма многие ходят в рукотворенные храмы на молитву, но вовсе не так много таких, которые находят «узкий путь», ведущий в нерукотворенную скинию небес (ср. Мф. 7, 14).

В начале нашего покаяния мы ничего, кажется, не видим, кроме нашего внутреннего ада, но, странным образом, незримый еще нами Свет проникает уже внутрь как живое ощущение присутствия Бога. Если мы крепко, обеими руками, будем держать край ризы Господней, то чудо нашего роста в Боге будет все усиливаться, и нам начнет открываться дивный облик Иисуса и с Ним — созерцание, какими мы, люди, были замыслены Творцом прежде создания мира. Чтобы в силу сказанного богатства дарований не вознеслось сердце человека, ему дается Промыслом идти крутым подъемом к сему познанию, истомляющим и ум, и душу, и тело.

По временам Бог отнимает от подвижника Свою руку, и чуждый дух улучает минуты, когда он сможет колебать наше сердце и мысль. Отсюда у нас никогда нет совершенной обеспеченности, и мы даже при великих излияниях

на нас милости возлюбленного Бога не «возносимся». Вот и Апостол Павел о том же говорит в своем послании к Коринфянам: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12, 7). Так было в начале христианства, так будет и до конца истории мира сего.

Неописуемы дары нашего Бога. И как возможно человеку не возгордиться пред братьями своими? Да, при содействии той же Божественной силы, осуществимо сие, ибо Сам Бог — есть Смирение.

О ПОКАЯНИИ

Отец наш «обитает в неприступном свете» (1 Тим. 6, 16). Он неизменно пребывает великой тайной для нас. И это даже тогда, когда мы преисполнены близостью Его. Но и Человек, созданный по подобию Всевышнему, тоже есть тайна сокровенная. И в отношении к нему не должно умаляться желание все более глубокого познания о нем, о величии его призвания «от сложения мира».

Бог есть Абсолютное Бытие, Начало всех начал. Он открылся нам как «АЗ ЕСМЬ», как Лицо — Ипостась — Персона. Ныне мы знаем Его чрез Сына Единосущного, явившего нам Отца: «Бога не видел никто никогда; единородный Сын, сущий в недре Отчем, ОН ЯВИЛ» (Ин. 1, 18). Мы знаем Отца также и Духом Святым: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас» (Ин. 14, 26). И сие живое знание освободило нас от всех абсурдов интеллектуального взлета к Сверх-персональному Абсолюту, к Чистому Бытию, трансцендирующему все сущее, собственно уже НЕБЫТИЮ.

Собезначальный Отцу и Духу — воплощенный Логос начал Свою миссию призывом к падшим: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Он дал нам познание и об Отце, и о Духе Святом. И Сии Два свидетельствовали о Нем. Он же показал нам и незаблудный путь ко Отцу.

На конце моей жизни я хотел бы воспеть достойный гимн данной Им нам благодати покаяния... Воспользу-

юсь для сего вдохновенными словами древнего псалмопевца.

Боже мой, Боже мой! Велики и чудны дела Твои.
Ты, Святой, живешь во Свете неприступном.
На Тебя уповали отцы мои, и Ты избавлял их;
К Тебе зывали они, и Ты спасал их,
Я же червь, а не человек,
Поношение у людей и презрение в народе;
Но Ты извел меня из чрева;
И Ты Бог мой от чрева матери моей.
Не удаляйся от меня, и я буду возвещать Имя Твое
братьям моим:

«Боящиеся Господа, восхвалите Его,
Ибо Он не презрел скорби моей и не отверг моления
моего.

Я взыскал Его, и Он не скрыл Лица Своего от меня.
И ныне о Нем хвала моя в Собрании Великом»

(ср. Пс. 21).

«Не вем, в теле или вне тела» (ср. 2 Кор. 12, 2). Именно так бывает с кающимся горячо. Сокрушенный дух человека в смертельной жажде спасающего Бога влечется к Нему всем существом. И сам он не знает — когда и как произошло с ним изменение, но забывает он вещественный мир и самое тело свое. Пребывает же при этом самим собою, как лицо-персона, возможно сказать, сильно, ярко, как никогда в нормальном житейском состоянии. Живет себя как бы бестелесный дух. В такие моменты благословения Свыше дается ему познание об иной форме бытия, уже неразрушимого.

Случалось: мой дух сознавал себя в некоей беспредельности, которая странным образом прозрачна, хотя и не видится свет как таковой. Не нахожу определения той

бездонной сфере. Мой дух бывал всецело поглощен молитвою: ничего, кроме Бога, я не видел, не знал.

Великий Апостол Павел писал к Коринфянам, что он был «восхищен в рай и слышал неизреченные глаголы (ῥήματα), которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4). Что имел он в виду, говоря о данном ему высшем познании как о «глаголах»? Были ли те глаголы — наши человеческие слова, или факты того духовного неба, куда он был «восхищен»? Не вполне раскрыл он в своих повествованиях о сем событии.

Мне приходит дерзкая мысль: Павла не оставляла память, что он «гнал церковь Божию» (1 Кор. 15, 9); что он был хулителем и обидчиком; и в предельном напряжении раскаяния о всем этом был он «восхищен до третьего неба» (см. 2 Кор. 12, 2). Хочу сказать: сам я переживал мое отпадение от Христа как нестерпимо гнусное преступление против Его любви. Я знал сию любовь в моем раннем детстве: Он давал мне жить ее. Чрез сокрушение о моем безумстве пребывал я в молитве, вырывавшей меня из всего тварного в иной мир. Когда мы действительно осознаем наш внутренний мрак, — когда нам открывается inferнальная сущность греха, тогда мы становимся восприимчивыми к действиям благодати: будет ли то озарение нетварным Светом, или иного рода восхищение, познание, откровение.

Отцы говорили, что ощутить свой грех — есть великий дар Неба, больший, чем видение Ангелов. И я не малый срок был слеп духовно: я не видел греха в моем отходе от моего детского Бога. Я «поступал по неведению» (ср. 1 Тим. 1, 13). Я полагал, что я восходил дальше-выше Евангелия; покидал последнее без неприязни, рассудочно, как недающее мне высшего познания. Уразуметь сущность

греха мы можем не иначе, как через веру во Христа-Бога, воздействием в нас Света нетварного (ср. Ин. 8, 24).

В человеке, взятом как не-детерминированная персона, как дух, наделенный свободой самоопределения, наличествует возможность увидеть некую безусловность, «божественность», как бы не требующую иного Бога. Он может признать себя родственным, даже единосущным Перво-Бытию; решиться на акт само-обожения; возвратиться к своему изначальному бытию. Я жил в этом заблуждении в моей молодости под влиянием книг об индийской мистике и в силу встреч с людьми из тех стран, где тысячелетиями культивируется сей род мистики. Выйти из этой аберрации — совсем не просто: пред вами всегда может встать вопрос о вашем якобы еще недостаточном совлечении всего относительного, что есть в космическом бытии. В стремлении к совершенству нужно преодолеть в нас принцип персональности, как временной формы быwania, вносящей ограничения во все проявления наши. Словом волею идти на распад или умирание человеческой личности в неименоуемом океане Чистого Бытия — Сверх-персонального Абсолюта.

Я не смог избежать вопроса: кто же познаёт? кто самоопределяется? И другой вопрос: если я исшел из безначального принципа, то как могла произойти столь глубокая деградация моего бытия? Почему теперь я с таким трудом ищу развода с плотью, чтобы снова стать тем, чем я всегда был и в порядке отвлеченного умственного видения — не перестаю быть?

Медитации приводили к покою от рассеянности заботами земной жизни, — давали мне часы интеллектуального услаждения, — возносили меня в мнимые духовные сферы, — поставляли меня выше окружающей меня среды.

Философски я не мог мыслить Абсолютное Начало — персональным. Причиной тому было отчасти мое следование общему заблуждению тех кругов, в которых я вращался: смешение понятия персоны с понятием индивидуума, тогда как богословски они диаметрально противоположны. Ребенком я был научен молиться Бессмертному Отцу Небесному, к Которому ушли все мои деды и прадеды. Тогда, в детской вере (ср.: Мф. 18, 3; Лк. 18, 17), Персона и Вечность легко сочетались. Итак, с младенческого возраста воспринятый мною христианский персонализм в какой-то момент стал самым существенным вопросом: Бытие, абсолютное, может ли быть персональным? Мой искренний «восточный» опыт носил, скорее, интеллектуальную — оторванную от сердца — форму: аскеза умного совлечения со всего относительного. Постепенно я убеждался, что стою на неправильном пути: ухожу от истинного, реального Бытия в не-бытие. На горизонте моего духа еще не было достоверного познания.

Этот период был чрезвычайно напряженным: состояние ума было подобным малой ладье в темную ночь на волнах: то он, ум, восходил на вершину некоей волны, то снова другою бывал брошен вниз с гневом. Но Тот, Кого я оставил как бы «за ненадобностью», не отвернулся от меня до конца и Сам искал случая явиться мне: Он вдруг поставил предо мною текст Библейского, Синайского Откровения: «АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ» (Исх. 3, 14). БЫТИЕ это Я, Бог, Абсолютный Владыка всех звездных миров — ПЕРСОНАЛЬНЫЙ — АЗ ЕСМЬ.

С этим Именем открылись для меня дали, убегающие в недостигаемость. Не в порядке отвлеченного мышления, но бытийно сей Личный Бог стал для меня очевидностью, которую я жил всем моим существом. Весь строй

моей духовной жизни преобразился: мой дух еще не до конца ясно, но знал куда стремиться: Свет полярной звезды достигал моего зрения, а мой ум мог восходить до неслыханного. Да, сей Бог, страшно далек, но достигим для духа нашего. Быть богом вне сего Единственного Истинного — безумие, худшее всех прочих форм безумия. И я предался отчаянному плачу, горькому, жгучему, осознав ужас моего падения: Господь даровал мне благодатное отчаяние. И когда я оплакивал себя глубоким плачем, не смея возвести мысли моей к Нему, Он явился мне во Свете Своем. Так положил Он начало моей новой жизни, породив меня в слезах покаяния. Все, что было раньше притягательным для меня в мире сем, утеряло прелесть свою, и ни о чем более другом не думая, я погрузился в молитву. Не скажу, что борьба за мое освобождение от всего, чему я предавался страстно, была легкою; ни даже краткою. Особенно тяжело переживался отрыв от живописи.

Благодать покаяния есть восхищение души к Богу, увлеченной явлением Света. Он, сей Свет, в начале еще никак не видим, но от теплоты его смягчается сердце. Душа в разрыве: с одной стороны, ужас видеть себя, как я есмь; с другой — прилив неведомой ранее силы от узрения Живого Бога. Станным образом внутри при этом превалировало отчаяние за самого себя настолько, что даже когда Он был со мною и во мне, я не мог прекратить плача о моем грехе, который предстал во мне в своей метафизической сущности превосходящим все видимые преступления. Сильное желание порвать со всем прежним принимало форму ненависти к себе в моем прошлом. Положительная сторона отталкивания от моих страстей была в том, что оно являлось в то же время актом становления моего в открывшемся мне Боге.

От напряжения святой ненависти к себе молитва черпает могучую энергию и становится подобною бурному пламени. Дух тогда живет одновременно и свою смерть и мрак, и надежду на Бога Спасителя. Нет сомнений для меня: сила моей молитвы была не моею: она исходила от Бога. Она, молитва, истомляла меня до полного изнеможения всего моего психофизического состава. И бывало, приходил чудный мир в душу, и атмосфера иной жизни нежно обнимала меня, принося ощущение присутствия Бога, возлюбившего Свою умную тварь.

Болезнен подвиг совлечения страстей, препятствующих пришествию Света. Многовековой опыт святых аскетов показал с неопровержимою достоверностью, что гордость есть главное препятствие для озарения нас Духом Святым. В той молитве, которую давал мне Господь, когда я ощущал себя как бы до конца истощенным во всех планах моего существа, я тогда, по-видимому, приближался к заповеданному смирению, ибо тогда раскрывалась моему духу светоносная сфера. И не было противостояния между моим духовным состоянием и действием Бога во мне. Смирение Бога — непостижимо: оно — безотносительное: в нем нет сравнения себя ни с кем: оно есть атрибут Божественной Любви, отдающей себя вне всякой меры.

В молитвенном подвиге предшествовавших нам поколений, да и в Писании Святом, Богу даются имена по характеру Его, по Его отношению к нам, по Его проявлениям: Бог есть Свет, Бог есть Истина, Любовь, Милосердие и множество других. Я дерзаю добавить: Бог есть СМИРЕНИЕ. Ничто нечистое, т. е. гордое, не прикасается к Нему. Гордость есть мерзкая тьма, антипод Божественного Блага; гордость есть принцип зла, корень всех

трагедий, сеятель вражды, губитель мира, противник богоустановленного порядка; в ней — сущность ада.

Гордость есть та «тьма крошечная», пребывая в которой, человек отрывается от Бога любви. «Люди... возлюбили тьму» (Ин. 3, 19). Спасение от сего ада возможно не иначе, как чрез покаяние.

ПОКАЯНИЕ есть бесценный дар человечеству. Покаяние есть чудо Божие, воссоздающее нас после падения. Покаяние есть излияние божественного вдохновения на нас, силою которого мы возносимся к Богу, Отцу нашему, для вечной жизни во Свете Его любви. Чрез покаяние совершается наше обожение. Сие событие неизъяснимо велико. И дар сей стал возможен чрез Гефсиманскую молитву Христа, чрез Его смерть на Голгофе и Его Воскресение (см. Лк. 24, 45–47).

Гордость есть та мрачная бездна, в которую погрузился человек в своем падении. Склонившись к ней волею, он ослеп духовно и стал не-способным распознавать ее присутствие в движениях сердца и ума. Только нисходящий на нас нетварный Свет чрез веру в Божество Иисуса Христа дает узреть метафизическую сущность гордости. Благодать Духа Святого просвещает сердце человека, и он обнаруживает внутри себя наличие злокачественной опухоли, несущей ему смерть. Пережившим опыт божественной любви свойственно отталкиваться от специфического ядоносного запаха, которым пропитана страсть гордости. Отрывая от Бога, гордость делает человека замкнутым в себе кругом. Гордый, как бы ни был одарен интеллектуально, всегда и навсегда пребудет вне всеобъемлющей любви Христа. Опыянный в раю сладостным зельем люциферического само-обожения, человек обезумел и стал пленником ада. Обращенный к самому себе, как к

центру, он рано или поздно натолкнется на томительную пустоту; ту, из которой он вызван Творцом к жизни сей. Обратившись вне себя на искание компенсации в окружающем его мире, он претерпевает всяческие извращения, может стать способным на всякие преступления.

Неисчислимы формы выявления гордости, но все они искажают образ Божий в человеке. Вне Христа, без Христа — неразрешим трагизм земной истории человечества. Атмосфера Земли пресыщена запахом крови. На каждый день вселенная питается вестями об убийствах или об истязаниях побежденных в братоубийственных конфликтах. Мрачные тучи ненависти скрывают от взоров наших небесный Свет. Сами люди строят свой ад. Не без нашего тотального изменения чрез покаяние придет избавление миру: «избавление» от страшнейшего из всех проклятий — войн. Для смиренного носителя любви предпочтительнее быть убитым, чем убивать.

Дух наш бывает в состоянии благодарного восторга, когда открывается нам Святая Тайна, превосходящая тварный ум: Бог Живой, Которому можно говорить «Ты». Его величие нас пугает; Его смирение нас поражает. И сколько бы мы ни восходили в нашем влечении к Нему всей силой нашего существа, мы с радостью ощущаем процесс восхождения, но вместе с тем нам представляется Он все более недостижимым. И бывает, что мы изнемогаем, нас охватывает некое отчаяние, мы видим себя готовыми пасть, — и вдруг Он, уже неожиданный, с нами и обнимает нас любовно.

Бог удивительно странный. Душа как бы намеревается спросить Его: Где же Ты был, когда мне было так тяжело? Но не может выговорить своего вопроса, видя Его с собою. Смысл богооставленности — показать нам, что мы еще

не готовы; что путь еще не до конца пройден; что нам предстоит пройти через подвиг более полного истощания; испивать чашу, которую Он испил (Мф. 20, 22). Итак, в благоговейном страхе и в свете крепнущей надежды смиряется душа, и углубляется радость сердца о умножении познания путей Бога, Спасителя нашего.

Ум воображающий — непригоден для богословия. Зная вред от пребывания в сфере воображения, блаженный Старец Силуан подвизался предстать Богу ЧИСТЫМ УМОМ. Это состояние дается человеку в предельном для него напряжении покаяния, дарованного миру воскресшим Христом. Ни объяснить этого состояния нашего духа, ни дать пережить его посредством описания — нельзя. Многим оно покажется невероятным. Да, «человекам это невозможно... Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). Молитва ЧИСТЫМ УМОМ — редкое явление. Подступом к ней является прежде всего глубокая скорбь нашего духа, сознающего свое ничем невознаградимое лишение: разлуку с Богом. Печаль эта подобна агонии; болезнь сия острее ножа. Если нет при этом покаяния, то, полагаю, она (боль) может принять гибельный характер и, быть может, привести к смерти. При молитве же — это чудный дар Любви Божией. Мучительное борение пробуждает в душе прежде скрытую энергию молитвы, бьющей день и ночь горячим ключом. И неожиданно, непреднамеренно молитва достигает ЧИСТОТЫ. Тогда человек подлинно живет в светоносной реальности Святого Духа. И для Бога, и для самого себя он предстает в полной обнаженности своего существа.

В такой молитве дух наш вылечивается от зачарованности «призраками истины», от многих неясных влечений во мгле неведения.

С детских лет я вошел в молитву. Но настал такой день, когда на одной московской улице, утром, в мой ум врезалась мысль: Абсолют не может быть «личным», и вечность не может заключаться в «психике» евангельской любви... Станным было сие событие; сила мысли была подобна удару молота. Навсегда запомнилось мне то место... Я стал с некоторым насилием над собою отрываться от молитвы и склоняться к медитации не-христианского типа. Вскоре после сего, однажды ночью я был разбужен непонятным для меня образом. Я увидел всю комнату наполненную разорванными кусками вибрирующего света. Душа моя смутилась; я почувствовал отталкивание от сего видения; я бы сказал — нечто вроде неприязни, смешанной с некоторым страхом, подобным боязни аспида, вползшего в твой дом. Я вышел из моей комнаты в столовую, — провел там несколько минут и затем возвратился к себе. Света больше не было, и я снова заснул.

Несколько позднее, во время моих медитаций, возраставших в смысле сосредоточенности, я видел мою мыслящую энергию подобною свету, не-сильному; свет сей бывал внутри черепной коробки и вокруг нее; сердце же при этом не участвовало, живя отдельно от мозга.

Много лет спустя, уже после посещения меня милостию Бога Вышнего, я заметил, что Нетварный Свет — спокойный, целостный, ровный; воздействует на ум, на сердце и даже тело. При созерцании его все существо пребывает в состоянии, которого не знает «земля». Сей Свет есть свет любви, свет разума, свет бессмертия и дивного мира.

По моем новом обретении Христа, мой «восточный» опыт, длившийся приблизительно семь или восемь лет,

предстал моему духу как самое страшное преступление пред любовью Бога, Которого знала моя душа с раннего детства. Мною овладел некий священный ужас от сознания, что я, неверный и отступник, останусь навсегда недостойным ТАКОГО БОГА. Не без боли вспоминаю сейчас то страшное и вместе чудное время. Я молился тогда как безумный, со многим плачем, сокрушавшим и самые кости мои. При этой молитве внутри ощущался огонь, пожигавший во мне казалось бы все. Не знаю, как я выжил. Никогда не смогу я втиснуть в слова испытанных мною «огня» и отчаяния; а вместе и той силы, которая удерживала меня в непрестанной молитве крайнего напряжения годами. В то время я ничего не понимал. Теперь же не нахожу путей показать Богу мою благодарность за Его «крепкую руку» Святого Ваятеля: мне было тяжело; я действительно страдал во всех планах моего существа. Я удивляюсь Ему: Он преложил мое адское безобразие на нечто иное, менее далекое от Его неизреченного Света.

Мне были даны длительные часы такой молитвы, от которой я не хотел бы возвращаться в сей мир. Я утерял ее. Я в страхе: что будет со мною; обрету ли когда-нибудь утерянное.

Благоволение Бога ко мне выразилось в том, что Он дал мне БЛАГОДАТЬ ПОКАЯНИЯ (Лк. 24, 47). В начале этого страшного, но все же благословенного периода преобладала безнадежная скорбь в молитве, сопровождавшейся нередко ощущением ОГНЯ. Природу сего Огня я не узнавал; да и не искал я ему объяснения, так как ум мой влекся к Нему, Богу моему. Сей пламень огненный пожигал во мне нечто; это было не без боли. По прошествии многих лет, уже на Афоне, когда дух мой пребывал

в мире, вспоминал я ранее пережитое внутри как событие, переродившее меня и поставившее жизнь мою на новую орбиту, в сфере иного бытия. И благодарил я Бога.

Описываемое мною время отчаянного покаяния я склонен признать СОБЫТИЕМ, быть может, не только для меня. Как не удивляться: в прежнем совлечении моем временной формы бывания, я уходил куда-то далеко от обычной жизни. И вот, ТАМ Его рука настигла меня. Это был момент вторичного создания меня Его волею: я снова был вызван из «не-бытия» в свет жизни. Как странно все произошло, происходило.

В своих, оправданных нашим рассудком, движениях, мы не можем видеть «греха». Настоящее видение греха принадлежит тому духовному плану, из которого мы выпали в нашем падении. Грех осознается по дару Духа Святого совместно с верою в Личного Абсолюта, Творца и Отца нашего. Речь идет о наших личных с Ним отношениях, а не о чем-нибудь ином.

Чуден момент живой встречи с Ним. Да, я преступник против Его любви. Я не знал Его, как должно знать. Но я не могу сказать, что я неповинен в моем неведении. Душа интуитивно у всех нас ощущает некоторую борьбу с нашей совестью, прежде чем совершится внутренний акт склонения нашей воли к чему-то, что отрывает нас от Бога. Так было со мною в юные годы, когда я согласился с идеей, внушенной мне Врагом, в момент, описанный мною выше.

Если я буду разбираться во внутреннем процессе моего обращения к Богу после падения, то мне приходит такое сравнение: Свет Божий, Свет Духа Святого, еще не

зримый мною, откуда-то сзади далеко освящает меня, показывая то «место» духовное, в котором я пребываю. И имя сему месту — ад. Я не вижу Света, как такового, но он мне открывает глаза, чтобы узреть ту тьму, в которой я живу.

Я не могу понять тьмы, если нет противоположного ей света. Чрез невидимое присутствие сего Света создается положение, что я постепенно начинаю созерцать идею моего Создателя «прежде сложения мира» (Ин. 17, 24). Мое новое, еще только начинающееся познание Бога Живого приводит меня к узрению в Христе именно того образа, по которому мы созданы (ср. Быт. 1, 26–27). И сердце мое поражается печалью: «Вот каким должен быть каждый из нас, чтобы жить свое единство, нерушимое в веках, с Отцом всего сущего. О, горе: я лишен сего. Мне с детства была дана мысль о вечности; мне бывал дан некий опыт, или приближение к нему, т. е. опыту несозданного бытия. А я умираю в бессмысленном мраке моего невежества во всех планах».

Этот мрак стоял предо мною, как свинцовая стена, отделяя меня от Бога с непреодолимой для меня самой властью. Эту тяжелую стену Святой Апостол назвал «законом греха» (Рим. 8, 2). Бог наш есть Свет, в котором нет ни единой тьмы. Иначе говоря, Он отказывается соединиться с нашей тьмой. Мы должны очиститься от обладающей нами скверны, иначе мы не войдем в Царство Истины и Света (Откр. 21, 27).

С того часа, как мне была дана благодать покаяния, я осознал себя во аде. Как бы ни был по временам болезнен сей путь, другого к дверям Божественной Вечности для падших сынов Адама нет. Глубока моя скорбь за самого себя, но там, впереди, я вижу Свет. Мой восторг пред Богом мучает меня, когда я ищу выражений для него. Я

воспитался избегать высокопарного языка¹, а теперь мне все слова, все языки кажутся выцветшими красками, неспособными изобразить моей благодарности Богу.

Когда рука Божия, озарив сначала нас Светом, ставит нас на новый, дотоле неведомый «высокий» путь, то там мы встретим две грандиозных ступени: имя одной — «ад покаяния», другой — «ад любви». Покаяние связано с двумя заповедями: наибольшая из них: «Возлюби Бога всем сердцем, всею душою, всею крепостию, всем помышлением» (см. Лк. 10, 27). Мы не имеем сей любви, и велик для нас труд, чтобы стяжать ее. Следующая ступень, не менее болезненная, стоит в зависимости от второй заповеди: «Возлюби ближнего, как самого себя». Господь не совершил ни единого греха (ср.: Ин. 8, 46; Лк. 23, 41), и потому не имел нужды в покаянии. Но, взяв на Себя грех мира (ср. Ин. 1, 29), Он сходил во ад любви к ближнему, и сходил до последних глубин, т. е. до предельных измерений второй заповеди. Мало кто из людей познает сей ад, потому что мало в нас любви к ближнему, т. е. ко всякому со-человеку, ко всему от века множеству людей. Божественная любовь Христа истощает себя в служении именно всему человечеству от Адама до последнего, имеющего родиться от женщины. Он положил душу Свою за друзей и врагов. Если мы уразумеем подлинный смысл второй заповеди, то увидим, что мы еще не начинали нашего покаяния. А если бы было нам дано жить ее в возможной для нас полноте, тогда мы познали бы Единого Бога в Трех Ипостасях и наше бессмертие (ср. Мф. 16, 28).

¹ Приближаясь к зрелой юности, я встретился с кругом сильных людей, презиравших поверхностное красноречие: «Аркадий, не говори красиво: нам это неприлично...» (*Тургенев И. С. Отцы и дети*).

Пребывание во плоти весьма затрудняет ясно осознать-жить абсолютность стоящей пред нами задачи. Плоть всегда налагает некий покров не-совершенства и не-ведения. Однако при целостной вере, свободной от колебаний и сомнений, благодать Духа Святого дает горячо кающимся и опыт схождения во ад, и опыт ада любви, и воскресения души еще в границах жизни в этом теле.

Одна из весьма трудных живописных проблем для пейзажиста — голубое небо, непрестанно дивно вибрирующее; на цветных фотографиях его цвет может напоминать кузов автомобиля, окрашенный голубым лаком. Таким скучным, возможно, является в силу многих повторений описание моей духовной жизни, полной в действительности глубоких контрастов, никогда не теряющей своего динамического характера. Но я рискую продолжить взятый на себя труд — исповедать пережитое мною.

Живого Бога я познал с самого раннего детства. Бывали случаи, по выходе, вернее сказать — выносимый на руках из храма, я видел город, который в то время был для меня всем миром, освещенным двумя родами света. Солнечный свет не мешал ощущать присутствие иного Света. Воспоминание о нем связывается с тихой радостью, наполнявшей тогда мою душу. Из моей памяти выпали едва ли не все события этого периода, но Света сего я не забыл.

В начале зрелой юности я отступил от Бога моего. Преступлений, наказуемых государствами, я не совершил, но чрез мой ум, чрез мое сердце свободно проходили всякие гады, всех планов и родов.

Неосязаем Бог наш; невидим, непостижим; неисследимы и пути Его о нас промысла. Как Его нежная, но

могущественная рука уловила меня, когда я с упорством юного безумства устремился в меоническую пустоту? Огонь небесный проник внутрь, и сердце мое растоплено было его жаром. Мою покаянную молитву я приносил Святому Богу прижавшись лбом к полу, к земле. О, какого стыда я был исполнен в те годы. Я сознавал себя самым подлым преступником за мой гордый порыв превзойти Его. Мой грех против Его любви предносился мне в своей кошмарной сущности: как самоубийство, и притом не в плане тленной плоти, но как отпадение в вечности от моего Творца. Он в безмерности Своей любви желает дать мне светоносную беспредельность. Я же стучал в двери смерти не во времени, а за его гранями. Я ненавидел себя, и десятилетия проливал слезы от горя моего и стыда моего.

Я горько плакал (ср. Мф. 26, 75). Не знаю, а может быть и знаю до некоторой степени, как плакал Петр после своего отречения от Христа, и как, согласно преданию, он не забывал о сем всю свою жизнь, почему и взыскал, чтобы его распяли головою вниз. Правда, я не помню вовсе, чтобы у меня было отталкивание от христианства: я был увлечен идеею трансцендентального созерцания. Мне казалось, что я покинул нисший уровень жизни — психический, душевный: «люби Бога и люби ближнего». Когда же мне открылась духовная сущность моего внутреннего движения, а именно: повторение Адамова падения, тогда я ужаснулся, и молитва моя характеризовалась неприязнью уже к самому себе. В этой молитве мой ум не обращался на меня самого; я не анализировал моих состояний; я пребывал в великом трепете, почитая себя недостойным прощения. Я стоял как бы на страшном суде высочайшего трибунала: все мое внимание сосредото-

точивалось на моем Судье. У меня не было слов: я молился не оформленными словом воздыханиями сердца моего. Я не находил себе оправдания; во мне не было надежды. Быть может, вернее будет сказать: я молился с надеждою, которая идет дальше всякого отчаяния. В этой молитве я, бывало, терял ощущение моего тела. (Обнаруживал сие явление лишь после того, как снова приходил в состояние нормального мироощущения). Дух мой при этом входил в некую умную сферу, границ которой невозможно достигнуть; быть может потому, что их и нет. В этой духовной бездне душа моя искала только Бога. Я бывал один: не было «там» ни предметов, ни какого-либо другого личного существа со мною. Я как-то сознавал, что если Господь соизволит, то беструдно придет ко мне, где бы я ни был. И Он соизволил.

Назвать ли сию молитву «чистою», потому что дух мой совлекался всего тварного? Не знаю как описывать происходившее со мною, но в ней, этой молитве, существовал тогда для меня только Бог: во всем Бытии — только Он, и я, жалкий урод.

О ПОКАЯНИИ И ДУХОВНОЙ БРАНИ

Вся наша земная жизнь от рождения до последнего вздоха в своем конечном завершении предстанет как некий единый, непротяженный акт. Его содержание и качество возможно увидеть в один миг. Представьте себе сосуд идеально чистого стекла полный воды; с первого взгляда можно сказать — чиста ли вода или нет, и насколько. Так будет с нами по переходе в иной мир. Всякое движение, даже мимолетное, сердца или мысли оставляет некий след в общей сумме нашей жизни. Предположим, что за весь срок моего земного существования всего лишь раз чрез мое сердце пробежала злая мысль, например — убийства (ср. Мф. 15, 19). И эта единственная мысль останется темным пятном на теле моей жизни, если не будет извергнута чрез покаянное самоосуждение. Ничего невозможно скрыть: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего потаенного, что не вышло бы наружу» (Мк. 4, 22). Мы часто успокаиваем себя, думая, что никто нас не видел, или никто не знает, что мы мыслим или делаем. Но когда мы полны заботы приготовления к вечности, тогда все меняется, и мы стремимся освободиться от всякой тьмы внутри нас.

«Если мы говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1, 8–9). Чрез искреннее раскаяние с решительным самоосужде-

нием себя пред Богом и людьми внутренний человек очищается, и вода в сосуде, проведенная чрез духовный фильтр покаяния, восстанавливается в своей чистоте. Отсюда, когда я исповедуюсь, то обвиняю себя во всяком зле, потому что не нахожу во всем мире такого греха, которого я не сотворил хотя бы мгновенным прикосновением ума. Самая возможность такого движения моего духа является показателем моего греховного состояния. И кто может быть совершенно уверенным, что он вне власти посещающих его страстных идей? И где гарантия, что момент прикосновения ко мне недоброго помысла не превратится в вечность?

Доколе мы живем, есть еще возможность исправления; но что будет с нами по исходе нашем отсюда, мы еще не знаем. В плане материальном: масса, получившая достаточно сильный толчок, теоретически может по выходе из сферы притяжения земли, с большой скоростью вечно лететь в беспредельность космических пространств; не будет ли того же с душой? Увлеченная любовью к Богу, покинув тело, душа пойдет к Богу; или, обратное сему: оттолкнувшись от Бога, она двинется «во тьму внешнюю» (см. Мф. 8, 12): к нескончаемым терзаниям противоположного любви состояния? Итак, в меру нашей способности видеть самих себя, нужно чисто исповедывать наши грехи, чтобы не унести их с собою по смерти.

Чтобы побеждать злые мысли или хотя бы суетные, не всегда удачным бывает метод прямого сопротивления им. Часто лучшим способом является память о величии предвечного замысла Отца о нас. Знать о себе, что еще прежде создания мира мы задуманы как полнота совершенства, необходимо для того, чтобы жить должным образом (ср.: Мф. 5, 48; Еф. 2, 10; 1, 4–5). Умалять инициальную

идею Бога о нас не только ошибка, но действительно великий грех. Не видя в самих себе, ни тем более в брате своем непреходящего достоинства, люди становятся звероподобными в своих взаимоотношениях и легко убивают друг друга. О, какое парадоксальное смешение представляет собою человек: с одной стороны, он вызывает восторг удивления пред ним, с другой — горестное недоумение своей жестокостью и дикостью. Душа решается на молитву за мир, но сия молитва никогда не достигает своей последней цели, так как никто и ничто не может лишить людей свободы склониться ко злу, предпочесть тьму свету (ср. Ин. 3, 19).

Молитва, принесенная Богу истинному подобающим образом: «в духе и истине» (Ин. 4, 23), есть бытие нетленное, нерушимое. Психологически мы можем забыть о ней среди житейской суеты, но Самим Богом она вечно хранится (ср. Лк. 10, 42). В день воскресения и суда, все, что мы сделали доброго в течение всей нашей жизни, станет рядом с нами, оправдывая нас; и наоборот, все, что мы сделали дурного, обличит нас, если не было принесено соответствующего покаяния. Худые поступки и недобрые слова могут быть стерты с нашей души слезами покаяния, как бы это ни казалось странным и логически даже невозможным. Излечиваются, конечно, отрицательные последствия греха на нас, исчезает негативная сила совершенных нами действий по отношению к ближним; божественную силу воссоздается полнота жизни, однако не односторонним вмещательством Бога, а всегда в соединении с покаянием и расположением людей, потому что Бог ничего не делает с человеком без человека.

Участие Бога в нашей личной жизни мы именуем Промыслом. Сей Промысл вовсе не подобен языческому

року. В некоторые решительные моменты мы действительно сами выбираем из представляющегося возможным. Когда пред нами открываются различные пути, то, нормально, мы должны решительно двинуться к последнему искомому нами Благу. Сей выбор неизбежно будет связан с готовностью на жертвы. В таких случаях особенно ярко проявляется наша духовная свобода. Более часто, к сожалению, люди руководятся временными побуждениями, уклоняясь от указанного Богом пути в Царство Света. Так человек впадает в круг обманчивых страстей, мешающих ему узреть желанную зарю. При всяком выборе все же неизбежны страдания и жертвы. И когда мы избираем волю Божию, то всякая жертва уподобляет нас Христу: «Отче, о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Но не Моя воля, а Твоя да будет» (см. Лк. 22, 42).

Всем нам необходимо пройти через таинство смерти ради большего уподобления Христу. За этим, еще неизвестным нам порогом, Бог и Отец наш введет нас в область невечернего ДНЯ. Такова наша надежда во Христе, которая сбудется, так как все обетования Его неложны и непреложны, как показал это тысячелетний опыт Церкви нашей.

Евангелие — БЛАГАЯ ВЕСТЬ — и начинается, и заключается призывом к покаянию. И учение святых аскетов, Отцов Церкви и наших, пронизано сознанием, что всякий раз, когда человек приносит молитву Богу не как грешник, молитва его не достигает Престола Божия, потому что Сын Божий пришел призвать не тех, кто мнит себя праведником (ср. 1 Ин. 1, 8) и следовательно стоит вне истины, а тех, кто сознает себя грешником (Мф. 9, 13).

«Смрадное море, лежащее между нами и мысленным раем, мы можем перейти лишь на корабле покаяния, управляемом гребцами страха. И если кораблем покаяния, на котором преходим мы море мира сего к Богу, не правят сии гребцы страха, то мы утопаем в этом смрадном море... Покаяние — корабль, страх же — его кормчий, а любовь — божественная пристань... К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием, и когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога»².

Покаяние является основным фоном всей нашей аскетической жизни. Преп. Ефрем Сирин оставил нам нужную молитву: «...даруй ми зрети моя прегрешения». Опять и опять: видеть свой грех — есть духовный акт, чрезвычайно великой ценности для всех, кто ищет Лицо Бога Живого. Больше того: акт сей есть действие в нас Самого Бога, Который есть Свет.

За время нескольких десятилетий моего духовнического служения я с печалью убедился, что редки люди, уразумевшие чувством сердца подлинную природу греха. Обычно они стоят на уровне человеческой морали, и если когда поднимаются над ним, то все же недостаточно.

Из путей, ведущих к познанию нами грехов наших, наиважнейший есть вера в Божество Христа, ради которой нисходит на человека любовь Духа Святого. Познавший опытом святой огонь Божественной Любви естественно стремится пребыть в этом благодатном состоянии. И если он совершит что бы то ни было делом или только во внутреннем движении своем, последствием чего бывает ослабление чувства любви Божией, то самое сие умаление благодати, без всяких рациональных психоанализов,

² Преп. Исаак Сирин. Слово 83. М., 1895. С. 392.

является показателем отступления нашего от Правды Божией. Тогда он устремленно обращается к Богу в покаянной молитве, чрез которую приходит прощение, как восстановление в любви. И чем большею была познанная благодать в часы посещений Духа Святого, тем болезненнее и глубже бывает раскаяние. Такой человек живет пред Богом в простоте, как бы без рассудочных размышлений, водимый любовью и страхом Божиим; таковой может восходить даже до совершенства в святости, сам того не подозревая (ср. Лк. 17, 20).

Другой путь к познанию греха состоит в том, что дух человека ставит себя на суд слова Божия. Разумным контролем своего внутреннего состояния он убеждается, что не хранит заповеди, и в силу этого приносит покаяние. Чтобы путь сей приблизил его к искомому, необходимо усердно поучаться в законе Господнем, ибо «широка заповедь Божия» и «углубишася зело помышления Господни» (ср. Пс. 118, 96; 91, 6).

Совість людская и ум человеческий по своей способности проникать в область Духа стоят много ниже данных нам заповедей (ср. 1 Ин. 3, 20). Для полноты покаяния необходимо идти сими двумя путями — сердце и ум, — которые затем, в акте подлинной вечной жизни, сливаются во-едино. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), и Он знает Себя и нас абсолютным образом; и всё в Нем — едино. Так и человек должен достигнуть прежде всего состояния любви Божией, затем богопознания (1 Ин. 4, 7 и 8) и самопознания: проникновение в предвечную идею Бога о Человеке.

Для уяснения моей мысли приведу пример: преп. Симеон Новый Богослов пишет сам о себе, что ему многаяжды являлся некий свет, и он любил этот свет и тянулся к нему, но долгое время не знал: Кто есть сей свет? Нако-

нец, в один из моментов видения света он обрел в себе дерзновение спросить: Кто Ты? И получил ответ, и познал, что являвшийся, как Свет, был Иисус Христос. После сего он не только пребывал в любви, но и «знал» эту любовь. Соединение переживания и познания вносит в жизнь нашу достоверность.

Подобные опыты и других аскетов легли в основу учения Церкви о несозданной природе являвшегося им Света.

«И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах» (Лк. 24, 46–47). Велик невыразимо «дар покаяния»: с ним связано проникновение духа нашего в Тайны безначального Бога, Отца нашего. Не иначе, как чрез покаяние мы воспринимаем бытийно Откровение: каким прежде сотворения мира задуман Человек в предвечном Совете Святой Троицы.

Познание Бога вездесущего разумными тварями осуществимо повсюду. Но для стяжания его далеко недостаточно посредничество богословских школ и книг. Истинное познание неизъяснимым образом проникает в самое существо наше, когда Он с нами. Действенное пребывание Бога в нас означает введение нас в самый Акт Божественного Бытия. И именно этим путем сообщается духу нашему живое, никем неотъемлемое ведение о Нем (ср. Лк. 10, 42). Вернейшее средство достигнуть сего блага — покаянная молитва, дарованная нам по вере во Христа.

Без того, чтобы созерцать первую творческую идею Бога о Человеке; без того, чтобы переживать СВЯТОСТЬ

Бога, не придет к нам сожаление о понесенной нами в падении потере с должной силой. Мы можем страдать в нашем данном положении; мы можем отчасти и как бы с расстояния чувствовать Огонь Божий и чрез сие в соответствующей нашему разумению мере — каяться. Но совсем иное покаяние, уже тотальное, мощно захватывает все наше существо когда нетварный Свет дает нам видеть наш внутренний ад и вместе ощущать Святость Живого Бога.

В состоянии глубокого плача нашего о грехах чудным образом внутри нас воспринимается действие Самого Бога, отечески обнимающего нас тесно-тесно в любви Своей. Сей тонкий Дух неуловим нашими усилиями. Когда Он отходит от нас, мы снова погружаемся во мрак смерти; мы ищем Его, но Он, все наполняющий, ощущается в недостигаемой дали.

Когда я измеряю себя заповедями Христа: любить Бога всем существом и ближнего, как самого себя, тогда я не имею возможности судить: насколько далек я от стоящей предо мною цели. Мне кажется тогда, что я еще не достиг покаяния, пламя которого все же коснулось меня и дало о себе знать. В свое время поразили меня слова умиравшего Сисоя Великого явившемуся ему безначальному Господу: «Дай мне, Христе, время на покаяние»... Стоявшие около его одра братья спросили: «Ты ли еще не покался?» Святой ответил: «Поверьте, братья, я еще не начинал каяться». Для братьев слова Сисоя явились показателем, что он достиг возможного на Земле предела совершенства.

Парадоксальным кажется сие, но именно так воспринимается нами Божия безначальность. Томительная жажда Бога Живого, перейдя меру наших сил вынести, вырывает

наш дух из всего тварного и вводит в некую неизобразимую бездну духовного пространства, где ничего и никого нет, кроме Бога любви и видения Его беспредельности. Там не видится Свет, как таковой, но нет там и мрака, ибо бездна сия странным образом прозрачна, и умное око беспрепятственно уходит в бездонность, и никогда не достигает края.

Верующим свободною от сомнений верою во Христа, как Бога Творца и Бога Спасителя нашего, в покаянном порыве дается опыт и ада, и воскресения прежде смерти по телу. Покаяние не есть лишь мысленное действие, как перемена нашего интеллектуального подхода ко всему, совершающемуся в мире. Этой перемене, этому обращению нормально сопутствует чувство горечи за себя, как я есмь, сожаление сердца о моем разрыве с Богом Святым. Нет большего горя, чем сие сознание, при котором я вижу себя воистину худшим всех и всего. Все земные переживания временны, а отношения наши к Богу — вневременны. Выброшенные в просторы вечного Духа молитвою, исторгающиеся из ненависти к самому себе, мы молимся без возврата вниманием на себя.

Всякое созерцание божественных реальностей возможно не иначе, как если дух человека придет в состояние, в какой-то мере соответствующее созерцаемому. Действительно: может ли связанный когтями гордости иметь внутри себя пребывающим Смиренного Духа Святого? Возможно ли в судороге ненависти и прочих темных страстей видеть недомысленный Свет Божества? Или как «презирающий (хотя бы) одного из малых сих» (ср. Мф. 18, 10) — будет богословствовать о божественной любви? Итак, только пребывая ощутимо в благодати Духа

Святого удостоивается человек видения бессмертной славы и незаходимого Света.

Каждое истинное боговидение есть дар Великого Бога, делающего нас причастниками Своей жизни: смирения и мира, премудрости и ведения, любви и благодати. Через вселение в нас Нетварной Силы сообщается нам безначальная жизнь. В силу чего спасенные люди становятся «безначальными» (не по существу, а по благодати).

В пределах Земли суждение о степени дарований основывается на мере нашего подобия Христу в нашем мышлении, переживаниях, в наших молитвенных воздыханиях: «Ибо в нас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (см. Флп. 2, 5), Который «во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти от смерти» (см. Евр. 5, 7). Пребывая в Духе Христовом — мы становимся сынами Отца Безначального и богами еще отсюда.

Быть может, не лишне подчеркнуть, что для внешнего наблюдателя, не познавшего опытом христианской жизни, нет ничего достойного внимания в таком носителе невестественного Света. Верующий человек — чаще аскет в пустыне — может быть жалкий бедняк в своем физическом явлении, одетый по-нищенски, беззащитный пред лицом Князя мира сего, но по внутреннему духу он все же истинно велик. Царство, к которому он принадлежит по дару Свыше, не есть от мира сего.

В начале покаяния преобладает горечь, но вскоре затем мы видим, что в нас проникает энергия новой жизни, производящая чудесную перемену ума. Само покаянное движение предстает как обретение Бога любви. Пред ду-

хом нашим выявляется все яснее неописуемо великолепный образ Первозданного Человека. Узрев сию красоту, мы начинаем сознавать, какому страшному искажению подверглась в нас первичная идея о нас Творца. Свет, от Отца исходящий, дает нам «познание славы Божией в Лице Иисуса Христа» (2 Кор. 4, 6). Сам Он сказал об этом: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин. 6, 44). Благодать покаяния раскрывает в нас образ Сына Отчего. О, сколь болезнен сей процесс. В сердце наше проходит меч своим раскаленным концом. И как говорить об ужасе, который овладевает нами при этом? И как описывать сей акт воссоздания нашего Богом? Образ Единородного и Единосушного Отцу Сына и Логоса возжигает в нас сильное желание уподобиться Ему во всем. И снова мы оказываемся в парадоксальном положении: мы страдаем, но иным, неведомым прежде страданием. Оно, страдание сие, вдохновляет нас, а не убивает. В нем соприсутствует нетварная сила. Мы бываем брошены в Божию беспредельность. Мы в изумлении от совершающегося внутри нас события. Мы превзойдены величием его (события). Мы сжимаемся, мы у mažаемся до крайности в сознании о себе самих, и вместе с тем Бог приходит обнять нас, подобно евангельскому Отцу (см. Лк. 15, 20). Страх и трепет отходят от нас, давая место «удивлению Богом». Он облачает в драгоценные одежды; Он украшает нас высокими дарами; лучший из них — всеобъемлющая любовь. Наше первое, покаянное страдание прелается в радость и сладость любви; теперь любовь принимает новую форму: сострадания всякому существу, лишенному Света Божия.

Велик восторг еще и от того, что мы начинаем воспринимать волю Бога о нас; мы видим себя вовлеченными в творческий процесс Самого Бога; мы были сотрудниками

Ему в нашем собственном восстании от падения и искажений; и вот: Он поставляет нас быть Его «сороботниками» на Его «ниве». Такова последовательность возрождения нашего в Духе чрез покаяние.

Господь «во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти, и услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию, и совершившись сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного... О сем надлежало бы нам говорить много, но трудно изъяснять» глубины христианской жизни людям, не имеющим в сей дивной сфере должного опыта (ср. Евр. 5, 7–11).

Христос «для всех послушных Ему» сделался единственным путем и не отказывает им уподобляться Ему в молитве. Что скажу я, ничтожнейший из всех людей? За время долгой жизни моей и я «приносил Ему молитвы и моления с сильным воплем и горячими слезами». К этой молитве приводило меня мое отчаяние за самого себя, когда я ставил себя на суд заповедей Христа. Бывало, что мучительная горечь ненависти к себе, бросив меня в неизобразимую словом бездну, отступала затем назад, давая место светоносной любви. Я думал, что любовь моя становилась безвозвратной; мне казалось, что я лежал у порога «входа во внутреннейшее за завесу» (см. Евр. 6, 19), откуда никак не хотел бы возвращаться на покинутую мною Землю. Господь, однако, не благоволил взять меня.

Многажды вспоминал я Пророка Моисея, который после Откровения ему в «неопалимой купине» был послан в Египет и в течение сорока лет томился в болотной тине мелких страстей тех, кого надлежало спасать;

тех, которые сами того не искали. Говоря так, я вовсе не равняю себя ни с Пророками, ни с Апостолами или Отцами, но улавливаю лишь некую долю аналогии, без которой было бы невозможно ориентироваться на нашем пути. Бог по безмерному смирению Своему не отверг меня, но давал мне созерцать Его Нетварный Свет. Христос стал моей жизнью; я возлюбил Его и не представляю себе никакой параллели Ему: Он единственный для меня Господь и Бог. Почти непрестанно болею я сердцем, страшась потерять Его милосердие за множество моих преткновений. Не без спора с Ним, не без многочисленных попыток уклониться от Креста Его, я все же лобызаю его — Крест Христов — и как-то несу посланный мне, мой крест (ср. Мф. 16, 24).

И ныне я благословляю Бога моего, соблаговолившего дать мне возрождение в покаянии горячем.

О ДУХОВНОМ ПЛАЧЕ

«БЛАЖЕННЫ ПЛАЧУЩИЕ, ИБО ОНИ УТЕШАТСЯ» (Мф. 5, 4). Вот, вижу сердце мое в борьбе: как буду говорить о святом плаче моим современникам? Знаю, что они сочтут стыдом для взрослых плакать о чем бы то ни было. Да, действительно, стыдно плакать, но это только тогда, когда речь идет о вещах преходящих: о карьере, о имуществе, о привилегиях, или социальном положении или о здоровье и подобном сему. Но плач, о котором предстоит нам слово, касается наших отношений с Вечным Богом: он, плач сей, принадлежит иному плану бытия. Он вызывается прикосновением к нам Духа Божия. Он посетил... сердце исполнил нетленной любовью, ум же порастил новым видением... Он дух наш восхитил в сферы нетварного Бытия. Огонь Гефсиманской молитвы — сострадания всему страждущему тварному миру — приблизился к нашему хрупкому существу, и сие последнее целиком отдалось власти посетившей его Любви. Таким плачем плакали Апостолы и наши Отцы, воспринявшие небесное благословение. Огонь сей брошен на землю наших сердец Самим Христом (ср. Лк. 12, 49; 22, 44).

Весьма редко изливается на нас исходящая от Бога святая сила Его Любви в такой мере: невыносимо для нашего естества в его данном состоянии сие пламя. Обычно начинается наше возрождение явлением нам нетварного Света, открывающего нам видение тайны нашей разлуки с Богом, и сердце кроме плача — не имеет иной формы

для выражения своего умиления, печальной любви, пред Богом.

Наивен тот, кто думает, что путь вслед Христу возможно пройти без слез. Возьми сухой орех, положи его под тяжелый пресс и увидишь, как потечет из него масло. Нечто подобное происходит с нашим сердцем, когда невидимый огонь слова Божия опалает его со всех сторон. Окаменело сердце наше в своем животном эгоизме, и, что хуже, в своей гордой спазме. Но воистину есть такой Огонь (Лк. 12, 49), который способен расплавить даже крепчайшие металлы и камни.

Кто ни разу в течение своей жизни не испытал приближения к себе вплотную сего Огня, тот не поймет, о чем идет речь здесь. Первое слово евангельской проповеди: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17) — зовет нас к радикальному изменению всей нашей жизни. Это изменение осуществимо не иначе, как чрез слияние нашего огненного желания с воздействием небесного Огня, который смягчит наше сердце, и уже смягченное, оно перековывается ударами мощного молота.

Духовный плач по природе своей совсем иной, чем плач душевный. Он связан с непрерывной мыслью о Боге в болезненной печали разлуки с Ним. Страстный, душевный плач — убивает тело, угащает его жизненность, тогда как духовный очищает человека от смертоносных страстей и тем оживотворяет всего его. Горячим плачем очищается наш ум от страстных образов. Чрез него в душу нашу нисходит духовное мужество и человек поставляется превыше тревог и страхов. Чем глубже наш покаянный плач, тем основательнее освобождаемся мы от целого ряда кажущихся естественными нужд, от таких разрушительных страстей, как гордость и гнев. Внутри вселяется дотоле неведомая радость свободы.

Думать, что предписанное Евангелием преображение нашего естества возможно и без плача — может лишь тот, кто не восчувствовал убийственной власти над нами греха. От горького в первичном покаянии, плач затем становится слезами восторгающей Божественной Любви. И это есть знак, что молитва наша услышана и что ее действием мы вводимся в новую, уже нетленную жизнь.

Духовный плач — явление небесного порядка. Стараясь, и не могу припомнить — плакал ли я когда-либо в зрелом возрасте? А ведь жизнь моя совпала с грозными событиями нашего века. Много раз бывал я не только в трудных положениях, но и действительно смертельно опасных. Когда же чрез явленный мне Свет я узрел глубину моего падения, тогда стал приходить плач, которого я не мог остановить: он бывал сильнее меня в постигшем меня отчаянии. Сначала я плакал за самого себя в ужасе от моего падения. Позднее — за людей, не знающих Бога, охваченный состраданием к ним в их бедственном состоянии неведения Бога. На Афоне же и особенно в пустыне во время войны (Второй) я горько рыдал за мир в целом.

Долгое время в моем уме было: «Страшно впасть в руки Бога Живого» (Евр. 10, 31). И жуткая вещь — богопокинутость. Вне Бога Любви — все бессмысленно: душа видит себя брошенной во мрак смерти (ср. 1 Кор. 13, 1–3). Страх от этой тьмы мучителен еще и тем, что она не только вне меня, но присуща и внутри меня. Когда же Свет нетварный освобождает меня от моего внутреннего ада, тогда от меня отходит всякая страсть, и я понимаю, что Господь Вседержитель может и меня сделать господином по образу Его Господства: свободным от всякой чуждой власти, неуязвимым от какой бы то ни было злобы.

С переменной в моем внутреннем состоянии связываются перемены и в характере плача. По временам и сердце, и ум живут чудный покой, и слезы становятся «сладкими» от любви. Когда же Дух Господень отступает от меня, и дыхание бессмертной жизни угасает во мне, тогда некая тоска и даже испуг приходят в сердце. Молитва принимала форму томительного отчаяния, и я часами, бывало, лежал лицом к земле. Изнемогая, я переходил на жесткое ложе; слезы продолжали течь, а ум молчал в изнеможении.

Я хотел бы говорить о сих явлениях совсем просто, но тогда от читателя скрылась бы могучая сила сих «явлений», бесспорно превышающих меру человека, ибо суть дар Свыше.

«Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 24). Слова Христа: «в духе и истине» допустимо понимать в двояком смысле: в Духе Истины, исходящем от Отца (ср. Ин. 15, 26), и в духе и истине, свойственных кающемуся человеку (ср. 1 Ин. 1, 8–10). Дух Святой нисходит на человека, и сей последний, как образ Бога, под действием Божественной Истины и сам становится истинным.

Бытийное соединение наше с Богом Любви предполагает гармоничное слияние двух волей: Бога и человека. Само соединение совершается в состоянии любви. Бог — Личный Дух, и человек — личность (персона) соединяются во-едино в вечном Акте Божественной Жизни. Так познается нами Бог.

Стяжать сию Любовь есть конечная цель христианского подвига. Достижение сей цели связано с долгим и трудным путем. Но испытать посещение Божие в великой силе возможно по дару Свыше в какие-то моменты, когда душа,

в порыве раскаяния в грехах, становится восприимчивою к сходящему на нее от Бога Свету. Однако эти первые посещения еще не суть навеки стяженное состояние спасенных. Это еще только «неправедное богатство», которое может быть отнято за неверность. Сохранить же сию благодать, пребыть верным всему, чему она нас научила, невозможно без глубокого плача годами (ср. Лк. 16, 9–12). Кто думает иначе, с теми Отцы наши не согласились бы. И мы стараемся пребыть в унаследованном от них предании святой жизни.

Путь Господень таков: Он являет Себя человеку, нелестно кающемуся, и человек воспринимает Его Любовь во Свете нетварном вневременным образом. Мы повторяем все то же слово — Любовь, но в нем онтологически совокуплены и мудрость надмирная, и величие беспредельное с свойственным ему безмерным смирением, и красота всепобеждающая, и мир глубокий. Посещая человека, Бог тем самым делает его причастником Своего Бытия, неопикуемого земным словом. Нас объемлет одно желание: познannую Божественную Любовь стяжать так, чтобы она стала нашей натурой, неотъемлемой в вечности.

Когда Бог видит, что уже ничто во всем мире не сможет снова оторвать душу от Его Любви (ср. Рим. 8, 35–39), тогда наступает период испытаний, правда тяжких, но без которых остались бы недоведомыми глубины тварного и нетварного образов Бытия. «Жестоко» сие испытание: невидимый меч отрезает тебя от возлюбленного Бога, от Его невечернего Света. Человек бывает поражен во всех планах своего существа. Ему совсем непонятно: где причина того, что казавшийся в молитве, подобной Гефсиманской, уже окончательным «союз любви» сменился адом богооставленности. Ответ на сие недоумение находим в 12-й главе Послания к Евреям, особенно в стихах 26–29.

Но прежде и после всего мы имеем «пример» (Ин. 13, 15) в Самом Христе: на Голгофе, пригвожденный ко кресту, Он вопрошал Отца: «Для чего Ты Меня оставил?», и вслед за сим: «Совершилось! И преклонив главу, предал дух» (Мф. 27, 46; Ин. 19, 30).

Итак, для нас открыта Тайна Любви Божией: полнота истощания предваряет полноту совершенства.

Любовь, пламя которой брошено Христом в душу человека, имеет удивительное свойство: она поведет его по никому другому недоступным безднам и высотам; даст ему перебороть всякое страдание и даже смерть; бросит его множество раз в неописуемую беспредельность, где он будет «один», томясь увидеть снова Свет возлюбленного Бога.

Таков процесс очищения нашей природы, зараженной люциферическим ядом. Путь Христа ведет от относительного, вечно колеблющегося рода бывания к безотнositельному, непоколебимому Царству. Духу человека свойственно быть беспокойным в условиях отрезанности от совершенной любви Отчей — последствия падения. Образ Бога — человек — ищет святого, непреложного, абсолютного Блага. И кто сможет описать любовь к Нему? Где обретаются слова, могущие показать хотя бы тень того горя, которое испытывает душа от разлуки с Богом?

И ничто иное, как только святая любовь источает слезы из сердца христианина. Писание говорит, что Иисус, «... возлюбив Своих сущих в мире, ДО КОНЦА ВОЗЛЮБИЛ ИХ» (Ин. 13, 1). И лишь этим «до конца» объясняется Его кровавый пот в молитве Гефсиманской. Там, где нет любви, — нет слез, хотя бы аскетический подвиг принимал крайние формы: интенсивные медитации, длительные посты, суровые условия жизни в удалении от

прочего мира. Примеров тому не мало и на Западе христианском, и на нехристианском Востоке.

Когда смиренный дух владеет нами, тогда льются слезы из «глубины» сердца. Об этом плаче говорит Христос: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 3–4). Каким утешением? В данном случае — утешением, исходящим от Духа Святого, Которого Христос именовал УТЕШИТЕЛЕМ; утешением не психологического или физиологического порядка, но ОНТОЛОГИЧЕСКОГО, относящегося к Божественной вечности.

Если сейчас я уклонюсь от общих богословских и аскетических положений к некоторым «деталям» многовекового опыта христианских аскетов, то сделаю сие возможно кратко. Духовный плач меняет свой характер в зависимости от того состояния, в котором он — аскет — пребывает: бывают сладостные слезы от близости Бога Любви, объемлющего всего человека. Чаше же средний плач, в котором смешаны радость и печаль. В начале покаяния преобладают горестные слезы, порождаемые или сознанием своего рабства греховным страстям, или умалением ощутимой благодати, или горечью богооставленности. Возможен плач сострадания человечеству и даже всей твари. Во всех этих видах духовный плач оmyвает человека от всяких скверн, облепивших его в ходе повседневной жизни, обновляет в нем силу стремления к Божественному Миру. Плач любви к Богу приобщает его всего к Возлюбленному Владыке: ум, душа и даже тело — все сливается во-едино, в крепко слитом движении к несозданному Свету. Такой плач разрывает тесное кольцо земного быwania, изводя дух человека в сферы небесные освобожденным от насилия греховных страстей; сообщает нам опыт бесстрастия, освящения всего нашего «состава».

Отсутствие плача, по учению Отцов наших, есть показатель, что молитва наша еще не достигла своей первой ступени восхождения к Богу. Впрочем, после того, как истощатся физические слезы, может быть дана иная молитва, без слов, как тихое ощущение благодати Духа Святого внутри нас, — когда мир, «превысший всякого ума» (ср. Флп. 4, 7), наполняет сердце. Подобное тонкое созерцание объемлет человека обычно после молитвы, в которой он принес жертву любви к Богу до конца.

Духовный плач — изобилие жизни, бурно возрастающей от силы любви, тогда как «душевный» плач убивает земнородных. Промысл привел меня жить в стране, где люди воспитываются с детства не плакать; где плач презируется, как нечто недостойное цивилизованного человека. Нельзя не уважать сей культуры, но не следует забывать, что это относится к тому положению, когда ноги наши крепко приклеены к земной коре. И отцы-аскеты не плачут о лишении временных ценностей, и вместе они же настаивают на необходимости духовного плача, без которого не смягчится окаменелое в страстях сердце, неспособное любить евангельской любовью. Ум плачущего христианина всецело направлен в сферу Божественной вечности. Ибо только о сей последней говорится в заповедях Христа. Множество положений, несносных для живущих банальной жизнью мира сего, для плачущего согласно с заповедью Бога проходят незамеченными: его не устрашает бедность, его не низлагают оскорбления или унижения со стороны сынов века сего, ни иные удары временной судьбы; ибо не только ум, но и ноги его высоко подняты над землей. Он сострадает людям, печалится за них пред Богом, но не разделяет их интересов, будучи вдохновлен в своем стремлении к непреложной Истине.

Плач истинно духовный, есть следствие воздействия Духа Святого. Совместно с ним нисходит на нас Несозданный Свет. Сердце, а затем и ум обретают в себе силу включить в себя всю вселенную, любить всю тварь. Духовный плач не беспредметен: он направлен к Богу, и в Боге пребывая, человек в молитве о всем человечестве со слезами сострадает всему миру. Отцы советуют беречь сей дар хранением заповедей, чтобы не оскорбить Духа Святого каким-либо грехом, но его — сей дар — нельзя «культивировать», ибо он не заключен в пределах нашей тварной натуры: он есть благодать, а благодать Божия не в нашей власти.

Бывает — слезы любви даются в изобилии и текут ручьем. Но в периоды богооставленности внутри нас все иссыхает и едва набирается в глазу некая капля, похожая на капли горячей крови из раненого сердца. Кто не испытывал на себе действия Огня Свыше (Лк. 12, 49), тот не поймет сказанного.

Снова дерзаю напомнить, что аскеты стоят на суде Божиим со страхом: речь идет не о скоро преходящих вещах, но о вечности или во Свете Лица Всевышнего, или во «тьме кромешной» (Мф. 25, 30). В силу этого они становятся бесчувственными к своему земному положению: их ум в Боге, и когда приходит «утешение» от Отца светов, тогда плачущий легко прощает все неправды против него, потому что дух его вознесен от земли на небо, и в Духе Святом он становится способным любить даже врагов.

Один из старцев на Афоне в своих беседах о молитве говорил о разновидностях плача, судя по действию каждого из них на человека. Он насчитывал их до двенадцати. И я, как и все другие, познал разные виды плача за

многие годы моего отчаянного покаяния, но никогда мне не пришла мысль подсчитывать их.

«Но и ныне еще говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании» (Иоил. 2, 12). «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», — сказал Господь на все века. Да и Сам «Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти; и был услышан за Свое благоговение» (Евр. 5, 7). И для всех и каждого, стремящегося к Божественной вечности, предложит именно сей путь: «с сильным воплем и со слезами», чтобы спастись от содержащей нас смерти — греха.

КОЛЕБАНИЯ В ПОИСКАХ НЕПОКОЛЕБИМОГО

Христос — Живая Истина: «АЗ ЕСМЬ ИСТИНА И ЖИЗНЬ» (Ин. 14, 6). Жизнь безначальная, никем и ничем не ограниченная, не обусловленная, совечная Отцу, от Отца неразлучная, неотделимая. Его любовь и Его Свет — прикасались ко мне на ранней заре моей жизни. Однако и сей дар благодати не предохранил меня от скольжения в бездну мрака небытийного. На переломе созревавшей молодости я совершил великий грех: в безумном движении невежественной гордости я «оставил» Его ради иного, воображаемого Сверх-личного Абсолюта. Преодолев добрый навык молиться моему детскому Богу, я в часы медитаций стремился к абсолютному Бытию. Я совлекался, как мне казалось, всего относительного, что связано с различными формами: видимыми или невидимыми, чувственными или мысленными. Я упорно уходил во мрак неведения, чтобы чрез совлечение всего преходящего достичь Того, Что или Кто трансцендирует грани всего изменяемого, колеблемого. Случалось: я испытывал некий «покой» и не чувственно-плотски услаждался этим состоянием. При более полном порыве к неименовавшему, всетрансцендирующему Бытию-Небытию я видел мой ум как свет. Я не гнался ни за чем на этой Земле, кроме как к Вечному. Параллельно с этим я напряженно искал выражения в картине красоты, свойственной едва ли не всякому природному явлению. Тот период моей жизни кто-либо мог бы счесть полным вдохновения, но я вспоминаю его

далеко не с любовью: я понял, что я предавался своеобразному «упокоению», которое было по существу своему — самоубийством в метафизическом смысле.

Из этого ложного положения я никогда бы не вышел своими силами, но Господь пожалел меня и настиг, быть может, в последний момент. Сотворил Он сие чудо милосердия, посетив мое сердце, которым немалое время я пытался пренебрегать. Не вижу путей рассказать последовательно о духовных событиях того времени. Как бы вдруг — мне стало ясным до очевидности, что мое искусственное погружение в отвлеченную умную сферу не приведет меня к достоверному познанию о Перво-Начале всех начал. Чрез мои аскетические совлечения всего относительного — я не достигал реального единения с Искомым мною. Мои мистические опыты носили негативный характер. Не «чистое Бытие» представало предо мною, но смерть для всего меня, включая мое персональное начало.

Заповедь: «Люби Бога всем существом твоим и ближнего твоего, как самого себя» (см. Лк. 10, 27) неожиданным для меня образом встала пред умом моим в ее евангельском контексте: бытийное слияние с Богом совершается чрез любовь. И так, то, что прежде отвело меня от Евангелия: «любить» мне показалось «тогда», в «тот» странный час на московской улице, недостойным психизмом, — «теперь» проникло в сердце мое и ум как свет истинного познания: бытийное единение происходит в акте любви. Евангельское понятие любви идет несравненно дальше нашего психического или плотского понимания. Бог моего детства возвратился ко мне во свете разума.

Христианская жизнь складывается из сочетания двух воль: Божеской — вечно единой, и человеческой, подверженной

колебаниям. Бог открывает Себя человеку многообразными путями. Он не насилует воли людской. Если мы с любовью воспринимаем Его к нам приближения, то Он часто посещает душу с кротостью и смирением Своим. Может случиться, как о том свидетельствует история христианской веры, что Он явит Себя человеку в великом Свете. Душа, узрев Христа во Свете Его любви, влечется к Нему; она не может, да и не хочет противиться сему влечению. Но Он есть Огонь пожигающий нас. Всякое приближение к Нему связывается с болезненным напряжением. Естественно падшему естеству нашему уклоняться от боли; и мы колеблемся в нашем решении следовать за Ним. Пребывать же вне Его Света тоже становится отвратительным. И так — дух мой стоял пред двумя положениями: ложно смирившись, смешаться с окружающей нас действительностью и осудить себя на растрение, или принять страшный призыв Христа. Когда я избрал второе решение, тогда возродился я к жизни в Боге Живом.

Господь знает, с каким страхом написаны многие из страниц этой исповеди моей. На конце жизни я решаюсь сказать, что слова 33-го псалма оправдывались и на мне не раз: «Сей нищий воззвал, и Господь услышал его»... «Бойтесь Господа... ибо нет лишения боящимся Его». Далеко не радостно увидеть себя «нищим», осознать свою слепоту. До великой боли страшно услышать смертный приговор себе за то, что я такой — как я есмь. Однако в глазах моего Создателя — я блажен именно за сие познание своего ничтожества (ср. Мф. 5, 3). Сие духовное видение связано с открывшимся нам «небесным царством». Я должен увидеть Христа «как Он есть», чтобы сопоставить себя с Ним, и из сего сравнения ощутить мое «безобразие». Я не могу знать самого себя, если нет предо мною

Его Святого Образа. Сильным было и еще остается мое отвращение от самого себя. Но из этого ужаса родилась во мне молитва особого отчаяния, погружавшая меня в море слез. Я никак не видел тогда путей к моему исцелению; мне казалось, что мое уродство не может преложиться в подобие Его красоте.

И эта безумная молитва, потрясавшая все мое существо, привлекла ко мне сострадание Бога Вышнего, и Его Свет воссиял во мраке моего бытия. В глубоком молчании мне было дано созерцать Его благодать, Его премудрость, Его святость.

Чрез ад моей безнадежности пришло небесное избавление. Внутри меня раскрывались новые силы, иное зрение, иной слух. Неопишущее благолепие становилось доступным моему восприятию. Однако, сие не было «моим»: колебания в моем бытии еще не кончились: я выпадал из надмирного сияния; я возвращался к моей нищете. И все же я достоверно узнал, что оно — Святое Царство Христа есть вечная реальность. Ее, сию реальность, должно стяжать в долгом подвиге молитвы: «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11, 12).

Благословлять надо Бога, когда открывается нам, с одной стороны, действительная гибель, не временная только, но и вечная; с другой — неисповедимый Свет Божества. Писание говорит нам о «вечной муке» (Мф. 25, 46). Но в чем она? По настоящему мы еще не знаем всех различных форм мучения, возможных по исходе нашем из мира сего. Но опять то же Писание говорит: «...извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (ср. Мф. 8, 12). Так и мне представляется, что «вечные муки» не в том, что во аде нас будут жарить на сковородах некие мрачные и гнусные существа, но в том,

что мы окажемся недостойными войти в Святое Царство Любви Божией, единственно сродное нашему естеству.

«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» — таково начало проповеди Христа Иисуса (Мф. 4, 17). Чрез покаяние возрождается в нас сила жизни, — обновляется утерянное в падении Адамовом достоинство Человека; в покаянном плаче восстанавливается наша способность, убитая грехом, воспринимать исходящий от Бога — Святой Троицы — Нетварный Свет. Но что показал мне мой собственный опыт? Вот что: десятилетия моих рыданий над моим внутренним мертвецом — не сделали меня непоколебимым в жизни по Богу: грех в той или иной форме побеждает меня. Каждое скольжение в грех глубоко печаливает душу. Помимо сего — у нас, т. е. у меня, очень часто нет уверенности — насколько праведен я в моих действиях, или насколько я далек от истинно святой жизни. Особенно это при конфликтах с людьми. Нас преследует постоянное сознание нашей недостаточности, и мы говорим Господу: «Прости меня, недостойного раба Твоего» (ср. Лк. 17, 10). Конечно, как монах я научен осуждать себя за все, — «держат мой ум во аде». Но сие дело требует великого терпения. И только таким путем успеваем мы уменьшить число томительных для сердца и ума колебаний. Совершенная же непоколебимость — явится заключительным на вечность даром Бога, Спасителя нашего.

Единственно Христос дает нам разумение вещей земных и небесных. Вот, Он сказал: «Держайте, я победил мир» (космос) (Ин. 16, 33). Победил не как Бог, Творец всего сущего, но как человек. К тому же Он и нас зовет. Победитель космоса «человек Христос Иисус» (1 Тим. 2, 5), стал сверх-космическим. К победе над космосом приводит

жизнь по заповедям Евангелия; и мы, люди, можем победить и стать тоже сверх-космическими, т. е. богами, — но не иначе, как в Нем и Его силою. Нет во всем Бытии никого, кто бы раскрыл нам тайны Бытия в его беспредельности, как Господь Иисус. Нет никого, кто охватил бы в едином вечном Акте и Небо, и Землю, и Преисподнюю, как собезначальный Отцу Единородный Сын. Если мы следуем за Ним в решимости пребыть в духе Его учения, то и нам даются мгновения, когда осиянные Светом и мы в молитве обнимаем и Землю, и Преисподнюю, и даже Небо, и Вечность. «Иисус Христос вчера, и сегодня, и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

Насладившись вожденным Светом Неба, мы затем поставляемся в страшные положения: Дух Святой оставляет дом наш пустым, покинув нас. Нам уже казалось, что мы достигли Искомого, что мы созерцаем сокровенные от века Тайны в недрах Божества... и вдруг, мы снова подобны обнаженным нищим. Блаженны мы, когда от тьмы неведения и смерти переносимся в чудный Свет; но когда выпадаем из Света в нашу прежнюю тьму, тогда живем ее, эту тьму, с умноженным страданием. Пройдет не мало времени прежде, чем мы начнем понимать пути нашего Бога. В Своей безграничной любви к нам, Он жаждет причастить нас всеобъемлющей Полноте, но нам не приходится мечтать о достижении сей Полноты в пределах Земли. Здесь мы всегда как бы разорваны: тянемся всей силой к Вечности, но убеждаемся в неспособности нашего настоящего тела воспринять и нести с постоянством полноту. На какой-то час духу нашему Свет показывает беспредельность, но затем непременно удаляется. Правда, где-то в глубине нашего ипостасного бытия тускло, «как в зеркале», отпечатлевается явленное в миг, но вечное по существу. Господь воскрес, и воскресшее

тело Его приобрело свойства духа. Значит, доколе мы облечены не-преображенным чрез воскресение телом, доколе мы не избежим болезненных колебаний в следовании за Христом.

Человеку моего возраста нормальнее готовиться к смерти, а не писать. И кто я, чтобы говорить о том, как проходила моя жизнь в плане духа? В моем прошлом я никогда не имел подобной идеи. Больше того: я не располагался раскрывать мой внутренний процесс: я считал его следствием моего падения, которое затем предстало мне в своей инфернальной природе. Постигшие меня внутренние конфликты многим могли бы показаться не далеким от сумасшествия явлением, но я как-то интуитивно знал, что мой случай вне компетенции банальной научной психиатрии. Обратиться к профессиональным врачам было бы воистину непростительной профанацией.

Дни мои в общем объеме жизни моей проходили, скорее, вне широких контактов. В силу этого я не скоро прихожу к тем или иным выводам. Теперь, однако, я не боюсь серьезно ошибиться, предполагая, что в наше время миллионы людей самых различных пластов и национальностей живут в трагическом круге противоречий, в той или иной мере аналогичных моим. Ознакомиться с одним конкретным случаем, как мой, для некоторых из них может оказаться даже полезным.

В жизни каждого христианина духовный рост принимает специфический, свойственный только данному лицу ритм или последовательность. Но в основе всего лежит тот же самый Дух (ср. 1 Кор. 12, 4–11), следовательно та же самая конечная цель, выраженная в заповедях Христа, из которых заключительная: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Отсюда

случающееся на пути одного лица может совпадать с опытами многих других лиц той же веры, подвигающихся в разные эпохи, в различных не только внутренних но и внешних условиях. Та же самая заповедь о совершенстве дана на все века, всем людям, независимо от места, культуры, национальности и чего бы то ни было — условного, относительного. Иными словами: заповедям Бога свойственна абсолютность.

Духовная жизнь христианина носит исключительно динамический характер. Она никогда не статична: неисчислимо изобильна в своих манифестациях. С одной стороны — это является ее богатством, с другой — показателем еще не достигнутого нами совершенства: в жизни Самого Божества Святой Троицы — моменты динамический и статический сливаются в непостижимое для нас единство. И в этом «единстве» заключена истинная непоколебимость, обетованная всем, принесшим подлинное покаяние.

Бытие нашего мира приближается к моменту, когда «все мы изменимся во мгновение ока»; когда «воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают», когда «колеблемое преложится в неколеблемое» (ср.: 1 Кор. 15, 51–52; 2 Пет. 3, 12; Евр. 12, 26–28; Откр. 21, 1). Человеку будет дано пребывание в Божественной неколеблемости, вечно предельно динамичной. И это есть воистину «ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ».

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЗНАТЬ ПУТЬ

В начале моей жизни на Афоне, помню, я просил одного пустынника говорить мне о молитве. Усмотрев в моей просьбе желание услышать о великой молитве, он ответил: «Будем говорить о том, что в пределах нашей меры; беседа о том, что выше нас, может вмениться в празднословие». Устыдился я от его слова, но все же осмелился сказать: «Действительно я желаю узнать о более совершенном; о том, что превосходит мою меру. Но это не потому, что я притязая на высшее меня; нет; но потому, что мне представляется необходимым как-то узреть путеводящую звезду, чтобы проверять себя, на верном ли я пути. В древности мореплаватели ориентировались по невероятно далекой звезде; так я хотел бы иметь в духе видение истинного критерия, пусть чрезвычайно высокого, чтобы не успокоился на том малом, что до сего часа познал». Святой муж согласился со мною, что так мыслить не только допустимо, но и должно.

Я всегда терзался сознанием великой нужды разуметь: зачем я рожден в этот мир?.. куда все мы, люди, идем?.. что нам достижимо?.. где наш «конец»? Не знать всего этого — нестерпимый кошмар, нескончаемая мука. Предмет искания — велик. Но при одной мысли о полной недостигаемости Искомое я терял всякое вдохновение, и отчаяние охватывало душу мою: лучше бы мне не родиться. Спокойный внешне, я метался внутренне. Я не избежал хождений по чуждым христианину путям. Но

все было — мрак. Возросши, я встретился с Христом, Который сказал: «Держайте, Я победил мир» (Ин. 16, 33). И еще: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие ВОСХИЩАЮТ его» (Мф. 11, 12). И Он влил в сердце мое не покидающее меня вдохновение. Трудности не слишком пугали меня, но я понимал безумство дерзновения последовать за Ним: победить мир? Победу Христа сделать моей победой, к чему и призван каждый из нас? Если Он о Себе сказал, что «Он есть путь», то не исключено, что пред нами в какой-то момент встанет задание — единоборства со всем миром. Не был ли Он оставлен всеми (Ин. 16, 32), даже и Отцом? (Мф. 27, 46).

Скоро открылась необычность Христова учения. С одной стороны, я до боли сознаю мое ничтожество; с другой — стремлюсь к Безначальному. Молитва к Нему неуклонно держит дух пред Лицом Абсолюта, не отвлеченного философского порядка, как это было раньше для меня, а Живого и Личного. Открывается Христос, сошедший в глубины ада и затем восшедший на Небеса, сидящий «одесную Отца», носящий в себе всю полноту Бытия. И Он — наш Путь.

«Блаженны мы, Израиль, что мы знаем, что благоугодно Богу. Держай, народ мой...» (Вар. 4, 4–5). А мы, христиане, одаряемся Богом в безмерно большей степени, чем все пророки и праведники до пришествия Иисуса на Землю. Когда осознаем сие, то в благодарности восклицаем: «Блаженны мы, Новый Израиль, освященный род христиан, ибо Сам Господь благоволит соединяться с нами настолько, что и Он, и мы — становимся ЕДИНО» (ср. Ин. 17, 21–23).

Именно так свидетельствует и Сам Господь: «Блаженны очи ваши, что видят, и уши ваши, что слышат. Истинно

говорю вам: многие пророки и праведники вождели видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (ср. Мф. 13, 16–17). Апостол Петр писал: «Пророкам было открыто, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшими Духом Святым, посланным с небес, во что желают проникнуть Ангелы» (1 Пет. 1, 12). Павел же утверждает, что Апостолам дано Духом Святым познание тайны Христовой, которая «не была возведена прежним поколениям сынов человеческих»; что ему была дана благодать возвещать народам «неисследимое богатство Христово», всех просвещать благовествованием Тайны, от вечности сокровенной в Боге. Как и Апостол Петр, он указывает на столь великую глубину этой Тайны, что даже начальствам и властям небесных бесплотных умов должна была быть возведена чрез Церковь «многообразная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ чрез веру в Него» (ср.: Еф. гл. 3; Евр. 11, 39–40; 12, 22–24).

Естественно нам влечение к Высшему Благу, но шествие к нему начинается нашим нисхождением в преисподнюю. Покаявшийся Апостол Павел говорит о Христе: «...восшел, что значит, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, ДАБЫ НАПОЛНИТЬ ВСЕ» (Еф. 4, 9–10). И именно сие является нашим путем после падения.

В нашем сознании мы нисходим во ад, потому что с того момента, как нам открывается образ предвечного Человека, мы острее переживаем глубину нашего омрачения. Великая скорбь поражает все наше существо.

Вневременные страдания духа превосходят всякую физическую болезнь. В молитве последнего напряжения ищется помощь Свыше. Рабы страстей, оторванные от Бога, взываем из глубины: «Прииди и исцели меня от одержающей меня смерти... Прииди и изгони из меня всякую злобу... Прииди и Сам Ты совершай во мне благоугодное Тебе: ибо я бессилен сделать что бы то ни было доброе: я пленник ненавистной мне тьмы».

Гордость есть и злоба, и тьма. В ней корень всех грехов. Господь начал Свою проповедь на Земле призывом к покаянию. Греческое слово: μετάνοια значит — радикальное изменение нашего умного подхода ко всей жизни, — переход от старого мировидения к видению в «обратной», иконографической перспективе: чрез смирение восход к Всевышнему; ибо чрез гордость мы ниспали во тьму кромешную. Так начинается наше покаяние, которому нет конца на Земле: конец — в совершенном уподоблении Христу-Богу, вознесшемуся ко Отцу; в совершенном богоподобном смирении — завершение нашего обожения.

Когда Бог влечет нас, тогда молитва горестного покаяния становится всепоглощающею. В уме и сердце нет ничего, кроме жгучей жажды обрести Святого святых Господа. И неожиданно совершается чудо: приходит то, о чем и не думал, о чем не слышал, что и на сердце не приходило: в бездну нашей тьмы проникает луч несозданного Солнца (ср. 1 Кор. 2, 9). Возможно ли говорить о Свете сего Солнца? Он, Свет, утешает скорбную душу собственным ему образом; он умиряет взволнованное сердце; он просвещает ум новым созерцанием. Дотоле умиравшая душа воспринимает нетленную жизнь.

Дух наш жадно тянется к любви Отчей. Наш психосоматический состав включается в эту молитву, но может последовать за ней лишь до известного, доступного ему предела. Когда жажда приблизиться к Богу пожигает наше сердце, тогда молитва очищается от всего постороннего и сосредоточенно устремляется к искомому Господу. При этом мы можем утратить ощущение нашего тела и окружающего нас мира вещей. Не могу сказать, как это происходит, но знаю, что не всем было дано перешагнуть этот порог. Многие, достигнув сию грань, приходят в страх и отступают. Некоторые же, увлеченные ходом молитвы, не замечают ничего, и неведомым для них образом бывают «восхищены» в иную сферу бытия, забыв Землю. Рука Божия совершает это с такой осторожностью, что человек вовсе не улавливает самого момента, подобно тому, как это бывает при нормальном засыпании. Лишь по возвращении в обычное мироощущение догадывается он, что дух его исходил из обычной формы нашего существования и соединялся с Богом. После сего события все вещи Земли воспринимаются в их преходящей хрупкости. Душа же осознает смысл своего бытия в том, чтобы быть с Богом, в Нем, в Его вечности.

Читал я об одном несчастном случае на авиационном заводе. Один инженер испытывал работу нового реактивного мотора. Двигаясь кругом пущенной в ход машины, он, по неосторожности, попал в поток воздуха, который захватил его и, оторвав от земли, понес в направлении мощного двигателя. Ассистент инженера, увидев эту сцену, немедленно остановил мотор. Подбежав к упавшему на пол коллеге, он нашел его мертвым.

Ищущий молитву тоже может быть захвачен ее стремлением и оказаться вырванным из этого мира. Возвра-

тившись, он также бывает «мертв» для страстных интересов и материальных стяжаний: он не будет искать никакой карьеры; он не слишком печалится, будучи отвергаем, не гордится хвалимый; он забывает о прошлом, не прилепляется к настоящему, не заботится о земном будущем. Новая жизнь, исполненная Света, открылась ему и в нем; детские развлечения, занимающие огромное большинство людей, перестают интересовать его. И если мы о качестве жизни будем судить не по количеству приятных психофизических ощущений, но по объему наших познаний о космических реальностях и прежде всего — о Первой и Последней Истине, то поймем, что скрыто за словами Христа: «Мой мир Я даю вам», сказанными Апостолам всего лишь за несколько часов пред Его смертью на кресте. Сущность Христова мира — в совершенном знании Отца. Так же и с нами: если мы знаем Вечную Истину, лежащую в основе всего бытия, то все наши тревоги будут затрагивать лишь периферию нашей жизни, внутри же нас будет царствовать мир Христов. Никакое временное благополучие не может дать нам подлинного мира, если мы пребываем в неведении о Начале всех начал.

Редкие души обладают достаточным мужеством, чтобы сойти с утопанной тропы широких масс и жить по заповедям Христа в этом падшем мире. Из несомненной веры в Божество Иисуса естественно рождается духовное мужество. Следование Господу некоторых уверовавших довело до края неожиданно разверзшейся пред ними бездны без возможности отступления. Однако всем нам необходимо перейти, перенестись чрез нее (бездну), чтобы достигнуть Божественной вечности. Но что, в сущности, имеем я в моем уме? Глубокую яму неведения, — тугу безнадежности осужденных на смерть, — власть над

нами тьмы века сего (ср.: 1 Тим. 1, 13–14; Быт. 2, 17; Лк. 22, 53). Для полета над этой бездной нужна энергия благословенного отчаяния: действие благодати в нас принимает форму «решимости»: Свет видится вдали. Влекомые к нему неведомою силой, мы решаемся броситься в неизвестность, призвав Святое Имя Иисуса Христа, Бога Спасителя. И что же? Вместо того, чтобы разбиться головой о скрытые во мраке скалы, является некая невидимая рука, бережливо держащая нас над пропастью. Без этой дружественной руки Живого Бога ни один человек не может устоять в условиях тех бурь и превратностей, которые в подобные периоды обступают душу. Мы, из земли взятые, представляем из себя некую малейшую часть массивного тела человечества, из которого совсем не просто вырваться, особенно в наше время, когда едва ли не вся вселенная держится под контролем властей. Нельзя обратиться за помощью к князьям мира сего: за каждую их снисходительную услугу мы рискуем потерять нашу свободу (ср. Ин. 14, 30). Наилучший «риск» — по-детски довериться Промыслу Божию в поисках жизни, где первое место отдано Христу.

«Вы слышали, что сказано древним: не убей (Исх. 20, 13)... *А Я говорю вам*, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Втор. 5, 18). *А Я говорю вам*, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем... *А Я говорю вам*: не клянись вовсе... *А Я говорю вам*: не противься злому... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17–18). *А Я говорю вам*: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь

за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 21–44), «... кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном... ибо, *говорю вам*, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы НЕ ВОЙДЕТЕ в Царство Небесное» (Мф. 5, 19–20).

Был на мне страх нарушить заповеди Господни и таким образом погибнуть. В те годы, тяжкие, но благословенные, «жить» по заповедям евангельским во мне принимало образ — хождения по канату, натянутому через бездну, связующему два конца ее. Скоро это преложилось в видение распятых рук Христа, собирающих во-едино расходящиеся горизонталы мира: разделенные враждою народы. Все безмерно превосходило меня, и я бывал «распят» учением Христа. В ответ на отчаянную молитву мне представало висящее на Кресте тело Господа подобным чудному мосту между Небом и Землею. Путь христианина — распятие: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя; возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк. 9, 23). Так сливаются в душе и тонкая радость «узнать путь», и немалый страх от безмерности задания.

Невозможно рассказывать словами о страшной привилегии шествия по таинственному канату. Подобно тому, как те, что ушли от нас в иной мир, не пытаются своими явлениями поведать пребывающим во плоти о том величии, что раскрывается пред ними в новом плане.

Соединив в Себе и Бога, и Человека, Господь зовет нас следовать за Ним. На этом высоком пути дух наш, преодолев влекущие долу страсти, созерцает дотоле неведомые, невообразимые реальности Божественной сферы Бытия. Подобно тому, как тяжелое тело, выброшенное из пределов земного притяжения, попадает в условия

«небесной механики» и движется с невозможной на Земле быстротой, так дух наш вступает в бесконечность «умного» пространства, пронизанного Светом, свидетельствующим о безначальной Истине и о нашем бессмертии. Уму тогда даются созерцания исключительные по глубине и объему.

Прикосновение любви Божией к сердцу — первый шаг на берегу небесного конца бездны и новое Свыше рождение в вечности. Эта любовь воспринимается как Истина, как Свет, как Царство. Мысль о смерти, о врагах, о земном — выпадает из сознания, и в свободе от сих дух живет иную форму бытия.

По возврате в обычное мироощущение, душа бывает в печали об утерянном: она предпочла бы не возвращаться, хотя и не совсем отошло чувство любви Божией.

Христос даровал нам все: Он открыл нам величайшую тайну СВЯТОЙ ТРОИЦЫ; Он «показал нам Отца» (Ин. 14, 8–9); чрез Него мы получили и в опыте нашем познали Духа Святого, и можем непогрешительно судить о том, когда действует в нас именно Он, исходящий от Отца, Третья Ипостась, а не какой-либо иной дух, могущий еще неопытным показаться «владычественным». Чрез Христа и в Нем нам показан с чрезвычайной конкретностью и Человек в его первообразе и богоподобии. И уже нет у нас ничего и никого другого, кроме Него, кто явился бы основой для нашего бытия, взятого и в пределах земной относительности, и в Божественной Абсолютности. И слова Христа: «Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть вору и разбойники» (Ин. 10, 8) — звучат для нас в данном нам ясном понимании их правды. Но их надо понимать в той же перспективе, как мы живем и другое

положение: «Враги человеку домашние его» (Мф. 10, 36). Они — «домашние» — любят нас, и мы любим их; но нам нельзя последовать за ними, когда они препятствуют нам отдаться Богу. Постольку, поскольку они отклоняют нас от единого истинного пути, они становятся нашими «врагами», они «суть воры и разбойники».

Чрез жизнь по заповедям Евангелия, мы постепенно, правда — в болезненном процессе, но получаем разрешение многих извечных проблем человечества. Не удивляйтесь: это действительно так: в Нем спасение каждой отдельной личности, — в Нем спасение объединенных о Имени Его групп, и так же целых народов и всего мира (Ин. 4, 42; Мф. 12, 21). Нет, и не может быть такого положения, когда Он бессилён спасти. Говоря так, мы вовсе не мыслим, что Он непременно вылечит ту или иную болезнь, избавит от какой-либо беды, физической, моральной или материальной, от насильников и вообще от чего бы то ни было, что обычно почитается вредом или гибелью. Хотя и это все в Его руках. Подлинное спасение в том, чтобы во всех обстоятельствах устоять в Его любви, как Он Сам «соблюдал заповеди Отца Своего, и пребывает в Его, Отца, любви» (ср. Ин. 15, 10). Все мы знаем, чрез какие испытания проходил Господь, особенно в последние дни пребывания с нами. И, однако, перед самой смертью Он говорил Своим ученикам: «Сие сказал Я вам, да РАДОСТЬ Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15, 11). И еще: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43).

Всякая любовь проходит чрез испытания, и истинная дружба познается в беде. Когда любовь — крепче смерти, тогда она совершенна. После такой «пробы», необходимой

для всех нас без исключения, любовь чрез смерть в земном плане побеждает смерть в вечности и делает человека способным к «царству непоколебимому» (Евр. 12, 28).

Подвиг христианина в начале сосредоточивается внутри самого себя; но в своем завершении он становится молитвою за весь мир, за всего Адама. Первое движение любви идет к Богу; второе — к ближнему. Как к Богу Отцу любовь воплощенного Сына достигла своей абсолютности, так и к человеку Его любовь идет «до конца» (ср. Ин. 15, 10–15; 13, 1). И именно сие заповедано нам.

Заповеди Христа по существу своему суть самооткровение Бога. Выраженные в земных словах, они кажутся нам релятивными, но того, кто соблюдает их должным образом, они поставляют на грань между относительным и безусловным, конечным и беспредельным, детерминированным и самовластным. Следование сим не-насильственным повелениям далеко превосходит наши тварные силы. Необходимо, чтобы Сам Он, открывшийся нам Вседержитель, Своим действенным вселением внутрь нас возносил бы нас в свойственную Ему сферу безотносительного, никем и ничем необусловленного Бытия: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (ср. Ин. 15, 5).

ТАК говорит безраздельный Властитель всего сущего (Мф. 28, 18).

Божественное происхождение евангельских предписаний обнаруживается еще и из того, что хранящие их, независимо от уровня их внешней культуры, воспринимают Безначального в сердца свои: «...славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты... открыл (сие) младенцам»

(Лк. 10, 21). Апостолам, младенцам в человеческой науке, Христос дал реальное знание Предвечной Истины (ср. Ин. 17, 3).

Кто познал Отца, Который на небесах, в том уже пребывает вечная жизнь: «...радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 20).

Жить по-христиански невозможно; по-христиански можно только умирать, но смертью в земной форме нашего существования. Однако и это умирание не-легко, не-просто: оно есть те «тесные врата», тот «узкий путь», которые ведут в жизнь, но которые лишь немногие находят (ср. Мф. 7, 13–14).

Благовестие Христа невероятно превосходит все, что знает Земля. Как исцелить ту страшную болезнь, которою заразил Враг Человека на заре его явления в мир? (Быт. 3, 1–6). Каким путем возможно дать людям познать, что тот, до крайности необычный человек, — Евангельский Иисус Христос — есть подлинно Безначальный Бог, Творец всего сущего, открывшийся Моисею с Именем АЗ ЕСМЬ? Кто из «здравомыслящих» может дойти до такого «безумия», чтобы признать Богом — человека, умирающего на кресте посреди преступников?.. Но что сказать? Те, которые НЕ могут поверить в Божество Христа, никаким другим образом не достигнут их собственного обожения. Веровать способны — или дети, чистые сердцем, или те, что носят в себе, при всем сознании своего падения и ничтожества, интуицию о родстве с Богом. Веруют во Христа те, что верят в свое обожение. От возвышенного или приниженного понятия о Человеке зависит вера и неверие. Для верующего, крестная смерть Иисуса, т. е. как и за что Он был распят, есть сильнейшее свидетельство в Его, Христа, пользу. Смотрите, как воспринял сие Павел,

прежде гонитель. «Христос послал меня... благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить КРЕСТА Христова. Ибо слово о кресте для погибающих есть безумие, а для... спасаемых — сила Божия... написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну... Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, (явленной в творении); то благоугодно было Богу безумием проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут премудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие. Для самих же призванных... Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что безумное Божие мудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков... Мудрость мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего... но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог ПРЕЖДЕ ВЕКОВ К СЛАВЕ НАШЕЙ, которой никто из властей века сего не познал... Нам Бог открыл сие Духом Своим... мы приняли... Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (1 Кор. 1, 17–25; 2, 6–12).

Мы малодушествуем, но Христос говорит нам: «Держайте: Я победил мир» (Ин. 16, 33). Если Он победил «мир» (по-гречески «космос»), то это значит, что Он и как человек стал превышим твари — надмирным. И всякий верующий в Него, побеждающий в подвиге покаяния действующий в нас «закон греха» (ср. Рим. 7, 23), становится, подобно Христу, надмирным (сверх-космическим).

«Отче, слова, которые Ты дал Мне... и славу, которую Ты дал Мне, Я дал им... Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу

Мою, которую Я имел у Тебя ПРЕЖДЕ БЫТИЯ МИРА» (Ин. 17, 5, 8 и 24).

Чтобы созерцать эту славу, необходимо и самому быть в этой славе. Чтобы понимать хотя бы отчасти: «Кто есть Сей?» (Мф. 21, 10), непременно нужно уподобиться Ему чрез пребывание в духе заповедей Его. Кто не последовал Ему с полной верой, кто не возлюбил Его всем сердцем и всем умом, и потому не соблюдал слово Его, тот да не дерзает в своем малоумии судить Его, ни о Нем (ср. 1 Кор. 2, 14). Пусть молчание его будет честным, ибо нет у него никаких данных для суждения о Сыне Божиим и Слове Отчем. Если в области науки или искусства, чтобы достойно оценить гений артиста или ученого, нужно быть не слишком далеко от него, то то же самое и в сфере Духа. Но кто построил жизнь свою на камне учения Его, как на скале (ср. Мф. 7, 24–29), тот постепенно придет к уразумению: «Кто есть Сей».

Христос сказал: «НИКТО не знает Сына, кроме Отца; и Отца НИКТО не знает, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27). Значит обретаются такие, которым Он открывает. «НИКТО не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец». Стало быть — привлекает. «НИКТО не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 6, 44; 14, 6). Из сего видно, что «приходят» к Отцу чрез Него.

Человек воистину великая тайна. Создаваемый из ничтожества, он возводится к полноте нетварного Бытия. Бог так возлюбил человека, что отдается ему без меры, без границ. Как Бог превосходит все, что есть в космической реальности, так и человек, обоженный чрез вселение в него Духа Святого, драгоценнее всех галактик. Именно это сознание свойственно христианину, и вне сего он не

«может поступать достойно звания, в котором призван» (Еф. 4, 1).

Не есть ли подобное дерзание неумеренная гордость? Конечно, нет, если мы будем следовать примеру Христа: «Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13, 15). Если будем подражать Апостолам и Отцам нашим: «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11, 1).

В 16-й главе Евангелия от Матфея находим целостное учение об этом.

«...Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: *Ты — Христос, сын Бога Живого*. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах. Тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что *Он есть Иисус Христос*. С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что *Ему должно* идти в Иерусалим и *много пострадать* от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И отозвав Его, Петр (еще не познавший тайны путей спасения нашего) начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана; ты Мне

соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою спасти (сберечь), тот потеряет (погубит) ее; а кто погубит душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими, и тогда воздаст каждому по делам его. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царстве Своем» (Мф. 16, 13–28).

В этом евангельском отрезке нам даны самые существенные моменты откровения о «тесных вратах и узком пути, ведущих в жизнь». Когда многие из народа стали почитать Христа великим пророком, а Апостолы и «Сыном Бога Живого», тогда Он «начал открывать ученикам» о предстоящих Ему страданиях и смерти. На «человеческое» чувство Петра Господь дал решительный ответ: «Отойди от Меня», и продолжил учение о необходимости креста для всех последователей Его; доходит при этом до крайних идей: чтобы спасти душу для вечности в Царстве, нужно погубить ее в плане земных интересов. Достоинство души настолько велико, что если ценою приобретения всего мира, будет причинен ей вред в плане Божиим, то и все блага Земли не покроют понесенного духовного «ущерба». Свою Церковь, необоримую адом, Он строит на исповедании Его Божества. Если отнять от Него полноту Божественности, то ни Церковь, и никто вообще не сможет победить ни мира, ни преисподнего ада. И опять мы слышим слово о Его безначальном величии и власти, которые будут явлены некоторым из стояв-

ших в тот час там. Последнее совершилось на Фаворе, где Христос молился о Своем «исходе» на суд и смерть (ср. Лк. 9, 31); где нетварный Свет Духа Святого сиял Апостолов, и они увидели Моисея и Илию как служителей Господа, и услышали непостижимый голос Отца, свидетельствовавшего о предвечном Сыновстве Иисуса.

За короткий срок и Слава беспредельная, и схождение во ад. *И это есть путь для христиан*: они себя осуждают на муки, а в ответ воспринимают дар милосердия Отчего, для которого нет адекватных эпитетов. Таков в богатстве своем ИЗБЫТОК принесенной нам жизни Христом (ср. Ин. 10, 10): она, Христова жизнь, объемлет и ад, и Царство; она совмещает в себе и предельное страдание, и высочайшее блаженство. Она творит маленького человека великим, универсальным, богоподобным во всем... К сожалению, «немногие находят его» (Мф. 7, 14).

Дары Отца превосходят меру нашу понести их. Когда неисчетная сила нисходит на тленного человека, тогда, возможно, приступит к нему тот, кто пал в пароксизме своей гордости. Как избежать нам падения сего? Опять и в этом учит нас пример Христа, искушаемого в пустыне. Мы же вспоминаем еще и слова Его: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Мф. 11, 23).

Чтобы яснее нарисовать картину нашего христианского пути, подобно отцам прибегнем к методу аналогий. Когда мы смотрим на вековое дерево, высоко к облакам возносящее свою крону, то мы знаем, что сила корней его, идущих в глубину, должна соответствовать массиву дерева. Если бы корни не проникали в темные недра земли, быть может, настолько же глубоко, насколько

возвышена крона; если бы масса его корней и крепость их не были соответственными объему и весу видимой части дерева, то не могли бы они ни кормить дерево, ни удержать его стоящим: и малый ветер повалил бы его. Так и в духовной жизни человека. Если мы сознаем величие призвания нашего во Христе, т. е. нашего избрания в предвечном Совете Божиим для усыновления, и это прежде создания мира, то отсюда мы не возносимся в гордости, но действительно смиряемся. Движение вниз, во тьму крошечную, необходимо всем нам, чтобы устоять в подлинно христианском духе. Выражается оно в постоянной памяти о нашем изначальном ничтожестве, чрез самое жестокое осуждение себя за все. И чем глубже нисходит человек в своем самоосуждении, тем более возносит его Бог. «Глаголю вам... всяк возносяйся — смирится, смиряя же себе — вознесется» (Лк. 18, 14).

Весьма многие, не познавшие опытом благотворных действий молитвы, не знают, что чрез нее (молитву) духу человека раскрывается мир неопишуемого величия: и мрачные глубины ада, и светоносные сферы небес. Без веры в воскресение едва ли не всякое страдание становится тупым: лишенным смысла; оно способно укрощать строптивую душу, но не излечивает ее от скрытой на дне души гордости; оно обогащает опыт жизненный, но без молитвы не возводит душу к бесстрастию; постепенно убивает и тело, и сердце, и ум, без того, чтобы они усовершенствовались в познании Бога. Когда же прикоснется к душе Свет высшего мира, тогда все изменяется: замирают земные страсти, и дух восходит к созерцанию Вечного. Одаренный сим благословением, человек всякое земное положение (социальное, материальное и даже научное) воспринимает как временный «аксессуар», и вовсе не

заботится о своей земной карьере. И если удерживается в смиренном о себе сознании, то будет дано ему еще большее познание о тайнах будущего века.

Соединясь чрез молитву со Христом, человек внутренне, в сердце и уме, получает извещение, что в вечности все содержание богочеловеческого бытия дастся ему в неотъемлемое обладание. В силу сего всякое доброе дело, осуществленное кем бы то ни было, уже отсюда начинает радовать его радостью об общем спасении (ср. Лк. 15, 31–32). Слава брата будет и его славою. Видеть лица, прославленные Божественным Светом, — сладостно; и чем обильнее их осияние, тем прекраснее видение. Грядущее Царство святых состоит в преизбытке любви, предвкушение которой дается Богом еще отсюда. Любовь Божия — объемлет и ад. И мы знаем теперь, что наше схождение во ад в течение сей жизни — есть верный путь к совершенству.

Победа над адом имеет два периода: первый — преодоление его тьмы внутри нас самих; второй — есть свойственная Божеству сострадательная любовь ко всей твари. Да, сия любовь наполняет весь тварный мир и Духом Святым она сообщается спасенным людям. Вечность — не имеет «протяжения», но содержит в себе все протяженности веков; вечность беспристрастно включает в себя все просторы мироздания.

Наш земной опыт не достигает абсолютной полноты. Но это не умаляет его достоверности. Апостол Павел так говорит о сем святом событии: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... когда же настанет совершен-

ное, тогда то, что отчасти, прекратится... Теперь мы видим как бы сквозь (тусклое) стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю (совершенно), подобно тому, как я познан (Богом). А теперь пребывают сии три: вера — как начало любви; надежда — как ее созревание; любовь — в ее совершенстве. И любовь из них больше» (ср. 1 Кор. 13, 8–13).

Знание пути сохраняет нас живыми даже во аде, но это не делает наши страдания «воображаемыми»: мы мучительно живем убийственный мрак страстей, свойственный всем наследникам Адама падшего; но не становимся жертвами адского пламени: «и не отчаивайся». Не должно чрезмерно пугаться этого погружения во тьму, так как вне сего, после падения, недостижима полнота познания.

Как бы ни преуспевал человек в той или иной научной области, он никогда не должен забывать «элементарных», т. е. основных положений своей науки; так и мы, пока в сем теле, твердо держимся того метода, которому научены и отцами нашими, и действием в нас Духа Божия: несвободные от следов действующего в нас закона греховного, мы с гневом, с ненавистью к самим себе осуждаем себя на сгорание во тьме кромешной; ибо нет иного огня, который угасил бы в нас действие страстей. И что же? Когда горестная молитва обжигает наше нутро, и сердце изнемогает в своем терпении, тогда неожиданно приходит прохлада небесного утешения. Когда ощущение нашей тленности погружает дух наш в безнадежность, тогда вдруг нисходит на нас новая сила Свыше и облекает нас в нетление (ср. 1 Кор. 15, 54). Когда сгустившаяся тьма подавляет ужасом нашу душу, тогда необъяснимым

образом предивный Свет глубокую ночь превращает в ясный день, возносит нас на высоту и как сынов вводит в дом Отца.

Как объяснить сии контрасты? Почему наше гневное самоосуждение оправдывает нас пред Богом? Не потому ли, что в этом осознании всеподавляющей силы одержавшего нас греха есть подлинная бытийно правда? Такое покаяние, идущее к истокам всемирной трагедии (ср. Быт. гл. 3), открывает внутри нас «место» для пришествия Духа Святого, Духа Истины, Который вводит нас обновленными в светоносное Царство.

Как удивительны пути Божии. Сам человек не может их изобрести, но Дух, исходящий от Бога, Своим явлением освещает пред нами сей чудный доступ к вечному спасению.

«Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит; Он будет свидетельствовать о Мне... Он... наставит вас на всякую истину» (Ин. 15, 26; 16, 13).

Невозможно не петь гимна Богу, когда выйдешь из пламени покаяния, которое незримо переплавало нас для нового образа бытия, попавив все, что было тленного в нас, что тяготило нас, как нудное бремя. Как и кто будет описывать стояние в этом пламени? Как и кому можно предложить сей опыт? Пожелать всем и каждому человеку восход к Божественному Бытию — естественно; но кто стерпит адские муки, избежав последнего отчаяния? Обращение на меня самого, осужденного на жизнь в страшном для истории Земли веке, склоняет мой ум к убеждению, что для очень многих современников, быть может, и нет иного пути.

Я уже не раз дерзал высказать мой опыт: молитва тотального покаяния пред Творцом нашим проходит чрез все духовные испытания, возможные для тварных «по образу Бога» существ. «Образ и подобие» человека Господу — ясно говорит, что каждый из нас может стать «господином» не иначе, как если победит, конечно не своей силой, но верую во Христа (1 Ин. 5, 4–5), все, что населяет сей видимый и умопостигаемый космос (Ин. 16, 33). В книге Иова (Септуагинта, 1, 7) читаем: «И рече Господь диаволу: откуда пришел еси? И отвечав диавол Господеви, рече: обшел землю, и ПРОШЕД ПОДНЕБЕСНУЮ, се есмь». В Священном Писании часто под небом разумеется Божественная сфера, а поднебесная (Еф. 6, 12) — есть тварный мир... Нет такого места на Земле, ни во всем космосе, где бы возможно было избежать встречи с диаволом. И если сей последний контролирует не только нашу вселенную, но и весь прочий мир, как «Князь мира сего», то где бы мы ни оказались «местно» и духовно, он придет нас испытывать. Блаженный Старец Силуан при беседе о сем предмете сказал: «Ум с умом борется... наш ум — с умом врага...»³. Даже ко Христу, бывшему в пустыне, он приступил, искушая Его (Мф. 4, 1–11; Лк. 4, 1–14). Но перед молитвой Своей в Гефсимании, Господь сказал Своим ученикам: «...идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин. 14, 30)... Что же собственно я пытаюсь сказать? Да то, что на всех уровнях нашего восхождения к Богу враг будет преследовать нас и искушать. И когда мы сильно болеем во всех планах нашего существования или предадимся гордой о себе мысли, он пытается нас отвести от Бога.

Если не перечислять всех форм выпадающих на долю

³ *Архимандрит Софроний*. Старец Силуан. Париж, 1952. С. 70.

подвижника Христова мучений, что, впрочем, и невозможно, а только привести некоторые из борений с «умом врага», то не без страха останавлиюсь на некоторых из них. В десятой главе книги о Старце я написал следующее:

«Человеку с Богом не всегда легко. В период отнятия благодати, который обычно весьма продолжителен, Бог иногда может представляться душе беспощадным мучителем. Не достигая милости Божией, несмотря на предельно доступный для него подвиг и труд, человек страдает настолько тяжело, что, если бы было возможно, отказался бы вообще от всякого бытия.

В чем же его страдания? Ответить на этот вопрос — задача нелегкая.

Испытав Бога, познав жизнь во свете Лица Его, душа уже ни в чем в мире не находит себе ни покоя, ни удовлетворения, и ни на чем не может остановиться; и вместе все, кроме Бога, окружает ее. Все, что познала она, как зло, как тьму, всякое демоническое действие обуревают ее; и мучительство страстей по временам доходит до последнего напряжения; а Бог словно отвернулся от человека и не внимает никаким призывам его. Как самое беспомощное существо повисает он над страшною бездною, и кричит к Богу о помощи, но все крики остаются услышанными. Богу как бы безразлично до всех его страданий... Душа сознает правду суда Божия, но страдания ее от этого не умягчаются. Не воображением, но действительно погружаясь в сень смертную и не обретая с собою Бога, Которого зовет день и ночь, душа страдает невыносимо. (Такие дни богооставленности особенно избирает враг). Встает вопрос: зачем же все это?

Во время самого испытания душа не может воспринять его, как проявление милосердия Божия; как ДОВЕРИЕ Бога к ней; как желание Бога приобщить человека святости и

полноте бытия в Себе. Душа знает только одно: Бог оставил ее после того, как явил ей Свой Свет, и тем безмерно умножил ее страдания. И когда обессиленная вконец, она не видит Бога, склоняющегося к ней Своим милосердием, ТОГДА ПРИХОДЯТ ТАКИЕ МЫСЛИ И ЧУВСТВА, О КОТОРЫХ ХРАНИТСЯ МОЛЧАНИЕ»⁴.

Вот, предо мною труд: довериться ли зрелости наших современников и говорить с ними, как с жаждущими подлинного слова о совершенстве, или пощадить их младенческую немощь? Прошу всякого читателя этих страниц молиться за меня, чтобы не принести вместо пользы вред каким-либо душам.

Враг в подобных случаях возбуждает душу до бунта против Бога. Он, враг, имеет со времени падения власть проникать в самую глубь нашу, и там начинает обвинять Бога во всех терзаниях нашего мира, ибо ОН создал его, сей мир. Непонимание становится подобным тюремным оковам; и сердце, и ум возмущаются. Искуситель пытается толкнуть человека на крайности: делать все противное Богу.

Остановлюсь на этом. Некоторые из вражеских действий можно уподобить едким жидкостям на слизистую оболочку; другие — пронизывающему холодному или жгучему ветру; по временам, однако, мы бываем как бы защищены от всех ветров, и из нашего убежища видим лишь гонимые тучи, качающиеся ветви деревьев, и это дает нам возможность заключить, что ветры проходят, что они сильны, но все же не достигают нас. Мы тогда как свободные наблюдатели следим за мыслями, которые носятся в атмосфере, нас окружающей; но они не имеют власти над нами. И так бывает только с теми, которые познали

⁴ Старец Силуан. С. 85.

действие благодати; внутри которых заброшено божественное семя. А не-опытные похожи на профанов, которые вошли в выставочный зал или музей и не знают, какое произведение носит на себе печать высшего гения и какое посредственно и недостойно внимания. Часто их предпочтение на стороне последних ничтожеств.

«Наша брань против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (ср. Еф. 6, 12). Все сии духи «злобы поднебесной» стремительно атакуют смягченное покаянием сердце и пробужденный стоянием пред Богом ум. Они, сии духи, нагло проникают внутрь нас и действуют там таким образом, что у нас создается впечатление, что принесенные нам врагами мысли и чувства свойственны нам самим. Действительно, после падения мы носим в самих себе некоторые созвучия демоническим внушениям. В силу сего порыв покаяния достигает такой силы, что дух наш исходит из форм мира сего в умную беспредельность, и «там» единый пред Единым предстоит в своей наготе, без слов получая познание о характере падения нашего и о вечности Божией.

Павел, бывший гонитель Церкви и убийца верующих, имел в чем каяться. Полагаю, не безответственно, что исход или экстаз его совершился в броске отчаянного покаяния. Сам он так пишет о сем событии: «Знаю человека во Христе, который... в теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю, Бог знает, восхищен был до третьего неба... в рай, и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 2, 4). Он же к Римлянам писал так: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют

нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 35–39).

Не трудно понять, что Павел бывал в огне таких испытаний, которые вылились в приведенных словах его. В книге о Старце Силуане⁵ я, на основании опыта современных аскетов, приложил некоторые пояснения к словам великого Апостола. Я писал: «От любви Божией отрывают подвижника протесты рассудка... не могущего вместить или принять закон Христова Духа, который рассудку представляется безумием (ср. 1 Кор. 2, 14). В минуты богооставленности протесты эти могут приобретать чрезвычайную силу.

От любви Божией будут отрывать подвижника: иногда желание жизни, иногда страх смерти; иногда позывы к услаждениям, иногда болезни или голод, или гонения и другие страдания; иногда высота или свет каких-то иных откровений; иногда глубина и великолепие иных постижений; иногда величие каких-то иных обладаний, или широта каких-то иных возможностей; иногда видения ангелов и других небесных существ, иногда насилия страшных темных сил.

С большим основанием можно утверждать, что на пути к стяжанию Божией вечности, христианин встретит весь ряд возможных искушений и испытаний, так что... все пути человеческие ведомы будут христианину, в то время как его пути скрыты от чуждых взоров (ср. 1 Кор. 2, 15–16)».

⁵ Там же. С. 97.

Я знаю, что я ничто. Но при всем моем ничтожестве моя боль, мое страдание не кажутся мне недостойными внимания. И Господь, давший нам заповедь: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих» (Мф. 18, 10), не презрел моего взывания, «и услышал и спас меня от всех бед» (Пс. 33, 7). В моих безумных молитвах я бывал несдержанным, даже дерзким, но Он отвечал тихо и кротко, не уничижая моего невежества. Я, молясь, ждал ответа и вместе не смел надеяться на него. Сверх моих ожиданий — Он пришел. Особенно неожиданным был образ Его явления. Враги отступили. Он победил и их, и меня. Странно: впервые я познал неизрекаемую радость от того, что я был побежден.

Бог непостижимо велик. Мы слышим и читаем слова о Его величии, но совсем иное жить его, это величие. Никто и ничто не может как бы то ни было умалить Его безначального Господства, но Сам Он умяляет Себя также в непостигаемой нами мере: в нашей хрупкой плоти Он достиг абсолютности. Теперь я знаю по опыту моей жизни: Он жаждет нашего совершенства. Попуская нам тяжкую брань с врагом и с нами самими в нашем падении, Он хочет увидеть нас победителями. Если мы не отступим от Него даже в наиболее полном уничижении нашем от врагов, то Он неминуемо приходит. Победитель — Он, не мы. Но победа будет приписана нам, потому что мы страдали.

Нет в природе абсолютно идентичных повторений. Тем более нет их в бытии разумных существ. Каждый человек имеет сердце, созданное Богом «наедине» (Пс. 32, 15). Оно есть сердце данного лица-ипостаси, и как таковое — неповторимо. В своем конечном завершении каждая личность получит и конечное на все века ИМЯ,

ведомое только Богу и самому человеку, носителю сего ИМЕНИ (ср. Откр. 2, 17). Таким образом хотя и будет жизнь всех спасенных — ЕДИНАЯ, как Едино Царство Святой Троицы (ср. Ин. 17, 11 и 21–22), но персональное начало в каждом пребудет несводимым ни на кого другого.

Если эти данные Откровения верны, то явится понятным и то положение, что нет и не может быть единой для всех системы, программы или последовательности возрастания. Но это не значит, что нигде нет и общих основ. Так наблюдается одно почти неизменно повторяющееся явление в порядке духовной жизни нашей; не в деталях, но в принципе, а именно: при своем обращении к Богу человек получает благодать, которая сопутствует ему, просвещает его, научая многим тайнам сокровенной в Боге жизни. Затем НЕИЗБЕЖНО благодать отойдет от него, во всяком случае в своей «ощутимой» силе, и Бог будет ждать ответа на излитый Им дар. Это испытание верности имеет двойной смысл: один — необходимый для нас — проявить нашу свободу и наш разум; воспитать и довести, если возможно, до совершенства дар свободы для самоопределения нашего в плане вечности. Другой — дать Отцу нашему Небесному возможность ВСЕ, что Он имеет (ср. Лк. 15, 31), предать нам в вечное пользование, потому что всякий дар Свыше осваивается нами непременно в страдании. После того, как проявлена нами непоколебимая верность, снова приходит Бог и вселяется навсегда в человека, ставшего СПОСОБНЫМ вмещать Огонь любви Отчей (ср.: Ин. 14, 23; Лк. 16, 10–12).

Итак, хотя и нет общих рецептов для жизни в Боге, но есть некоторые основные положения, которые мы должны иметь в нашем сознании, чтобы путь наш мы совершили

с разумом, — чтобы не стали мы жертвою неведения путей спасения.

«Боже, Спасителю наш, не скрой от меня тайны путей спасения Твоего».

Для христианина, как мы его понимаем, путь к Отцу лежит только чрез Сына. «Все, что имеет Отец, есть Мое» (Ин. 16, 15). В предвечном рождении Сына, Отец излил в Него всю полноту Своего Бытия. Посему Сын во всем равен Отцу: Он исчерпывающая полнота выявления Отца: Он Его (Отца) жизнь, сила, могущество, власть, царство, мудрость, всеведение, творчество, любовь... «Видевший Сына — видел Отца» (Ин. 14, 9). «Ненавидящий Сына и Отца ненавидит» (ср. Ин. 15, 23). «Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3, 36).

Духом Святым, от Отца исходящим и в Сыне почивающим, познается Сын в Его (Сына) Божестве и в воспринятом Им человечестве. В том же Духе — живем мы Отца.

Каждое слово Христа есть не подлежащая людскому суждению истина. Повсюду мы имеем свидетельство о Его, Сына и Слова Отчего, единственности. И Сам Он подчеркивает сие категорическим образом: «Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники» (Ин. 10, 8). И относительно имевших и имеющих еще появиться после пришествия Христа, Он сказал: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: я Христос⁶; и многих прельстят... тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там; НЕ ВЕРЬТЕ. Ибо восстанут лжехристы

⁶ Христос – греческое слово, соответствует русскому: Помазанник; евр.: МЕССИЯ.

и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я НАПЕРЕД сказал вам. Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне; не выходите; вот, Он в потаенных комнатах; НЕ ВЕРЬТЕ. Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада; так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 4–5 и 23–27). Не может быть сомнений, что Господь отстраняется от ВСЕХ иных, мнимых «учителей человечества»: «Один у вас Учитель, Христос; все же вы братья» (Мф. 23, 8).

История знает о многих попытках в прошлом поставить Христа в один ряд с другими учителями, пророками и основателями религий; таковые попытки умножились в наши дни; приходится ожидать и в будущем. Все они сходятся в одном: отказе принять изначальное Божество Христа и, следовательно, признать Его абсолютный авторитет, как это сделал Первый Вселенский Собор (325).

Свет безначальный сообщен нам чрез воплощение Отчего Логоса. Там, где отвергнута «великая благочестия тайна» (1 Тим. 3, 16) сия, там не приходится ждать познания Истины. В христианстве соединяются и предельная конкретность, и конечная непостижимость Бога. Мы едим Тело воплотившегося Бога и пьем Кровь Его: мы становимся членами Тела Его (Еф. 5, 30). В общении слова Его — наш тварный ум сливается с предвечным Божественным Умом. И вместе с тем: «Бога никто никогда не видел» (1 Ин. 4, 12). «Царь царствующих и Господь господствующих... обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел, и видеть не может» (1 Тим. 6, 15–16).

Бога, Который в существе Своем превышает всякого понятия, всякого имени или образа, Церковь Христова знает в своем вековом опыте. И Отцы наши, чрез опыт

крайней для человека возможности, сделались причастниками сего познания, оставленного ими нам в наследие драгоценное, неотъемлемое (Лк. 10, 42). Смиренный Бог наш не презирует нашего ничтожества и не отказал нам в блаженстве знать Его в меру благоволения Его к человеку (ср. Мф. 11, 27).

Наш путь к познанию Бога лежит не чрез книгу, но через веру слову Христа; вера сия низводит ум наш в сердце, объятые пламенем любви ко Христу. Мы нисходим в бездонность сего океана, которым является сердце человека. Мы знаем труд сего погружения: оно обусловлено тяжестью страданий. Там на дне рука Божия нежно обнимает нас и возносит на Небо. Впрочем, и на Небо подъем возможен, если на то имеется энергия боли любви.

В этой книге я много говорю о «боли», и часто приходит мне боязнь, что не все корректно поймут этот аскетический термин. Та боль, о которой я пишу, есть лейтмотив моей в Боге жизни. Я не могу о ней забыть. Она вовсе не похожа на физические или психические боли, хотя нередко захватывает и сей нижний план. Это есть боль любви Божией, которая вырывает молящегося из мира сего, возводя его в иной мир. Чем сильнее эта духовная боль, тем мощнее тяга к Богу; чем динамичнее наше погружение в глубины безбрежного океана страданий, тем вернее восход нашего духа на небо. Когда же он, дух, введен в светоносную сферу небес, тогда боль прелается в так же несносимую радость торжествующей любви. Опять то же по существу положение: крайнее страдание сливается во-едино с предельной радостью. Именно это растяжение характерно кающемуся. Духом Святым он поставляется на непредвиденные рубежи, где ему сообщается некий зачаток Божественной универсальности.

Присмотритесь ко Христу: как Он жил в условиях Земли после падения Адама. В Нем сочетались Божеское могущество с немощной плотью. С нами происходит нечто подобное: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13). Что Господь есть по существенному Божеству, то человеки имеют по благодати. И тот, кто подобен Христу в своих земных проявлениях, тот естественно подобен Ему и в плане божественном.

Духовные страдания — реальность невесомая и большинству незримая. Любовь Божия порождает внутри нас целую гамму различных мучений духа, о которых следует говорить как о вышеестественных, метафизических. Внешне такие страдальцы могут находиться в условиях не худших, чем таковые у других людей, но душа их не удовлетворяется никаким богатством, никакой роскошью, ни привилегиями и властью, ни даже славой в мире сем. В своем влечении к Богу безначальному из тесноты настоящей данности страдает душа, ощутившая дыхание Духа Святого. Скорбь ее (души) острее, чем у матерей, плачущих над умершими детьми.

Первое слово Господа, по выходе Его из пустыни, было: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Он Сам и есть сие Царство. И вот, мы, люди, видим Его: Он встал пред нами так близко, что можно было не только видеть, но и «руками осязать» (1 Ин. 1, 1). И когда «осязаемый» образ предвечного Бога в величии Своей любви уязвит нашу душу, то последняя никогда не сможет забыть о сем чуде. «Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое найдя человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашедши одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел,

и купил ее» (Мф. 13, 44–46). В этих притчах Господь говорит о том, что я сейчас имею в виду. Узрев духом Красоту Бога, человек уже все, что имеет в пределах Земли, оставляет, чтобы стяжать то «сокровище», ту «жемчужину».

Когда Дух Святой являет духу нашему во Свете несозданном Божию действительность, тогда душа нуждается найти мужество поверить данному видению: оно безмерно превосходит все, что мы знаем в обыденной жизни. Переживший сие состояние может как-то понять колебания Святой Девы Марии при благовестии Архангела Гавриила. И только тогда, когда Ей были открыты и те страдания, с которыми связано Ее служение миру, «Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по глаголу твоему. И отошел от Нее Ангел. Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин. И вошла в дом Захарии, и приветствовала Елизавету. Когда Елизавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее, и Елизавета исполнилась Святого Духа, и воскликнула...: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?.. Блаженна Уверовавшая; потому что совершится сказанное Ей от Господа». Получив такое подтверждение истинности данного Ей откровения, Мария сказала: «Величит душа Моя Господа; и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем» (Лк. 1, 38–47). «...увидев Его, Апостолы поклонились Ему; а иные усомнились», ибо происходившее превосходило меру человека (Мф. 28, 17; см. также: Лк. 2, 35; Мф. 20, 22; Деян. 9, 15–16).

Свет нетварный сначала открывает нам наше состояние, которое ужасно; и мы сходим в нашем сознании в преисподнюю нашего ада и видим себя в нашем уничи-

жении, как мы есть. Но когда Свет приходит уже иным образом, во славе, тогда смирившаяся душа нуждается, чтобы Сам Бог взял ее в руки Свои и дал ей силу понести несказанный дар.

Грех начинается услаждением, а кончается трагической гибелью. Спасение от власти греха над нами начинается болезненным покаянием, но конец его — БЛАГОЕ ТОРЖЕСТВО. Не раз я слышал от людей нашего времени: «Я готов принять религию, если она дает мне радость». Но они думают о радости с самого начала их веры, что не всегда возможно. И те же самые люди действительно понесут огромный труд, чтобы создать для себя базу в борьбе за насущный хлеб или за некоторые привилегии. Еще больший подвиг необходим для артистов, чтобы усовершенствоваться в избранном ими роде искусства. Нередко даже всю свою жизнь поэты и живописцы, писатели и музыканты легко идут на всякие лишения из-за любви к искусству. Так и еще более с радостью терпят все те, кому дано было преимущество прикоснуться к небесному пламени.

Возьмем учение Христа: «Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное». Уже теперь «блаженны» они, или только в грядущем Царстве? «Блаженны плачущие; ибо они утешатся». Когда? «Блаженны алчущие и жаждущие правды; ...блаженны милостивые... чистые сердцем... миротворцы... блаженны изгнанные за правду... блаженны вы, когда поносят вас... злословят за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах...» (Мф. 5, 3–12). Возможно ли все сие осуществить без великой брани со своими страстями, без сокрушительного плача, без множества скорбей, без жгучей печали?

Конечно, нет. Но как это ни странно, лучи светоносного Царства Небесного уже с самого начала веры во Христа-Бога начинают нас достигать. «...Истинно говорю вам: **НЕТ НИКОГО**, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более **В СИЕ ВРЕМЯ**, и в век будущий жизни вечной» (ср.: Мк. 10, 30; Лк. 18, 29–30).

Все, о чем говорит Господь, стяжевается многими страданиями ищущей Бога души, влекущейся к Нему силою любви. Сия любовь устремляет дух человека к Богу с такой властью, что в нем прекращают действовать многие, усвоенные ранее рефлексy и реакции. Дух человека предстoит как ум — Уму Первому, в совлечении всего видимого, преходящего. Это состояние у аскетов называется «**ЧИСТОЮ МОЛИТВОЮ**». Человек при этом бывает вне земных категорий: он ни старьй, ни молодой; ни еллин, ни иудей, ни скиф, ни варвар; ни царь и ни раб; ни богат, ни беден; ни ученый, ни неуч. Даже больше того: ни муж, ни жена. Он тогда «новая тварь» во Христе Иисусе (ср.: 2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15; 3, 26–28).

Когда покаяние христианина достигает наибольшего напряжения, тогда он вступает в битву с «Князем мира сего» (Ин. 12, 31; 14, 30; 16, 11). Ум Врага — космических измерений. С ним у нас идет невидимая брань. С большим основанием можно сказать, что все, что есть в пределах духовного мира, встретит дух христианина, кающегося до дна. Так должно быть, потому что покаяние приближает человека к подобию Христу — ГОСПОДИНУ мира. Чтобы сообщилась человеку полнота богоподобия и в Господстве, он, человек, подвергается испытаниям на всех уровнях. Ему предстанет множество видений,

возможных и в не-христианских мистических опытах. Но встречается он со всем сим в иной перспективе, как бы «обратной»: то, чего ищут адепты иных учений, к чему они стремятся, что они принимают за истину, христианин переживает как выпад из подлинной жизни. Явившийся ему Свет Божий дает видеть бездны ада; но так, что он распознает ПРИЗРАКИ истины, влекущие к себе неопытного подвижника. «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас» (Мф. 24, 4). На чужих же путях состояния христианского духа — неведомы. Прежде всего в этом порядке стоит Свыше сходящая любовь, объемлющая со-страданием всю тварь.

Боль любви к Богу на краткие мгновения бывает похожа на боль сердца, пронзенного раскаленным железом. Но, — опять «но», сия боль срастворена с невыразимо сладостной и воистину всеобъемлющей любовью. Получается, что и боль, взятая только как таковая, и радость без боли — были бы смертельны для нашего психосоматического организма.

В моем конечном анализе, после десятков лет покаянной молитвы, я убедился, что было бы непоправимой ошибкой смешать описанную мною боль любви Христовой с явлениями патологического порядка. Страдания кающегося — не суть ни нервное расстройство, ни следствие неудовлетворенных страстей похоти, ни психологический конфликт, ни потеря разумного контроля; нет в них и какой-либо иной патологии. Совсем нет. Они, эти страдания, по природе своей принадлежат иному плану бытия. В некоторые начальные периоды они отражаются на всем человеке, т. е. и на душе его и теле, так что **ВЕСЬ** человек страдает; но духовные страдания по Богу не

убивают человека, а оживотворяют. Этим путем человек препобеждает последствия падения, — освобождается от живущего в нем «закона греховного» (ср. Рим. 7, 23).

Труден путь нашего возрождения, возврата в перво-зданное состояние. Но никак не оправдано никакое уклонение от сего подвига. Возьму для примера нашу эпоху с ее революционными движениями. Опыт, более чем полу-вековой, убедительно показал всему миру, насколько трудно и болезненно перейти от одного социального строя, несправедливого, созданного в условиях страшно-го падения человечества, к другому, тоже еще далекому от Божией Правды, кажущемуся все же менее жестоким. В этой страстной борьбе миллионы людей идут на всякий риск, вплоть до смерти. И все их «понимают». Возьмем этот пример, чтобы оправдать «риск» христианского аске-та. Да, не просто, не легко преобразается наша жизнь из тления в нетление, из временности в бессмертие.

Неизбежно одно из двух: или в погоне за психофизи-ческими наслаждениями и комфортом, удаляться от Бога, а следовательно умирать духовно; или в стремлении к сверх-природному образу бытия — умирать для мира сего. В этом «умирании» крест наш, наше распятие. Мно-гие в усилиях добиться реализации представляющегося им идеала — гибнут, хотя речь идет лишь о временном торжестве. Христианин же, в обретенной им в Боге свободе своего бессмертного духа, готов страдать за осуществление высшей истины. В этом его, христианина, достоинство, подобного которому не встречается в природном мире.

«И произошла на небе война. Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них. Но не устояли, и не нашлось уже для них

места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную... И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его... Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, И НЕ ВОЗЛЮБИЛИ ДУШИ СВОЕЙ ДАЖЕ ДО СМЕРТИ. Итак веселитесь, небеса и обитающие на них...» (Откр. 12, 7–12).

Любить Бога до ненависти к себе — есть совершенство любви. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Это есть любовь «до конца» (Ин. 13, 1). Кто приближается к сему великому порогу, тот достиг двери, ведущей в «непоколебимое царство» (Евр. 12, 28).

Чтобы стяжать сие царство, каждый должен помнить, что для всякого тварного «по образу Божию» духа предстоит перешагнуть «порог» страдания; страдания вольного ради святой любви. Без сего испытания нашей свободы, мы сами не сможем осознать себя воистину свободными персонами. С другой стороны, чтобы пребыть вечно с Богом и в Боге, мы должны научиться свойственной Ему, Богу, любви. Открыл нам сию тайну — Христос, воплотившийся Логос Отца. Без Его примера никто и никогда не познал бы сего таинства. «Перешагнуть порог» — значит переродиться радикально, стать «новой тварью», получить дар божественной вечности так, чтобы Божеская жизнь стала нашим неотъемлемым владением. Благодать изначальная ТАК соединяется с нашей тварной природой, что сии ДВА — становятся едино: и это есть ОБОЖЕНИЕ.

Благословение знать путь включает сказанное выше. Христианин, помнящий сие, перенесет «огненное искушение» (ср. 1 Пет. 4, 12), и даже, быть может, с радостью,

как это видим у святых мучеников. Не знать сего — опасно, потому что душа может поколебаться в любви Божией, в доверии к Нему в дни подобных испытаний и отказаться следовать за Христом, восходящим на Голгофу.

Резюмируя все вышесказанное, пытаюсь предложить сию воистину великую науку Духа в немногих словах: побеждай всякое земное страдание, погружаясь в большее страдание: «держи ум твой во аде»: осуди себя самого на ад, как недостойного Бога, но «не отчаивайся».

Сей подвиг приведет тебя к победе над миром (ср. Ин. 16, 33). Он возведет тебя в Царство непоколебимое (ср. Евр. 12, 28).

Какой предел сей науки на Земле? Он указан нам Христом, Который «смертию смерть поправ».

Да будет Имя Господне благословенно
от ныне и до века.

СУММАРНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЖИЗНИ НАШЕГО ДУХА

Подлинно христианская жизнь протекает «в духе и истине» (Ин. 4, 23). В силу этого она возможна во всяком месте, во всякое время, в любую историческую эпоху. Божественным заповедям Христа свойствен абсолютный характер. Нет и не может быть во всем мире таких условий, когда соблюдение их (заповедей) стало бы совершенно невозможным. Как Божественный Дух и Истина, эта жизнь, конечно, в своем вечном существе стоит выше всякой внешней формы. Но поскольку человек является в сей мир как «*tabula rasa*», постольку ему предстоит «возрастать, укрепляться духом, научиться премудрости» (ср. Лк. 2, 40), постольку создается необходимость в тех или иных организационных формах, в той или иной дисциплине ради координации совместной жизни и воспитания еще далеко не-совершенных людей. Отцы наши, Апостолы, да и Сам Христос, благодаря которым мы научились чтить истинного Бога, прекрасно знали, что, с одной стороны, жизнь Божественного Духа превосходит все земные институты, с другой — знали они и то, что сам Дух сей созидает Себе некое обиталище, имеющее в пределах Земли те или иные очертания, которые являются выражением Духа, сосудом для хранения Его даров. Сие чудное жилище Духа Святого есть Церковь, которая пронесла чрез полные всяческих тревог века драгоценное сокровище богооткровенной Истины. Оставим тех, которые, будучи недостаточно умудренными, становятся неумеренными

приверженцами именно «форм», отвлекаясь вследствие этого от заключенной в них духовной сущности. «Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода...» «будем взирать на славу Господню, преображаясь в тот же образ от славы в славу» (2 Кор. 3, 6 и 17–18). Назначение Церкви — ввести своих чад в сферу Божественного Бытия, Она — духовный центр нашего мира, глобально объемлющий всю историю, от сотворения первого человека до последнего, имеющего родиться от жены. Она — Церковь — союз любви Христовой в силу неразрывного единства с Ним. Выросшие в недрах Ее чрез долгий подвиг пребывания в заповедях евангельских до сознания свободы сынов Божиих, ни географическим местом, ни внешними традициями уже не связаны; общие обычаи и установления их не ограничивают, им не вредят. Пример Самого Христа: Он соблюдал заповедь Отца, не нарушая неудобноносимого бремени (ср. Лк. 11, 46) предписаний Закона Моисеева.

Много раз я прерывал мою работу, недовольный тем, что написал. Пытался выяснить причину этого явления и теперь, кажется, немного понимаю. Я поставил пред собою невыполнимую задачу: представить в книге то, что мне было дано пережить в течение десятилетий моего «ада покаяния». Ведомо, я не писатель. Вспоминая наиболее ясно уцелевшие в памяти события моей духовной жизни, я нередко бывал остановлен самой природой моего опыта. Думаю, что это не только моего опыта, но и всех других аскетов-писателей, древних и менее древних. Повторение в течение иногда длительного периода одного и того же, по существу, явления, едва ли не каждый раз оно слагалось в различных последованиях или из перемен в составе и содержании деталей: вступали новые элементы

в мои состояния или выпадали другие, ранее бывшие. Создавалось разнообразие, предложить которое в книге, где требуется систематическая организация всего материала, невозможно. Перечитывая мои первые заметки для более обширной книги, я то и дело замечал, что на одной и той же странице дан сгусток из многих тем. Некоторые могли бы быть отнесены к нескольким главам, например: о Покаянии, о Молитве, о Созерцании, о Свете или о Персоне и подобное. Иногда получается так, что если бы я написал каждую из мыслей на отдельном листе бумаги, то после было бы почти возможно оперировать с ними, как с картами в игре: смешивать в различных сочетаниях: одна и та же мысль могла бы войти в десяток смежных проблем. Пусть это не покажется карикатурой. Духовная жизнь подобна живой воде: иногда это малый ручей; иногда река или слияние рек; в других случаях это широкое море. То это музыка ручья, текущего между камней; то непрестанно вибрирующее, но все же спокойное течение могучей реки; то круговороты водные при слиянии двух стремительных горных потоков; то зеркальная поверхность вод, отражающих солнце и синее небо; подчас же, на великих пространствах глубоких морей тяжкие бури, после которых наступает величественная тишина в молчании лунной ночи. И при всем этом — воды одни и те же.

Дух человека при обращении к Богу всегда может воспринять от Него новые излияния иного бытия, иного познания; достигает границ времени, переходит в иные измерения, охватывает содействием Духа Божия земной мир, космическое бытие, века времен; прикасается и самой безначальности в молитвенном порыве к Безначальному.

Я не знаю такого опыта, который являлся бы как бы суммой, показательной для всех других, особенно, когда

речь идет о начальных и средних состояниях. Если и приближается моментами дух наш к более совершенному видению во Свете, то и сие совершенство все же лишь относительное, и в нашем земном движении оно не бывает непоколебимым. Словом, чрезвычайное богатство дарований Свыше не может быть представлено в хронологически и логически последовательной организации, и я оставляю эту заботу.

Метод Старца Силуана: ставить человека пред общим принципом, чтобы затем он сам мог себя контролировать и распознавать свои состояния. Вот некоторые примеры: «Кушать надо столько, чтобы после принятия пищи не прерывалась молитва и чувство Божьего присутствия» (ср. Лк. 21, 34); «*Всякое* начинание, на которое душа не решается испрашивать благословение Божие, лучше отложить; как и всякое дело, пред которым не идет несмущенная молитва — лучше не делать»; «Если при молитве привходит в сознание посторонняя ей мысль, то такая молитва не есть чистая»; «Если в сердце живет неприязнь к кому-либо, злопамятство, то спасение наше недостоверно»; «Если в нас нет любви к врагам, то мы еще в объятиях смерти и не познали Бога, как должно Его знать». И подобное.

Я решаюсь продолжить мое писание с меньшими требованиями к самому себе, предлагая мой более чем полувековой опыт в частичных проявлениях, в его связи с воспринятыми мною основными положениями нашей веры: Бог Любви — есть Троица единосущная и нераздельная; Абсолютное Бытие — Персонально, и наши отношения с Персональным Богом — также прежде всего персональные; Грех всегда есть преступление или уклонение от любви Отчей... Восстановление непорочности

и непреложности в веках союза любви с Богом достигается чрез покаяние. Полнота видения греха вне Христа и Света Духа Святого никогда и никем не достигается, не уразумевается; Путь к Отцу всего сущего — Христос, и усыновление наше возможно только и исключительно чрез Него и в Нем, как Единородном Сыне, Собезначальном Отцу и Духу. Плач всего нашего существа — нормальное состояние истинного покаяния. Чем сокрушительнее страх вечного разлучения с Богом, чем разительнее ужас от видения нашего безобразия, тем целостнее устремление нашего духа к молитве.

Чрезвычайность задания, стоящего пред нами, никак не должна отклонить нас от его выполнения. Если мы веруем, что Христос, Творец нашего естества, знает совершенным образом конечные потенции сего естества, то мы вдохновимся на подвиг. Согласно Откровению — мы избраны во Христе «прежде сложения мира». Апостолы и Отцы наши осознали это; почему бы нам малодушествовать пред таким дивным званием, пред которым все иные смыслы и цели бледнеют? Больше того: вне этой идеи все опустошается, и жизнь становится бессмысленной суетой. Христос явил нам Собою, как человек, достижимость святой вечности в недрах Отчих; невозможно нам отказаться от следования зову Его (ср. Ин. 16, 22 и 33). Конечно, мы не сильнее Апостолов, которые «ужасались и были в страхе», следуя за Господом, восходящим в Иерусалим для предстоящего над Ним суда и предания позорной смерти (ср. Мк. 10, 32–33). И мы знаем, что мы на войне. Но наша единственная война, которую мы избрали, есть святая брань с врагом, общим для всех людей, всего человечества, — смертью (1 Кор. 15, 26). В сущности нет у человека иного врага. Мы боремся за

воскресение; наше собственное и каждого иного со-человека. Господь «послал нас, как овец среди волков» (Мф. 10, 16).

В шкале духовных состояний христианина, и, быть может, прежде всего монаха, на нижней ступени лежит «тьма крошечная» (Мф. 8, 12), а на высшей — «Царство Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9, 1). Самодовольная ограниченность весьма многих, к сожалению, не только не способна воспринять подлинное христианство, но даже и отвращается от него. Однако, возможно и еще в наше время встретить подвижников благочестия, опыт которых приближается к всеобъемлющему. Они прошли чрез болезненность душевных колебаний, — чрез терзания совести от сознания своей порочности и неправды пред Богом, — чрез губительные сомнения и страдальческую борьбу со страстями. Они познали состояния адских мучений, тяжкий мрак отчаяния, оковы смертельного уныния, неподдающуюся описанию тоску и горестность богооставленности. Взыскавшему истинного покаяния дается также познать многие градации духовной радости и мира, вдохновенной веры, целительной надежды; к сердцу и уму молящегося прикасается огонь любви Божией и с ним видение немеркнувшего Света «грядущего града» (Евр. 13, 14). Утонченное постом и молитвою сердце легко становится прозорливым по благодати, когда ему открываются глубины душ и пути к исцелению покаянием. Иным видам прозорливости не уделяется внимание. В начале, обычно, нисходит благодать «смертной памяти»: это есть особое состояние, когда вечность стучится в сердце человека, пребывающего во тьме греха. При этом Дух Божий, еще не опознанный, еще неведомый и скрывающийся, сообщает духу человека трудно объяснимое

видение окружающего мира: сей мир, все космическое бытие, где с момента зарождения на всем ложится печать истления, представляется бессмысленным, погруженным во мрак смерти.

Сознанию испытанного христианина становится доступным Евангельское слово. То, что прежде казалось противоречивым, раскрывается как Божественная универсальность, как от века утаенная от нечистого ока святая Тайна. Слишком велик контраст нового понимания с предшествовавшим омрачением, чтобы выразить сие словом. Дух человека достигает двух пределов: АДА И ЦАРСТВА, меж которых движется вся духовная жизнь разумных личных существ.

Соберется ли дух вовнутрь от мучительного томления или от нашедшей на него небесной славы — молитва его становится подобною молнии, в миг прорезывающей вселенную от края до края. Освобожденный от власти над ним всего преходящего, дух легко восторгается в мир непреложный. Казавшееся смертельным страдание сплетается с нестерпимым блаженством.

Естество человека не выносит долгое время предельных состояний. Некоторые из них даются лишь немногим, лишь ОДНАЖДЫ. Но в данном опыте в кратчайший временной момент открываются такие сферы Бытия, о которых обычно люди и не подозревают: их сердце закрыто для восприятия святой Жизни Бога.

Начало победной борьбы с грехом состоит в удалении от мест, от лиц и обстоятельств, с которыми были связаны наши падения. Уход из мира, бегство в пустыню явятся положительным этапом в этом смысле, потому что там, в пустыне, мы материально, физически не можем исполнить делом многих грехов, например: насилие, обман,

клевета, любостяжание, распутство, невоздержание и подобное. Конечно, этого далеко недостаточно. Внимательный христианин и самое наличие в нем еще не преодоленных страстей, побеждающих его хотя бы только в начальных стадиях мысли (помысла), переживает как рабство греху и смерти. Помимо сего есть много грехов, которые независимо от их осуществления в видимой форме, губят нас, например: гордость, тщеславие, самовозношение, злопамятство и другие. Борьба с ними может быть весьма тяжкою даже и в пустыне, в полном одиночестве. Победа над всем — в смирении, уподобляющем нас Господу, бесстрастному и смиренному.

Бесстрастен Бог, и спасенные в Нем — бесстрастны. Смысл христианского бесстрастия в том, что человек освобождается от власти над ним «закона греха» (ср. Рим. 8, 2). Состояние бесстрастия характеризуется неотступным присутствием благодати Духа Святого внутри человека, Который свидетельствует духу нашему, что мы «перешли от смерти в жизнь» нетленную. Действие Духа Божьего познается в любви, ибо «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4, 16). Эта любовь бессмертна по роду своему. Она не умалется от страданий; но ей свойственно со-страдание. Поставляя человека вне смерти, она, сия любовь, ЕСТЕСТВЕННО полна сострадательной жалости даже и к врагам. Она не боится убивающих тело: она их жалеет, как лишенных Света истинной жизни (ср. Мф. 10, 28). Так научены мы разумевать вещи Святыми Отцами нашими, и сами живем сие разумение как истинное.

Рожденные в этом мире, мы связаны с ним крепкими узами родства. Мы любим его; в пределах его мы строим нашу вечность; но мы страдаем в нем: он тесен для

заповеданной нам любви. Мы не можем не любить мира сего, но это не значит, что мы пойдем его, падшего мира, путями. Мы не можем не любить мира, но когда влечение к нему препобеждает нашу любовь к Богу, тогда мы должны найти в себе силы поступить подобно Аврааму: взять в руки огонь и нож, и принести в жертву все дорогое нам ради торжества любви Божией в нас (Быт. 22, 6).

Благословение Творца пребывает в мире сем — там, где его благодарно принимают. Но даже и в своей благословенной части он — мир — никак не является нашей последней целью. Мы томимся здесь святым томлением: нас влечет зов Отца надмирного. Мы сознаем, что та сторона нашего существа, которая стремится к Нему, и сама в себе становится надмирною. Мы знаем, что Бог призвал нас к соучастию с Ним в Акте творения Им бессмертных богов. Мы сами тварь, но Господь Иисус Своим явлением на Земле, учением Своим, примером Своим, творит нас подобными Ему. Завершается в нас подобие Единородному Сыну вселением в нас Духа Святого. Таким образом становимся мы также сынами Вышнего (ср. Лк. 1, 35). И все, что говорит Христос о Себе в Своем воплощении, может быть отнесено и к нам: «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам» (Ин. 5, 19–20).

Двойствен человек: он и в мире сем, он же и превосходит сей природный мир. В нисших формах своего земного существа он является «вещью» сего мира, и как таковая — он детерминирован. Как ипостась, образ Ипостасного Бога, он идет дальше всякого определения. Отсюда у нас

двойственное сознание о самих себе: мы — ничтожество, из «ничто» взятое, мы же величие в благодати спасения. В нас сожительствовают зависимость и свобода, — тленность и бессмертие, — рабство и царственность. В своем падении люди стали жертвой пагубной аберрации: почитают величием то, что в очах Бога есть «мерзость» (Лк. 16, 15); чуждаются и презирают то, что драгоценно пред Ним (1 Пет. 3, 4; Лк. 1, 52).

Чтобы быть христианином, человеку нужно дерзновение, пред которым блекнут все иные дерзания. «Человек Христос Иисус» победил мир и нас зовет к общению в Его вечной победе (1 Тим. 2, 5; Ин. 16, 33). По вознесении Своим Он уже как Человек воссел «одесную Бога» (Мк. 16, 19). Всем нам необходима великая сила апостольской веры или простота младенца, чтобы воспринять без колебаний сие призвание. «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил, и сел со Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо да слышит...» (Откр. 3, 21–22). «Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, ВЕРА наша...» (1 Ин. 5, 4).

Кто пытается следовать за Христом, «куда бы Он ни пошел» (Откр. 14, 4), тот неизбежно будет потрясаям многаяжды: при каждом восхождении своем от меньшего к большему познанию, — от меньшей меры любви к большей. Не вмещаем мы Его всемогущества сердцем нашим; не постигаем мы Его беспредельности умом нашим. «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — Мои пути, говорит Господь» (Ис. 55, 8).

Как часто останавливаемся мы в изнеможении уразуметь Его волю, Его первую и последнюю мысль о нас. Не

легко покидаем мы «наши пути» и с великим трудом обретаем «Его пути». Едва придет момент, когда нам кажется, что ВОТ, начинаю я немного видеть, а Он уже показывает, что Он далек неизмеримо. Напрягается душа до предела своих сил; изнывает дух мой; ужас охватывает всего меня пред открывающимися безднами богопознания; ищу подкрепления в слове Божиим, и что же? Падаю на: «Еще раз поколеблю не только землю, но и небо»... Зачем? «Ради изменения колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое (Евр. 12, 26–27).

«Господи, я немощен. Ты знаешь сие. Со страхом ищу я путей к Тебе. Не презирай меня; не удаляйся от меня в падении моем; приблизься и ко мне, ничтожному, но жаждущему. Вселись в меня и Сам Ты совершай во мне все, что Ты заповедал нам; сотвори меня Твоим на веки вечные в любви непоколебимой».

Божественная жизнь для нас недомыслима. В силу этого мы обычно говорим о ТАЙНАХ БОЖИИХ. Это, однако, не значит, что Господь нарочито скрывает от нас некоторые стороны Своего вечного Бытия. Конечно, нет. Нам, как творимым из «ничто», следовательно, как лишь «потенциям», предстоит известный процесс созревания и становления в Истине, чрез постепенное познание Тайн. Путь такой: все дары Творца суть чистые дары, ибо мы ничего не имели до нашего явления в сей мир, да и самое бытие наше мы получили из Его рук; но усвоение дарований связывается с болезненным напряжением всего нашего существа. Только при этом условии дается возможность Богу приписать нам самое стяжание их: даровать нам исходящую от Него жизнь в полное наше обладание на всю вечность: Его жизнь становится нашей жизнью.

Безначальный Абсолют — Бог, открылся нам как Персональное Бытие. И мы создаемся как потенциальные персоны. Познание нами, тварными персонами, Бога — есть двухсторонний акт: Дающего и воспринимающего. Оно, сие познание, всегда носит персональный, не «объективный», характер. Мы — образ Божий, носим в себе непреодолимое стремление к разгадке открывающегося нам Самосущного — Божественного Бытия.

По сотворении Человека Господь уже не действует Один, но всегда с согласия сотворенного. Процесс нашего завершения складывается из встречи двух волей: Творца и творения; двух персон: Бога и человека. Познание о Боге Живом сообщается нам в акте соединения нашего с Ним в самом Бытии Его. Подобный акт «соединения» есть следствие взаимной любви, открывающей сердце наше, все существо наше в полноте его. Если же мы отдаем Ему лишь часть нашей жизни, то не должно ожидать, что Он, Безначальный, откроется нам во всей Своей Полноте, и притом навеки неотъемлемым образом. Господь неисповедимо щедр, но Он считается с мерой нашей самоотдачи Ему; иными словами: Он отдается нам настолько, насколько мы ГОТОВЫ в нашей свободе Его принять.

Бог так сливается с человеком, что последний живет Его как свою жизнь, и вовсе не как «объект» познания. Научный, объективирующий метод познания ни в каком случае к Нему не применим. В единении Бога с нами — и Он, и мы — неизменно пребываем персонами, сознающими себя связанными любовью. Он говорит о Себе: «Живу Я»; именует Себя «АЗ ЕСМЬ», и нам сообщает именно сию жизнь; так что и мы можем сказать с чувством про себя: «аз есмь». Он — Самосущный, мы же имеем наше

бытие от Него. Поскольку мы в Нем, постольку мы вне смерти, т. е. вечны.

Имя Ему — «АЛЬФА И ОМЕГА», «НАЧАЛО И КОНЕЦ» (Откр. 1, 8); «ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ» (Откр. 1, 10). Он первичный принцип и Самого Себя, и для всего существующего. До того, как Он прикоснется к нам Своим перстом; до того, как энергия Его предвечной жизни пройдет чрез наше сердце, наш ум и даже тело — мы теряемся в догадках о Нем. Тварные, мы не постигаем, как возможно вообще Бытие. Мы констатируем сей факт, но идти дальше не в силах. Он открылся сначала на Синае Моисею с Именем «АЗ ЕСМЬ», но еще и несравненно сильнее чрез Свое явление в сем мире, в нашей плоти. И дал нам благословение знать Его как ПЕРСОНУ, и самих себя видеть возносимыми к этому образу бытия чрез веру в Него, чрез встречу с Ним в самом бытийном соединении, чрез пришествие Духа Святого в наши сердца.

Явлением Света дается человеку бытийное познание Бога; душа, ум и даже тело участвует в этом познании. Но мы не вмещаем всей полноты Его; и этот факт вызывает в нас любовную жажду умножать наше общение с Ним, глубже проникать всеми сторонами нашего существа. В этом томлении по Богу есть увлекающая сила, дающая радость и вместе связанная с болезнью. Скорбит дух наш, видя себя еще так неизъяснимо далеким от Вожденного Отца, и молитва принимает характер стремительного потока; опыт в ней весьма многогранен; дни и ночи становятся полными заботы и творческого искания путей к Нему.

Та святая любовь, дыхание которой может посетить нас при этом, внутренне-субъективно представляется

нам не подлежащей сомнению о ее божественном происхождении. Но несмотря на всеобъемлющий порыв этой чудной любви, явленной во Свете, было бы не только неправильным, но и опасным довериться самому себе. Из Писания мы знаем, что Пречистая Дева Мария спешит к праведной Елизавете, чтобы услышать от нее — истинно ли данное Ей откровение о рождении от Нее Сына, Который «будет велик и наречется Сыном Всевышнего... и Царству Которого не будет конца» (Лк. 1, 32–33). Другой пример — Павел. Он «был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (ср. 2 Кор. 12, 4). «Бог... благоволил открыть в нем Сына Своего» (Гал. 1, 15–16). И все же он дважды был в Иерусалиме, чтобы предложить на суд Петра и других: «особо знаменитейших» проповедуемое им благовестие, чтобы получить от них подтверждение, что «не напрасно он подвизается» (ср. Гал. 2, 1–2). И нет конца подобным примерам в истории Церкви нашей, установившей как обязательное правило — проверять себя судом других, опытейших, старейших, признанных верными. И мы держимся этой традиции.

В основе нашего существа лежит печать тварности из «ничто», лишаящей нас возможности какого-либо индивидуального суждения о Само-Бытии Абсолютного Существа. Помимо сего — мы несем в себе последствия «падения Адама», выражающегося в тенденции к самообожению. Опыт свободы нашего самоопределения, конечно, свидетельствует о нашей абсолютности, и мы легко можем потерять сознание, что мы сотворены, но сотворены «по образу Абсолютного Бога», и что наша «абсолютность» есть не более, чем отражение Перво-Абсолюта. Аберрация в этом пункте возможна для нас и интеллектуально, и психологически. Мы можем стать жертвой

нашего «воображения» и выпасть из подлинно сущей реальности, которая не индивидуальна, но «соборна». Мы призваны вместить в себе всю полноту бытия человеческого и даже Божественного, но мы должны сознавать, что мы еще далеко не «там». И так — пребывает совершенно необходимым для каждого из нас, каким бы пророческим даром ни обладал кто-либо, удостовериться, что мы включены в Соборное, по образу Троичного Бога Бытие, чрез свидетельство других персон. Мы, естественно, ищем таких свидетелей, которых возможно найти не иначе как в Церкви, вековой опыт которой несравненно превосходит всякий индивидуальный опыт. В далеком прошлом таковыми компетентными наставниками были Апостолы, оставившие нам в письменной форме непосредственно от Бога полученное ими познание. После них — сонмы Отцов (учителей и аскетов), которые передали из поколения в поколение прежде всего «дух самой жизни», скрепив его нередко также своими писаниями. Мы верим, что в каждый данный исторический момент в Церкви наличествуют живые свидетели; что до конца дней мира сего не утеряется человечеством подлинное БОГОВЕДЕНИЕ.

Лишь по обретении авторитетного подтверждения нашему индивидуальному опыту можем мы довериться своему, и опять-таки не сверх меры. Дух наш не должен остановиться в своем движении к Богу; и на каждом новом шагу нам необходимо помнить, что самоуверенная изоляция нашей личности чревата возможностью погрешить против Истины.

«Царю Небесный,

Утешителю, Душе Истины,

от Отца исходяй и в Сыне почиваяй,

прииди и вселися в ны, настави ны

на всякую истину и спаси, Всеблагий, души наши».

(Ин. 14, 16–17

Ин. 15, 26

Ин. 16, 13)

«Когда же придет Он, Дух истины; то наставит вас на всякую истину» — обетовал нам Господь пред исходом Своим на крестную смерть.

Сознавать себя удаленным от Бога, Бога сокровенного, но все же возлюбленного — мучительно тяжело. Теперь, когда я думаю о том, что же в действительности происходило со мною в те благословенные годы, мысль идет по трем направлениям: 1) жажда Бога, пожирившая меня, казалась единственно ЕСТЕСТВЕННОЮ, единственно «на потребу» (Лк. 10, 42) в моем бедственном состоянии; 2) я немощен, во всем неустойчивый... откуда же пришла мне молитва, превышавшая силы моего естества? 3) не Сам ли Господь влек меня Своею силою?.. не соединялись ли ДВЕ воли: Божия и моя, поскольку Творец и Отец наш не совершает с нами чего-либо без нашего согласия и содействия?

Томление души моей было непрерывным — днем и ночью. Эта мука выливалась в такую же непрерывную молитву даже во сне, или когда я бывал на людях. При свидетелях, однако, некая сила удерживала меня от внешних проявлений, но как только возвращался я к себе, так прежде, чем успею закрыть дверь моей комнаты, как плач овладевал мною. Моментами боль души от разлуки с Богом бросала меня на пол, и в ночной тишине я часами не отрывался от рыданий о невыразимо великой потере моей. Весь я: мой ум, мое сердце и даже тело мое — все соединялось во-едино, тесно, туго, подобно крепко стянутому узлу. И когда плач переходил некую грань, тогда земля, весь видимый мир выпадали из моего сознания, и бывал я один пред Богом. Неосязаемый Свет, исходящий от Безначального, давал мне видеть себя не в моем внешнем явлении, не в условиях моей повседневности,

но странным образом, которого я не смогу описывать: я стоял пред моим Творцом до конца обнаженным в самой природе моей; и не было во мне ничего скрытого от Его глаза.

Одним из наиважнейших событий моей жизни, по благовому обо мне Промыслу, была встреча со Старцем Силуаном. Этому смиренному мужу было Свыше дано молиться за весь мир, как за самого себя. Преобладала, однако, в нем печаль об уже ушедших отсюда. Душа его была прикована к видению ада, который за пределами Земли. Созерцал он сей ад в силу данного ему опыта реальности сего духовного состояния человеческого духа. Вообще ему было свойственно не ограничиваться в своей молитве ни временем, ни пространством, ибо дух его всегда был обращен к вечности. Мною же лично владело видение ада здесь, в Истории. Живя в пустыне я не только не освободился от этого состояния, но даже и наоборот: мука моя за мир возросла вследствие вообще событий нашего времени и больше всего во время Второй Мировой войны. Пустыня давала мне свободу отдаваться молитве за человечество, особенно в ночные часы. Я бывал как бы одержим ощущением страданий вселенной. Этому помогал мой опыт Первой Мировой войны и последовавшей затем Революции в России. Я жил годами в удушливой атмосфере братоубийственной ненависти; сначала международной, затем междоусобной войны. С тех пор я предпочитаю слышать о гибели подчас многих тысяч людей во время стихийных бедствий, как землетрясения, наводнения, эпидемии и подобное. Этого рода катастрофы нормально вызывают сострадание со всех сторон. Тогда как войны едва ли не всех поголовно втягивают в моральное соучастие в убийствах. Нет большего греха, чем войны.

В те годы я жил Литургию, помня Гефсиманскую ночь Христа и страшный Голгофский день. Я был в отчаянии: мне раскрылись размеры Первого Падения Человека. Как я остался живым — не понимаю.

«Иисус вкусил уксуса, сказал: СОВЕРШИЛОСЬ. И преклонив главу, предал дух» (Ин. 19, 30). Что было в сознании Христа, когда Он произнес сие слово — СОВЕРШИЛОСЬ? Раскрыть в полноте ту вечность, в которой всегда пребывал наш Господь, никто не в силах. Но не будет ошибкой предположить, что в Его глобальное видение входило не только крайнее «истощание» вплоть до схождения во ад, но и узрение Его победы над смертью: Он узрел множество спасенных Им во Свете Царства Отца. То, что было замыслом Всевышнего о Человеке в творческом уме Бога «прежде сложения мира», ныне станет возможным и осуществленным: «Дело», которое поручил Христу Отец — Он исполнил (Ин. 17, 4).

Мы в страхе, мы в ужасе, когда раскрываются пред нами крайние степени страданий. Но особенность христианского пути именно в том, что в параллель схождению в страну мучений становится возможным восход человеческого духа в сферы нетварного Света. Когда на нас выпадают неносимые, как нам кажется, терзания, тогда неожиданно открывается доступ к действительно безмерному избытку жизни; тогда мы начинаем глубже познавать Христа и в Его Человечестве, и в Его Божестве. И дух наш торжествует, и удивляется чуду, которое сотворил с нами Бог. Подобно тому, как Гефсиманская молитва пребывает вечно в своей реальной силе; подобно тому, как Голгофская смерть Христа выжжена на-веки в теле сотворенного мира; подобно тому, как неизгладимы из истории

нашего рода все деяния и слова Господа; так и в нас самих будут на всю вечность выгравированы все наши труды в следовании нашем за Христом, но преображенные силою Любви Божией. Верующему даются состояния, уподобляющие его Воплощенному Богу; мы не говорим о полном тождестве их, но не отрицаем их аналогии. Безумием было бы первое; нечестием и неблагодарностью — второе. И если бы никогда, никому не давалось переживать в молитве хотя бы малое подобие состояний Бого-человека, то как вообще было бы доступно людям распознать в Нем Бога? «Сия есть вечная жизнь, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). Весь наш нелегкий подвиг — знать Единого Истинного Бога. Дух наш направлен не на временные явления, а на непреходящее Бытие. Стремление нашего ума к Тому, Кто ЕСТЬ, Кто в основе всего существующего, Кто есть Первый и Последний. И как могли бы мы приписать «историческому» Христу подобные атрибуты, если бы следование Его заповедям не приносило тех плодов, о которых с таким благоговением и восторгом говорят отцы наши из рода в род? Если бы Он был такой же ограниченный индивидуум, каким и кажемся все мы? Но... «Сын Божий... дал нам разум, да познаем истинного Бога и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе...» (1 Ин. 5, 20). И Апостол Павел говорит, что в нас «должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5). И опять, Павел «преклоняет колена пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа... чтобы нам было дано Духом Его утвердиться во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца наши, чтобы мы... могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь

Христову, дабы нам исполниться ВСЕЮ ПОЛНОТОЮ Божиею» (ср. Еф. 3, 14–19).

Итак, если в начале христианства Дух, Который вложил в уста и сердце Павла эти слова, то Тот же Дух и до сего дня не перестал двигать сердца верующих на подобную молитву о всем мире, чтобы всякий человек познал всем существом, что Господь призывает всех и каждого «в Свой чудный Свет» (1 Пет. 2, 9).

Мы не охватываем нашим умом, что значит спасение мира; или как понимать воскресение из мертвых (ср. Мк. 9, 10); но в молитве и нам дается иногда состояние, открывающее тайны будущего века. Верим, что придет такой момент, который именуется «исполнением времен» (Еф. 1, 10), как завершение всего, что мыслил Творец о нас. Вечность не имеет длительности, хотя и объемлет все протяженности веков и пространств. О ней можно говорить как о «вечном мгновении», не поддающемся никаким определениям или измерениям: ни временным, ни пространственным, ни логическим. В нем, в этом неизъяснимом мгновении, и мы, по дару Духа Святого, в едином непротяженном бессмертном акте всего нашего существа любовно обнимем все сущее от века, и Бог будет всяческая во всех (ср. 1 Кор. 15, 28).

Бытие разумной твари должно стать совершенным: по образу Троиединого Божества: — в этом смысл, и цель, и задание Церкви Христовой: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...» (Ин. 17, 21). Ясно, что каждый член Церкви должен достигнуть полноту подобия Христу, даже до тождества, иначе не осуществится единство Церкви по подобию единству Святой Троицы.

О ДУХОВНОЙ СВОБОДЕ

«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не поддавайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1).

Начало нашей жизни в теле, от земли взятом (Быт. 2, 7), дает нам опыт зависимости от природных сил и вообще космических энергий, с которыми связаны необходимость и детерминизм. Лишь чрез Христа познаем мы Царство свободы Духа Божьего (ср. 2 Кор. 3, 17), а затем и духа человеческого (ср. Ин. 8, 31–32). Последний, дух человеческий, как образ Первого, непостижимым путем творимый Богом, зарождается как бы в материи тела нашего, но по природе своей он, дух человека, стоит выше космической материи. От встречи со Христом вырастает он в своем ипостасном сознании до той зрелости, когда перестает зависеть от естественных законов земли и начинает действительно воспринимать дыхание Божественной вечности.

Свобода человека, уверовавшего в Божество Иисуса Христа и пребывающего в сфере слова Его, принадлежит плану иных измерений: она, сия свобода, ничем не детерминирована извне. Такой человек — приближающийся к мере полного возраста Христова (ср. Еф. 4, 13) — хотя и является тварью Бога, однако Творец обращается с ним не как с Своей «энергией», но как с определенным ФАКТОМ даже для Него: Бог ничего не навязывает ему насилем, даже любви к Нему, как к Отцу. Он открывается человеку, «как Он есть», оставляя человека реагировать

в свободе его. Так Церковь отклоняет даже Божественный, т. е. оригенистический, детерминизм: якобы благодать Божия найдет пути, не нарушая принципа свободы, спасти всех и все.

Свобода сия, опыт которой дается человеку-христианину, принадлежит персональному началу в человеке. Эти ДВА: Персона и свобода — соединены неразрывно: где нет свободы, там нет Персоны; и наоборот: где нет Персоны, там нет и свободы. Этот род вечного бытия свойствен исключительно Персоне, и никак не индивиду (ср. 1 Кор. 15, 47–50).

Созданы мы Богом «по образу Его» для жизни «по подобию Ему», т. е. ради конечного обожения нас: сообщения нам Божественной Жизни во всей ее полноте. Отношения между Богом и человеком — основаны на началах свободы: в наших заключительных самоопределениях пред Богом — мы самовластные персоны. Когда в свободе нашей мы склоняемся к греху, тогда мы разрываем с Ним союз любви и удаляемся от Него. Возможность отрицательного самоопределения нашего по отношению к Отцу Небесному составляет трагический аспект свободы. Но сие роковое самовластие все же является необходимым условием для тварной персоны при восхождении для восприятия Божественной Жизни.

Да, мы свободны, но не в той абсолютной мере, в какой свободен Сам Бог: Он во всем определяет Свое Бытие. Мы же, тварные из «ничто», в самих себе бытия не имеем: мы не можем созидать какое бы то ни было бытие, которого мы хотели бы по разуму нашему или безумию. Пред нами ФАКТ Первого Самобытия Бога, кроме Которого ничто самобытное не существует. Нам предсто-

ит выбор: или наше усыновление Богом и Отцом нашим, или отход от Него во мрак небытийный: СРЕДНЕГО НЕТ.

Христианин призван к дерзанию поверить, что мы можем быть введены в обладание Божественным Бытием. Оно не принадлежит нам, потому что мы тварь; мы не располагаем силами создать сие бытие; оно может быть дано нам как чистый дар любви Отчей.

О чем говорю я сейчас? Я пытаюсь найти некоторую параллель из нашей обыденной жизни, которая объяснила бы, что происходит с нами, когда Господь вселяется в нас... Человек рождается слепым, беспомощным младенцем. Его орудие борьбы за свое существование — плач, которым он выражает свое недовольство или страдание, каким бы путем сие ни пришло. Родители, и прежде всего мать, по любви к плоду чрева своего, спешат ему на помощь. В начале жизни младенец прилепляется к матери: руками охватывает ее шею; жмет к ее лицу, плечу, груди, ногам, когда он стоит на полу, и подобное. Постепенно научается он различать вещи, произносить некоторые слова, усваивает некоторые понятия, становится более сильным, способным стоять, ходить и бегать, наконец достигает своей зрелости — физической, моральной, умственной; сам может быть отцом или матерью; вступает в самостоятельную жизнь. Все, что испытал он в младенчестве, выпадает из его памяти; он знает, кто его отец и мать, но не имеет более ощущения своей зависимости от них; живет, как бы ни от кого не исшедший; свободный в своих движениях и решениях; видит себя как некую полноту, как целостную индивидуальность; словом — «я живу». Как это случилось, не знаю, но факт этот до конца убедителен для меня самого... Только разум мой знает,

что та жизнь, которую имели мои родители, сообщена мне, потекла в моих жилах, стала моею, нашла свой путь.

Так у нас обстоит с Богом: «...как Отец имеет жизнь в Самом Себе: так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе» (Ин. 5, 26)... Как послал Меня живой Отец, и Я ЖИВУ ОТЦОМ: так и ядущий Меня ЖИТЬ БУДЕТ МНОЮ» (Ин. 6, 57–58). «Я живу, и ВЫ ЖИТЬ будете» (Ин. 14, 19). Когда сия изначальная Жизнь сообщается нам бытийно, то мы ощущаем ее как нашу собственную жизнь. Мы знаем из предшествовавшего опыта, что эта жизнь нам дана Богом; она не наша по своему существу; но данная в неотъемлемое достояние спасенным, она становится действительно НАШЕЙ ЖИЗНЬЮ. О ней можно говорить словами Апостола Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Опять повторяю: я знаю, что Он живет во мне, но Его жизнь стала ядром, самым внутренним, всего моего существа, так что я могу говорить о ней, как о МОЕЙ жизни: живет Господь, живу и я.

«Кто имеет заповеди Мои, и соблюдает их, тот любит Меня: а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам... и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 21–23). Сотворят, конечно, не на время, а на вечность.

Вхождение наше в обладание сей бессмертной жизнью обусловлено хранением заповедей Господних.

«Если пребудете в слове Моем; то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32).

Подобие природы нашей Богу естественно порождает в нас жажду познать Истину, стремиться к Божественному совершенству. Оно, сие совершенство, не в нас самих, а во Отце, Источнике всего существующего. Следование

Ему во всем никак не имеет характера подчинения диктату внешней для нас власти. Это есть влечение любви нашей к Нему; мы непрестанно томимся по Его совершенству. И Христос дал нам заповедь: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Святая воля Отца, от века сущая в Нем, не чужда нам, Его «образу». Она родственна нашему духу, хотя и превосходит наше тварное естество. Превосходство Отца объясняет необходимость борьбы за полное освоение его нами; и мы свободно идем на сей подвиг, одновременно мучительный и вдохновляющий. Чрез молитву нисходит на нас сила Вышнего. Святой Дух совершает в нас искомое и чаемое, а не наши потуги. Мы скорбим до великой боли, потому что не вмещаем полноты Его в себе самих. И болеем, и страдаем, но и блаженствуем в самом сем страдании; и почитаем Его, и поклоняемся Ему в любви нашей. В своей наиболее чистой форме молитва наша есть не иное что, как восторг нашего духа пред Ним.

«Господи! научи нас молиться... Он сказал им: когда молитесь, говорите: Отче наш...» (Лк. 11, 1–2). «Молитесь же так: (Мф. 6, 9–13).

«Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое»: Ты дал духу моему обонять благоухание Святости Твоея, и ныне душа моя жаждет быть святою в Тебе.

«Да придет Царствие Твое»: молю Тебя, да Твоя царственная жизнь преисполнит меня, нищего и убогого, и да будет моей жизнью во веки веков.

«Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли» моего тварного существа... да включусь и я, смертный, в великий поток Света сего, как он есть в Тебе Самом от начала.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь», и прежде всего, и после всего «истинный хлеб, сходящий с небес и дающий жизнь миру» (Ин. 6, 32–33).

«И остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим»... Молю Тебя, ниспосли на меня, растленного, благодать Духа Святого, дарующего силу простить всем и все так, чтобы не оставалось во мне препятствия воспринять прощение от Тебя безмерности моих грехов.

«И не введи нас во искушение»... Ты, Сердцеведец, знаешь мое развращение и склонность ко греху... молю Тебя: пошли Ангела Твоего с огненным мечом, чтобы преградил мне путь к падениям (ср. Чис. 22, 23 и далее).

«Но избави нас от лукаваго»... Отче Святой, Вседержителю Благий, свободи меня от власти врага нашего и Твоего противника... самому мне бороться с ним невмочь.

Первое движение нашей молитвы — прошение о нас самих. Когда же Дух Святой умножит наше познание и расширит наше сознание, тогда молитва принимает космические измерения, и мы, призывая Отца нашего, под словом «наш» — мыслим все человечество и на всех людей испрашиваем благодать с таким же сердцем, как и для нас самих:

«Да святится Имя Твое» среди всех народов; «Да придет Царствие Твое» в души всех людей, так, чтобы Свет исходящей от Тебя жизни — стал жизнью всего мира нашего; «Да будет воля Твоя», единственно святая, соединяющая всех в любви Твоей, на Земле, обитаемой нами, подобно тому, как она царит среди святых на небесах. «Избави нас от лукавого» «человекоубийцы» (Ин. 8, 44), повсюду сеющего злое семя вражды и смерти (ср. Мф. 13, 27–28).

По христианскому пониманию — зло, как и добро, наличествует только там, где есть персональная форма

бытия. Вне этого рода жизни — нет зла, но лишь детерминированные естественные процессы.

В связи с проблемой зла вообще и главное в мире людском, стоит вопрос об участии Бога в исторических судьбах народов. Весьма многие отвергли веру в Бога, потому что им кажется, что если бы Бог существовал, то не мог бы иметь место такой дикий разгул зла, такое множество неоправданных страданий, такое отсутствие порядка и смысла во всем. Они забывают или и вовсе не знают, что Создатель берсжет человеческую свободу, как основной принцип в творении богообразных существ. Вмешательство Бога всякий раз, когда воля людей увлекает их на пути злодеяний, было бы равносильно лишить их возможности самоопределения; приводило бы к сведению всего к космическим безличным законам.

Бог, конечно, спасает и отдельных страдальцев, и целые народы, если сами они направляют стопы свои по Его путям и вызывают к Нему о помощи.

Не у всех одинаковое представление о смысле слова — спасение. Для христиан, ведущих непримиримую брань с грехом, оно состоит в том, что Сам Бог отдает Себя человеку в необъятности Своей вечности. Такому подвижнику видимые бедствия могут сопутствовать всю его жизнь, но он внутренне предстоит Невидимому (ср.: 2 Тим. 4, 7; Флп. 1, 29; Деян. 9, 16; 1 Кор. 15, 30; 2 Кор. 6, 4). Напрасною будет попытка описывать его состояние: он предается в волю Божию, и в этом самоумалении уподобляется Христу (ср. Лк. 22, 42). Сей акт в существе своем есть свободное выявление кенотической любви, уподобляющей человека Богу: «...пришел час; вот, предается Сын Человеческий в руки грешников» (Мк. 14, 41). Нет любви большей, чем сия: мы отдаем себя в святые руки

Создавшего нас, чрез сие входим в полноту Божественной жизни.

Достоинство молитвы превосходит ценность всякой иной деятельности, будь то в сфере социальной или политической, научной или искусства. Познавший сие на опыте легко жертвует своим материальным благосостоянием ради досуга для беседы с Богом. Великая привилегия иметь возможность останавливать свой ум на непреходящем; на том, что выше и дальше всех самых выдающихся достижений науки, философии или общественного служения. В начале борьба за духовную свободу может показаться чрезмерно тяжкою и рискованною; но все преодолевается, когда молитва всецело захватит душу.

Молитва глубокого покаяния может привести человека в такое состояние, когда он получает опыт свободы в Духе Истины: «И истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Сия святая свобода, к сожалению, неведома большинству людей. Первый симптом освобождения — нежелание властвовать над кем бы то ни было; последующая ступень — внутреннее раскрепощение от власти других над тобою; и это не по презрению к установленным от Бога властям и управителям внешней жизни народов, но в силу страха Божия, не допускающего преступить заповедь о любви к ближнему.

Безначальный Бог открылся нам в Своем неизъяснимом смирении. Он, Творец всего существующего, не властвует над нами. Правда, и над Ним никто не властен. Человек — образ сего смиренного и свободного Бога; нормально было бы нам стремиться уподобиться Ему в образе Бытия: отстраняться от господствования над

другими и самим «стоять в свободе, которую даровал нам Христос» (ср.: Гал. 5, 1; 1 Кор. 15, 23–28).

Свет Божий своим пришествием в душу молящегося изымает ее из рабства страстям и возводит в светоносную сферу богоподобной свободы, полной любви, исключаящей всякую склонность к рабовладению, которое противоположно любви. Там, где нет свободы и любви, все бессмысленно. Даже такие дары, как пророчества, ведения всех тайн и силы чудотворения, без любви — теряют ценность (ср. 1 Кор. 13, 1–3).

Велик и дивен мир святой свободы. Вне ее невозможно спасение, как обожение человека. Необходимо, чтобы он сам (человек) свободно определился на вечность. Вся тварь стремится к освобождению от рабства тлению в свободу богосыновства (ср. Рим. 8, 21–23).

Повсюду ныне происходит борьба за свободу и независимость, но едва найдешь человека, которому открылась тайна богоподобной свободы детей Отца Небесного. Неописуемо в словах достоинство сего состояния: познается оно не иначе, как по дару Свыше. И опять, не могу не вспомнить Апостола Павла, несомненно знавшего божественно-царственную свободу: «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что покорилась суеде не добровольно...» (Рим. 8, 19–20).

«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь снова игу рабства» (Гал. 5, 1). Легко понять, что страсть преобладания над братом — немедленным последствием имеет потерю своей независимости, причем, что страшно, отступление от Бога любви, лишение благодати Духа Святого. В глубине души поработителя

создастся провал в небытийную пустоту. Подобие Господу господствующих исключает рабовладение, в котором нет вечной жизни, ни даже временной. Доминация обычно достигается насилием и убийствами. К таковым, как не оказавшим милости, на последнем Суде будет применен принцип: «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»; и еще: «Суд без милости не оказавшему милости» (Мф. 7, 2; Иак. 2, 13).

«Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). Свобода в своей абсолютной форме свойственна только Богу. Человеку же дается благословение познавать ее отчасти в молитве, соединенной с жизнью по заповедям. Молитва — бесценный дар Неба — требует от нас «досуга». Ради встречи с Живым Христом не слишком трудно отказаться от влекущих человека услаждений и всему предпочесть беседу с Ним. Мне была дана сия бесценная привилегия, — скажу смело — блаженство, наибольшей силы достигавшее в пустыне. Аскетическое понятие пустыни связывается не с географией, а образом жизни: такая удаленность от людей, когда тебя никто не видит и не слышит, — когда над тобою нет человеческой власти, и ты не властвуешь ни над кем. Эта свобода необходима для полного погружения духа, да и всего состава нашего, в Божественной сфере. Тогда может быть нам сообщено божественное бесстрашие, стоящее выше всех ценностей Земли. Не мыслит такой человек ни о преобладании над братом; не ищет он чести или прославления, ни тем более вещественных богатств. О, положительное определение свободы истинной не поддается выражению в словах. Не понимаю, почему в пустыне на меня снизошло благословение жить в свободе «детей Божиих» (Рим. 8, 21). Не говорю, что я воспринял сей дар до его высших

степеней, т. е. когда человек воистину превзошел власть над ним греха и смерти. Но я бывал моментами на той грани, откуда уразумел, что полнота освобождения приходит когда преодолена смерть.

Кто не боится смерти, тот стоит на пути к свободе. В рабстве удерживается человек, если в нем доминирует привязанность к земному. «Вот, я и дети, которых дал Мне Бог. Поскольку дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, т. е. дьявола, и избавить тех, которые *от страха смерти, чрез всю жизнь были подвержены рабству*» (Евр. 2, 13–15).

Лишь отчасти испытал я восторг духовной свободы. С тех пор, как я был поставлен духовником, живу вне ее, будучи связан любовью к тем, кого Господь посылал ко мне. Любовь нередко поработщает меня тем, кому я служу, кто нуждается во мне ради Бога. Однако где-то в глубине души остается след пережитого мною опыта. Впервые, в еще далеко неясной форме опыт сей был мне дан во Франции, когда я ощутил крепкую нужду удалиться из мира. Я благодарил Промысл Господа обо мне, увидев себя свободным совершить сей шаг, удаления из мира, так как не было никого во всей вселенной, чья жизнь зависела бы от меня. В моей жажде Бога я мог идти на всякий риск; я не дорожил ничем; я свободно предал себя на все трудности. Это было начальным опытом «царственной свободы» моей души. Христос в свободе Своей любви предал Себя на смерть, открыв тем нам дорогу к высшему познанию, к Божественному бессмертию.

О ВДОХНОВЕНИИ

При всем сознании моего крайнего ничтожества, — быть может даже именно в силу этого томления (ср. Мф. 5, 3), и я молился десятилетиями, чтобы и мне дал Господь вдохновение на следование за Ним, «куда бы Он ни пошел» (ср. Откр. 14, 4): в пустыню ли, на испытание верности моей любви к Отцу (ср. Лк. 4, 1 и далее); на исполненную миллиона терзаний проповедь Царствия любви Отчей; на Фавор ли, где три избранных услышали голос Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный» (Мф. 17, 5); но прежде всего и больше всего в Гефсиманию и на Голгофу. Под вдохновением я разумел присутствие силы Духа Святого внутри нас (ср. Ин. 4, 13–15; 7, 37–39). Этого рода вдохновение принадлежит иному плану Бытия, по отношению к тому, что я принимал за художественное или философское таковое. И сие последнее, свойственное падшему естеству нашему, может быть понято как дар от Бога, но еще не дающий ни единения с Богом Личным, ни даже интеллектуального ведения о Нем.

Подлинно святое вдохновение, Свыше от Отца исходящее, не навязывается силою никому. Оно стяжается, как и всякий иной дар от Бога, напряженным подвигом в молитве (ср. Лк. 11, 9–13). Не в том дело, что якобы Бог дает за труды некую «плату»; но в том, что стяженное разумно в страдании становится неотъемлемым обладанием человека на вечность. Всем нам необходимо претерпеть полное перерождение действием благодати; восстано-

ние в нас способности воспринять обожение; но все сие возможно не иначе, как чрез исполненный муки возврат наш к Нему. Бог действительно отдает нам Свою жизнь в полном смысле в наше личное обладание. Его предвечная Слава вселяется в Им искупленных, и притом не как нечто придаточное, несвойственное нашей природе; не как присутствие в нас чего-то не-своего, «чужого», «неправедного» (ср. Лк. 16, 11–12). Нет. Истинное обожение состоит в том, что разумной твари действительно и во веки неотъемлемо сообщается безначальная жизнь Самого Бога. Иными словами: Жизнь Бога «ипостасируется» человеком подобно тому, как Бог, воплотившийся, ипостасировал — воспринял в Свою Ипостась — Им же сотворенную форму нашего бытия. В грядущем веке единство Бога с человеками станет полным, во всем содержании Его Бытия, кроме, разумеется, тождества по Сущности. Сия последняя не подлежит сообщению тварям и всегда пребудет непостижимой для всех сотворенных существ: Ангелов и человеков.

Царство Отца — есть онтологическое единство всех спасенных, и как таковое, уже никем и ничем непоколебимое (ср. Евр. 12, 27–28). Вдохновение Свыше в значительной мере зависит от нас: откроем ли мы дверь сердца нашего, чтобы не насильственно вошел внутрь нас Господь — Дух Святой, Который «стоит у двери (сердца нашего) и стучит. Если кто услышит голос Его и отворит дверь, войдет к нему, и будет вечерять с ним», и он с Богом (ср. Откр. 3, 20). Господь бережет свободу созданных «по образу» Его. И мы должны знать, что приемлемо для Него. Отсюда создается нужда для всех и каждого из нас: не позволять себе таких деяний, не допускать таких внутренних движений духа нашего, которые оскорбляют Дух Божий. Чрез искреннее пребывание в сфере заповедей

Христа излечивается наша греховная смерть, и вся жизнь становится пронизанною Нетварным Светом Божественной Вечности.

Когда душа бытийно прикасается сей Вечности, тогда отпадают от нас низменные страсти, и мы отстраняемся братоубийственной борьбы за обладание земными ценностями; на нас нисходит «мир Христов», и мы получаем силу «любить врагов». «Мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). Мир Христов драгоценнее всех богатств, всех усад и радостей земли. Он состоит в несомненном знании Живого Бога — Отца нашего. Довольно нам немногой пищи, быть под кровлей дома, иметь тело прикрытым от холода и стыда (ср. 1 Тим. 6, 8). Лишь бы УМ — наш дух — был свободен погружаться в созерцание Божественного Бытия, открытого нам Христом. Тоска по горнему миру, любовное устремление к нему является веселием нашим, делает даже болезненную старость царственно великолепною, полною ожидания милосердных «объятий Отчих» (Лк. 15, 20).

ОБ ИСТОЩАНИИ И БОГООСТАВЛЕННОСТИ

I

«Блаженны нищие духом, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). Блаженны потому, что вместе с сознанием нашей нищеты в духе — к нам приходит Свыше сила для восхождения к Богу. Вне сего сознания нет движения к Высшему; самодовольство же есть симптом или паралича духовного, или падения. Чрез постоянное поставление самих себя на суд Божиих заповедей обостряется в нас чувство нашей далекости от Бога, углубляется разумение, что гордость есть корень всех зол. Гордость есть противница Богу; Гордость — антипод любви Божией. Чрез нее человечество стало рабом тления. Чтобы возродиться в Боге, в первоизданной красоте духовной, необходимо нам руководиться Евангельским учением. Только крепкая вера, что Христос есть Вседержитель Бог, поможет нам удержаться «на недвижимом камне заповедей» Его. При этом условии возникает тяжкое борение со всем тем, что стяжали мы в нашем падении. Вера, что Христос есть единственный истинный Спаситель человека, не допустит нас отпасть от Него, когда начнется непредвиденный и недомысленный процесс нашего очищения от греховного богатства. Апостолы сообщили нам о том, что услышали и познали от Самого Господа; Отцы же нашей Церкви в непревосходимом подвиге сохранили все заповеданное Богом и передавали нам свой бесценный опыт и знание (ср. Мф. 28, 19–20). Благодаря им, Апостолам и Отцам, мы являемся обладателями познания ТАЙНЫ

путей спасения. Эти незримые пути повешены над безднами. Чтобы никакие бури не снесли нас с них и не бросили нас в темные пропасти, нет, повторяю, иной силы, иного разума, кроме несокрушимой веры во Христа-Бога. «И сия есть победа, победившая мир, ВЕРА наша» (1 Ин. 5, 4).

Перейду к посильному описанию сего таинства. Заповеди ставят нас лицом к Лицу Абсолютного Существа. Все наши попытки соблюсти их, заповеди, неизбежно проваливаются. Мы обнаруживаем нашу полную непригодность для сего шествия. Мы видим в себе такие извороты духа-ума и такие страсти сердца, которые убивают нас. Страх отпадения от Бога, в Которого мы уверовали, велик. Мы непременно приходим в сердечную тугу от нас самих. Все, чем мы считали себя обогащенными в прошлом, мы отбрасываем и становимся обнаженными от всего: от наших земных привязанностей и знаний, и даже воли: так мы обнищаем, «истощаемся». Конечно, наиболее тяжкое испытание в том, что несмотря на предельное для нас напряжение пребывать верными Богу, мы терпим периоды богооставленности. Нищета духовная, соединяясь с болью богооставленности, погружает нас в отчаяние. Нам мнится, что над нами тяготеет некая страшная клятва. Мы можем страдать во всех планах нашего существа: духом, умом, сердцем, телом. Именно в подобные моменты духу нашему предстает библейское откровение о падении Человека в своем подлинном трагизме, и вера в любовь Христа внушает нам предаться возможно полному покаянию. Чем глубже наше покаяние, тем шире раскрываются пред нами и глубины нашего бытия, прежде скрытые от нас же самих. Ясно осознавая безнадежность нашего положения, мы начинаем ненавидеть нас такими, как мы суть.

Сей вид истощания или смирения не достигается человеческими усилиями: это есть дар Бога Спасителя: благодать покаяния к прощению грехов (ср. Лк. 24, 47). Мы не понимаем Его действий в нас, но все же Его силою мы сводимся до нуля; а нам жутко: Его нет с нами. Он, наше единственное искание и любовь, скрылся от нас.

Таким образом совершается наше очищение от «проклятого» (см. Быт. 3, 14–19) наследства; таким путем постепенно проникает в нас уже новая несозданная энергия: мы причащаемся Божественного Бытия. Тогда приходит Свет Божий и объемлет нас. Дух Истинный, от Отца исходящий и в Сыне почивающий, нисходит в наше сердце как УТЕШИТЕЛЬ: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4).

Возвращаясь в ничто, мы становимся «материалом», из которого свойственно творить Богу нашему. Он, и никто другой, раскрыл для нас сие таинство. Отдавшись в Его святые руки, испытывая на себе Его творческий процесс, уразумевая мы, как все, ниспосылаемое Им, превосходит нас: не видел того наш ум, не приходило нам сие и на сердце (ср. 1 Кор. 2, 9). И нет конца удивлению пред Ним. О, как Он знает человека! Только Создавший нас может иметь такое ведение о возможностях нашей натуры. Я ищу слов для выражения утерянной людьми тайны. Я умоляю Бога дать мне нужные слова. Прошу случайного читателя: не думай о мне, ничтожном, но смотри лишь на сущность предмета. Не я выдумал сие учение, но был научен снисхождением Божиим чрез Его избранника. Я не пытаюсь расшифровывать сей парадокс: почему сие выпало на мою голову? Но приведенный к подножию великой Тайны, я был поражен ее великолепием. Совершенство Бога-Христа не может быть воспето достойным образом.

«Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит... и самой жизни (души) своей; тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Появление внутри нас сей святой «ненависти» знаменует собою наше приближение к созерцанию сего святого таинства. Кому было дано сие страшное благословение, тот начинает познавать «единого истинного Бога, и посланного Им Иисуса Христа» (ср. Ин. 17, 3), и поставляется он на пороге входа в Царство непоколебимое. Прекрасное описание пути спасения нашего имеем в 12-й главе послания к Евреям.

«Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, то не хвались как бы не получивший» (ср. 1 Кор. 4, 7). Господь, дававший мне в мои младенческие годы видеть Его Свет с простотою детского возраста, попустил мне пережить подобное Адамову падение. Но Он не покинул меня до конца: Он дал мне понять: куда я удалялся от Него (ср. Лк. 15, 13–24). Параллельно с тем, Он излил на меня в потоках слез моих благодать сокрушения о содеянном мною. В начальный период я был полным невеждою в учении Святых Отцов аскетов. Происходившее со мною во всем превышало меня, и я, невежда, рыдал в раскаянии моем, зная, что недостоин прощения. Тоска по Отце была всепоглощающею. Настолько, что когда пожигавшее меня пламя прелagалось в Свет, то я не мог внимать сему дару, и самоосуждение на «тьму кромешную» не покидало меня. Пламя невыносимого стыда испепеляло меня: «Я оставил Его за ненадобностью для меня: я превзошел Его в моем разумении Первого Бытия». Я молился лежа ниц: я не смел взглянуть на Него. Я ненавидел себя самого.

Человек, взятый в своей отдельности, не располагает возможностью идти в одиночку за Христом: слишком

грандиозна картина, раскрывающаяся пред ним. Здравый умом отстранится от самодовольства и взыщет надежных свидетелей: «не напрасно ли он подвизается» (ср. Гал. 2, 2). Свидетели же, естественно, должны избираться среди тех, которые в древности последовали Христу, а так же и среди современников своих той же веры. Не пойду я спрашивать буддиста или магометанина: верно ли я разумею заповеди Господни? Так я обратился к чтению преимущественно Нового Завета, к священнослужителям Церкви, к профессорам богословия; к чтению писаний апостольских мужей, великих аскетов, не игнорируя и трудов недавнего прошлого и современников моих. В то время труды последних мало помогали мне непосредственно. Зато знакомство с творениями аскетов действительно соответствовало моим нуждам. В них я находил не только вдохновенные руководства на избранном мною пути, но и многие чудные толкования внутренних духовных событий, которые были уже мне известны. С одной стороны, я утверждался в познании духовного мира, с другой — входил в сложную брань с моим тщеславием. Обнаруживая в их писаниях сходство с моим опытом, я, бывало, испытывал наплыв удовлетворения, которое подобно болотной тине окутывало сердце мое. Тогда терялось видение Света небесного, — иногда надолго. Я впадал в великую печаль в связи с этим явлением. Положение мое казалось безвыходным: я не могу быть самодовлеющим, но когда я начинал понимать ниспосланное мне десницей Божией, так «шуйца» моя губила все (ср. Мф. 6, 3). «Несчастный я человек! Кто избавит меня от» сей смерти? (ср. Рим. 7, 24). Не раз случалось: молюсь, утопая в слезах сокрушения, и едва где-то рядом, в воздухе еще, появится тщеславный помысл, как я встаю с земли окраденный: нет слез, душа опустошена, тело

здорово, жизнь духовная ушла. После многих повторений подобного бедствия, я приходил в страх при малейшем знаке приближения сего врага и удваивал плач покаяния: «Господи, пришли убийцы, спаси меня». Тогда я понял, почему Отцы не любили похвал: даже совершенные не выходили без некоторого ущерба в любви Божией.

«Блаженны нищие духом, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). Эти слова Христа лежат в основе пожизненного подвига, ведущего ко спасению, понимаемому как обожение.

«Молю Тебя, Христе, собезначальное Отцу и Духу Слово Ипостасное, даруй мне ныне слово, могущее хотя бы отчасти изъяснить, каким сокровенным тайнам Ты научаешь нас чрез промыслительное удаление от нас. Ты бо единый Учитель и Наставник наш (Мф. 23, 8 и 10); Ты — Свет, Ты — Премудрость; Ты же единственный путь ко Отцу».

Поставленные вплотную пред невыразимым величием Божественной любви, явленной нам воплощенным Логосом Отца, мы, в стремлении нашем следовать по Его стопам, сначала проходим тяжкий опыт все большего обнаружения нашего ничтожества. Горек, а вместе и дивен сей процесс; глубинный смысл его, однако, открывается нам лишь на конце пути.

Во Христе мы встречаемся с Абсолютным Существом; не иначе, как Его силою мы можем преодолеть все, что неспособно воспринять вечность, что противно Его любви. Печально нам на каждом шагу убеждаться в нашем бессилии; тесен наш ум, чтобы уразуметь Его святые повеления. Но в самом страдальческом стремлении к Нему мы начинаем видеть вдохновляющий призыв, исходящий от безначального Божества. Еще не сладостно, но мы

возлюбили Его: Он благолепен, и любовь сия сильнее смерти. Как бы ни было тяжело хранить Его слово, но мы не можем уклониться от стоящей пред нами цели: стать на веки селением Его Света. Так с болезнью всего состава нашего утопаем мы в море слез всецелого покаяния. Мы знаем из опыта, что нет иного способа выбросить из нас унаследованную в падении гадостную страсть гордости. В состоянии этого покаяния мы становимся открытыми для действия в нас Духа Святого; действия могучего, дающего нам предвкушать вечное единение с Богом.

Переход из унаследованного нами от Адама рабства в область Невечернего Света Христова — есть событие более важное, чем все иные факты Земли. Признаком приближения к сему великому таинству служит появление в нас святой ненависти к самому себе (ср. Лк. 14, 26). Сказано: ничто нечистое не войдет в Царство Агнца Божия (ср. Откр. 21, 27). Испытаем сурово самих себя и без сожаления осудим себя во ад, как недостойных Бога. Только так преодолеем мы нашу склонность снисходить к нашим немощам: прощать легко наши преступления, особенно, если они совершены лишь в мыслях. Игра наша грандиозна; в ставку идет все наше существо; выигрыш — бессмертие во Свете безначальном. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилия, восхищают его» (Мф. 11, 12).

Учение Христа исходит от «Отца светов» (Иак. 1, 17); ему присуще божественное совершенство; оно принадлежит иному плану Бытия. Никто из людей не может согласовать свою жизнь с Евангелием своею силою. Сколько бы мы ни напрягались, заповедь в своем совершенстве остается недостижимой. Возможно, что в какие-то моменты

нам будет дано приблизиться к сему Огню (ср. Лк. 12, 49), но устоять в нем надолго мы не можем. То же нужно заметить относительно опыта бесстрастия: он может быть дан подвижнику, но не носит характера постоянства и подвержен колебаниям, в зависимости от окружения, от формы служения людям.

В пределах Земли нет абсолютного совершенства, и опасно нам удовлетвориться уже достигнутым. Не верующие в Бога не знают богооставленности. Сие горе переживают лишь те, кто уже познал благодать Бога и всеми силами стремится пребывать в Нем и с Ним. Чем в большей мере вкусил человек радости единения с Богом, тем глубже страдает он при разлуке с Ним. Последний предел, известный нам из Евангелия — есть Сам Господь: после молитвы с кровавым потом в Гефсимании, в которой Он отдал все Отцу Своему, на кресте Он «возопил громким голосом:... Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?... и опять возопив... испустил дух» (ср. Мф. 27, 46–50). При таком полном истощании «человека Христа Иисуса» (1 Тим. 2, 5) — истощание сие преобразилось в столь же завершенное обожение воспринятого Им в акте воплощения нашего естества. И Ему, уже как «человеку», дано Имя, превысшее... всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем (ср.: Флп. 2, 9; Еф. 1, 21).

Христианину следует как-то приблизиться к сему состоянию, чтобы удостоиться воспринять соответствующее глубине его личного истощания — спасение. Такова Любовь Бога: в вечности ей свойственно никогда не уменяемое предельное напряжение Бытия, при полном отвлечении от себя. Она смиренна, а Божественному смирению естественно быть открытым для всех, приходящих к Нему (Ин. 6, 37–40). В Царстве Бога-Отца никто эгоистически не затворяется внутрь себя. Святая любовь все желание

переносит на возлюбленных. Весь мир, Божий и тварный, объемлет она в смирении. Таким путем все Бытие явится ее содержанием. В этом великолепие любви, ее неисчислимое богатство и невыразимое блаженство.

Нищета же и мрак адский — в самовлюбленном погружении в себя. Крайняя степень гордой замкнутости в себе выражается как ненависть к Богу.

Чрез долгий опыт самоистощания стяжевается любовь Божия. О ней дается откровение в краткие минуты посещений Свыше. Затем неизбежно последуют дни, годы богооставленности. Страх объемлет душу, покинутую Богом. Мы можем не знать — за что? Мы стоим перед опасностью: она, любовь, что явилась нам во Свете, уходит, скрывается подобно заходящему солнцу... спускается мрачная ночь. Таким образом научаемся мы следовать за Христом, сходящим во ад. Следовать за Ним, «куда бы Он ни пошел» (Откр. 14, 4).

Всякому человеку, подлинно взыскавшему спасения, необходимо пройти чрез опыт богопокинутости. Моментами она может достигать такой силы, что и короткие мгновения кажутся вневременными. Такие крайние состояния ниспосылаются подвижнику не часто, но умеренная степень сего испытания нашей веры может сопутствовать нам долгие годы во втором этапе духовной жизни христианина, то есть когда промыслительно он претерпевает ослабление и даже удаление первой благодати. В этом неизбежном оставлении есть глубокий смысл: дать человеку возможность проявить свою свободу и верность Богу.

Но как возможно не отчаяться, если ни одна молитва не достигает уха Всевышнего? Как бы ни был утвержден человек в некоторые предшествующие годы живым

общением с единственно Сущим, положение покинутости Богом, уже возлюбленным, ставит дух наш в тягостное недоумение: что же было со мною тогда? Неужели Бог, такой, каким я познал Его, может так удалиться, что ни один вопль уязвленной души не трогает Его?.. Подобные мысли смущают и колеблют ум. Окончательный ответ все же может не скоро прийти.

Когда и мой личный опыт дал мне увидеть, что заповеди Христа по самой сущности своей суть проекция Божественной жизни в нашем плане, тогда мне стали понятными слова Господа: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). В трудные времена провала всех моих усилий согласовать мои жизненные проявления с евангельским учением, я, бывало, молился так: «Прииди, и Сам Ты твори во мне волю Твою: повеления Твои не вмещаются в мое узкое сердце, и мой тесный ум не постигает их содержания... Если же Ты не пожелаешь вселиться внутрь меня, то я неизбежно уйду во мрак... Ты, знаю, не действуешь насилием, но молю Тебя: войди в мой дом властно и всего меня перероди: преложи адскую тьму гордости моей в Твою смиренную любовь; Светом Твоим преобрази извращенную природу мою, так, чтобы не осталось во мне ни единой страсти, могущей воспрепятствовать приходу Твоего Отца с Тобою (ср. Ин. 14, 21–23); сотвори из меня обиталище той святой жизни, которую Ты же Сам допустил меня отчасти узреть... Ей, Господи, умоляю Тебя, не лиши меня сего знамения благодати Твоей».

Часто на такую молитву уходили долгие часы.

Позднее верная душа уразумевает свое избрание Благим Отцом именно чрез ниспосланные ей мучительные испытания. Вне сих никто не проник бы в глубины Божьего о

нас замысла и не познал бы той любви, о которой говорил Христос. В часы богооставленности узреваем мы, что все, сделанное ранее, — далеко недостаточно для спасения, что благая вечность еще не принадлежит нам. Острое неудовлетворение собою, переживаемое как отворачивание от себя, есть первый признак приближения к полноте заповеданной нам Богом любви: преодоление страшного порога обращенности на самого себя. В молитве, порожденной ненавистью к себе, внутри нас раскрывается новое, уже надмирное бытие, и мы созерцаем величие Божие.

Христианское совершенство — сверх-человечно: оно божественно. Господь явил его нам в Своем воплощении. Никто не ушел отсюда в равной Ему мере (ср. Флп. 3, 12). Некое приближение, однако, бывало дано, скорее, немногим (ср. Мф. 7, 14), чрез учение и пример которых и мы вдохновляемся на подвиг стяжания смирения Христова и Его любви. Небесный огонь, пронизывающий жизнь Церкви и Таинства ее, удерживает в веках веру в Евангелие, которое «не есть человеческое и не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа» (Гал. 1, 11–12).

Многие спасутся, насладятся в океане Христовой любви, но немного таких, которые не без страха, но все же восприняли сие пламя еще в земной плоти. Помню, блаженный Старец Силуан по своему снисхождению ко мне, убогому, однажды сказал, что полноту благодати наше земное естество не может выдержать; в силу этого явление Бога в Его предвечной славе возможно лишь на кратчайший момент; и сие не иначе, как при укреплении тела и психики благодатью Святого Духа... Легче пронести в обнаженных руках горящие угли на, скажем, сто метров, чем удержать сию благодать и остаться живым. (Передаю точно смысл, но моими словами).

Носители такого познания кладут отпечаток на множества верующих; благодаря им удерживается в веках исторической реальности живое предание духа жизни.

«Знают» Христа лишь те, которые имеют внутреннюю жизнь подобную Его земной жизни. По словам Апостола, в нас должны быть те же чувствования, те же разумения, какие видим во Христе Иисусе, Который, будучи Богом по существу, унижил Себя, восприняв наш рабский образ, и смирил Себя даже до смерти крестной (ср. Флп. 2, 5–8). Он есть «камень», отвергнутый правителями мира сего, но в действительном бытии лежащий в основании всего существующего. Когда брошенный Им на Землю Огонь касается сердца человека, только тогда он обретает силу следовать за Ним в Гефсиманию и на Голгофу. Следовать, конечно, духом, в глубоком страдании всего нашего существа. Этого рода познание Господа, «сшедшего с небес» на Землю и далее во ад, приводит к частичному предвкушению воскресения.

Шествуют христиане по сему неизъяснимому словом пути в раскрывающиеся пред ними бесконечные дали. Дается им и опытное знание мрачных бездн, и радостное созерцание Света Царствия. Присутствует оно, Царство сие, повсюду, но вхождение в него зависит только от Бога, ибо само оно не есть нечто «объективно» сущее, но Сам Он, имеющий власть принять нас в Себя или, что то же, вселиться в нас вечным вселением. Тогда — мы в Нем, и Он — в нас; и Его Жизнь становится нашей неотъемлемой жизнью.

II

Та богооставленность, которую было дано Старцу Силуану переживать перед тем, как явился ему Господь,

в своей духовной реальности есть «истощание» (кеносис) самого Старца. В той богооставленности, которую он выразил словами: БОГА УМОЛИТЬ НЕВОЗМОЖНО, очевиден Промысл Божий, давший Силуану погрузиться в темное отчаяние, — испытать ужасающее душу умирание, — быть сведенным до крайнего умаления в силу отступления от него Бога. Но именно сие схождение во ад было приготовлением души для восприятия Христа, явившегося ему с великой силой. Свет Божества озарил его, и благодать Духа Святого преисполнила всего его, включая и тело; нетварная жизнь объяла его, и ниспосланное Свыше «отчаяние-истощание» преложилось в «смирение Христово, которое неопишимо». Посмотрим, как пишет Силуан о своем опыте.

«Господь научил меня держать ум во аде и не отчаиваться, и так смиряется душа моя. Но это еще не есть настоящее (т. е. Божественное) смирение, которое НЕОПИСУЕМО...

Смирение Христово в МЕНЬШИХ обитает; они рады, что они МЕНЬШЕ. Так мне дал разуместь Господь.

Я пишу об этом потому, что ДУША МОЯ ЗНАЕТ ГОСПОДА. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым.

Смирение есть Свет, в котором мы можем узреть Свет-Бога.

Кто познал Бога Духом Святым, тот от Него (Христа — Бога) научился смирению и уподобился своему Учителю, Христу, Сыну Божию (ср. Мф. 11, 29), и на Него (Христа) стал похож»⁷.

⁷ Старец Силуан. С. 127–8. Слова в скобках — вставлены мною ради ясности смысла.

Никто из земнородных не достигает полноты Христа в мире сем. Христос — изумляющее нас чудо: Бог всемогущий, Он умаляет Себя чрез воплощение во всех последующих за сим страданиях вплоть до смерти на кресте и схождения во ад. Чудо в том, что в нашей рабской (ср. Флп. 2, 7–8) форме бывания Он явил совершенство истощания Божией любви: «СОВЕРШИЛОСЬ» (Ин. 19, 30; 17, 4). Никто не может сравниться с Ним, но аналогия должна быть дана, хотя бы некоторым, чтобы ПОЗНАТЬ БОГА ДУХОМ СВЯТЫМ.

«Я Павел — узник Иисуса Христа за вас... Вы слышали о домостроительстве благодати Божией, данной мне... Потому что мне чрез откровение возвещена тайна... вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой... посредством благовествования, которого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его. Мне, НАИМЕНЬШЕМУ из всех святых, дана благодать сия...» (ср. Еф. 3, 1–8).

«Всякою молитвою и прошением молитесь... о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово... открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования» (ср. Еф. 6, 18–19).

Апостол Павел просил Ефесян молиться о нем, чтобы ему было дано слово с дерзновением возвещать открытую ему «тайну благовествования». Насколько более нуждаюсь я в молитвах всех и каждого, чтобы я смог верно представить один из важнейших аспектов христианской жизни. В моем случае речь идет не о каком-либо исключительном откровении, но все же очень важном, как показал мне опыт духовничества, напоминании об утерянном в массах познании о путях ко спасению. Итак, усердно прошу: молитесь обо мне.

Велик гений Блаженного Старца Силуана, к ногам которого допустил меня Промысл Божий. Он говорил и писал о данных ему состояниях простыми словами, понятными, однако, только тем, кто и сам жил в той же атмосфере, в какой и Силуан. Мне привелось беседовать с некоторыми из выдающихся представителей академического богословия. Было очевидно, что даже те из них, что знакомились с творениями святых аскетов древнего Египта и Палестины, живым опытом не познали того, о чем свидетельствовали Отцы. Вот почему я решился на попытку хотя бы отчасти раскрыть особый характер того мира, в котором пребывал дух Старца; как-то указать на ту реальность, которая заключена в его «простых» словах, например: «Я стал делать так, как научил меня Господь; и мой ум очистился, и Дух свидетельствовал душе спасение». Что же суть «чистый ум» и «свидетельство Духа»?

Дерзновение на сей труд я черпаю из того, что его, Старца, молитвами и я был поставлен в ту же духовную перспективу. Да, я не познал в полноте той меры благословения, которую излил Господь на него; но мне, последнейшему из человеков, все же было дано жить приближение к тому же опыту. В силу сближения моих состояний, в некоторые моменты моей жизни, с тем, что испытывал Старец, я осмеливаюсь на беседу о сем высоком предмете. При этом неизбежно коснемся мы глубоких догматических проблем.

«БОГА УМОЛИТЬ НЕВОЗМОЖНО» — подумал Старец. Напал на него дух отчаяния: ему казалось, что Бог отринул его вконец, и что уже нет ему спасения, но ясно виделась в душе ВЕЧНАЯ ПОГИБЕЛЬ⁸. «Дух этот такой

⁸ См.: Старец Силуан. С. 188.

тяжелый и томительный, что страшно о нем и вспоминать. Душа не в силах понести его долго... я пошел в церковь... и, глядя на икону Спасителя, сказал: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного. С этими словами я увидел на месте иконы ЖИВОГО Господа, и благодать Святого Духа наполнила душу мою и все тело. И так Духом Святым познал я, что Иисус Христос есть Бог. И я сладко желал страданий за Христа».

Самый ФАКТ явления Господа ЖИВОГО Силуану вскоре после постигшего его испытания, говорит о том, что в тот час состояние Старца было не так уж далеко от состояния Христа на Голгофе: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил» (Мф. 27, 46). Мы знаем, что созерцающий что-либо Божественное должен и сам быть в состоянии, аналогичном созерцаемому.

Христос после Своего возгласения предал Свой Дух в руки Отца. А что происходило с Силуаном?.. В смертельной печали идет он в храм, и едва произнес молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», увидел Его Живого; и все существо его исполнилось огня благодати Святого Духа до предела его сил. От видения он пришел в изнеможение, и Господь скрылся. Но Духом Божиим Силуан был возведен на небо, где услышал неизреченные глаголы.

Позднее Старец утверждал, что когда Господь Сам в великом Свете является душе, то душа не может не узнать в Нем своего Творца и Бога: «Господь мой и Бог мой!» — сказал Апостол Фома воскресшему Христу Иисусу (Ин. 20, 28). И Савл-Павел на пути в Дамаск в том же Свете узнал Христа-Бога. Странна и исключительно своеобразна жизнь христианина: богооставленность и мрак вечной гибели сплетаются воедино с явлением Бога во

Свете нетварном. Подобно тому, как при благодатной смертной памяти вечность сначала предстает под знаком минуса, т. е. как всеобщее угасание бытия, но затем предлагается в восприятие Света воскресения.

Господь Иисус вопрошал Отца: «Вскую оставил Меня еси?». Мы ясно сознаем, что в плане Божества онтологически сего не могло произойти; т. е. чтобы Отец отступил от совечного и единосущного Сына Своего, в Которого излил всю полноту Своего извечного Бытия. Как же понять, что собственно совершалось с «человеком Христом Иисусом»? (1 Тим. 2, 5). Из опыта Силуана, как и всех других великих подвижников благочестия в истекших веках, мы отмечаем совпадение состояния тягостной богооставленности с предельным напряжением соблюдать заповеди Божии (Ин. 5, 30; 10, 18; 14, 31; 15, 10 и 18, 11).

Мы констатируем сие явление, но никак не можем дать объяснения сему, особенно когда речь идет о Бого-человеке Христе. По существу в этих нечастых случаях промыслительной богооставленности нужно увидеть безмерное величие дара Божия. Вне сего опыта трудно понять обетованное обожение падшего человека.

Событие, о котором идет настоящее слово, есть «истощание» Божией любви. Христос Иисус, «во образе Божий сый»: по существу Своему Сущий Бог; или как выразился Апостол Павел: «имеющий образ Божеского Бытия», Сам Себя умалил: смирил Себя в акте послушания Отцу до полного отказа от Своей человеческой воли даже до крестной смерти:

«Душа моя скорбит смертельно... и, отшед немного, пал на лицо Свое; молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия: однако не как Я хочу, но как Ты... И был пот Его, как капли крови, падающие на землю (ср.: Мф. 26, 38–44; Лк. 22, 44)... Еще отшед

в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее; да будет воля Твоя... и в третий раз сказал то же слово» (ср. Мф. 26, 38–44). И именно за сие «Бог превознес Его, и дал Ему имя, высшее всех имен» (ср. Флп. 2, 6–9).

Превознесен Христос-человек, никем не достигнутый в акте Своего истощания: пойти на позорную казнь, предназначенную для злодеев; висеть на кресте обнаженным пред Своею Матерью, пред женами, служившими Ему; быть покинутым учениками; видеть полный провал Своей проповеди... И кто изочтет все, что нес Он в те дни внутри Себя?

Итак, этого рода богооставленность есть другой полюс Любви Божией. Она, сия любовь, нам заповедана Христом в таких страшных словах: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит (все, что ему дорого), а притом и самой души своей; тот не может быть Моим учеником» (ср. Лк. 14, 26, 33).

Редко кому за всю историю Церкви давалось переживать промыслительную богооставленность в такой мере, в какой сподобился Силуан, раб Бога Вышнего. Когда великий Свет осиял его в видении Христа, тогда казавшаяся смертельной болью богопокинутость преложилась в «ХРИСТОВО СМИРЕНИЕ, которое неописуемо»; которое есть онтологический аспект безначальной любви Бога Троицы. Бог, абсолютный в Своем неисчислимом могуществе, непостижимым образом абсолютен и в Своем «истощании — смирении».

Всякий, горячо возлюбивший Иисуса Христа, Бога — Творца нашего, и Бога Спасителя, непременно живет два состояния, кажущиеся противоположными: схождение во ад и вознесение на небеса. Святой Павел так говорит об этом:

«Мне, наименьшему из всех святых дано благовествовать неисследимое богатство Христово, и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне соделалась известною чрез Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ чрез веру в Него. Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава. Для сего преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле. Да даст вам по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши; чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову; дабы вам исполниться всею полнотою БОЖИЕЮ» (ср. Еф. 3, 8–19).

Диапазон христианской жизни идет безмерно дальше обычного слуха людского. «Дальше» — и вниз, и вверх. К сожалению, весьма многие не слышат чудных волн божественного гимна, идущих к нам из неисследимых глубин предвечного Бытия. Для верующего в Божество Христа, и в силу сей веры строящего свою жизнь на камне слова-учения Его (ср. Мф. 7, 24–27), открываются сокровенные бездны, неосязаемые для непринявших Христа, как Истинного Бога, как всеятого и абсолютного Авторитета (ср. Мф. 23, 8). АВТОРИТЕТА (не насилия, а) ИСТИНЫ БЕЗНАЧАЛЬНОГО ФАКТА И СОВЕРШЕННОЙ ЛЮБВИ.

Блаженный Старец различал два рода смирения: аскетическое и Божественное. Незадолго до его кончины, на мой вопрос: «Старец, Вы хотите умереть?» — он ответил: «Я еще не смирился». У меня нет сомнений, что он имел в виду неопишемое Христово (Божественное) смирение, которого он никогда не мог забыть. Вспоминая сие, он так писал: «Блаженна душа, которая хранит чистоту душевную и телесную: любит ее Господь и дает ей благодать Святого Духа; и благодать сия связывает душу так любить Бога, что от сладости Духа Святого не может она оторваться от Бога и ненасытно стремится к Нему, ибо в любви Божией нет конца. Хотя я знаю человека (это он сам), которого посетил Милостивый Господь Своєю благодатью, и если бы спросил его Господь: «Хочешь ли, Я дам тебе больше благодати?», то душа, немощная в теле, сказала бы: «Господи, Ты видишь, что если еще больше, то я не вынесу и умру»⁹. Пребывающим еще в теле, крайние напряжения даются весьма редким подвижникам и сие лишь на мгновение, в котором, однако, открывается вечность, не имеющая протяжения.

Беспомощно слово мое. Вижу, что не только «смирение Христово», как совершенство любви Божественной, неопишимо, но, для меня, и многие другие стороны жизни сей также невыразимы. Нам заповедано именно Божественное совершенство, которого мы не достигаем, — но самое желание которого дает нам ощущать всем существом, что к нам прикасается Абсолютное Божество. Оно влечет душу к Себе, и душа страдает, что не в силах вместить сей жизни, — и так, распятая, проводит свои годы на Земле. И не может сойти с этого нематериального креста, потому

⁹ См. Старец Силуан. С. 135–6.

что всякий раз, когда хотя бы отчасти «сходит», умаляется в ней поток подлинной вечности (ср. Мф. 27, 40).

Христианство, можно сказать, не есть некая философская доктрина, а именно ЖИЗНЬ. Жизнь и любовь «до конца»: до ненависти к себе. Сия есть ВЕЛИКАЯ ТАЙНА БЛАГОЧЕСТИЯ (1 Тим. 3, 16), «возвещенная нам чрез откровение» (ср. Еф. 3, 3) во Христе, предложенная в слове Его, явленная примером «осязаемого» Христа (1 Ин. 1, 1), и все же пребывающая непроницаемой, неприкосновенной, «неописуемой».

Старец Силуан многообразно выражал все ту же идю: Бог и все небесное познается не иначе, как Духом Святым. И это по дару сего Святого Духа, от Отца исходящего, что мы в Церкви нашей бытийно, живым опытом познаем «ИСТОЩАНИЕ» Сына Отчего в акте Воплощения, в Пустыне, в Гефсиманской молитве и на Голгофе. Он, Дух Святой, показывает предстоящее и нам истощание в нашей смерти.

По вере в Господа и Бога нашего Иисуса Христа сие становится доступным нам в какой-то мере, но можем ли мы идти далее сего?.. Мы научены в Церкви жить рождение Сына в Троице Святой, как истощание Отца, отдающего всего Себя, во всей полноте Своего безначального Бытия — Сыну. И так Сын равен Отцу в абсолютной полноте Божеского Бытия. Затем мы видим обратное движение: Сын в такой же совершенной полноте самоистощающейся любви предаст Себя Отцу и в Божестве, и в человечестве Своем.

Позволительно ли человеку дерзнуть и, перешагнув меру живого опыта, в своем умном созерцании уразуметь

соучастие Отца и Духа Святого в крестной смерти Сына?

Сын, Которым вся быша (ср. Ин. 1, 3), Творец Человека; Он воплощается; Он воспринимает в Свою Божескую Ипостась наш «рабский» (ср. Флп. 2, 7) образ быwania, а следовательно и страдания человечества после Падения. В предвечном Совете Троицы такой путь искупления павшего человека был предрешен. Не есть ли это самоистощение Отца, Который «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16) в недрах Божества? И Дух Святой, от Отца исходящий, живет тою же любовью, которая и во Отце. Итак, вечно соучаствуют Отец и Дух в «ДЕЛЕ» (Ин. 17, 4), которое было поручено Иисусу. Кенотический характер совершенной любви открыт нам Богом. И мы теперь ЗНАЕМ, что нет иного пути к полноте нашего обожения. «Совершилось! И преклонив главу, предал дух... Сам искушен был, может и искушаемым помочь» (Ин. 19, 30; Евр. 2, 18). Так мы живем в надежде, что в наш смертный час Он будет с нами, если мы были с Ним в подвиге нашем.

О ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ К СЕБЕ

Иисус Христос — Бог безначальный, дал нам заповеди, которые обладают свойством раскрыть и ум, и сердце человека до беспредельности. В начале, однако, верующий в не-преходящее значение Евангельского слова (Мф. 24, 35) вводится во внутреннейшую область души непрерывным поставлением себя на суд Божий: «Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя (как человек); но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 12, 48–50). Естественным следствием благоговейного стремления сохранить заповеди будет ясное осознание себя бессильным. Но чрез трудный подвиг пребыть в духе слова Господня ум человека постигает, что заветы Христа, по своей духовной сущности, суть нетварный Свет Божества. Ни одно наше действие не достигает совершенства, требуемого Всесвятым Богом.

Сошедший с небес Свет Евангельского учения просвещает наше внутреннее зрение и утончает сердечную восприимчивость; в силу чего то, что раньше было неуловимым для нас, уже не может скрыться: каждое движение сердца или мысли быстро улавливаются, и мы видим себя — каковы мы. Чем напряженнее трепет наш оказаться недостойным Бога, тем «обнаженнее» становится весь

наш внутренний мир и для нас самих, и, конечно, пред Лицом Бога: «Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его» (Евр. 4, 13). Бодрствование ума и трезвение сердца приводит к тому, что многим неопытным может казаться невероятным или преувеличением, а именно: христианин обнаруживает в себе и явно, и скрытно присутствующим внутри всякое зло, по крайней мере как возможность, и видит он себя воистину худшим всех и всего.

До явления нам Божественного Света мы живем как слепые. Вне сего Света мы не познаем греха; без него не раскрывается пред нами падение Человека в своих подлинных измерениях. Лишь Дух Святой Своим наитием делает нас способными сначала видеть трагизм нашего собственного положения и чрез нас — затем переживать великую драму всей мировой истории человечества. Последствия падения — недуг, неизлечимый от земных врачей. Сообразовать наши сердечные чувствования с духом заповедей Христа мы не можем. Отсюда болезненный подвиг борьбы с убивающим нас «законом греха» (Рим. 7, 23–25).

Драгоценен сей период жизни при всей его мучительности: со всех сторон охвачены мы пламенем страстей, принимающих форму «огненных искушений» (1 Пет. 4, 12). Но на помощь нам приходит благодать, которая в начале не видится как Свет, но ощущается как небесный огонь, пожирающий в нас корни греха.

Сколько раз душа моя как маленькое беспомощное существо повисала над пропастью в великом страхе; не земном страхе: я не стремился к бесконечному продлению этой жизни. Мой ужас был в том, что после того, как Бог снизошел до меня, я увидел какими язвами весь я поражен. Я осознал себя до конца неспособным к Царству

Святого Бога. Я не в силах описывать ту скорбь, которая погружала меня в длительный глубинный плач. Безумный, я все же знал, что я в руках моего Создателя, о которых сказано: «Страшно впасть в руки Бога Живого» (Евр. 10, 31). Мне бывало тяжело до невыносимости, и я не раз пытался вырваться из Его святых рук (ср. Ин. 10, 28), но все попытки проваливались, потому что мне некуда было уйти: ничто в мире не влекло меня, не могло удовлетворить мой дух.

Господь сказал: «...не бойтесь убивающих тело, но... бойтесь того, кто, по убиении, имеет власть свергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь» (Лк. 12, 4–5). Господь, предавший Себя на крестную смерть, не говорил праздных, ничего не значащих слов. И я никак не хотел умалять их категорического характера. И страх, животворящий — не отступал от меня. Больше того, совершалось нечто странное: как только он, страх, ослаблялся, я внутренне ощущал отступление от меня живой силы: молитва снижалась, ум рассеивался, чувство божественного уходило в туман: я умирал духом. Лишь много позднее я понял, что Дух Божий воспитывал меня, и моя мука обратилась в неисчислимую пользу: трепет пред гибелью вечной и покаянный плач — таинственным образом всего меня превращали в «молитву». Дух мой свободно, без волевых усилий восходил в состояние созерцания прежде неведомых реальностей: беспредельной пропасти бытия, мрачных селений ада, но и озаренного нетварным Светом Неба.

Да будет благословенно Имя Его во веки веков.

Не ждите от меня должным образом сконструированного описания жизни души моей в долгие годы моего прошлого. Нисходила она, душа, иногда в низины ада,

моментами же возносил ее Господь даже до небес. Стояла она по временам на той неопределимой грани, откуда созерцала и Свет Божества, и «тьму кромешную», наводящую ужас на душу; особый, не похожий на страх пред физической смертью. О, нет, это есть нечто качественно иное. Пред духом моим открывалась благая вечность, еще далеко не достигнутая, а также и вневременная тьма, дававшая знать о себе своим присутствием внутри. Я бывал в разрыве: не свободный от тирании страстей, я страдал, и в жажде непреложного блага стремился к Богу. Покаянная молитва всецело поглощала меня. Невесомая, невидимая сила переносила меня в умное-духовное пространство. «Там» я бывал один: исчезала земля; не было ни солнца, ни звезд, — ни людей, ни иной какой-либо твари; и тела моего я не ощущал. Бывало: света, как такового, я не видел и, однако, мой взор проникал в абиссальные глубины. Душа в болезненном отчаянии взывала к Богу. Да, я грешный, но жажду Бога, Святого Бога. В памяти у меня не было конкретных актов из моего прошлого, кроме пронизывающего знания о моем отступлении от Бога, Которого я знал в годы моего детства и начальной юности. Он уклонился от меня после того, как я отошел от Него в безумных поисках иного, якобы высшего, сверх-персонального Абсолюта.

Такая молитва с особою силою захватила меня, когда я был уже в пустыне. Не смогу теперь сказать, насколько долгими бывали мои моления в ту или иную ночь. Помню, что когда душа возвращалась к обычному вещественному мироощущению, то испытанное мною духовное чувство от молитвы в той беззвучной, вышеобразной бездонности оставалось со мною, во мне. В той беспредельности — нет ни верха, ни низа, — ни вперед, ни назад, — ни вправо, ни влево. И все же наступал момент, когда я начинал

двигаться, как мне казалось; и это движение я ощущал как падение; и глухой крик вырывался из груди: Господи, спаси... Ты единый можешь беструдно достигнуть меня во всякой бездне... И Он спасал.

Но почему «падение»? Не потому ли, что мой ум не мог больше стоять в Вечном? Ибо после этого кончалось видение.

Условия пустыни благоприятствовали такой молитве, потому что на мне не лежала забота в материальном плане ни о ком: я был один. Но это не значит, что она, молитва, по существу своему зависит от нашего внешнего положения: она есть дар Божий, связанный с другим даром: покаянием (ср. Лк. 24, 46 и 47). Начатки такой молитвы я имел и прежде, чем поселился на Афоне; имел ее и в Монастыре, но меньшей интенсивности и частоты. Она выводит человека из рамок времени. В самом состоянии молитвы он не знает себя в категориях Земли: он вне всяких иерархий: социальных и даже церковных. Он не мыслит ни о чем другом, как только о Боге, и предстоит Ему один Единому.

В одиночестве моей пещеры я получил исключительную привилегию отдаваться целиком такой беззаботной молитве. Она владела мною месяцами. Пресекалась в дневные часы житейскими делами, но когда кончался трудовой день и наступала безмолвная ночь в пещере, та молитва снова обнимала меня: опять все выпадало из памяти, оставалось лишь сознание невещественного, но страшного греха, порождавшее во мне сожаление, стыд, отталкивание и даже ненависть к самому себе. И снова все утопало в плаче покаяния, и дух мой входил в неименуемую беспредельность.

Я всегда был весьма медлительным, чтобы понять положение вещей, разобраться ясно в происходящем внутри меня. Долгие сроки я проводил без мыслей. Последние приходили при беседах, но не тогда, когда я бывал один пред Богом. Я не богословствовал, не возвращался критически на самого себя. Я не цеплялся за посещавшие меня состояния, хотя и пребывал в безвидной умной сфере. Назвать ли это безумием? Но когда сие безумство отошло от меня, тогда только я уразумел понесенную мною невознаградимую потерю в моем духовном бытии. Тогда, через ту молитву, открылся мне отчасти смысл слов Христа: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит... и самой души своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

Милость Бога ко мне выразилась в том, что Он даровал мне мощный порыв покаянного страдания, которое увлекало меня в ненасытимую молитву, — такую, что душа все забывала, ни о чем не помнила, но неудержимо тянулась к Богу невидимому, но любимому, неведомому, но знакомому, недостижимому, но близкому. Не найду я слов для описания дарованного мне Господом богатства.

Попытаюсь дать краткий список тех мыслей, которые приходили мне на сердце в скорбные часы воспоминаний об утерянной мною молитве. Нормальным следствием хранения заповедей Господних является крайнее умаление наше, т. е. истощание; без искреннего осознания, что мы воистину суть исчадия ада в нашем падении, мы никогда не достигнем полноты покаяния; чрез тотальное покаяние вырываемся мы из мертвых объятий эгоистического индивидуума и вводимся в созерцание божественной универсальности Христа, «возлюбившего нас до конца» (ср. Ин. 13, 1). Когда мы ненавидим самих себя за живущее

в нас зло, тогда раскрываются для нас беспредельные горизонты заповеданной нам любви: вне Христа мы никогда не обьемем всего мира в животворном пламени Свыше сходящей благодати; не узреваем мы онтологических измерений «второй заповеди»: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (ср. Мф. 22, 37–40). Блаженному Старцу Силуану была дана молитва за весь мир, как за самого себя. Да даст Господь всем и каждому узреть Свет такой молитвы, ибо чрез нее восстанавливается перво-зданный образ Человека. Кто не приближался к граням этих состояний, тот пусть не без страха и не без стыда дерзает называть себя христианином, сознавая до боли свое недостойнство на сие звание. «Если кто хочет идти за Мною», тот да отвергнет все свои прежние восприятия и понятия, и, взяв крест свой, да последует за Мною... «если кто приходит ко Мне, и не возненавидит... и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником... тот недостойн Меня» (ср.: Мф. 16, 24; 10, 37–38; Лк. 14, 26, 33).

Пугает меня мысль: где, в чем моя неправда пред Богом, которая преградила мне путь к той полноте, что излилась на главу Старца Силуана? Память о моем прошлом блуждании связана с острым чувством моего недостойнства вообще предстать пред ТАКИМ Богом. И если я в некоторые моменты моей жизни приближался к тем рубежам покаяния — когда освящается весь человек, то это было возможным не иначе, как за его, Старца, молитвы. Я не достиг его меры, но все же я знаю, что пишу о том, что ИСТИННО.

«Бог есть любовь»; Он есть «Свет, в котором нет никакой тьмы» (1 Ин. 4, 8; 1, 5). Любовь Христова по природе своей есть животворящий Огонь, брошенный с небес на Землю пришествием Сына Божия (Лк. 12, 49). Любовь сия

есть нетварная жизнь самого Бога. В пределах нашего земного существования, она пожигает в нас все чуждое ей, и вместе наполняет нас энергией иного бытия, дотоле недомыслимого. Необходимо, чтобы нас осенила сила Свыше, удостаивая нас познать сию Любовь бытийно. Без сего опыта никто из людей не в силах понять кажущиеся парадоксальными заповеди Евангелия: «Любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас...» (Мф. 5, 44); и в то же время: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей (по-славянски и по-гречески: «еще же и *душу* свою»), тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

«Бог наш есть огонь поядаящий» (Евр. 12, 29). Любовь Божия есть ядро предвечного Бытия; в ней, Любви, находят свое наивысшее выражение все прочие атрибуты Божества: Премудрость, Царство, Сила, Свет. В ней красота извечного непоколебимого Царства. Любовь Христова есть откровение Тайны и Отчей Любви.

Любовь Христова, обретши сердце, готовое принять ее пламя, вселяется в него. Но сие исключительное благословение в этом мире не дает покоя своему служителю, доколе не совершит своего дела (ср. Ин. 17, 4). Слово о молитве, порождаемое сей любовью, ужасает сердца.

Болезнен путь, ведущий к стяжанию святой Любви. Не потому ли многие отпадают от христианства?.. уклоняются от крестного пути сей любви на иные дороги? Но нет иного пути, как нет иного Бога (ср. Ин. 14, 6).

«Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). К земнородному сердцу в избранные часы может прикоснуться

несозданный Свет любви Христовой. В ней — вечность Божия; в ней единственная и последняя цель нашего подвига.

Ни ум наш в своем падении, ни сердце — без воздействия Любви, от Отца исходящей, не могут последовать за Христом в Гефсиманию, ни тем более на Голгофу. Глубокий плач всего нашего существа от ее, любви, палящего присутствия внутри нас при молитве за мир может достигнуть силы, превышающей нашу выносливость. Тогда исходит дух наш в вечность Божию, и молитва пресекается. Так болезненно предваряется блаженный к Богу исход духа нашего. По возвращении же своим душа испытывает сладкий покой и тот мир, о котором Апостол Павел сказал, что он превосходит всякий ум (Флп. 4, 7).

Не без некоторой тонкой печали возвращается сознание к обычному образу жизнеощущения. Скоро видит душа снова ту же действительность, что и ранее, и снова принимает многие раны. В своем следовании Христу всею силою существа — дух человека ощущает сей видимый мир подобным тесной камере тюрьмы: всякое благое движение его, духа, натывается на дикое сопротивление темных сил.

«Бог наш есть Любовь... Он есть Огонь поядающий». Совсем не легко приближаться к сему Огню. Далеко не безопасно для говорящего о сем святом Огне распространяться. Страх сжимает душу оказаться по исходе отсюда недостойным сего.

Многие годы, особенно на Святой Горе, в пустыне как и в монастыре, мой ум в стремлении к Богу отрешался от прошлого. «Отрешался» не чрез аскетическое

напряжение, а увлекаемый молитвою покаяния. Но с того времени, как я был поставлен духовником, иногда приходилось «вспоминать» пережитое. Теперь же, занятый написанием моей «исповеди» и вместе духовной биографии, я не без благодарности отмечаю, что многие моменты прикосновений Перста Божия неизгладимо отпечатались на теле моей жизни. «Пишет» Дух Бога Живого не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца (ср. 2 Кор. 3, 3). Написанное Богом стало содержанием моего бытия.

Что собственно хочу сказать я всем этим? А то, что чрез данное мне покаяние даже до ненависти к себе я неожиданно для себя испытывал чудный мир, и Свет нетварный окружал меня, проникал внутрь, делал и меня подобным ему светом, давал мне жить Царство Бога Любви. Царство, которому «не будет конца».

Я удивлялся, и не перестану удивляться смиренному снисхождению Вседержителя Бога даже до моего ничтожества. Но Он дал нам заповедь: «Смотрите, не презирайте НИ ЕДИНОГО из малых сих» (ср. Мф. 18, 10–14).

Мы видим, что и Сам Он живет согласно с данными нам заповедями. В заповедях Евангелия заключено Божие Само-откровение. Чем глубже входим мы в их дух, тем конкретнее становится наше Богосозерцание. И когда эти заповеди, по Его благоволению, станут единственным принципом всего нашего бытия, и временного, и вечного, ТОГДА и мы станем подобными Ему, потому что увидим КАК ОН ЕСТЬ (1 Ин. 3, 2).

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ.

О НЕТВАРНОМ СВЕТЕ

I

В основе христианской жизни лежит факт воплощения Бога. В нашей плоти, Им сотворенной, Он явил нам Свое изначальное совершенство. Благодаря сему мы обладаем осязаемым критерием — на сколько мы удалены от Него, или приближаемся к Его надмирному Бытию. Уподобляясь Ему во внутренних движениях нашего сердца, в образе нашего мышления, в реакциях наших на все, случающееся с нами в плане Земли, мы тем самым становимся подобными Ему и в Его Божестве. Он достаточно ярко описан в Евангелии, и опыт жизни в Нем представлен в посланиях Апостолов. Заповеди Его суть Нетварный Свет, в котором Он особенно открывается нам «как Он есть» (1 Ин. 3, 2). «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12).

Дивны воздействия сего Света на нас: мы стоим в крайнем изумлении пред неспостижимым чудом явления нашего в сей мир. Акт творения всего существующего — влекущая нас к Нему тайна. Но прежде озарения Свыше, пребывая во тьме неведения, мы с тягостным недоумением проходим болезненный путь нашего становления в Бытии: почему для создания сынов Божиих из «ничто» понадобился сей сложный процесс: рождение духа нашего в теле, составленном из земных элементов? Как возможно сочетать дух, подобие Абсолюта, и землю? Духу нашему

тесно в этих тисках: он бессмертен по своей природе, тело же наше подвержено распаду и умиранию. Отсюда напряженная борьба: дух стремится к Богу; он хочет и тело свое видеть нетленным, способным следовать его, духа, восходу; тело же тянет вниз, к земле, из которой оно взято, и передает духу свою смертность.

Ничего не понимая в самом себе, изнемогая от непрестающих конфликтов и неразрешимых противоречий, я делал попытки поставить себя в положение Творца, и размышлял: как бы я сотворил мир? Заключив себя в темноте и тишине, я сосредоточивал мою мысль на этом задании. Исходя из уже данного мне опыта бытия, держа в уме испытанные мною трудности, я от некоторых деталей быстротекущей повседневности переходил ко все расширяющимся горизонтам космического бытия. И что же случилось? Вместо того, чтобы внести поправки в «нескладно» сотворенное Богом, я скоро пришел в удивление пред тем Умом, который с таким ЗНАНИЕМ создал и Небо и Землю. И неприятно, и вместе радостно было обнаружить свою беспомощность. И мой младенческий ум улыбнулся Отцу, как улыбается дитя из колыбели матери своей. И восторг от неисследимой ПРЕМУДРОСТИ Бога залил мою душу. Где-то в дали, в бездонности неба сиявший бледно Свет вызвал молитву славословия и породил во мне жажду приобщиться ко всему великому миротворческому Делу Творца. Когда я, бывало, писал пейзажи под открытым небом, некоторые люди тихо подходили сзади и подолгу молча следили за моей работой. Так я желал бы встать недалеко от Вседержителя и наслаждаться созерцанием Его творческого вдохновения.

На такие опыты решаешься в те времена, когда смерть смотрит тебе в лицо или грозит унести других людей, дорогих тебе. Дерзания мои были наивными, но смешанными

с недовольством Богом. В Библии я нашел слова, которые выражали близко мои переживания. «Господь отвечал из бури и сказал: кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли?.. Кто положил меру ей?.. На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?» (По переводу 70-ти: «Когда сотворены были звезды, восхвалили Меня великим гласом все ангелы Мои»)... Нисходил ли ты в глубину моря и входил ли в исследование бездны? Отворялись ли для тебя врата смерти...? Где путь к жилищу света, и где место тьмы?.. Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?.. И продолжал Господь и сказал: будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему... И отвечал Иов Господу и сказал: знаю, что Ты все можешь... Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал... (Раньше) я слышал о Тебе краем уха; теперь же мои глаза видят Тебя: поэтому я отрекаюсь (от безумия моего) и РАСКАИВАЮСЬ В ПРАХЕ И ПЕПЛЕ» (Иов, из глав 38–42).

Исследуя самих себя чрез делание — жизнь по заповедям Господним, мы увидим себя до конца растленными и неспособными к добру. В ужасе от самих себя, мы каемся пред Богом и умоляем Его исцелить нас от поразившей нас смерти. Мы становимся готовыми разорвать узкое кольцо нашей индивидуальной воли и во всем предаться на Его волю, святую и совершенную. О, труден сей подвиг, особенно в начале, но в нем дана нам возможность включиться в поток Его вечности. Уповая на Бога в минуты

опасности, сосредоточивая наш дух на Нем, и мы сможем воспринять прикосновение к нам Его бессмертного дыхания. Приходит сей великий дар чрез смиренное, но огненное покаяние. Странное чудо: чем больше я *вижу* Бога, тем пламеннее становится мое покаяние, так как я яснее сознаю свое пред ним недостойнство. И это чудо неизменно повторяется из века в век. Вот пример из Ветхого Завета: «Я видел Господа, сидящего на Престоле высоком... вокруг Его стояли серафимы... взывающие друг ко другу: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его... И сказал я: ГОРЕ мне! ПОГИБ я! ибо я человек с нечистыми устами... и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. И тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6, 1 и далее).

Из Нового Завета замечателен пример Апостола Павла. Он ощутил свой грех лишь после того, как на пути в Дамаск предстал ему Господь в великом Свете Своего Божества, и удалился в пустыню (ср. Гал. 1, 17), чтобы принести покаяние пред Тем, Кого он, Павел, гнал. Жутким было его прошлое. До встречи со Христом Павел мог думать, что, подобно Пророку Илии, и он так же «ревнует о Господе, Боге Саваофе» (ср.: 3 Цар. 19, 10; Ин. 16, 2). И вдруг: то, что раньше он переживал, как свет и правду Божии, предстало его духовному взору, как мрак и вражда против Бога (ср.: Иак. 4, 4; Лк. 11, 35). И с великой болью он осознал себя грешником, большим всех других: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я ПЕРВЫЙ» (1 Тим. 1, 15); «Христос умер за грехи наши... был погребен... в третий день воскрес по Писанию... явился Кифе, потом двенадцати, потом... более нежели

пятистам... а после всех явился и мне, как некоему ИЗ-ВЕРГУ, ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (1 Кор. 15, 3–9). «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хули-тель и гонитель и обидчик, но ПОМИЛОВАН...» (1 Тим. 1, 12–13). И Петр, после своего отречения, «...вышед вон, ПЛАКАЛ ГОРЬКО» (Мф. 26, 75). И никто из человек не был без греха, кроме Пресвятой Девы Марии.

Многим может показаться непонятным, даже парадоксальным то устройство души, которое встречается у людей, познавших явление Божие в силе. Они действительно сознают себя достойными ада, но Господь для них пребывает во веки благословенным. Видение бесконечной святости смиренного Бога, с одной стороны, и чувство живущей в нас тьмы inferнальной, с другой, приводит человека в такое состояние, что все существо его сжимается в неудержимом, БОЛЕЗНЕННОМ порыве к Святому Богу. Сильно при этом отвращение к себе; и глубинный плач объемлет душу. Боль сия — духовная, метафизическая, нестерпима. Желание прощения-примирения с Богом подобно смертельной жажде. Это есть нечто трудно изъяснимое непознавшим. Плач сей по природе своей — явление совсем иное, чем плач душевный, связанный с катастрофами в пределах конечной жизни (ср.: 1 Кор. 15, 42–46; Иак. 3, 15; Иуд. 1, 19).

Когда человек плачет всем своим существом от БОЛИ, которую он испытывает от сознания своей гадости, то эта боль для него превосходит всякую иную боль вне его, и он мучительно живет себя, как худшего всех. Свет Божьего Царства, узренный на Фаворе ли, или на пути в Дамаск, или в иных обстоятельствах, влечет к себе, но видится

недостижимым, беспредельно превосходящим наше достоинство, вернее сказать — недостойнство. Молитва в этой святой БОЛИ может вырвать дух человека в иной мир; и этот, земной — забывается; и самое тело уже не ощущается. Отцы называли это «адамом покаяния», уподобляющим нас Христу, сходящему в Свой ад Любви. Как ни тяжело сие «адамово мучение», как ни велико страдание, ему соприсуща радость зова Божия и свет новой жизни.

Отцы наши, по дару благодати в вековом опыте, повторяющемся из рода в род, категорически утверждали, что нет иного пути к Отцу светов. Благодать такого покаяния дана миру чрез молитву Гефсиманскую, чрез крестную смерть на Голгофе и воскресение Христа (ср. Лк. 24, 47).

Не безопасно открыто говорить о сем предмете среди неверующих, а следовательно и не ведущих о нем, как должно ведать. «Душевные» непременно воспринимают слово сие в извращении, им свойственном. Блаженный Павел пишет о сем так: «...кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога; что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но наученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает сие БЕЗУМИЕМ; и не может разуметь, потому что о сем (надобно) судить духовно. Но *духовный судит о всем, а о нем никто не может судить*» (1 Кор. 2, 11–15).

Намереваясь приступить к посильному для меня описанию действий Божественного Света, считаю не лишним предварительно кратко сказать об одной из форм световых

явлений, опыт которой мне был дан. В годы зрелой молодости не один раз случилось, что в состояниях напряженного мышления о тайнах Бытия я ощущал — видел мою мыслящую энергию подобною свету. Мир умных созерцаний по-своему лучезарен. Да и наш ум все же является «образом Ума Первого», который есть Свет. Интеллект, сосредоточенный на метафизических проблемах, может потерять восприятие времени и вещественного пространства: как бы выйти за их пределы. Именно в таких случаях мой ум виделся мне светом. Сего рода состояние доступно человеку по естеству. Позднее выяснилось для меня, что описанное мною состояние качественно отличается от события — явления Бога во Свете Нетварном.

«Господи, мне страшно говорить... Прости меня, исцели меня, помоги мне, не отступи от меня».

Апостолы на Фаворе удостоились войти в сферу Света, исходящего от Отца, и услышать Его голос, свидетельствующий о возлюбленном Сыне. Но это стало возможным для них не прежде, чем они исповедали Божество Христа (ср. Мф. 16, 13 и далее).

Мне было дано переживать некоторые роды света и светов: «свет» артистического вдохновения, вызванного красотой видимого мира; «свет» философского созерцания, переходящего в мистический опыт; втиснем сюда и «свет» научного познания, всегда и неизбежно относительного достоинства; был я искушен световыми явлениями, приносимыми духами неприятели. Но уже в зрелом возрасте, когда я возвратился ко Христу, как к Богу совершенному, осиял меня Свет безначальный. Сей дивный Свет, пусть в той мере, в которой благоволением Свыше мне было дано познать, затмил все прочие, подобно тому,

как восходящее солнце не дает видеть даже наиболее ярких звезд.

Церковь основана на КАМНЕ исповедания БОЖЕСТВА Христа Иисуса (Мф. 16, 18). «...Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти...» (1 Тим. 3, 16). «В начале было Слово... И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 1 и 14). Событийный Отцу Сын стал Сыном человеческим. Он родился от Девы Марии. Ее величие как Матери Иисуса-Бога превосходит меру человеческую. Невозможно отделить Ее от Христа-Бога; и вместе с тем — Она *единосущна* нам по всему. В стихире на Рождество Христово подчеркивается, что всякая тварь принесла свойственное ей, «мы же (люди) Мать». Вне сего «историчность» воплощения могла бы быть поколеблена в глазах людей, и значение «человечности» Христа ставилось бы под сомнение (докетизм).

Факт боговоплощения занимает центральное место во всей истории человечества, во всем мироздании. Сие Событие опрокинуло все человеческие попытки познать Безначальное Начало идущими снизу усилиями, пусть подчас и кажущимися гениальными. Теперь мы научены избегать приписывать Богу порождения нашего земного ума и болезненного воображения. Все наши идеи, все наши признания или отвержения никак не могут изменить Бога в Его извечном Бытии (ср. Ис. 55, 8–9).

Когда мы стремимся познать ИСТИНУ, мы прежде всего должны решить вопрос: считаем ли мы То или Того, Кто или Что является действительно Перво-Бытием, Началом всего сущего, следовательно Истиной, независимо от того, совпадает ли сие с нашей идеей или нет; или мы заранее отвергаем все то, что не соответствует нашему

представлению об «Истине» или нашим желаниям? Лично я жажду познать то, что реально ЕСТЬ; и тогда поставлю для себя задачу — КАК мне с НИМ быть.

Как мне с Ним быть? Вот, Он открылся нам; Тот, Кто сказал не как некий безумец, но с абсолютным сознанием: «Аз есмь Истина» (Ин. 14, 6). И огромное большинство людей пришло в ужас. Он никак не укладывается в рамки нашего нормального мышления; Его повеления нам совершенно недостижимы; Его жизнь исполнена таких страданий, что душа приходит в страх, а Он говорит, что нет иного пути, как только последовать за Ним. Что же нам, т. е. мне делать?

Я испробовал иные пути и убедительнейшим для меня образом увидел, что там нет Истины. Я возвратился к Нему, как «блудный», но все же с новым знанием о человеке и бытии вообще. Его слова зазвучали для меня иначе, чем прежде. Я поверил в Него целиком. И это не потому, что ОН уложился в схемы моей мысли; или что заповеди Его показались мне нетрудными; или что уподобиться Ему в страданиях — я принял с легкостью. Нет. Но и сейчас я не смогу рассказать о том глубинном процессе, что происходил внутри меня. Я не нахожу имени той силе, которая сдержанно, но действительно исцеляла мой ум и сердце. В самом интимном месте сердца восставало нечто таинственное, однако как-то ведомое с раннего детства моего. Рост сей был своеобразный: то он принимал форму медлительного и трудного прогресса, то внезапными вспышками отрывал меня от всего, что не Он. Думаю, что это было не иное что, как Самооткровение (ср. Мф. 11, 27) Бога внутри моего духа.

«Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...» (Ин. 6, 44). Изыскивает ли Его

Отец только великих? Или и «малых»? Если возможно последнее, почему бы я исключил сие для меня, хотя я и весьма ничтожен? Не Он ли вложил в меня некую тонкую интуицию, которая, однако, была глубже всех иных моих мыслей и достовернее всех иных моих знаний? Как бы то ни было, но когда я поверил в Божество Христа до полной несомненности, тогда меня осиял Свет не от мира сего. И до некоторой степени подобно Павлу, во Свете Его я познал Его. Сначала я поверил живою верою, затем явился мне Свет. Не то же ли было с Апостолами Петром, Иаковом и Иоанном? Когда они устами Петра исповедали Его Божество, тогда в ответ Он сказал им: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16, 28). Что и исполнилось вскоре после сего на Фаворе. Так же и Павел носил духовно в сердце своем Христа, Которого гнал; и потому явился ему Свет Божества в силе. И дерзаю сказать, что видение Несозданного Света связано неразрывно с верою в БОЖЕСТВО Христа. И связано, и странным образом зависит одно от другого. В ЕДИНОМ Свете являются и Христос, и Святой Дух. Сей Свет свидетельствует о Божестве Христа, потому что нельзя не узнать Бога в том Свете, о котором идет речь. Неописуемы его действия. В нем вечность; в нем невыразимая благодать любви. В нем видит дух наш необъятные горизонты. И не сразу, но постепенно дух открывает все новое и новое в том СВЕТОНОСНОМ ПРОРЫВЕ в Небо, «где Бог» (ср. Исх. 20, 21).

«Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, ЧТО будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, КАК ОН ЕСТЬ» (1 Ин. 3, 2). В сущности, Бог во всяком Своем явлении человеку пребывает все тот же; но мы не воспринимаем Его как должно;

мы не вмещаем Его в Его Абсолютности в пределах земли, но все же «видим» Его, хотя и «как бы сквозь тусклое стекло» (1 Кор. 13, 12). И самое это «стекло» не всегда одинаково «тускло». Это зависит от того, в какой мере храним мы заповеди Христа, в которых дано Само-откровение Бога нам. В них живет Дух Отца: «...слова, которые ТЫ ДАЛ Мне, Я предал им; и они (из этих слов) уразумели истинно, что Я исшел от Тебя» (ср. Ин. 17, 8). И еще: «Если пребудете в слове Моем, то... познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32).

Приятие Истины происходит в свободе; она никем и ничем не навязывается человеку-персоне. И отнять ее насильем — нельзя. Вера по приказу — не-совершенна в корне своем, хотя и возможен переход ее в истинную; т. е. ту веру, чрез которую Истина вселяется в нас, как искомая и вожденная, и на всю вечность.

ИСТИНА есть Само-Бытие, «как Оно есть». Оно открылось нам как Личный Абсолют — Троица Лиц в полном единстве и тождестве Бытия. Соединение с Ним сообщает и нам Божественный образ Бытия, во веки непреложный. Евангельское слово, чрез пребывание в нем, становится кристально прозрачным и ассимилируется нами настолько, что мы уже обладаем им подобно тому, как владеем материнским языком. Когда оно, слово, становится нашим кровно-родным, тогда мы приближаемся к уподоблению Христу, даровавшему нам сию драгоценность (ср. Ин. 17, 8). И как я уже много раз говорил, что отождествление наше Богу воплощенному из сего видимого плана — по аналогии переходит в вечность, как наше обоженис: вечное пребывание в сфере Божественного Бытия.

Обратное сему нужно сказать о том же евангельском слове: когда оно никак не прелгается в акт нашей жизни, тогда оно и непонятно человеку в своем извечном суще-

стве, и становится далеко непрозрачным экраном между Богом и нами.

Полноты совершенства Христа мы не достигаем; поэтому все суждения наши о Нем остаются не-адекватными. Однако велико для нас и то, что, пусть отчасти, но и нам открывается интимно Его внутренний мир. Через данный нам опыт благодати, в долгом подвиге жизни нашей, мы как бы сквозь щель в заборе, но видим Свет Его Божества (ср. 1 Кор. 2, 9–12). И что могу я сказать? В основании моей жизни лежит сознание, что Бог, Творец мира, и мой также, абсолютный в Своем безначальном Бытии, снизошел до нас, возвестил нам о путях к достижению нами Его вечности; раскрыл нам тайну смерти — т. е. греха; явил нам СМЫСЛ БЫТИЯ — ЛЮБОВЬ.

Если подвиг понимать, как волевое преодоление тех или иных наших страстных стремлений, то в подлинно благодатной жизни подвига НЕТ. Пришествие божественной силы внутрь приводит к тому, что все жизненные проявления человека принимают характер положительного акта, свободного от внутренних противоречий. И ум, и сердце, движимые любовью Христовой, не знают сомнений. Когда же любовь Божия изливается обильным потоком, тогда она переходит в созерцание Света Нетварного, сообщающего бесстрашие, дающего несказанную радость свободы духа, так как вне смерти и страха пребывает человек.

Дается нам познание бесстрастных состояний, длящихся иногда большие, иногда же меньшие сроки. В существе своем это прежде всего любовь, «изгоняющая страх» смерти, исполняющая душу торжествующего вдохновения, вводящая в созерцание нашего богоподобия. Но

при всем этом та же любовь погружает душу в море страданий. И действительно: «чем больше любовь, тем больше страданий душе» (Старец Силуан).

Приходит святой Свет при молитве глубокого покаяния за себя; а также и при молитве с любящим состраданием за обижающих нас: вдруг любовь сливается со Светом, и Свет проникает в душу, и извне становится насыщенной Светом атмосферой, воспринимаемой глазом.

Небесный Свет не поддается чувственному контролю. Иной, неуловимый по своей природе, он приходит неопределимым для нас образом. Бытие иных измерений прорывает завесу земного тела: пронизывает наше тварное естество нетварною энергией. Сообщает нам разумение надмирного Бытия не чрез зрительные или чувственные, но духовные видения. Описание этих видений выражается различными словами, в зависимости от характера или дара слова того лица, которому они даны. Но под теми или иными словами, тот, кто имел опыт посещений Свыше, увидит, о чем идет речь, — распознает скрытую за ними, словами, реальность.

Исходя из Единого Существа, Свет сей ведет к единому познанию Бога Любви. Нет разногласий в последствиях явления подлинно несозданного Света: все они, явления, приводят к одному: Откровению Божества Христа Иисуса. Бывают моменты, когда дух человека Божиим могуществом вводится в Его, Христа, Царство, которое «не от мира сего» (Ин. 18, 36).

Судя о добре и зле не по количеству совершенных внешне дел, а по духовному качеству посещающих его мыслей и расположению своей души к этим «посетителям», подвижник действительно знает себя худшим всех людей. Параллельно с этим, несмотря на всю свою

мерзость, он видит себя благодетельствованным Богом вне всякой меры (ср. Ин. 3, 34 — «не мерою дает Бог Духа»). Недоумевает он, почему многие другие, более одаренные, чем он, остаются вне Света?

Падение человека было тяжким, но все же не абсолютным. В силу этого наличествовала возможность покаяния и спасения. Писано: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Следовательно нет такого человека, который был бы совершенно чужд света. «Более одаренными» я назвал тех лучших, которые пребыли удовлетворенными тем, что они суть, и потому «не познали или не приняли Его» (ср.: Ин. 1, 9; 1, 11 и 16). Худшие же «приняли благодать на благодать» за горячность своего покаяния (ср.: Рим. 5, 20; Лк. 5, 32; 1 Тим. 1, 15).

Следуя примеру Апостола Павла, и я прошу всех, кто расположится читать написанное мною, молиться, чтобы Бог даровал мне, косноязычному, слово, достойное для выражения тайны Христовой (ср. Кол. 4, 3). Известно, что говорящий как должно о Боге, получает благодать, а тот, кто проповедует ложь, будет брошен в бездну мрака. Когда мы произносим духовное слово пред лицом Духа Истины, то мы первые подпадаем под его, слова, суд, страшный всякому, возлюбившему пришествие Спасителя мира.

В атмосфере наших дней исповедать о дарах, связанных с верою во Христа, совсем не просто. Предо мною стоит цель — дать возможно правдивую картину того, что выпало на мою долю переживать; притом так, чтобы не скрылись от внимания читателя глубокие импульсы сердца. Бог наш есть Царь смиренной любви. Он призывает нас учиться от Него Самому смирению (Мф. 11, 29). Первым словом Его проповеди было: «покайтесь». И вековой опыт христианства показал, что едва человек с

болезненной горестью восчувствует мерзость своих демонических притязаний на превосходство и возненавидит сей темный дух, как сердце его вводится в сферу неизведанной дотоле свободы, и Свет Божий изумит его до изнеможения созерцанием благодати Божией. Все внутри при этом замолкает: ум не в силах мыслить, ни сердце изречь слово благодарности.

О, кто даст мне разум истинный и слово правое говорить о Свете Божества? Стыд овладевает мною, когда пытаюсь я обнажать мою душу; открывать то, что я пытался утаить от посторонних взглядов. Не ошибаюсь ли я, думая, что любовь Христова толкает меня на сей акт?.. Страх, который наполняет меня, приступающего к исповеди пред лицом, быть может, многих, не позволяет мне отступить от предпринятого дела. Итак, прошу, молитесь за меня, где бы я ни был.

Христос есть мера всех вещей — Божественных и человеческих. Он — духовное солнце, освещающее все мироздание. Во свете Его повелений мы знаем путь. Чрез Него открыт для нас «доступ к Отцу» (ср. Еф. 2, 18).

Человек, как образ Абсолюта, естественно влечется к Началу всех начал, к Перво-Бытию. Шествие сие, однако, начинается нашим схождением в преисподние глубины. Апостол Павел говорит о Христе: «...восшел, что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все» (Еф. 4, 9–10). И именно это есть наш путь после падения; и нет другого. Мы нисходим в акте само-осуждения в темные пропасти, потому что с того момента, как во Христе и чрез Него открывается нам образ предвечного, в творческом уме Бога, ЧЕЛОВЕКА, мы постигаем бездну нашего омрачения.

Подобно тому, как сверкнувшая в ночи молния, угаснув, делает тьму непроглядною, так явившийся нам Свет Божества, по контрасту, дает нам видеть наш внутренний мрак, подобный сгущенной массе отвратительной нечистоты. От этого видения рождается внутри великая скорбь, поражающая наше существо во всех планах. Страдание нашего духа при этом бывает вневременным, большим, чем от всякой иной физической боли. Мы всецело погружаемся в потоки слез. Рабы страстей — мы вдруг узнаем себя оторванными от Бога, стрела любви Которого ранила нас. «Из глубины взываем» мы к Нему (Пс. 129).

«Прииди, Ты, Единый Святой, и освяти и очисти меня от всякой скверны. Прииди, Ты, Единый воистину Живой, и исцели меня от поразившей меня смерти. Прииди, Свет истинный, и вселись в меня вечным вселением».

Так зарождается в нас покаяние. В начале оно сопровождается глубокой печалью; затем, меняясь в силу напряжения и в своих формах, остается с нами неотступным. Покаянию на земле нет конца: конец означал бы полноту обожения нашего чрез совершенное уподобление вознесшемуся Христу.

Покаянный порыв временами бывает всепоглощающим. В уме и сердце нет ничего, кроме страдальческого сознания: «я пленник злой тьмы». И вот, непредвиденным образом в темницу души проникает Свет несозданного Солнца: тот Свет, что наполняет все космические просторы. Он любовно объемлет наш ум и сердце. Мы видим Его и пребываем в Нем; однако не в силах еще поверить этому чуду Благости Отца нашего. «...увидевши Его, поклонились Ему; иные же усомнились» (Мф. 28, 17). «Усомнились», будучи не в силах вместить происходящего: Я — убогий и мерзкий... неужели это возможно?

II

Смотря пристально на чистое голубое небо, я иногда останавливал мой взгляд в избранном мною направлении, а иногда пробегал его от края до края. Достигнув горизонта, я мысленно шел дальше, и уже умом видел его объемлющим нашу планету. Я всматривался в глубину его; стремился проникнуть до его пределов; но чем более я удерживал мое внимание на этом чудном явлении, — чем усерднее смотрелся в небесную сферу, исполненную света, тем более увлекала она меня своей тайной. Когда же по дару Свыше я удостоился узреть Несозданный Свет Божества, тогда с радостью узнал в голубом небе нашей «голубой» планеты символ сияния надмирной славы. Оно, сияние сие, повсюду; оно наполняет все бездны мироздания, пребывая неизменно неосязаемым, запредельным для твари. Голубой — есть цвет запредельности, трансцендентности. Многим на земле было дано блаженство увидеть сей дивный Свет. Большинство из них сохранили сие благословение как драгоценнейшую тайну их жизни и, увлеченные сим чудом, перешли в иной мир. Другим же было повелено оставить свидетельство ближним и дальним братьям о сей высшей реальности.

Душа не без страха решается говорить о том Свете, который посещает человека, жаждущего увидеть Лицо Безначального. Таинственна его природа; и в каких образах описывать его? Неизъяснимый, невидимый — он иногда бывает видим вот этими телесными очами. Тихий и нежный — он влечет к себе и сердце, и ум так, что забываешь о земле, будучи восхищен в иной мир. Это бывает и среди белого дня, и во тьме ночной. Кроткий, он, однако, более могуществен, чем все, что нас окружает. Он объемлет

человека странным образом извне; видишь его, но внимание уходит вглубь внутреннего человека, в сердце, согретое любовью, иногда сострадательною, иногда благодарною. Случается, что не ощущаешь материальности: ни своей, ни окружающей действительности, и себя видишь как свет. Уходит болезненность; забываются заботы земли; тревоги поглощаются сладостным миром. Бывало: Свет сей, в начале, являлся как тонкое пламя, целительное и очистительное, пожигавшее и внутри, и извне все неуютное ему, но тихо, едва уловимым прикосновением.

Свет сей святой, являясь в силе, приносит смиренную любовь, изгоняет всякое сомнение и страх, оставляет далеко позади все земные отношения, всю пирамиду мирских чинов и иерархических положений: человек становится как бы «никто»: он не стоит на пути братьев своих; не ищет себе никакого места в этом мире. Свет сей есть в самом себе нетленная жизнь, пронизанная миром любви. Он дает духу нашему познание об ином Бытии, не поддающемся описанию; ум останавливается, став превыше мышления самым фактом вхождения в новую форму жизни. Невесомый, тончайший всего, что знает земля, он сообщает душе неуязвимость, неприкосновенность от всего, что отягощало прежде. От лица его бежит смерть, и молитва: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный...» — чудно сочетается с ним.

Дух наш торжествует: сей Свет — есть Бог. Всемогуший и вместе неизъяснимо кроткий. О, как осторожно обращается Он с человеком: Он сердце, сокрушенное отчаянием, исцелит; душу, надломленную грехом, вдохновит надеждой на победу.

Спасительная сила заключена в вере несомненной во Христа-Бога. Он есть **ВЕРХОВНЫЙ ФАКТ БЕЗНАЧАЛЬНОГО**

БЫТИЯ; Он — НАЧАЛО и КОНЕЦ; АЛЬФА и ОМЕГА. На камне сей веры становится возможным даже для нас подлинное покаяние и дальнейший духовный опыт, подобный опытам Апостолов, Отцов Церкви, аскетов всех веков. По роду дарований, последствующих искреннему покаянию, человек познает их неземное происхождение. Апостолы Петр, Иаков и Иоанн на Фаворе были объаты нетварным Светом, и в этом осиянии восприняли невестественный голос Отца, свидетельствовавшего о Христе, как о возлюбленном Сыне Своем. Апостол Павел на пути в Дамаск узрел тот же самый Свет, и в явлении его познал Божество Иисуса. Подобного дара за истекшие века удостоились многие иерархи, аскеты, мученики и праведники. И даже до наших дней сия благодать не престала изливаться на верующих.

Предваряется видение Света подвигом покаяния, очищающего нас от страстей; весьма болезнен сей подвиг, но самое созерцание Света сладостно для сердца и ума. Свет сей есть совершенно особая любовь, блаженство которой может усиливаться дотоле, доколе душевность и тело человека способны нести сие небесное пламя.

Сей Свет, присущий Отцу светов (Иак. 1, 17), перерождает и даже ново-творит нас; радикально изменяется направление нашего внимания: прежде оно влеклось к земле и временным вещам; по воздействию благодати оно, внимание, заключается внутрь и оттуда восходит в духовную сферу невидимого и вечного (ср. 2 Кор. 4, 18). Что раньше казалось нам важным и даже великим, становится ничтожным для нашего духа: и богатство, и власть, и слава земная, и все сему подобное теряет свою притягательность. Даже наука, не дающая нам самого существенного познания, т. е. о Боге; так же и философские

спекуляции, лишённые подлинной жизни, предстают лишь как преходящие ценности.

Когда неприкосновенный, по существу, и неименуемый Свет объёмлет нас извне и проникает внутрь души нашей, тогда и мы становимся как бы вне-временными. Сей исходящий от Бога Свет есть свет любви и ведения; но любви и знания особого порядка; оба сии сливаются воедино, да и суть едино в вечности. Любовь соединяет в самом Бытии, с самим Бытием; и вот, мы пребываем в нем, этом Бытии, и знаем его чрез наше единство с ним; но представить сие в словах — не дается. Любовь влечет так сильно, что ни на чем, происходящем с нами, дух наш не останавливается вниманием, хотя и живет в этом «происходящем». Нет движения к самому себе; он, дух, весь в порыве осязать Неосязаемого, обнять Невместимого, постигнуть Неуловимого; быть только в Нем, и не видеть уже ничего иного.

Многоразлично и многообразно является нам Свет. Но как возможно сие?... Не ведаю, как бывало с другими, но если в безумии моем дерзну говорить о том, что знаю, то скажу.

Господь дал мне БЛАГОДАТЬ ОТЧАЯНИЯ; и даже большее сего: СВЯТУЮ НЕНАВИСТЬ к моему греху, т. е. ко мне, самому себе, сросшемуся с грехом, смрад которого подобен ядовитому газу. Исцелиться своими усилиями — невозможно. При полном отчаянии от самого себя, как я есмь, единственно, что остается, — броситься к Богу с безнадежной надеждой. Бросок сей может быть всецелым, безвозвратным: я боюсь возвратиться; я не в силах сопротивиться греху, удержать новую жизнь непорочно. Господь, однако, не всегда берет душу в таком состоянии: «Человек же, из которого вышли бесы, (страшился отойти от Христа и)

просил Его, чтобы быть с Ним; но Иисус отпустил его, сказав: возвратись... *расскажи*, что сотворил тебе Бог» (ср. Лк. 8, 38–39). Верь, что уже ни один из владевших тобою духов не возьмет над тобою верх. Больные, хотя бы отчасти подобные «гадаринскому», зная свое бессилие противостоять владевшей ими «одержимости», боятся отлучиться от того, кто освободил их от чуждой власти.

Жизнь души, познавшей блаженство любви Христовой, в прежнем окружении неизбежно становится полною скорбей: «В мире будете иметь скорбь: но мужайтесь...» (Ин. 16, 33). «Рассказывать», свидетельствовать о Свете любви Божией — странным образом вызывает неприязнь в сердцах весьма многих людей. Нам нужно переживать и эту Иисусову скорбь: она поможет нам глубже проникнуть в Его земную жизнь: «О, род нескверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» (Мф. 17, 17).

Возрадовался Бог о явлении человека в мир (ср. Ин. 16, 21). Возрадовался падший мир о явлении Бога на Земле: «И сказал Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам... Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 2, 10–11). Сей Спаситель даровал нам познание об утерянном нами в падении Отце Небесном; Он открыл нам «тайну, сокрытую от веков и родов» (Кол. 1, 26); Он передал нам слово, которое исходит от Отца (Ин. 17, 14); Он дает нам и предвечную славу, которую Сам имеет от Отца (Ин. 17, 22); Он в грядущем веке желает видеть нас ТАМ, где Он Сам, т. е. одесную Отца.

В начале видения Света нет ощущения ТАЙНЫ, нет ВОПРОСА: все внутри и вне освещено; ничто иное, кроме

Света, не зрится. Ум и сердце «молчат», полные блаженного удивления Богу: «Я увижу вас... и возрадуется сердце ваше... и в тот день вы не спросите Меня ни о чем» (Ин. 16, 22–23).

Боговоплощение дало человечеству возможность вступить на верный путь ко Отцу чрез пребывание в духе заповедей Христа во всех обстоятельствах земной жизни. Возрастающая от этого любовь ко Христу сделает молитву напряженной, пламенной; доведет ее до великой жажды Господа, когда дух человека переходит границы сего мира и весь погружается в Единого Бога. Эта молитва роднит душу с Духом Истины, и зная Его, она затем «по вкусу», как говорил Старец Силуан, будет узнавать Его и отдаваться Ему; и обратное: непосредственно, интуитивно отталкиваться от многих призраков истины, способных привлечь к себе неопытный ум и непросвещенное сердце. СВЕТ Божий выявляет подлинные лики духов, и тем освобождает человека от одурманивающего шарма-прелести сопротивного.

Свет, который является человеку за веру во Христа, свидетельствует о Его, Христа, Божестве. Дух наш воспринимает Иисуса Господа как непреложную Истину, подлинно Святую. И сей безначальный Свет порождает внутри нас слова, тождественные учению Христа. В этом Свете мы созерцаем Отца; сей Свет мы воспринимаем как Духа Святого; в нем мы видим Христа, как Сына Единородного Отцу. Чрез этот опыт мы познаем единосущие Трех. Молясь сему Богу, мы живем ЕДИНОЕ БЫТИЕ Трех. Но в этом Единстве все же живем мы и различия: иной характер носит мое обращение ко Отцу; иначе молюсь я Духу Святому; по другому обращаюсь ко Христу. С каждым связывается некое особое духовное чувство, не разбивая нисколько Единства Бытия. К каждой

Ипостаси Святой Троицы мы питаем в каких-то оттенках различное отношение. Ближе всех мы знаем Иисуса Господа чрез Его воплощение, вочеловечение, и чрез Него вводимся в Перво-Бытие, которое и есть Истинный Бог: ТРОИЦА ЕДИНОСУЩНАЯ И НЕРАЗДЕЛЬНАЯ.

Иногда Божественный Свет созерцается таким образом, что человек уже ничего физического не воспринимает. Во время молитвы дух его вступает в сферу умного Света, и вместе с потерей ощущения окружающего его вещественного мира, теряет он ощущение и своего тела. Восхищается дух в это видение с такою нежностью, что он не может дать отчета, что с ним происходит. Не может он после сказать, был ли он в теле, или вне тела.

Чаще случается, что сохраняется нормальное видение материальной обстановки; в подобном состоянии человек может пребывать с открытыми глазами и одновременно видеть ДВА СВЕТА физический и Божественный. Такое явление у Отцов имеется в виду, когда они говорят, что видят Несозданный Свет естественными очами. Да, воспринимаются ДВА света, но не одинаковым образом. Свет Нетварный по природе своей иной, и видение его не подобно физическому зрению, при котором свет производит известное раздражение оптического нерва, переходит затем в психофизиологический процесс видения, не оказывающий на нас духовного влияния. Обратное со Светом Божественным: его приход всегда связан с особым благодатным состоянием, ощутимым и в сердце, и в уме, и даже в теле. Невидимый по естеству своему, он необъяснимо становится видимым. Таковое явление, однако, менее обычно, чем возможные интенсивные духовные состояния благодати, не сопровождающиеся видением Света.

Первый из описываемых здесь образов созерцания — выше второго, так как причастие к Божественной жизни, прикосновение к Безначальному Бытию переживается глубже, чем при втором. Но как объяснить, что в состоянии самого видения не улавливается какой бы то ни было процесс мышления, т. е. появление в уме понятий или образов. И однако, по окончании сего состояния, и ум, и сердце ощущают себя исполненными нового познания; сердце, действием в нем благодати Божественной любви, теснее постигает тайны, превосходящие всякое интеллектуальное восприятие. Назвать сие воскресением души? или дыханием Вечности, объёмлющей нас? Возможны оба выражения.

В нашем земном существовании, «прежде, чем мы вкусим смерти» (Мф. 16, 28), наиболее тесное общение с Божеством нам дается чрез осияние нас Нетварным Светом. Когда сей Свет приходит «в силу», тогда, как говорил Старец Силуан, нельзя не узнать, что это Господь, Вседержитель, Творец всего сущего. В момент сего видения человек просвещается Духом Святым: «В духе Святом познается Господь, и Дух Святой бывает во всем человеке: и в душе, и в уме, и в теле» (Ст. Силуан). Действие сего Света не может пройти незамеченным, неосознанным. Будучи безначальной энергией Бога, сей Свет проникает нас этой силою, и мы становимся «безначальными» не по происхождению нашему, но по дару благодати: безначальная жизнь сообщается нам. И нет конца мерам излияния любви Отчей на человека: он становится тождественным Богу. Тождество по содержанию, не по Изначальности Само-Бытия. Бог вечно пребывает для твари разумной — БОГОМ. Христос, по воскресении Своем, сказал Марии Магдалине: «...иди к БРАТЬЯМ Моим, и

скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20, 17). Св. Григорий Богослов прекрасно объясняет смысл слов Господа. «Отцу Моему» по существу, от века; «Отцу вашему» по дару любви Отчей. «К Богу Моему» по человечеству, воспринятому Мною, а не в «собственном смысле» (Св. Григорий). И это есть ВЕЧНОЕ положение. Для Человека Христа — Отец пребывает Богом; для нас также. Но как полнота Божественной Жизни сообщена Человеку-Христу, так и спасенным во Христе сообщается та же ПОЛНОТА. Это следует из молитвы Господа: «...Они не от мира, как и Я не от мира. Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина... Не о них только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они ДА БУДУТ В НАС ЕДИНО, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: ДА БУДУТ ЕДИНО, КАК МЫ ЕДИНО. Я в них, и Ты во Мне: да будут совершены во ЕДИНО, и да познает мир, что Ты послал Меня, и ВОЗЛЮБИЛ ИХ, КАК ВОЗЛЮБИЛ МЕНЯ. Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы ТАМ, ГДЕ Я, и ОНИ БЫЛИ СО МНОЮ, да ВИДЯТ СЛАВУ МОЮ, которую Ты дал Мне...» И еще: «...все Мое — Твое, и Твое — Мое; и Я прославился в них» (Ин. 17, 10, 16–17, 20–24).

Свет, исходящий от Отца светов, эти слова делает родными, нашими внутри нас. Сей Свет влагает их в самое внутреннее существо наше. В этом Свете наше общение с Ним; общение «личное» (персональное), лицом к Лицу, персона к Персоне.

Начальные действия Света сего в мерах, если можно так выразиться о сем Божественном даре, малых — опознается глубоким чувством Живого Бога в сердцах и умах наших, но еще не как пришествие Царства в силе, не как очевидное «личное» общение с Ним. Необходимо

подчеркнуть, что Свет Божественный НЕПРЕМЕННО соединяется с ОЩУТИМОЙ всем нашим существом благодатью. В связи с этим, Блаженный Старец Силуан и говорил, и писал: «если ты видишь свет, и при этом ничего другого (т. е. ощутимой благодати), то это от «неприязни» и не должно его принимать».

Интеллекция непостижимости Само-Бытия возможна и на невысоких степенях духовного познания. Многие, не узрев еще Несозданного Света, т. е. того, что познаваемо бытийно в Божестве, были уже способны ощутить непостижимость Божества в порядке естественного человеку философского созерцания. Это последнее не равно опыту Моисея (Исх. 20, 21): онтологически оно стоит значительно ниже, хотя все же показывает потенциальную возможность для сего интеллекта придти к подлинным созерцаниям, но не в отрыве от сердца, сего центра персональности человека.

Я не раз говорил, что подобные умы при напряженном сосредоточении дают ощущать себя как свет; неясный, но свет. И если он, ум, признает себя высшим проявлением человека и без любви сердечной предается своим отвлеченным восхождениям к Абсолютному Бытию, то в некоторых случаях может дойти до люциферизма, с его убийственным холодным светом, с беспощадным презрением к страданиям миллионов людей.

Наш УМ, создан по образу и по подобию УМУ ПЕРВОМУ — Богу. Ему, нашему уму, свойствен свет, ибо сотворен по образу Того, Кто есть Свет безначальный. Когда в опыте аскетических созерцаний о таинствах и тайнах Бытия Изначального он — ум — переступает порог времени и пространства, и для нас самих становится подобным

свету, тогда человек стоит в опасности счесть сей естественный свет тварного ума за Нетварный, Божественный. В состоянии подобных aberrаций своих — ум человеческий создает мистические теории, которые, однако, не выводят его к подлинно сущей вечности, а доступны ему по его тварному естеству.

Христианин, пребывая бытийно в сфере Нетварного Света, может еще не уразуметь, что есть сей Свет. Тем же, кто не познал действительно сего состояния, рассуждение о природе этого Света может показаться излишним, «академическим», не имеющим реального значения для нашего спасения. Не так обстоит дело с подвижниками, предавшими себя на предельный для них труд покаяния. И как возможно для ищущего истинного познания Бога уклониться от вопроса: что или Кто является ему? Знание Бога, бытийное знание, непременно соединяется с пришествием Бога внутрь человека. Это событие по существу своему неопишимо велико. В сердце самом нет сомнений, — но все же явление Света в силе настолько превосходит наше падшее естество, что никто из верующих во Христа не должен доверять себе без должного свидетельства или в Писании, или в творениях Святых Отцов. Больше того: даже Писания недостаточно для окончательного суждения, потому что и слово Божие почти всеми понимается различно. Необходимо подтверждение от другого лица, живущего единою с нами верою, но удостоившегося прежде нас Божьего посещения. Итак сии три: 1) Святое Писание Нового Завета; 2) творения святых аскетов нашей Церкви и 3) — «живой» человек. Если нет сего последнего, то праведной душе свойствен крик к Богу: «Пощади меня, и не попусти мне, растленному душой и телом, отпасть от Твоей Истины и вступить

на иной, чуждый путь». «Да не прельстиши Мене лестию» — такие слова влагает церковное песнопение в уста Пресвятой Девы, получившей от Архангела Гавриила откровение о девственном рождении от Нее Сына Божия.

Явления Несозданного Света менее редки, чем некоторые думают. В покаянном порыве многие аскеты удостоились сего дара, без того, чтобы дерзнуть остановиться умом на нем и осознать подлинно: Кто есть сей? Они довольствуются воздействием Света на душу: примирение с Богом, неоценимое утешение, ощущение вечности, преодоление смерти.

Не все по естеству обладают одинаковой силой выражения пережитого ими опыта. И это наблюдается даже среди величайших. Пример: Апостол Петр, объятый огнем любви ко Христу, творил чудеса подобно Самому Господу, но в своих посланиях он менее богат, чем Апостолы Иоанн и Павел. Петр, свидетель Фаворского преображения, ЗНАЛ, что чрез Христа, во Христе он соединяется с Богом в вечности; что «дарованы нам великие и драгоценные обетования, чтобы чрез них соделаться участниками Божеского естества...» (ср. 2 Пет. 1, 4); что «нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 12). Не мало и других великолепных слов находим мы в его посланиях, но Иоанн и Павел, менее него совершившие видимых чудес, в своих учениях дали нам еще более богатый материал, открывая нам необъятные горизонты богопознания. Апостол Павел более всех других Апостолов располагал аппаратом (развитию которого обычно содействует наука) для описания данных ему опытов. Ему принадлежит вечная слава за целые ряды глубочайших выражений откровенных истин.

Моя мысль, естественно, часто возвращается к моему в Боге отцу, блаженному Старцу Силуану. Бытийно сей смиренный муж пребывал в состояниях, которых за всю историю Церкви удостоились лишь немногие, но в своих писаниях он явно обнаруживает отсутствие у него запаса слов и понятий для более наглядного изображения излитых на него великих благословений. Церковь, мы знаем, одинаково чтит и тех, кто в немногих словах, но в обилии чудес и высотой духа созидали Ее, и тех, кто послужил той же цели даром учительства.

Когда воистину Сущий Бог — $\acute{o} \text{ } \acute{\omicron}\nu\tau\omega\varsigma \text{ } \text{'}\Omega\nu$ — открывается в явлении Нетварного Света, тогда интуитивно человек покидает идущую снизу философию о трансперсональном Абсолюте. Не отвлеченное, но бытийное познание Бога никак не ограничивается одним интеллектом: необходимо живое слияние-общение всего человека с Актом Божеского Бытия. Реализуется сие в любви: «Законник сказал Иисусу в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим» (ср. Лк. 10, 27). И это есть наша гносеология — наука о познании.

Заповедь призывает нас «любить». Следовательно любовь не есть нечто, уже данное нам: ее нужно стяжать подвигом нашего личного самоопределения. Призыв Господень обращен прежде всего к сердцу, как духовному центру персоны. Ум-рассудок является одною из энергий человеческой личности. Любовь Божия чрез веру зарождается в сердце, и ум поставляется пред новым внутренним событием. Пламя сей Любви привлекает всецело ум в сердце, и как бы расплавленный — он сливается с

сердцем во-едино и созерцает Бытие во Свете Божественной Любви. Человек становится «целым»: исцеленным.

Нет духовной борьбы более трудной, более болезненной, чем борьба за торжество Любви Христовой. Начинается она в нас самих, затем исходит во весь мир. Подлинно, сия Любовь не от Земли, но от Неба. В ней смысл Бытия Самого Бога, Который есть Любовь; Который дал нам заповедь «любить». Восход духовный в Царство Нетварной Любви Божией требует весьма длительного аскетического подвига. Сему «восходу» усматриваем некую аналогию в утомительном подъеме на крутую гору, — в муках творчества одаренных артистов во всех областях искусства, — в многолетнем усидчивом труде для приобретения научных знаний, да и во многом другом подобном сему. И если люди в большинстве случаев идут с готовностью на всевозможные жертвы для приобретения кратковременных материальных ценностей или привилегированного социального положения, то не приходится удивляться необходимости еще и во много раз больших усилий для стяжания непреходящих ценностей Царства Божия, по глаголу Христа: «Царство Небесное СИЛОЮ БЕРЕТСЯ, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12).

III

Сейчас я хочу говорить о том, что Господь даровал мне после моего обращения к Нему в зрелом возрасте, когда посещения связывались с глубокой покаянной молитвой. В начале этого периода Свет являлся, скорее, как Огонь, пожигавший и на поверхности тела моего, и внутри души нечто такое, что я воспринимал при этом горении, как чуждое Богу. О, я тогда ничего не знал и не понимал, что

со мною происходит. Мысль моя не шла на исследование природы сего Огня и сего Света. Я страдал в моем покаянии всем моим существом; но я знал, что я ожил духом. В те годы чрез меня проходили мощные волны и чувств, и мыслей. Приливы их бывали внезапными или постепенными; иногда все смешивалось в неясную полуночную грозу; и сказать теперь точно об испытанном в хронологическом порядке — невозможно. Что помню я достоверно, так это основной мой порыв к Богу в моей смертельной тоске по Нему. Я выражал ее в моих молениях такой сосредоточенности, что если и приходил Огонь ли, Свет ли, то и тогда мое внимание не отрывалось от Бога, и все стремление было к Нему. И вот, в Великую Субботу (быть может 1924 г.), Свет посетил меня после причащения, и я ощутил его как прикосновение Божественной вечности к моему духу. Тихий, исполненный мира и любви Свет пребыл со мною три дня. Он разогнал стоявший предо мною мрак не-бытийный. Я — воскрес, и во мне, со мною воскрес весь мир. Слова Иоанна Златоустого в конце Пасхальной Литургии предстали в своей потрясающей силе: «Воскрес Христос, и мертвый ни один во гробе». Истомленный до того видением всеобщей смерти, я переживал в тот момент: да, и моя душа воскресла, и я уже никого не вижу мертвым ... Если таков Бог, то скорее все надо оставить и искать только с Ним соединения.

На конце дней моих решился я говорить братьям моим о том, о чем раньше не посмел бы, считая сие не-целомудренным. Как бы ни был я ничтожен во всех отношениях, факт остается фактом: Бог Отец благоволил о мне, как Ему вообще свойственно благоволить ко всем сокрушенным сердцам (Пс. 50, 19); Он, Отец, привлек меня к Своему возлюбленному Сыну, и Сын восставил меня из моего

бедственного падения (ср. Ин. 6, 37–40 и 44–47). Дух Святой, от Отца исходящий, дал мне жить «великую благочестия тайну: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе» (1 Тим. 3, 16).

Теперь я знаю, что вне такой веры пережитые мною состояния были бы исключены. И при еще недостаточном опыте возможна вера, которая в дальнейшем возрастает в силу излияний благодати на человека. Свидетельствую, что когда при сильном отвращении к самому себе, как я есмь, все существо погружается в молитву ко Христу, вырывающую дух наш из когтистых тисков страстей и материи, тогда ощущение Божественной вечности настолько ярко, что никакая логика или психоанализ не могут поколебать очевидности. Почему говорю о логике и психоанализе? Потому, что первая не позволяет поверить, что исторический человек, которого можно видеть, осязать (ср. 1 Ин. 1, 1), которого можно убить, повесив на кресте, как разбойника, есть Творец всего безбрежного космоса. Второй — психологически убеждает нас в необходимости недоверия к своим переживаниям. Но, как говорил Старец Силуан: ТАКОЙ СВЕТ, ТАКАЯ ЛЮБОВЬ, ТАКАЯ СИЛА ЖИЗНИ И МУДРОСТЬ — могут исходить только от Истинного Начала всего существующего. Старец Силуан — необычайно одаренный человек; но и я, пусть по всему жалкий урод, могу как-то судить о том, что доступно человеческому духу, а также и нашей мысли и психике.

Апостол Павел удалился по явлении ему Христа в Аравийскую пустыню и там, в порыве всепожирающего раскаяния о своем прошлом, удостоился многих и великих откровений; среди них удостоверение, что Иисус Христос есть Бог. Я не ищу логических доказательств снизу; но и в моем покаянном плаче, превышавшем мою

силу, опалявшем меня огнем — я убедился в том же: Он, Христос, есть ВЫСШИЙ, ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ФАКТ БЫТИЯ. Характер моего покаяния никак не допускал возможности «воображать», что со мною может Безначальный Бог быть так близко, так действенно. Бывали моменты, когда я понимал образ откровения небесных тайн Пророкам, Апостолам и Отцам нашим. Свет, который посещал меня, есть Свет «Царства не от мира сего». Царем его называл Себя Христос (Ин. 18, 36).

Что, в сущности, происходит? Как объясняются подобные события? Наш дух вводится Духом Божиим в сферу сего Царства. При этом останавливается всякое дискурсивное мышление: мы живем новый для нас образ бытия. Нам дается опыт БЫТЬ: аз есмь. И Апостол Павел, и другие Апостолы: Петр, Иоанн и все последующие богословы Церкви ПОВЕСТВУЮТ о познанных ими ФАКТАХ БЫТИЯ.

Мне до боли стыдно произносить такие слова, которые могут показаться чрезмерно гордыми, и потому отталкивающими. Но в этом парадокс: я сам живу двойное состояние: мое, мне самому отвратительное ничтожество — одно, и сострадательное снисхождение Бога — другое. Я мыслю так: дары Божии даются каждому без отказа (ср. Мф. 7, 7–11), но по мере жажды и верности Дародателю каждого из нас: одним обильно, другим умеренно. Я знаю себя: я самый обыкновенный человек, нередко по-детски бестолково веселый; излишне говорить об этой очевидности. Но то, что мне было дано от Бога, по Его инициативе, есть нечто аналогичное Апостолам, Отцам Церкви, моим наставникам. В силу сей АНАЛОГИИ данное мне выражается теми же словами, что мы находим в Писаниях Нового Завета и творениях Отцов. Нет сомнений о колоссальной дистанции между Ветхим Заветом и Заветом

Христа (см. Мф. 5, 17–48). И все же даже в пределах Моисеева Закона Пророки иногда говорили с подобным апостольскому дерзновением. То же со мною. И в монастыре, и в пустыне, мне было дано познать описываемые мною СОСТОЯНИЯ ДУХА. Я не удержал их в полной силе: возвратившись в мир, я утерять постепенно очень многое. Но я помню о них. И дарованное мне там освободило меня духовно от власти людских суждений. Но страх Божий не прекращает сокрушать меня: сие значит, что я не перехожу моей малой меры.

Вот, что мы читаем у Старца Силуана: «Некоторые говорят, что это раньше когда-то было, а теперь все это устарело; но у Господа никогда, ничто не умалется, а только мы изменяемся, делаемся плохими, и так теряем благодать; а кто просит, тому Господь дает все не потому, что мы этого стоим, но потому, что Господь милостив и нас любит»¹⁰.

Мой отъезд со Святой Горы был вынужден обстоятельствами. В Европе я лишился постепенно многого из того, чем была полна моя жизнь на Афоне. Служение людям, как показывает опыт, связано с необходимостью входить в их скорби, в их страдания, их борьбу со страстями и слишком часто примитивными нуждами. К сожалению, это не помогает пребыванию в созерцании и в безмолвной молитве. Ход событий убедительно показывает, что на мое возвращение была воля Свыше. Но и при этом я не перестаю печалиться о потере тех даров, которые изливал на меня Господь сверх моих ожиданий.

Действие Света, о котором пишу, на дух человека

¹⁰ О смирении. С. 127

свидетельствует о его Божественности: он — несозданный, именуемый, неудержимый; он — сокровенный, невесомый, неприкосновенный. Недоумеваю — как мыслить или говорить о нем?

Он по природе своей — надмирный. Его схождение на нас есть не иное что, как явление Бога человеку: откровение небесных таинств. Дарованием сего Света при Фаворском Преображении утвердилось богопознание. С момента осияния сим Светом Апостолов на Фаворе Он вошел в историю нашего мира и стал «неотъемлемым наследием» сменяющимся поколениям верующих во Христа-Бога. Без сего Света Земля пребывала бы вне истинного богопознания. Сей Свет я позволил себе называть Светом воскресения, исходя из моего личного опыта: пришествием сего Света дух человека вводится в сферу, где нет смерти. Вне осияния сим Светом не постигается, как должно, тайна путей спасения: мир — люди — остались бы во тьме неведения. Отвлеченное богословское образование, даже самое утонченное, не спасает, потому что дает лишь интеллектуальное понятие, но не возносит реально в область Божественного Бытия.

Иногда сей Свет можно уподобить горному облаку, покрывающему вершину, где мы стоим: само облако насыщено светом, но мы не видим ничего, кроме него: весь прочий мир где-то утонул. Так Божий Свет, принося новый образ духовного бытия, скрывает от глаз видение материального мира. Свет сей ровный, целостный; он исполнен глубокого мира. В нем душа созерцает Любовь и Благодать Божии. При обильном излиянии человек перестает воспринимать материальность окружающего его места и даже своего тела. Больше того: себя самого он видит как свет. Приходит сей Свет тихо, нежно, так что не замечаешь как он объял тебя. Не сразу, не внезапно

обычно «забывается» мир. Это явление похоже на тихое засыпание нормально здорового человека; но, конечно, это вовсе не сон, а полнота жизни.

По отшествии Света сего, тихом, как и пришествии, душа медлительно возвращается к обычному восприятию материальной действительности. В смягченном сердце — глубокий мир. Дух человека пребывает одновременно и в вышнем Божественном плане, и в земном; однако первое постепенно ослабляется, и в душу приходит некая печаль, чувство сожаления, что несказанно милое прикосновение Божьего Духа умаляется в силе своей, тогда как восстанавливается физическое самоощущение. Благоуханный свет видения — бледнеет, но не исчезает вполне. Однако и самое ослабление порождает тонкое томление о Боге, но молитва течет мирно и от всего существа. Пребывание с Господом убивает страсти: нет тогда влечения ни к славе, ни к богатству, ни к власти, ни к чему земному, неизбежно страстному и всегда отмеченному трагизмом и кратковременностью.

Повторные посещения души благодатью приводят к усмотрению сходства между состоянием созерцания и впечатлением от евангельского слова. Последнее начинает восприниматься так же как Свет, как животворящая сила, как новый акт творения уже не в виде повеления: «да будет», но как обращение к разумному существу, как чаду Небесного Отца, не насильственно зовущее к чудному восхождению в царство любви Отчей, где нет ни смерти, ни начала, ни конца. Духу нашему дается понимание, что воистину слово Христа исходит «от Отца светов» (Иак. 1, 17–18), Который «восхотев, родил нас словом истины». В слове Христа заключена Божественная жизнь, и тот, кто открывает ему сердце до конца, становится богоподобным.

В начале моей монастырской жизни на Афоне Господь даровал мне непрестанную молитву, которая, не умаляясь в силе своей, переходила время от времени с одного предмета на другой. Расскажу о том, что помню достаточно ярко, так как речь идет о молитвах, оставивших неизгладимый след на моем бытии.

Много раз случалось следующее: вечером, по заходе солнца, плотно закрою окно, занавешу тремя занавесками, так, чтобы создать условия наибольшей тишины и темноты... Приникнув лбом к полу келлии, я медленно произносил слова молитвы одно за другим, и терялось всякое ощущение тесноты моей малой комнаты, и ум, забыв тело, чувствовал себя во свете слова Евангельского. Сосредоточенный на бездонной премудрости слова Христа, мой дух, свободный от всего вещественного, чувствовал себя подобно тому, как тело под солнцем в зените, залитым всецело сиянием Умного Солнца. Кроткий мир при этом наполнял мою душу, забывавшую все нужды и тревоги Земли.

Чем объяснить, что при нашествии на нас Света Христа, немногие заповеди Его, будучи написанными на сердце и уме, сделали бы излишними все иные законы, включая и Закон Моисеев. Это умное видение принимало характер полной несомненности: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим ... и ближнего твоего, как самого себя». Господь давал мне жить это состояние, и дух мой жаждал прильнуть к Его ногам в благодарности моей за сей дар (Мф. 22, 37–39).

Повторения такого состояния, не без интервалов, длились месяцами, быть может, годами.

Под влиянием того же Света, молитва за людей в глубокой печали овладевала моим существом. Было ясно, что

неизбывные, неисчетные страдания всей вселенной суть следствие отпадения человека от Бога, Создателя нашего, открывшегося нам. Если бы мир возлюбил Христа и Его заповеди, то все преобразилось бы коренным образом, и Земля стала бы чудным раем. Слово Писания о перво-зданном рае при этом видении являлось для меня осязаемой реальностью «данного» момента. Истекшие тысячелетия в плане вечного духа становятся умным видением, вневременным, непротяженным.

«...И поселил Господь человека в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2, 15). Вдохновляющая задача, включающая его, человека, на сотрудничество с Самим Богом в творении мира. Казалось мне, что даваемая мне свобода молитвы в ночной тишине Святой Горы есть уже предвосхищение Царства. Достаточно этого пребывания в Боге возлюбленном, чтобы уразуметь значение слов: Рай Божий. От Него, Святого святых изошли Евангельские слова, носящие абсолютный характер Божественного всеведения.

Когда кончалась молитва, сами собою приходили мне слова псалма: «Ночь просвещение в сладости моей ... яко день просветится» («...тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день» — Пс. 138, 11–12).

В начале тридцатых годов, когда я был уже дьяконом, в течение двух недель благоволение Божие было на мне. Вечером, когда солнце было готово скрыться за Олимпийскими горами, я садился на балконе близ моей келлии, лицом на заходящее светило. В те дни я видел вечерний свет солнца и вместе другой Свет, который нежно окружал меня и тихо проникал в мое сердце, странным образом давая мне испытывать сострадание и любовь к людям, которые обращались со мною сурово; бывало при этом и

несколько неболезненное сочувствие твари вообще. По заходе солнца я входил в мою комнату как обычно для совершения правила готовящимся к служению Литургии, и Свет не покидал меня во все время молитвы.

И вот, в один из вечеров подошел ко мне монах отец Ювеналий (Егоров), единственный мой сосед по этажу, и спросил: «Сейчас я читал гимны Св. Симеона Нового Богослова ... скажите, как Вы понимаете его описания видения им Света нетварного?» До того момента я жил благодарным сердцем находившее на меня благословение Господне, но у меня не было никакого вопроса относительно сего явления, и моя мысль, устремленная к Богу, не возвращалась на меня самого. Чтобы ответить Отцу Ювеналию, я мысленно остановился на происходившем со мною в тот самый час. Пытаясь скрыть себя, я говорил уклончиво: «Не мне судить об опыте Святого Симеона ... Но, быть может, пребывая в благодатном состоянии, он ощущал ее (благодать) как Свет... Не знаю». Казалось мне, что о. Ювеналий ушел к себе не заподозрив ничего большего, чем то, что я сказал. Но вскоре после этой короткой беседы я, как обычно, начал мою молитву. Свет и любовь уже не были со мною.

Так снова и снова я познал из горького опыта, что чистая молитва бывает только тогда, когда дух наш всецело погружается в Боге без возврата на себя самого. Странно: беседуя с о. Ювеналием, я не видел движения тщеславия внутри меня ... И все же! Но мог ли бы я предвидеть, что продолжение моего видения Света по вечерам и ночам того периода — начала моего священнослужения — не привело бы меня к возношению? Если сия беда стояла на моем пути, то Господь нашел прекрасный способ смирить меня отнятием дара. Да будет Ему слава во веки веков.

Сам Бог, Свет неприступный и Жизнь вечная, пришел в мир, жил с нами в нашей осязаемой плоти, и мир Его не узнал, не принял. Те же, что возлюбили Его пришествие, знают, что через Единородного и они усыновляются Богу, Отцу Вседержителю. Неизъяснимо познается Он в явлении Света благодати, тонком и чутком, утешительном и оживляющем. Вещественное солнце есть прекрасный образ Солнца Любви и Правды. Без лучей видимого солнца не была бы возможною жизнь на нашей планете. Все мы ощущаем благодетельное действие его лучей. Ранее он мне казался не-материальным, но после созерцания Нетварного Света Божества и он, естественный свет, стал для меня грубым, временами агрессивным. Он освещает земную природу, но непосредственно еще не дает нашему духу проникновения в тайны Божественного Бытия. Обратное со Светом Божества: он прежде всего приносит откровение о Царстве Отца Небесного.

По воскресении Своем Христос являлся исключительно тем, кто был способен воспринять Его уже в обожженной и просветленной плоти, пребывая невидимым для прочих людей. Так Свет Нетварный, «вся наполняяй», пребывает незримым для тех, кто не взыскал познать Бога всем существом своим. И опять, любопытная аналогия со светом физическим: он тоже невидим, если не находит воспринимающего и отражающего его предмета. При свете земного солнца природа становится великолепною для глаза. Свет же Божий, осиявший человека, делает его чудным образом преображенным: лица, самые банальные, как бы изуродованные грехом, в покаянной молитве озаряются Светом и видятся молодыми и даже прекрасными.

Снова и снова сердце готово петь славословие Христу-Богу, являющему Себя в нетварном Свете: таким образом неисчислимо могущественный, всему запредельный Он

нисходит до нас. Неприкосновенный, непостижимый Свет Его Божества все животворит, объемлет все существующее. К нему не приложимо понятие места, объема, и однако, не пространственно он присущ повсюду. Озарение сим Светом дает человеку опыт воскресения, как предвкушение грядущего блаженства. Он без слов говорит нашему духу, что «созданный по образу» в последнем осуществлении явится носителем полноты богочеловеческой жизни, будет усовершенным подобием Христу, Бого-человеку. Действием Света сего внутри кающегося раскрывается дивный цвет: Персона-Ипостась. И мы познаем, что сему в нас началу свойственно любовью вместить в вечности невыразимо грандиозную и святую жизнь.

Свет Христов есть «энергия» Божества, нетварная, безначальная жизнь Бога Троицы. Она, энергия-действие, свойственна и Отцу, и Духу Святому. В этом Свете мы познаем и Отца, и Духа Святого, и Сына Единородного. Когда сей Свет благоволением Бога осеняет нас, тогда ипостасное начало в нас из потенциального состояния в рождении нашем актуализируется и становится способным «видеть» Бога (ср. Мф. 5, 8), воспринять Его бытийную силу, богатство жизни Самого Бога. На земле — человек не вмещает абсолютного совершенства Божества, но по действию в нем Духа Святого, он осознает себя связанным с Тем, Кто есть воистину Творец всякой жизни и единый Центр всего сущего.

Опять и опять о том же Свете жизни, которого не поглощает тьма небытия (ср. Ин. 1, 5). Я не живу собою: я весь к Тому, Кого люблю. Он дал мне жизнь, Он же и есть моя жизнь. И если так, то что же я есмь?

Велик человек когда он в Боге Великом. Силою Божией любви он, человек, объемлет весь мир, и сам в некотором

смысле является «центром мира». Впервые сия мысль посетила меня, когда Бог даровал мне благодать «смертной памяти». Этот, скорее, негативный опыт в своей наибольшей интенсивности давал мне мой уход в небытие переживать как уничтожение всего космоса во мне: «во мне», с моею смертью, умирает весь род человеческий со всеми страданиями и радостями, стремлениями и познаниями. Больше сего: Сам Бог, еще недоведомый и все же как-то познанный, и Он умирает во мне и для меня. Все тварное и нетварное бытие исчезает в бездонном мраке забвения. Опыты такого состояния были, в сущности, созерцанием «абсолютности» (образ-отражение Абсолюта) ипостасного начала в нас, но под знаком минуса.

Когда же пришел нетварный Свет, свидетельствуя духу моему, что я вне власти смерти, тогда все то, что раньше умирало во мне, действием сего Света совопало со мною.

И пугающий мрак смерти, и тягостное отвращение к самому себе за живущий во мне грех, ощущаемый как разрыв с Богом любви, и горестное безнадёжие о самом себе, и возмущение бессмысленностью бытия вообще, как оно преломлялось ранее в моем сознании — все сие возрождающей силой покаяния преображается коренным образом: становится хриstopодобным «истощанием». Уподобленные Ему в смерти своей, Духом Святым воздвигаются и возносятся к подобной Его вечной славе (ср.: Флп. 2, 7–8; 3, 9–11; Рим. 6, 5). Так познается Иисус Христос в Его безначальном владычестве и вместе в Его неисповедимом истощании «нас ради человек и нашего ради спасения».

Христос победил мир (Ин. 16, 33). И уже нет никого и ничего, что или кто мог бы ограничить Его Господство. Во многом страдании освобождаемся мы от власти над

нами всего, ранее пережитого. Обогащенные опытом победы чрез покаяние, мы уподобляемся Единородному Сыну в Его Господстве: ад уже не владеет нами, и мы смотрим на него без прежнего ужаса.

Я вовсе не настаиваю, что и Сам Господь Иисус таким же образом переживал Свое «истощание» в Гефсимании и на Голгофе. Но в моем раскаянии пред Ним за все мои духовные преступления так мне было дано разуметь. Почему бы ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК молился: «Душа Моя скорбит смертельно ... Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия... И был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Мф. 26, 38–39; Лк. 22, 44)?

Для моего ничтожества было великим и донныне пребывает не переставшим возрастать то, что я испытал. С благоговейным страхом я размышляю: что же видел Он, мой Господь, чтобы так молиться? Он, беспредельный в Своем Божестве, недостижимый в Своем умалении; безмерный в Своей любви «до конца» (Ин. 13, 1), неприступный в Своей Славе?

Несомненно, мука Его была большею, чем всех прочих людей, чтобы быть «мироискупительною страстью».

Воистину Он есть Свет, пришедший в мир, дабы всякий верующий в Него не оставался во тьме (ср. Ин. 12, 46).

Явления Света, единого в своей вечной природе, различествуют между собою и по силе, и по образу. Редко в истории Церкви видения Света достигают той полноты, когда в момент озарения дух человека удостаивается еще и личного откровения Бога. Так было на Фаворе, когда Петр, Иаков и Иоанн слышали невестственный голос Отца, свидетельствовавшего о Сыне Возлюбленном. Подобно и Апостолу Павлу, на пути в Дамаск; великим было воссияние и вслед за ним личная беседа со Христом,

удостоверившая Павла, что тот Бог, Которого он чтит, Который открылся Моисею на Синае, был Он: — «Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9, 5).

Значительно более часто Свет сей объемлет человека, когда он пребывает в состоянии молитвы поглощающего покаяния, подобного стоянию на грани отчаяния. В начале подвига раскаяния в грехах сей святой Свет дает опыт Божией милости и любви, но еще не носящей беседы лицом к лицу; такой беседы, когда человек действительно в Боге и Бог в нем; когда дух молящегося знает, что явившийся ему — есть Предвечный Владыка всего сущего, Первый и Последний; непостижимый и так тесно близкий; невидимый и осязаемый вместе даже телесно; огнем любви наполняющий сердце, светом разумения просвещающий ум. Свет познания, но невыразимого в словах. Впрочем Сам Он называет Себя АЗ ЕСМЬ СЫЙ. Каждый воспринимает эти Святейшие Слова лишь в меру своего реального опыта. И никто из смертных не может сказать, что он познал «до конца», какое Бытие скрыто за сими словами. Дана однако же нам надежда, что настанет такой ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ, когда Он будет «всяческая во всех» (1 Кор. 15, 28).

О ЛИЧНОМ НАЧАЛЕ

В Бытии Божественном и бытии человеческом

Воистину незыблемое основание боговедения дано нам чрез воплощенного Логоса Отца — Иисуса Христа. Влекомые любовью к Нему, мы претерпеваем глубокое преобразование всего нашего существа. Его беспредельная жизнь передается нам. Наш дух становится на двух противоположных полюсах: с одной стороны — мрачные низины ада, с другой — Царство Бога, озаренное незаходимым Солнцем. Невыразимо расширяется содержание нашего бытия. В безумной молитве душа стремится к сему дивному Богу. Мы ненавидим себя, как мы есть. Пройдет много времени до того, как мы постигнем, что это Он Сам молится в нас, приобщая нас Своей безначальной жизни. Чрез сию молитву, богоданную, мы бытийно соединяемся со Христом: сначала в Его неисповедимо таинственном истощании и снисхождении даже до преисподней, и затем — в Его Божественном Всемогушестве — «...да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» — сия есть жизнь вечная (Ин. 17, 3).

Персона-Ипостась¹¹ в Божественном Бытии не может быть лимитативным принципом. И в нашем тварном бытии ипостась есть начало, воспринимающее в себя

¹¹ В данном тексте русский термин — ЛИЦО тождествен богословскому греческому термину — ИПОСТАСИС и латинскому — ПЕРСОНА.

беспредельность. Пред нашим ипостасным-личным духом в пределах земли стоит задание: пробить стену времени и преодолеть порог пространственности. Сему духовному событию в нашей данной повседневности имеем некоторую аналогию: авион, переходящий на сверхзвуковую скорость, производит потрясение атмосферы, подобное взрыву. Так дух человека, вступающий в мир Божией вечности, бывает потрясен величием открывшегося ему видения. Вселенная при этом переживает некое изменение в своих судьбах: ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ В МИР — событие, сообщившее всему мирозданию новую, непреходящую ценность. Человек, как ипостасный дух, принадлежит вечной онтологии. Спасенные во Христе — святые — являются носителями Божией вечности: они воспринимают безначальную жизнь, нетварную, в свое неотъемлемое обладание, но по природе своей они все же неизменно остаются тварью.

В духовном мире человечества наблюдается двойное движение. Одно из них — негативное. Грубая форма сего выражается во все возрастающей динамике падения: в банальном нигилизме и моральном разложении; сублимированная же форма — люциферическая; с нею нас знакомит Книга Бытия (3, 5). Сущность сей последней в том, что тварь, наделенная даром свободы самоопределения, отвергает заповедь Бога: рассматривает ее как некое, налагаемое извне ограничение, стремясь к абсолютному самоутверждению, к самообожению.

Другое движение — положительное, восходящее, проявляется как влечение любви к бесконечному соединению с Отцом, «Иже на небесех».

В параллель сим замечаем наличие двух противоположных тенденций в сердцах и умах людей. Одни стремятся совлечься земной формы существования: их воображению

предносится великий покой таинственного, все-трансцендирующего Не-бытия. Другие же, по слову Христа: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12), идут на болезненный подвиг преодоления нашей тварной тленности: «Мы... не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор. 5, 4).

Для одних характерно мыслить Перво-Абсолют — сверх-личным. Персональность для них есть в лучшем случае первая ступень деградации, самоограничения Абсолюта. Для вторых — именно ПЕРСОНА лежит в основе всего сущего. И сие есть наше христианское боговидение и мировидение. Нам открылся Ипостасный Бог, Творец «неба и земли, и всего *видимого* и *невидимого*». Он есть Само-Бытие; Он Первый и Последний: никого и ничего раньше Него, ни после Него. Сей есть Бог Любви нетленной и вечной. Возлюбившим Его обетована полнота богосыновства чрез Единородного Сына Отчего, Иисуса Христа, Который сказал: «Я живу, и вы будете жить» (Ин. 14, 19).

Ипостась-Персона есть самый внутренний принцип Абсолютного Бытия: его начальное и конечное измерение: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть, и был, и грядет, Вседержитель» (Откр. 1, 8).

Ипостасность Бога ускользает от всякого определения, ибо лежит за пределами всего, что носит на себе печать какой бы то ни было детерминации. Непознаваемая рационально, она познается бытийно и исключительно в меру самооткровения Бога человеку (ср.: Мф. 11, 27; Лк. 10, 22; Ин. 17, 26).

И в человеке, образе Личного Бога, принцип персоны — есть самый «сокровенный сердца человек в нетленной красоте... что драгоценно пред Богом» (1 Пет. 3, 4). И

тварная персона уходит дальше всяких определений. Научное и философское познание выражается в понятиях и определениях; персона же есть бытие, неуловимое ни для философской, ни для научной форм познания: она, подобно Богу, непознаваема до конца извне, если не открывается сама другой персоне.

Бог есть Бог Сокровенный, и человек внутри имеет утаенные от посторонних глаз глубины. Бог есть Начало Бытия, а не Человек¹²; но сей последний сотворен с потенциальной возможностью ассимилировать и вечно носить в себе нетварную Жизнь Божества.

Христос, «имеющий образ Божественного Бытия» (ср. Флп. 2, 6–7), т. е. по естеству сущий Бог безначальный, в акте воплощения воспринял в Свою Ипостась образ нашего рабского бывания. Человеческая же ипостась претерпевает обожение по благодати, в силу чего осуществляется в ней полнота «образа Божия». В личном, персональном принципе человека заключено, прежде всего, подобие Тому, Кто открылся нам с Именем АЗ ЕСМЬ. В акте обожения человеческая личность восторгается от измерений и форм земли в измерения и формы Божественной Жизни. Иначе: человек ипостазирует божественные атрибуты, как: вечность, любовь, свет, премудрость, истина. Становясь богом по содержанию своего бытия — тварная ипостась, однако, никак не становится Богом для других разумных тварей.

Отцы и Учители Церкви во все века выражали откровение о нашем подобии Богу, но не все, и не всегда с одинаковой силой. Отчасти это потому, что не все они стояли на том же уровне познания Бога и Человека. Слово о пол-

¹² Человек — с заглавной буквы — означает Всечеловек, подобно тому, как Бог Един, но многоипостасный: Троица: Отец, Сын и Святой Дух.

ноте подобия, даже до тождества, смущало тех, которые понимали сие как слияние с Богом до неразличимости. Между Богом и Человеком вечно пребывает онтологическая дистанция: Бог никем и ничем не обусловленное Перво-Бытие, люди же творение Его. Но в Акте творения «по образу своему и по подобию» Создатель наш, в сущности, повторяет Себя, и в этом смысле является нашим «Отцом». Не сей ли факт имел в виду Господь, давая нам молитву «Отче наш»? Чрез воплощение Свое предвечный Логос Отца дает нам причащаться Его Крови и Плоти, чтобы таким путем влить в наши жилы Его безначальную Жизнь; чтобы мы стали Его детьми, плоть от Плоти Его, и кость от Кости Его.

Христос явил нам совершенство образа Божия в человеке и возможность для нашей природы освоить полноту обожения настолько, что Он, Христос, по вознесении Своем посадил «одесную Отца» естество наше. Но даже и в Нем наше естество не стало единым с Сущностью нетварного Бога. Во Христе, воплощенном Сыне Отчем, созерцаем мы предвечную идею Бога о Человеке.

Откровение — АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ (Бытие — это Я), показывает, что ипостасное измерение в Божестве имеет основоположное значение. Принцип Персоны в Боге не есть отвлеченное понятие, но сущностная реальность, обладающая Своею Природою и Энергией Жизни. Сущность не есть первенствующий и даже преимущественный момент, определяющий Персоны-Ипостаси в их взаимоотношениях. В Божественном Бытии нет ничего, что было бы внеипостасным принципом. Неисследима глубина тайны Божественных Персон. Их самоопределение в вечности является безначальным Актом: не было такого момента, когда Отец не имел бы Сына и не изводил бы Святого Духа. Начало всему — Отец, Который в рождении

Сына сообщает Ему всю полноту Своей Природы, Сущности. То же и в исхождении Святого Духа. Откуда утверждение, что Сын и Святой Дух совершенно равны Отцу.

Воплощенный Логос Отца — Христос-Человек — нам более понятен чрез слово, которое Он имеет от Отца и которое Он предал нам (ср. Ин. 17, 8). Мы знаем Его земную жизнь чрез евангельское благовестие; чрез духовное предание о Нем. Собою Он явил нам «Отца Своего и Отца нашего» (ср. Ин. 20, 17). Медлительнее приходит ведение Духа Святого, как Лица. Сей непрестанно оживотворяет не только Церковь и детей Ее, но и весь мир, всю тварь. Он излечивает нас от последствий падения; Он перерождает нас и освящает. Но все совершает незримым образом, как некий скрывающийся чудный Друг, не хотящий обременить нас благодарностью к Нему, ибо ведет, что в нашем данном состоянии благородное чувство благодарности становится бременем. Великое блаженство узнать Его приходит постепенно, по мере того, как в нас, при Его содействии, раскрывается ипостасное начало, в силу чего мы начинаем воспринимать все: и Божественное Перво-Бытие, и бытие космическое — иным образом, свойственным человеку-персоне, осуществленному образу Того, Кто открылся нам под Именем — АЗ ЕСМЬ.

Персона есть Тот, Кто единственно и подлинно живет. Вне сего живого начала ничто не может быть: «В Нем жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1, 4). Существенное содержание сей жизни — Любовь: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8). Встречу в любви с другою, или другими персонами реализует себя персональное существо. Исходя из чудного Откровения: АЗ ЕСМЬ СЫЙ, и Человека, созданного, «по образу и по подобию», мы живем прежде всего как персональное существо. Именно

сему началу в нас предлежит вечность. Оно, и только оно обладает способностью познавать свой Первообраз — Живого Бога. Человек более чем микрокосм: он микрокосмос: будучи тварью, он получил заповедь стать богом (св. Василий Великий). Если Творец во всем уподобился человеку (ср. Евр. 2, 17), то значит и человек создан с возможностью во всем стать подобным Богу: «Будем подобны Ему, потому что увидим, как Он есть» (1 Ин. 3, 2).

В наивысшем, доступном естеству нашему напряжении молитвы, когда Сам Бог молится в нас, человеку дается вышеобразное боговидение. Тогда человек-персона действительно молится «лицом к Лицу» Безначального. В этой встрече с Персоной Бога актуализируется в нас то, что в начале было лишь потенцией — ПЕРСОНА.

Влекомые Духом Бога к молитве за весь мир, к участию в молитве Господа в Гефсимании, мы вдруг видим в самих себе Божие чудо: внутри нас восходит духовное солнце, имя которому ЛИЦО (персона). Это есть начало в нас новой формы бытия, уже бессмертного. Мы воспринимаем при этом не поверхностно, рассудочно, но в недрах нашего бытия Откровение Ипостасного Принципа в Святой Троице. Нам предстает во Свете величайшая тайна Безначального Бытия: Бог Личный, Живой; Единый в Троице Лиц; Бог любви, единственно истинный.

Пишу историю моей души. Мне самому дорого обошлись заблуждения, которыми я увлекался около семи-восьми лет. По человечески рассуждая, я не смог бы своею силой выбраться из бездонности трансцендентизма восточного видения: Сверх-личного Абсолюта. В молодости моей по телу и разуму сия философия представилась моему уму, как исполненная величия, превосходящего христианскую эмоциональную душевность: «люби Бога

и ближнего». Самое слово персоне в то время в моем сознании было идентичным понятию индивидуума. Не безумно ли переносить это измерение на Абсолютное Бытие? — думал я.

Когда же по дару Свыше мне было дано уразуметь онтологическое место принципа Персоны в Божественном Бытии, тогда, естественно, все переменялось и предстало в обратной перспективе: мы, тварь; как персоны мы создаемся потенциально, не актуально. Я не есмь Перво-Бытие, но тварный образ Его. Евангельскими заповедями я призываюсь актуализировать, реализовать в себе мое персональное богоподобие; стать личностью-ипостасью, преодолев лимитацию индивидуума, который никак не может унаследовать божественный образ бытия.

Бог наш есть Дух всеведущий, вездесущий: «...нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано... ни один воробей не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 26–30). «...Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его...» (Евр. 4, 13). Мы не постигаем сего рода знания: непосредственного, безпроцессуального, всецелого. Но мы веруем в благой промысл Бога о нас; в течение лет усердного подвига жить по воле Его, мы не раз удивимся математически точному Провидению Бога о нас.

Если бы Бог не был Существом Персональным, то и мы, образ Его, тоже не могли бы войти в ипостасную форму бытия; да и самая персональность наша являлась бы не более, чем эпифеноменом. Но в силу того факта, что персоне в нас рождается в вышеестественной молитве лицом к Лицу Живого Бога, она, персоне, не подвластна природным стихиям: она трансцендирует земные пределы и движется в сфере иных измерений. Единственная и

единичная, неповторимая и несводимая ни на что другое, она не подлежит арифметическому счету.

Абсолютное Перво-Бытие — Ипостасно; и человек, подобие Абсолюта, есть личность-ипостась. Бог есть Дух; и человек-персона — дух. И дух сей не абстрактный, отрешенный, ибо он обладает своею природой. В земном плане он конкретизируется плотью, с которой проходит свой первый опыт бытия. Бог-Слово воспринял на Себя человеческую плоть (Ин. 1, 14) и тем показал, что Он не есть вымысел нашего рассудка, ни порождение нашего воображения, возбужденного мистическим страхом пред недоведомыми, враждебными нам силами. Бог есть Первая сущностная Реальность; и человеческая личность также есть сущностная жизнь.

Персоне, образу Бога любви, свойственны отношения любви. Она не определяется оппозиционно, чрез противопоставление себя тому, что «не Я». Любовь есть самое внутреннее содержание и наилучшее выражение ее сущности. Объемля в молитвенной любви весь мир, она является единством всего существующего *ad intra*. В творческом акте своего становления она стремится к всеобщему единству и *ad extra*. В любви ее подобие Богу, Который есть любовь (1 Ин. 4, 16).

Творец мира, Господь, в Своей длани содержит все сущее; и человек-персона есть некий центр, способный вместить в себе не только множественность космических реальностей, но и больше сего: всю полноту бого-человеческого бытия. Сама в себе персона есть непреходящая ценность, большая чем весь остальной космос. В своей радости обретения свободы бессмертия — она созерцает новый образ бытия.

Рожденный Богом в молитве — человек никогда не бывает один. Персона не знает одиночества: она всегда в

присутствии Вездесущего Бога. Прежде, чем она достигнет своей полноты, она иногда «терпит» Его с великим трудом, подобно Моисею, который «невидимого, яко видя терпяще» (ср. Евр. 11, 27). В иное же время она бывает исполнена тихой и мирной радости, сознавая себя в руках Святого Хранителя.

Человек-персона не знает одиночества еще и потому, что в какой бы пустыне он ни был, он молится за весь мир, будь сей в страданиях или довольстве.

Пусть еще лишь «отчасти» (ср. 1 Кор. 13, 9), но все же и во мне Христос, за молитвы Отца моего Старца Силуана, раскрыл таинство персоны. Я пережил многолетний период отчаянной молитвы. Господь не возгнушался мною и милостивно нисходил даже до меня. Вначале воздействовало на меня Его евангельское слово. Оно, сие, от Отца исходящее слово (ср. Ин. 7, 16–17; 17, 14 и 17), своими корнями входило в сердце мое, разрывая его очерстневшую ткань. В болезнях рождалась моя новая жизнь. Первое время я был один: еще вне Церкви. Я ничего не знал тогда, но невидимый огонь пожигал меня, и душа в великой скорби тянулась к Могущему спасти меня. Где-то теплилась смутная надежда, побеждавшая страх вступить на болезненный путь. Сия болезнь, о которой я пытаюсь говорить, свята для меня. Странное чудо, она, болезненность сердца, приводила моментами мой дух в восторг: я удивлялся — как Бог сотворил мою природу способною к страданиям, чрез которые раскрывались мне неведомые прежде глубины молитвы. Были моменты, когда, сжимаясь от сильной боли, я тихим голосом, но «кричал» в изумлении: «Слава Тебе, Премудрому Творцу...» Молитва выносила меня из тесного, как тюремная камера, мира, и дух мой жил в свободе беспредельности Бога моего. Без

этих страданий я никогда бы не понял, о какой любви говорил Господь: «Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца, и, как заповедал Мне Отец, так и творю...» (Ин. 14, 30–31).

Если бы заповеданная в Евангелии любовь была нам естественна в нашем падении, то излишним было бы призывать: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37–39). Когда же та любовь прикасается к сердцу, тогда дух наш во Свете видит Бога, и живет Им, и в Нем. Он превосходит всякую человеческую мысль. К Нему не приложимо ни одно из наших отвлеченных понятий. Он — Живой. Его могущество неисчислимо; Его любовь неисповедима. Жить с Ним есть неизреченное богатство. В свое время, будучи живописцем, я не находил удовлетворения, потому что имевшиеся в моем распоряжении средства были бессильны выразить явленную в творении красоту. Теперь же все мои слова для выявления моего удивления Богу до конца ничтожны.

Великое лишение быть слепым. Но нет большего горя, нет острее болезни, чем не знать Бога.

Если «человек Христос Иисус» (1 Тим. 2, 5), предавший Себя волею для искупления всех молился Отцу: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее; да будет воля Твоя» (Мф. 26, 42), то что мы, малодушные, можем сказать о самих себе? «Чаша сия» — какая чаша? Что видел Он в Своей молитве, чтобы выразиться таким образом? Объем Его видения мы не достигаем; Тайна Его сознания лишь отчасти раскрывается верующим, когда им бывает дано приблизиться к тем неопишуемым граням. Люди исключительного мужества —

Отцы наши, уходившие в пустыни, в далеком от мира одиночестве рыдали, конечно, не потому, что лишались чего-то земного, но потому, что перед ними раскрывались потрясающие бездны, о которых невозможно поведать на обыденном языке. Кто пребывал в этих состояниях, тот знает, что он доведен до последних пределов, доступных человеку. И все же — это еще не конец: «Еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова “еще раз”, означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое» (Евр. 12, 26–27), как обоженное. Когда мы мыслим о сем новом испытании всего тварного и колеблемого, то никак не можем мы быть уверенными в самих себе до конца. Сознание нашей тварной хрупкости пребывает с нами всегда, кроме исключительных моментов нисходящего на нас Света, когда мы предвосхищаем Царство Святого Отца нашего (ср. Мф. 16, 28).

В основе нашего подвига лежит стремление стяжать заповеданную любовь Христову. Когда сей Дух — любви Христовой — входит внутрь нас, тогда душа наша жаждет спасения для всех людей. В ужасе созерцает она, что далеко не все желают сами себе того, чего мы просим для них в молитвах наших. Больше того: в них мы встречаем отказ и даже вражду. И как возможно спасти человека в таком извращении? Мы живем в эпоху, когда очевидную, в силу событий нашего века, становится трагедия падения нашего. Вот, сейчас моя мысль возвращается на себя самого, и что же я вижу? Более полувека я молился иногда до глубокого плача, по временам до безумия отчаяния — о мире всего мира и о спасении, если возможно, всех. И до сего дня в старости моей непрестанно стою пред злом, все возрастающим в своей динамике. Конец земной истории человечества становится «научно» мыслимым; завтра,

быть может, уже технически осуществимым. Глубоко иррациональный характер событий наших дней приводит нас в полное недоумение. Мы ищем разума в Слове Божием, и среди многого находим и следующее: «...услышите о войнах и смятениях; не ужасайтесь — ибо сему надлежит быть... на земле уныние народов... люди будут издыхать от страха и ожидания грядущих на вселенную бедствий; ибо силы небесные поколеблются... Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше» (Лк. гл. 21). И еще, и снова: «поколеблю не только землю, но и небо». Так во всем Господь зовет нас на грандиозную брань за овладение Царствием непоколебимым. Понятно, что ТАКОЕ Евангелие пришло к нам не от человека; и по измерениям своим — оно не по человеку (ср. Гал. 1, 11–12).

Что же сотворим мы, если таково положение? Отчаемся и отпадем от «вечного Евангелия»? (Откр. 14, 6). И если отпадем, то что удовлетворит нас иное во всем мироздании? Воистину, нет положительно ничего, что могло бы разлучить нас с Ним, каким бы тяжелым ни был наш подвиг (ср. Рим. 8, 35–39). Он открыл нам глаза на беспредельность, и уже невозможно снова закрыть их и предпочесть слепоту младенчества: «Дерзайте, Я победил мир» — сказал Господь (Ин. 16, 33; ср. 1 Кор. 13, 11).

Вот, мы стоим пред Живым Абсолютом. Именно сего, и только сего мы и ищем.

Живой опыт Персоны редко дается людям в этом мире: он приходит чрез христоподобную молитву за весь мир, как «за самого себя», согласно с заповедью: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 12, 31). Вводимый действием Духа Святого в такую молитву — человек

бытийно живет образ Троиединства. В такой молитве переживается единосущие человеческого рода. В этой молитве раскрывается нам онтологический смысл «второй заповеди»: весь Адам становится Единым Человеком — Человечеством.

Все, что ниже сего, ниже и евангельской заповеди. Не без основания можно сказать, что заключенная в заповедях Христа реальность остается в историческом христианстве не вполне осуществленною. В своем бытийном достоинстве христианство невыразимо превосходит разумение тех, что по лени своей не восхотели обрести святое боговедение, которое и есть вечная жизнь (ср. Ин. 17, 3).

Люди ищут Истину; весьма многие любят Христа, но слишком часто они пытаются свести Евангелие на уровень моралистической доктрины. Забываются наставления Христа о том, что только соблюдающий слово Его постигает, откуда оно: от человека ли, или от Отца Небесного (ср. Ин. 7, 17). Чтобы воистину проникнуться боготворящей силой евангельского благовестия, нужно трудиться значительно больше, чем для приобретения житейских-практических или научных познаний. Ни чтение огромного количества книг, ни знакомство с историей христианства и других религий, ни изучение различных богословских систем и подобное, не приводит к искомой цели: спасению чрез познание «единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа» (ср. Ин. 17, 3). Вековой опыт академического богословия убедительно показал, что возможны случаи обладания обширной эрудицией в научном богословии при отсутствии живой веры, т. е. в действительности при полном неведении Бога. В таких случаях богословие становится интеллектуальной профессией, наподобие юриспруденции, различной в каждой

стране, как различно богословие во множестве разделенных между собою конфессий.

Наше познание — есть результат Откровения Свыше: «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО... И СЛОВО БЫЛО БОГ». Для многих представителей современной науки — «в начале был атом водорода», и из него, эволюционным путем, в течение энного числа миллиардов лет, возникло все, что существует ныне. Наука еще не поставила пред собою вопроса: ЧТО же было до возникновения сего мира? Кто с таким невероятным знанием дела приготовил столь удивительный *Big Bang*? Чем по существу являются время и пространство, с его галактиками, и подобное? Нам представляется абсурдною идея, что из «случайных» комбинаций, неожиданных для самого перво-атома, могла возникнуть человеческая мысль, с ее исканиями ПЕРВОНАЧАЛА. Неприемлема идея, что водородный атом является первичным само-бытием. В состояниях наивысшей восприимчивости — мы получили извещение о Бытии особого порядка, не имеющем для Себя никакой внешней причины, ни начала, ни конца. Раскрыть достоверно глубинный характер сего Бытия своими усилиями — мы не можем. Но нам свойственно стремление к Нему; и на наш вопрос: «Что есть Бытие?» мы получили ответ: АЗ ЕСМЬ БЫТИЕ. Не «что», а «КТО». И Сей Кто вступает в общение с нами, живое, нами сознаваемое.

Сие Персональное Бытие, никем и ничем не обусловленное, Само Себя во всем полагающее, — Виновник нашего явления в мир. Откровение, что сие Бытие ПЕРСОНАЛЬНО, делает очевидным, что и познание о Нем, лучше — Его, может быть лишь чрез персональное общение Его с нами, как персонами. В моменты бытийного

общения с Ним — Он Сам сообщает нам познание о Себе, показывая нам Себя чрез Свои действия внутри нас.

Опять и опять не лишне повторить, что наше познание безначального Абсолюта, открывшегося нам как Бытие Персональное, носит характер персональный, бытийный, не отвлеченный. Попытаемся выразить сие в иной терминологии. В обычном ходе мышления о познании различаются — познающий субъект и познаваемый объект. В нашем же понимании о познании Бога устранен процесс объективации познаваемого, ибо Он всегда познается «в союзе любви», в состоянии чистой молитвы. Наша тварная персона Духом Святым вводится в сферу не-тварного Божественного Бытия таким образом, что мы воспринимаем Бога внутри нас как нашу жизнь.

В этом кардинальное различие между научным познанием и познанием духовным. Последнее понимается как совместное существование, как спайка в самом бытии: познание есть «со-бытие».

Чистая молитва — вот вернейший путь к познанию Бога. Молящийся обнажает себя от всех своих внешних познаний и обладающих им образов, чтобы преклонившись пред Тем, Кто В НАЧАЛЕ всего, воспринять исходящую от Него жизнь. Он без слов, «воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26) умоляет Бога, еще неведомого, спасти его, что в конечном смысле значит: принять его дух для вечного пребывания с Ним. Его моление включается в тысячелетнее стенание всей твари; крики его вливаются в единый хор вселенной, взывающей о спасении. Описывать сию молитву — невозможно: она не воплощается в слова наши. Страдание, которое лежит в основании ее, тяжелее и самих воздыханий.

Голод познания в пределах сего земного бывания — ненасытим. Неясный в начале смысл молитвы сей в известный единому Богу час предлагается в радостное сознание Его призыва: Он Сам, силою Своею влечет нас к восхождению к Нему. Сей восход дивный, при всем страдальческом напряжении нашего существа, переживается как блаженный избыток изливающейся на нас Новой Жизни. Когда наш дух становится весь — молитвою, тогда бывает он способен восчувствовать дыхание Божией Вечности. В великих муках покаяния рождается человек для «непоколебимого Царства». И об этом событии «бывает радость у Ангелов Божиих» на небесах (Лк. 15, 10).

Имя Бога — АЗ ЕСМЬ СЫЙ. Для человека, образа Всевышнего, сие слово АЗ — одно из самых драгоценных, потому что выявляет принцип Персоны в нас. Вне сего начала — все становится бессмысленным, не-сущим, ибо Сущий непременно АЗ. Каждый из нас да хранит свое персональное достоинство: в нем и только в нем богатство и красота нашего бытия. В условиях данного нам исторического существования — борьба за осуществление высокой идеи нашего Творца и Бога о нас совсем не легка. Господь даровал нам свет откровения Персоны, но мы родились и оставлены жить в громоздкой массе индивидов, которым свойствен эгоизм и самолюбие. Персоне же дано обнять всю тварь в пламени любви Христовой. Мы и связаны с этим миром как он есть после падения и вместе с тем вынуждаемся бороться за нашу свободу в Боге. Современная цивилизация индивидуалистическая по роду своему. Культивируется в людях индивидуализм во всех его страстных проявлениях. Особенно ярко сказывается сие в области искусства: прославляются гении, создатели (перво-причина) того или иного особенного

стиля. Иными словами — ценится оригинальность, индивидуальность артиста. По сему принципу строится наше социальное общество. Но собрание индивидов, по существу своему, есть состояние падения с его безысходным трагизмом. Культ падения ведет к отчуждению от Бога: снижается человек омрачением в нем образа Божия. Обратное сему — собор персон: «соль земли и свет миру». Осуществляется сие в Церкви Христовой; с особенной силой в литургическом акте: именно там является истинный образ Святой Троицы. Всем содержанием Божественной Литургии священнослужитель призывается к тому, чтобы приносить Богу служение, свойственное персоне: в духе Гефсиманской молитвы Христа.

Персону в Божественном Бытии мы не мыслим как статическое самозамкнутое начало. Это было бы возможным в перспективе генотеизма Ислама и даже в пределах Ветхого Завета, но никак не в открывшейся нам Троице, Троиединство Которой есть Бытие предельно динамическое. Сию динамику мы научились видеть в Любви, которая является самым глубоким моментом в Факте вечного самоопределения Лиц Святой Троицы. Мы не говорим, что Любовь есть Сущность Божества, но что она выражает сию последнюю более, чем что-либо иное (ср. 1 Ин. 4, 8). Сущность не сообщима твари и потому пребывает вечно не-познаваемой. Все, что несообщимо разумным тварям, не познаваемо. Энергия же Божественной Любви изливается на сотворенных «по образу», и стяжание ее заповедано нам.

В Божественном Бытии момент, выявляющий Сущность, именуется Акт — Энергия. Сообщение нам нетварной Энергии совершает наше уподобление Творцу; обожает нас. Любовь, как изначальная и непреложная

жизнь Троицкого Бога, своим вселением в нас делает нас не только бессмертными, в смысле непрекращающегося во веки существования, но и «безначальными», ибо безначальна сама внутритроичная Любовь. Несозданный Свет, нисходя на человека, дает ему живой опыт сей Любви. Ее воздействие преодолевает поразившую нас смерть и переживается как воскресение из мертвых в новую жизнь, уже безначальную. При этом отымается от нас чувство нашего земного происхождения.

Сей опыт, однако, есть только некоторое предвкушение обетованного обожения; опыт, как вдохновляющий нас призыв на подвиг, а не уже завершенный акт обожения. Сей дар благодати обогащает нас познанием о том, «что Бог приготовил любящим Его» (1 Кор. 2, 9), но он, дар, еще не является вполне стяжанием нашим и может быть отнят, как «неправедное богатство» (ср. Лк. 16, 11–12). Даже внимательный подвижник не всегда пребывает в равной силе благодати. После периода посещений она — благодать — может умалаться, и тогда мы снова бываем покрыты некою тенью.

Но познание остается как память в душе.

Различая в явленном нам Божестве — Ипостасный принцип, Сущность и Энергию — мы вовсе не мыслим его, Божество, составленным из нескольких элементов. Божественное Бытие — Живой Бог, а не отвлеченное философское понятие «чистого бытия». Живой Бог, потому что Ипостасный. И живет, в сущности, сей Принцип, т. е. Персона. Ипостась не есть некая отвлеченная идея. Нет. Она имеет Свою Природу, Свою Энергию. И сие есть Единое Бытие. Сущность или Природу мы не рассматриваем как «объективный» момент в Божестве. Если мы иногда и говорим об этой стороне Божественного

Бытия, как об объективном аспекте, то исключительно в том смысле, что Сущность и Энергии, как Божественная Жизнь в ее абсолютной полноте, есть обладание не одной из Ипостасей Троицы, но в равной мере всех Трех.

Сущность совершенно тождественна Персональному Началу в Боге; она заключена в Лицах; никакого «отдельного» существования от Лиц или вне Лиц — она не имеет. В Божественном Бытии, до конца ПЕРСОНАЛЬНОМ, самоопределение Божественных Ипостасей исходит из самих Ипостасей и никак не предопределяется или навязывается Сущностью.

В нашей тварной жизни действительно мы видим, что естество или природа наша еще не составляет полного тождества с персональным началом. Больше того: мы, как персоны, находимся в напряженном противоречии с некоторыми проявлениями нашей природы. Рождаемся мы как персоны лишь потенциально. Когда сие начало в нас достигает известного развития, тогда начинаются конфликты между нашей личностью в ее самоопределении и позывами нашей падшей натуры. Она не ипостасирована нами в полноте, так что возможно говорить о ее относительной объективности. Она никогда не проявляется вне конкретных индивидов.

Расхождения между естеством и личностью в нас мы не переносим на Бога. И в нашем конечном завершении должно установиться полное тождество природы и личности, иначе было бы невозможным обожение наше в целостности нашего бытия. Мы уверовали, что Господь вознесся на небо, не разлучившись с человеческим естеством. В вечности — Он в двух природах, которые не преложились одна в другую, но Он Единый Господь в гармоническом сочетании двух природ. Так и с нами должно быть: мы сохраняем наше естество по смерти, благодать же

Божия соединяется с нами так тесно, что мы тоже будем в целостной гармонии нашей вечной жизни.

АЗ ЕСМЬ СЫЙ. Сей АЗ есть сущностное Бытие. Пророки (Исаия и Иеремия) прекрасно выразили сие: ЖИВУ АЗ. И Апостол Павел повторил то же самое (Ис. 49, 18; Иер. 22, 24; 46, 18; Рим. 14, 11). Все в этом АЗ. И мы имеем обетование персональной вечности: «Я живу, и вы будете жить» (как персоны, Петр, Иоанн, Андрей), — сказал Господь (Ин. 14, 19). По исходе отсюда наш персональный дух сохранится именно как таковой, и не сольется в океан сверх-личного абсолюта, как некая капля, или подобно тому, как наше дыхание сливается с атмосферой и растворяется в ней.

Бог создал естество наше, и, конечно, Он единый знает пределы его возможностей. Наши ипостаси поставляются в данной природной стихии. Мы же не знаем ее как должно. Она постепенно раскрывается нам, становясь содержанием личности, призванной к всецелому обладанию своей природой. В своей финальной актуализации тварная ипостась также явится носителем всей полноты этой природы, которая задумана Творцом способною вместить полноту богочеловеческого бытия. Христос, Который и есть мера человека, явил сие в Своем вознесении. Даже в Нем тварное естество не преложилось в безначальную Сущность Божества, и все же во Христе человеческое естество восприняло неумаленную полноту Божества. Настолько, что в Его Лице оно посажено одесную Бога-Отца.

Пред нами стоит задание: в условиях, созданных падением, реализовать бессмертное бытие нашей личности. Процесс сей чрезвычайно сложен. Опыт показывает, что

в силу первородного греха природа наша претерпела существенный вред. Создалось парадоксальное положение: будучи нашей природой, она стоит в некотором противоречии с нашим личным началом, когда сие стремится, следованием заповедям Евангелия, исцелить себя во всех планах нашего существа: сделать совершенно «целым» разбитое в падении естество. Духовная динамика нашей личности, при содействии благодати, лишь молитвою преодолевает все ограничения, налагаемые на нас не только косностью падшей натуры, но и вообще космическими силами. Жить в этом мире согласно учению Христа — значит непрестанно бороться со страстями, препятствующими стяжанию вечной жизни во Свете Бога и Отца нашего.

«Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). В тех пределах, в которых нам дано познать Иисуса Христа, молящегося в Гефсимании, умирающего на кресте, сходящего во ад, воскресшего и вознесшегося на небо, сидящего одесную Отца, ниспославшего Духа Святого, от Отца исходящего, в «наследие неотъемлемое верным» — мы знаем, что нет никого иного, кто превзошел бы Его в каком бы то ни было плане. Так воспринимал я вещи в те благословенные дни, когда Господь соблаговолил возродить меня в любви Своей. Так и доныне, с той лишь разницей, что по мере углубления опыта — возрастает ясность видения. Чрез веру я смотрел на мое будущее, как на предстоящий мне экзамен, единственно важный для всякого человека. О, как я страшился и всегда страшусь провалиться на этом испытании пред Лицом возлюбленного Бога. Не будет ли чрезмерно дерзким для меня, такого, как я есмь, сказать, что «Отец привлек меня к Сыну Своему» (ср.: Ин. 6, 44–65; Гал. 1, 15–16). Куда бы ни устремлялся

дух мой в беспредельности Божией, какой бы вообще ни вставал предо мною вопрос, Он, Единородный Сын, был и остается для меня путеводной звездой. Чрез Него я познал Отца. По Его указаниям научился я узнавать Духа Святого. А Сей последний давал мне ощущать всем моим существом, что и я обрел Перво-Истину (ср.: Флп. 2, 9–11; Еф. 1, 10). Единственной заботой моей по обретении — было осуществить сию дивную Истину в жизни моей. Не достигая сей святой цели, я пребывал в таком горе, выразить которого я не смогу. Зная мое порочное прошлое, я до конца сокрушался сознанием моего недостойнства. Я годами рыдал от этой скорби. Моя грудь истомлялась неудержимыми вздохами сердца. И откуда явилась во мне такая сила? Те, что не согрешили, подобно мне, — не поймут меня. Но если подумают, что я преувеличиваю, то ошибутся. Нет большего несчастья, чем оскорбить любовь Святого святых. Сердце мое бывало как разогретый воск. Но его, сердца, боль была странно животворной: некая скверная смерть поядалась горячими слезами, подобно тому, как известные химические и биологические средства поядают на давно ношенной одежде накопившуюся нечисть.

ЧЕЛОВЕК-ПЕРСОНА для себя самого выявляется в акте самосознания, самоопределения, в обладании способностью познавать не только мир тварных вещей, но и Божественное Бытие, т. е. Самого Творца. Он полнее сознает себя в пламени любви, соединяющей его с возлюбленным Богом. Любовь, соединяя его с Богом собственным ей образом, дает ему познание Бога. Персональному началу в нас открывается Бог во свете и как Свет; в горении любви и как Любовь. В состоянии озарения Свыше созерцает человек евангельскую истину, как отражение

жизни Самого безначального Бога в плане нашей Земли. В явлении нетварного Света познается слава Христа, как Единородного от Отца. Сей нетварный Свет являлся в веках тем, кто воспринял глубокой и несомненной верою Христа, как Бога. Свет сей есть Энергия Божия, и как таковая, он есть Единый Свет Святой Троицы. Он, сей Свет, исходит от Отца; он есть Свет собезначального Отцу Логоса; он есть действие внутри нас Духа Святого. Его, Света, снисхождение на нас является как бы «личным откровением» тем, кто удостоился сей благодати. В силу этого благоволения Отца Небесного, Писания Нового Завета предстают духовному зрению в их неизменной в веках актуальности. Исчезает ощущение, что слово сие было дано когда-то в прошлом; оно несет в себе вечность, объемлющую всю протяженность времен (ср. Мф. 24, 35).

Личное откровение о Надмирном Бытии может прийти как бы ВНЕЗАПНО, подобно блеску молнии. Но воспринятое внезапно, оно все же усваивается постепенно, в длительном процессе молитвенного подвига. С первого прикосновения светоносной благодати существенное содержание явленного познания бывает внутренне ясным: в душе нет потребности изъяснения переживаемого в рациональных понятиях: она удивляется благодати Божией и всецело заполнена присутствием Духа Божественного в ней. Когда же Свет сей отступит от души, тогда тихий восторг ее сменяется печалью, и естественно растет жажда более совершенного, т. е. непреложного и неотъемлемого единения с возлюбленным Богом.

Первый, кому открылся Абсолютный Бог как ПЕРСОНА — был Моисей. Но и его исключительный гений не смог воспринять всей глубины явленного ему «Аз

ЕСМЬ» (ср. Исх. 33, 23). Из истории богооткровенной религии Ветхого Завета мы видим, что ни один пророк не достиг всей полноты, свойственной персональному началу. Образ сего бытия с великой силой был явлен миру Христом. Но далеко не все уразумели его, как должно. Даже в христианской исторической Церкви этой формы бытия достигали лишь единицы на поколения. Редки сии герои веры, но их влияние распространяется на все множество членов Церкви. Следуя за избранниками Бога Вышнего, не поддающееся учету число благочестивых подвижников становились в ту же перспективу, хотя и не достигали ее вершин. Так я рассматриваю себя самого. Старец Силуан был на моем жизненном пути важнейшим событием: благодаря ему я так близко в течение ряда лет был зрителем, и даже учеником, подлинно христианской жизни. Его молитвам обязан я несравненно более, чем всем другим моим наставникам. А среди них было несколько выдающихся представителей нашей Церкви: облагодатствованных аскетов, в монастырях и в пустыни; епископов и священников; также и профессоров богословской школы.

Старцу Силуану в начале его монастырской жизни явил Себя Господь в великом Свете, как я пытаюсь описать сие событие в моей о нем книге. Тогда «познал он Бога Духом Святым»; тогда ему было дано насладиться «неописуемым Христовым смирением», и он стал молиться за весь мир, как за самого себя. Нет нужды говорить, что это духовное состояние идет далеко за пределы человеческой этики; что ему, Старцу, дано было жить в сфере сего Света, дышать воздухом горнего мира.

Процесс моего роста был медлительным, по сравнению с ним. Но и то, что я получил, — незаслуженно велико для меня. Позднее, уже в пустыне, моему духу-уму

в молитве пришло уразумение онтологического места персонального начала в Бытии Божественном и человеческом.

Да не покажется противоречивым, что в одиночестве пустыни я глубже осознал Ипостасное Начало. Уверен, что это было следствием моего стремления все жить во Христе, чрез Его Ипостась. Без Него я не знаю ни Бога, ни Человека. В пустыне также более, чем в других местах, и мне бывала дана молитва за весь мир, за все человечество, за всего Адама. Чрез молитву «весь Адам» перестает быть продуктом усилий воображения: становится конкретной реальностью, действенным содержанием созерцания. Глубокому состраданию всему человечеству содействовала и мировая война (вторая). Да не вменится мне в безумие или чрезмерное дерзание считать ту молитву даром от Бога, как некую отдаленную тень Гефсиманской молитвы Христа.

Когда Живой Бог — АЗ ЕСМЬ СЫЙ — приходит в сердце, тогда радость души полна Света. Он тихий, Он кроткий. Я могу говорить Ему — Ты. И в этом — АЗ —, и в моем Ты — все Бытие: и Бог и сей мир. Он самосущий, Он любящий, Он смиренный. И вместе беспредельно могущественный. Его очам открыто и пронцаемо все сущее. «Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его» (Евр. 4, 13). Всякий момент моей жизни, каждое биение сердца моего — все непрестанно во власти Его. Все мое бытие, и временное, и вечное, от Него даруется даже до деталей; кроме моих грехов, о которых Он знает, но в которых не участвует. Когда я в Нем, то и «я есмь». Если же вне Его, то я умираю. Когда Дух Божий нисходит на меня, тогда я люблю Его всем моим существом. Такое состояние я живу как мое личное,

а не как нечто вне меня сущее. Но даже и из моего опыта я знаю, что сия жизнь от Него нисходит на меня. Чрез Его пришествие внутрь меня, следовательно чрез соединение с Ним в самом Акте Бытия, я живу, как Он: Он моя жизнь; Его Жизнь — моя. В часы Его пребывания со мною — я познаю, что Он есть Любовь. Однако странная, особенная любовь, которая никак не может прийти человеку на ум или в сердце, если он, человек, в мышлении о сем предмете отправляется от самого себя, как он есть ныне, в падении своем.

Любовь Бога — кенотическая. Он открыл нам тайну Своего Бытия, заповедав нам любить Бога до ненависти к себе (ср. Лк. 14, 26–27 и 33). Открывает Он нам тайны не чрез отвлеченную философию, а БЫТИЙНО, т. е. включая нас в Свое Бытие так, что оно становится нашим. Именно так живем мы сей дар.

Частое явление, которое я встречал на Святой Горе Афона: монах весь в Боге: он во Свете, и Свет сей в нем. Но у него нет рассудочной реакции на сие событие: оно ему представляется ЕСТЕСТВЕННЫМ состоянием.

Тайна Божественного Кенозиса — непостижима твари: беспредельный Бог, пребывая неизменно в полноте Своего всемогущества, умаляется до края, «до конца» (ср. Ин. 13, 1). И это характерно для вечной жизни Бога. Она, тайна, нам недоступна, потому что мы живем сие истощание-кенозис как смерть; и это — доколе не снидет на нас благоволение Вечного Бога. Ни один из человеков не может следовать за Христом, если нет с ним силы Отчей (ср. Ин. 6, 65). Не может естественный человек, доколе не родится он Свыше (ср. Ин. 3, 3), воспринять евангельское слово, как благу ю весть о ОБОЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА чрез сообщение ему Божественной вечности в его, человека,

неотъемлемое обладание. Заповеди Христа суть не иное что, как САМООТКРОВЕНИЕ Бога, как проекция Его Бытия в плане Земли. Да, в них, заповедях, ощущается запах — для одних смертоносный на смерть; а для других живительное благоухание на жизнь нетленную. Но как подойти к сему таинству (ср. 2 Кор. 2, 16). Начало сему — молитва, хотя бы отчасти подобная Гефсиманской.

АЗ ЕСМЬ СЫЙ... Да, только Он и есть воистину Сущий. Все, что существует во всем космосе, вызвано из «небытия», и не иначе, как по воле Его. Разумное прикосновение к Нему не проходит бесследно: познавший Его любовь — уже не отойдет от Него во веки (ср. Ин. 10, 28–30). Ум такового перерождается: прежде он был склонен видеть повсюду детерминированные космические процессы, теперь же начинает все воспринимать во свете ПЕРСОНЫ.

Подобное познается подобным. Лишь персона способна познавать Живого Бога. Удаляется бессмысленное круговращение всего, что не-персонально. Земля, все миры, достигаемые нашим умом и убегающие от него в неисследимые дали, все говорит о Нем. «И без Него ничто же бысть, еже бысть» (Ин. 1, 3). «Что есть человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Евр. 2, 6; Пс. 8, 5). Вот, Он Сам первый ищет быть с нами, чтобы сообщить нам полноту Своей неуываемой жизни. Мы жаждем получить сей дар. Но опять, и опять — мы никогда не должны забывать, что усвоение «всякого дара совершенного, нисходящего от Отца светов» (Иак. 1, 17), связано с неизбежным распятием всего нашего существа. Мы должны уподобиться Его, Отца, Единородному Сыну, как Сей уподобился нам «во

всем» (ср. Евр. 2, 18). Только при этом условии мы будем там, где Он (ср. Ин. 12, 26) и уже никто не отнимет у нас сей святой радости (ср. Ин. 16, 22).

Великое слово — Я: оно означает персону. Самым существенным содержанием ее бытия является любовь, раскрывающаяся прежде всего к Богу. «Я» не живет в спазме самолюбивого обращения на себя. Творимая волю Бога-Творца из «ничто», погружаясь в себя, она пребывает в своем ничтожестве. Заповеданная Христом любовь к Богу до ненависти к себе, при отрешении от всех душевных и плотских связей, — выводит дух человека в просторы Божественной вечности (ср.: Лк. 14, 26–27 и 33; Ин. 12, 25; Мф. 16, 25). Любовь сия — атрибут Божества. Когда сила этой любви прикасается сердца человека, то раскрывает его до беспредельности: дает ему радость любовно обнять всю тварь, весь мир.

Полнота нетленной любви к Богу и ближнему чудным образом связывается с отталкиванием от самого себя даже до ненависти. Но это — святая ненависть: она дар Божий нам. Ею преодолевается наша смерть, стяженная в падении Адама. Чрез нее мы действительно приобщаемся вечности. Любовь до ненависти к себе возможна не иначе, как если Сам Бог соединяется с нами и становится нашей жизнью.

Если бы Господь Иисус не открыл бы нам сию дивную тайну, то никто из смертных не домыслился бы до такого парадокса: возненавидь себя чрез любовь к Богу, и ты обымешь своею любовью все сущее. И Бог, и все богатство сотворенного Им бытия — становятся содержанием твоей жизни. «Я» забывает себя в порыве своей к Богу любви, но все же именно это Я, кто блаженно носит в себе и Небо, и Землю.

Мне и радость и мука говорить об этой любви, благодать которой я утерял. Не раз бывало в моей жизни по Богу, что как только я осознавал моим рассудком («шуйца» моя) совершающееся со мною по Божью снисхождению, так Свет покидал меня. Особенно я познал сие бедствие, когда был поставлен духовником. И до того времени я так же претерпевал подобные состояния покинутости Богом в связи с приближением к сердцу мысли или духа тщеславия, но тогда было менее трудно восстановить себя покаянием. Поведать же, как на площади, другим о даре Божиим — много опаснее.

Господь хочет, чтобы мы были там, где Он (ср. Ин. 12, 26; 14, 3 и 17, 24). Он дал нам повеление возненавидеть себя, потому что и Сам совершил сие по отношению к Отцу Своему, да и к нам, искаженным грехами. О, если бы мы видели в каком мире живет Христос! Тогда мы оценили бы заповеди Его как невыразимо высокую честь: уподобиться Ему во всем.

В «те дни», когда приблизились Его Гефсиманские и Голгофские страдания, Он решительно двинулся к тому, чтобы и как человек совершить подвиг самоистощания: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Но не Моя воля, а Твоя да будет... и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 42–44). Когда мы стоим перед заповедью: возлюбите Христа до ненависти к себе (ср. Лк. 14, 26–27 и 33) и всему, что мы имеем в мире сем, то бываем близки к опасности сказать: «Какие жестокие слова! кто может это слушать?» Господь же на это ответил: «Никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего»... С того времени многие отошли от Него... Но блаженный Петр почувствовал силу слов Христа: «Ты имеешь глаголы вечной жизни» (ср. Ин. 6, 60–68).

«Бог есть любовь... Любовь до того совершенства, чтобы нам иметь дерзновение в день суда, достигает в нас тем, что мы поступаем в мире сем, КАК ОН» (1 Ин. 4, 16–17). Та «ненависть», о которой говорит Господь Любви, в существе своем есть полнота кенотической любви Божией. Любовь, от Отца исходящая, влечет нас вслед за Христом. Видя себя в узах страстей безлюбивного эгоизма и неспособными следовать за Ним, мы ненавидим себя. Сила боли этой святой ненависти выносит нас за грани времен и пространств. Тогда забывается и сия боль, и все преходящее, и остается с нами лишь стремление любви. Так молится ПЕРСОНА, отблеск Бога в нас и подобие Христу, молящемуся в Гефсимании.

Бог есть Любовь; и человек-персона одарен способностью воспринять от Бога пламя сей любви. Бог есть Свет, в котором нет никакой тьмы; и мы призваны стать светом в Божественной вечности (ср. Мф. 13, 43). Богу все совершенно открыто, все ведомо Ему до конца; и человек-ипостась, включенный в Акт Божеского Бытия, чрез Бога и в Боге становится носителем всеведения (это показал нам опыт веков молитвы к Божией Матери и Святым). Бог все наполняет, везде присутствует, не Сущностью, которая абсолютным образом трансцендирует все тварное, но Своей жизненной энергией; и сыны Царствия, в Духе Святом, становятся как бы вседеприсутствующими: обращенные к Единому Богу, Святые в Нем видят весь мир.

Человек — тварная ипостась; однако в своем внутреннем существе как образ Абсолютного Бога и он есть некий всемирный центр, великий и дивный в своем конечном завершении чрез Сына, собезначального Отцу. Сие отчасти предугадывается в состоянии благодатной смертной памяти, когда человек свою смерть переживает как

космическую катастрофу: в нем самом, для него самого с его смертью все умирает, даже и Бог, уже познанный до некоторой меры. Негативный характер этого опыта предлагается в позитивный опыт воскресения души, когда нисходящий на молящегося Нетварный Свет порождает в нем глубокую молитву за всего Адама.

Тварная ипостась-персона является богообразным центром: Творец относится к нему не как к Своему Акту, но как к некоему ФАКТУ даже для Него. Для ипостаси нет внешнего авторитета. В силу этого нет никого и ничего во всем бытии мира, что или кто мог бы навязать ему (человеку) свою волю, принудить к тому или иному выбору насилем, будь то во времени или в вечности. И Бог Вседержитель и Создатель всего сущего Своим явлением во плоти завершил Свое откровение нам чрез смерть на кресте о безмерности Своей любви к нам и тем «влечет» нас к Себе — Первообразу нашему (Ин. 6, 44 и 12, 32–33).

Спасаемся мы только чрез веру во Христа, как извечную Истину Бытия несокрушимого. Он заключил Свое Истощание на кресте возгласом: «СОВЕРШИЛОСЬ! И, преклонив главу, предал дух» (Ин. 19, 30).

Непостижимо в полноте своей сие СОВЕРШИЛОСЬ. Но в данном контексте я осмеливаюсь остановиться вниманием на том, что именно тогда закончилось откровение о кенотическом характере любви Божией; любви, свойственной Персональному Началу.

На пороге моей физической зрелости (17–18) Господь оставил меня, и я пал падением нашего Праотца. Не до конца удалился Он от меня, как я могу судить об этом

теперь, но воззвал меня из темной бездны и приоткрыл мне духовную сущность первородного греха. Если понимать грех как уклонение от Бога и Отца в силу ли абберрации умственного видения Бытия или вследствие преступления против Его любви, то грех Адамов, т. е. мой, имел оба сии аспекта.

Человек, ощутив внутри самого себя отражение, отблеск Абсолютного Существа, рискует впасть в преувеличенное о себе понятие и взыскать нечто, превосходящее его меру. Находясь в подобной абберрации, он стремится утвердиться в своем видении, ошибочно приняв его за истину о себе. Именно сие претерпел Адам, а вслед за ним многие из его потомков повторили и продолжают повторять тот же грех. Человеку оказались не чуждыми гордые порывы безумной свободы. Всем нам необходимо знать эту правду о нас. Но роковое безумство, отлучившее нас от любви Отчей, может и должно породить в нас святой страх и молитву с глубинным плачем. Мы — тварь. Абсолютное Истинное Существо даровало нам бытие и обещало приобщить нас Своей безначальной и бесконечной Жизни. Мы отвергли сие обетование и ринулись на пути к иному, воображаемому нами Абсолюту, слияние с которым обусловлено нашей персональной смертью.

Спасение от смерти приходит чрез принятие Христа; ТАКОГО принятия, какого Сам Он ожидает от нас: «...если не уверуете, что это Я (Который открылся прежде Моисею на Синае), то умрете во грехах ваших» (Ин. 8, 24). Когда же мы веруем в Него, как Истину Бытия несокрушимого, тогда Дух Божий возносит нас в область Божественного Света.

Откровение чрез Христа состоит в том, что Абсолют Персонален, но Он не есть ОДНА Персона (Магометанский

генотеизм), а ТРИ Персоны, единые в Своей Сущности, в Своем Царстве, в Своей Славе, в Своем Действии: Христианский монотеизм. Чрез веру в сего Бога Любви, Святую Троицу, мы входим в Царство безначальное, сохраняя наше личное бытие. Здесь нам дается первая встреча с нашим Творцом; осуществление же искомого нами совершенного соединения с Ним лежит за пределами нашего земного бывания (ср. 1 Кор. 13, 12).

В перспективе нашего Откровения: Абсолюта — Персоны, исходя из нашего современного опыта, возможен, до некоторой степени, домысл о «психологии» грехопадения Адама: страх пред Лицом непостижимого Бога, ничем не детерминированного, всегда совершенно свободного в Своих реакциях на всякое движение человека. Поставив человека пред Собой, Он тем самым ждет от него наивысшей формы ответственного сознания. С одной стороны — это призыв к нетленной славе богосыновства; с другой — хриstopодобный подвиг истощания, связанный с молитвою до кровавого пота. Сей Бог наш непрестанно влечет к дальнейшему восхождению, заставляя Своих сынов покидать страдальчески пройденные нами этапы. Он — Всеблагой, но как будто никогда не бывает доволен достигнутыми нами мерами. И боль человека в следовании Ему как бы не вызывает в Нем ожидаемого нами сострадания. «Господь... бьет всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 1–11). Несомненно крайний предел сему испытанию явил нам Единородный Сын в Своем воплощении: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия... если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (Мф. 26, 39–42).

Человеку естественно влечься к Божественному образу Бытия. Не состояло ли «искушение» (Быт. 3) в том, чтобы

использовать «естественное» стремление его к непреложной вечности и внушить ему идею возможности достигнуть искомую божественность помимо сего «жестокоего» Бога? Идти не путем мучительного распятия (ср. Гал. 5, 24–25), но чрез вкушение усладительного плода познания добра и зла? «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3, 6). И в наши дни нередко можно встретиться с носителями той же идеи: уклониться от крестного пути Евангелия и идти к соединению с Абсолютом посредством ЗНАНИЯ — ГНОСИСА.

Убеждаясь в относительности, весьма далекой от совершенства, личного начала в нем самом, человек логически приходит к мысли о недопустимости переносить сие начало на Абсолют. Отсюда неизбежное скольжение натуралистического рассудка к идее Сверх-личного Принципа, трансцендирующего все относительное. В своем движении к сему неименовавшему Принципу, ум человека не без труда успевает отвязаться от понятия о Нем, как о все-космичности, как некоем ВСЁ (τὸ Πᾶν, τὸ Ἔν). Когда же перешагнет и сей воображаемый порог космических конкретностей, тогда приводится к идее «Чистого Бытия».

Так было со мною в моей молодости. Пишу о себе. Моя умственная аскетика состояла в том, чтобы чрез мысленную и волевою сосредоточенность совлечься материальности тела с его чувственностью; затем идти дальше — к всетрансцендирующему Чистому Бытию чрез отрешение во мне самом и личного начала, и мышления, и прочих форм космического бывания. Так я, в те годы, служил «богу философов», не сущему подлинно.

Многолетним рыданием платил я за мои заблуждения. Нет лишения страшнее, чем не знать Истинного Бога. Во мраке неведения не только болезни и иные страдания, но и радости, удовольствия и все вообще теряет смысл. В противовес сему — нет высшего дара, чем встреча с Живым Богом. Во Свете сего познания не только благоприятные состояния, но и удручающие, и мучительные положения полны глубинного разума, и потому становятся сносимыми, оправданными (ср. 2 Кор. 4, 6–11). Весь многообразный опыт жизни, все мировые процессы, входящие в сознание наше, должны служить приготовлением к личной с Ним встрече, которая по роду своему принадлежит мета-истории, будучи вхождением нашим в осуществленную вечность. Кому было дано благословение сей встречи, тому вместе дается разумение богоявлений, описанных в Ветхом и Новом Заветах.

Исключительный гений Моисея не смог воспринять всей глубины явленного ему АЗ ЕСМЬ: Ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо» (тебе) (Исх. 33, 23; ср. Мф. 18, 10). Истинное содержание Синайского Откровения веками пребывало не раскрытым, и сокровенный Бог созерцался во мраке (Исх. 20, 21; ср. 2 Кор. 3, 14–16).

«Бога не видел никто никогда: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1, 18). Закон, данный чрез Моисея, содержал в себе семена, долженствовавшие в своем развитии приготовить людей к восприятию воплощения Бога и сделать их способными «узнать» в явившемся предсказанного Моисеем Пророка, Который сообщит миру познание о Боге Истинном, как о Свете, в котором нет ни единой тьмы, и уже не во мраке Синайском, но во Свете Фаворском (ср.: Втор. 18, 15–19; Ин. 1, 45; 4, 25–26; Мф. 11, 3; Деян. 3, 22).

Всему, что было открыто в Ветхом Завете, Господь дал новые, вечные измерения, но намек на предстоящее восполнение был вполне необходим в истории богооткровения (ср. Мф. 5, 17 и далее). Велик и свят для нас Ветхий Завет, когда мы его понимаем, как учит нас Сам Христос и Апостолы Его и даже Моисей. Никто из них не абсолютизировал Закона, как последнее совершенство, в силу чего нужно было бы отвергнуть всякое новое «восполнительное» откровение. Да и Моисей заповедал ждать иного Пророка, который «когда придет, то возвестит нам все» (Мф. 5, 17).

Христос говорил народу на языке, понятном и самым простым людям, но содержанием Его бесед были реальности, недоступные никому на Земле; ни даже Апостолам: «Прежде, нежели был Авраам, Аз есмь». «Я и Отец — едино есмы». «Никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». «Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим». «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Мф. 11, 27; Ин. 8, 58; 10, 30; 14, 23 и 16).

Вот, некто Третий... Как возможно примирить сие с нашим глубоким сознанием, что Бог один? Опять Господь сказал: «Когда придет Дух Истины, Который от Отца исходит, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 15, 26 и 16, 13). И Он, Дух Святой, пришел и действительно наставляет, но, как видим, и это «наставление» оказывается медлительным процессом.

Христос открыл нам Тайну Перво-Бытия; Того, Кто «в начале»: Три, несводимых один на другого, суть, — вернее, быть может, сказать есть Бытие Единое, даже простое; которому, однако, не противоречит множественность «различений». Наше дискурсивное мышление не совпадает

с данными Откровения. И Господь не слишком пытался разъяснять сие Таинство, но указал нам путь к бытийному постижению Предвечного Бытия: это есть путь Его заповедей.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 37–40). И когда по дару Свыше человеку бывает дано входить молитвою в подлинные измерения второй заповеди, тогда ему открываются новые горизонты, недомысленные в прежнем состоянии. В глубокой молитве за весь мир, как за «самого себя», уподобляющей человека Христу Иисусу, молящемуся в Гефсиманском саду, он реально живет все человечество, как ЕДИНУЮ ЖИЗНЬ, единую природу во множестве персон. От этой формы познания многоипостасного единства совершается переход к богословскому усвоению догмата о Единстве Святой Троицы. Христианский монотеизм не то же, что генотеизм Ислама.

После опыта «ипостасной» молитвы — мы оставляем позади категории формальной логики и переходим к бытийному восприятию, т. е. категориям самого бытия. Истина не есть то, что создает идущая снизу философия падшего человека. Истина есть Тот, Кто воистину ЕСТЬ прежде всех веков.

«Возвращаясь» из чистой молитвы к дебелисти плоти мира сего, мы выпадаем из пережитого ЕДИНОВОГО ЧЕЛОВЕКА и снова с печалью видим, что люди друг для друга не вполне прозрачны. Грань между человеческими персонами

не исчезает в такой мере, как это явлено в Божественной Троице, где каждая Ипостась всецело открыта для других; где кенотическая любовь является основным характером Божественной Жизни, в силу чего ЕДИНСТВО Троицы явлено совершенно абсолютным образом, что выражается в богословии понятием «взаимопроникновения» (περιχώρησις). По образу сего Троичного Единства призывается человечество стать единым человеком (Ин. 10, 30 и 17, 21).

Боги, изобретаемые людьми, мертвы. Знание же Живого Бога есть несравненный дар. Преподается оно чрез явление Бога человеку, и затем ложится в основание всей его жизни. Будучи по роду своему Божественным действием, каждое явление Бога человеку отражается на судьбах всего мира; в некоторых же случаях оказывает огромное влияние на ход исторической жизни. Примеры: Синайское Откровение явилось источником силы и власти для всех действий Моисея, хотя оно, откровение, в своей последней глубине превосходило его разумение, как не вмещалось оно в сознании еврейского народа вплоть до явления Христа. Евангельское Откровение Деве Марии переживалось Ею как воистину от Бога исходящее, но величие сказанного Ей Ангелом превышало в тот момент Ее силы, и Она нуждалась в подтверждении подлинности открытой Ей тайны. Приветствие Елизаветы явилось таковым: «Благословенна Ты в женах... И откуда это мне, что Матерь Господа моего пришла ко мне?... Тогда Святая Дева воскликнула: Величит душа Моя Господа... Он призрел на смирение рабы Своей» (Лк. 1, 41–49). И вся Ее жизнь приняла иной характер; а с Нею, и благодаря Ей — история всего мира вышла на новую орбиту, несравненно более грандиозную, чем все бывшее до Нее.

Экспериментальная наука идет к познанию природного мира индуктивным методом: от частных явлений к выводу общего закона. Иное видим мы при нисходящих Свыше откровениях. Душа интуитивно узнает — «откуда» пришло созерцаемое ею. Будучи еще не в состоянии охватить полноту излитого на нее благословения, она все же начинает строить свое будущее на скале данного чудесным образом познания: «И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; ВСЕ (сделайте) КАК Я ПОКАЗЫВАЮ...» (Исх. 25, 8–9). «И поставь скинию по образцу, который ПОКАЗАН тебе на горе» (Исх. 26, 30). Так и христианин зиждет свою земную и вечную жизнь согласно данному ему благодатному видению.

Когда речь идет о БЫТИЙНОМ познании ПЕРСОНАЛЬНОГО Бога, тогда имеется в виду ОБЩНОСТЬ БЫТИЯ, а не голое интеллектуальное понимание проблемы. Человек-персона — живет Богом и в Боге. Эта реальность может быть выражена иным порядком: Бог объемлет человека всецело: ум, сердце и тело. Познающий-персона и Познаваемый-Бог — соединяются во-едино. Ни один, ни Другой — никак не становятся «объектом» в своем слиянии. Взаимное познание: Богом — человека, и человеком — Бога носит характер «персональный», исключающий «объективацию». Сей союз любви есть духовный акт, при котором Возлюбленный является нашим бытием. Любви свойственно переносить жизнь в Того, Кого любишь до забвения о самом себе. Божественная любовь по своему роду, достоинству, величию, гармонии, власти — превосходит все, что знает Земля. Чудно при этом то, что это состояние воспринимается как воистину единственно естественное человеку. Дивная вещь: Он — и Другой, и вместе — мой.

Достижение сей любви, по существу, есть «стяжание благодати Святого Духа», о чем говорил Св. Серафим Саровский. Процесс стяжания проходит через три стадии: первое соединение с Богом возможно как дар благоволения в некий момент, который Бог находит благоприятным: когда человек воспримет посещение с любовью. Это есть акт Самооткровения Бога данному лицу: Свет Божий дает подлинный опыт Божественной вечности. Однако это еще не есть завершение обожения человека. Сей дар возможно определить как еще «неправедное богатство»; т. е. благодать Божия еще не слилась с нами так, чтобы наша природа и благодать стали навеки едино (ср. Лк. 16, 9–12).

Второй этап: длительный период богооставленности различной силы. В своих крайних степенях — это страшно: душа испытывает свой выпад из Света как смерть в плане духа. Явившийся Свет еще не есть неотъемлемое достояние души. Бог уязвил наше сердце любовью, но затем отошел. Предстоит подвиг, могущий длиться годами, даже десятилетиями. Благодать иногда приближается, и тем подает надежду, обновляет вдохновение, и снова покидает. Это альтернативное состояние чрезвычайно важный этап вырастания человека до возможности самоопределения в вечности. Бог оставляет нас, чтобы мы проявили наше самовластие. Знание же «пути» к совершенству мы унаследовали от Отцов. Замечено, что весьма многие, не ведая о сем порядке духовного роста христианина, после испытания благодати, затем лишившись ее, отпадают от Бога: пережитое посещение Свыше склоняются они признать временной психической экзальтацией, особенно свойственной началу возмужания. Старец Силуан так говорил об этом: «Все, чему когда-либо научила благодать, надо делать до конца жизни... Господь иногда

оставляет душу, чтобы испытать ее, чтобы душа показала свой разум и свое произволение. Но если человек не будет понуждать себя на делание, то потеряет благодать; а если проявит свое произволение, то благодать возлюбит его и уже не будет оставлять» (с. 103).

«Благодать возлюбит человека и уже не будет оставлять его» — завершение подвига стяжания благодати. Это есть третий этап, конечный. В совершенстве он не может быть длительным, подобно первому, ибо состояние обожения благодатью земное тело не выдерживает: непременно последует «переход от смерти в жизнь». И сам человек не желает «возвращаться» все в ту же тягостную смену состояний; но если благоволит Господь продлить пребывание в этом мире подвижника, то удерживает его на той мере благодати, при которой сохраняется способность действования, а следовательно и возможность «передать верным людям, которые были бы способны и других научать» (ср. 2 Тим. 2, 2) тому, что сам он воспринял от Отцов и непосредственно от Бога.

Совершеннейшая жизнь в Боге Истинном выражена в простых словах Евангелия, но усваивается сие учение с великим трудом. Тысячи раз мы возвращаемся все к тем же словам Писания, и едва улавливаем их вечный смысл. Мы часто переходим от одного состояния в другое: от доброго к злему, — от любви к неприязни, — от Света к тьме страстей. Мы сравниваем их действия на душу и боремся за стяжание лучшего. Мы подвергаемся самым различным испытаниям, и чрез это растем духовно. Нам нужно от младенческих рассуждений подняться до разума «мужа совершенного, до меры полного возраста Христового» (ср.: 1 Кор. 13, 11; Еф. 4, 13), до способности сделать в свободе разумный «выбор» для самоопределения,

решающего всю судьбу нашу. Свобода без полноты разума легко становится злом.

Открывшись нам во Свете Своем, Бог затем скрывается от нас. В безмерной печали о потере душа восходит до тотального покаяния, до «ненависти к себе». Без этого едва ли возможно человеку, наследнику Первозданного Адама, освободиться от следов люциферического падения. А ведь только при этом сможет человек войти в сферу невечернего Света, «во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус» (Евр. 6, 19–20). Сие последнее явится завершением обожения, когда новое падение становится исключенным.

Признаками «полноты Христова возраста» в пределах Земли являются: молитва, подобная Гефсиманской молитве Христа, и смерть, подобная Голгофской. При этом совершается подлинное проникновение человека в Божественную вечность; «вхождение в радость Господа» (ср. Мф. 25, 21).

В молитве нашей, подобной Гефсиманской, дается нам бытийный опыт «ипостаси» (персоны); уподобление смерти же нашей смерти Христа, есть путь «истощания»; и чем полнее было сие последнее, тем совершеннее вхождение духа нашего в светоносную область Предвечного Божества. И независимо от того, говорит ли человек или не говорит в словах о своем реальном состоянии, он живет его как бытийное сознание: ныне во Христе и «аз есмь».

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ МОЛИТВА

В этом мире Литургия наиболее адекватно выражает то, что мы именуем ипостасной молитвою, т. е. молитвою, подобною Гефсиманской Самого Христа. Пройдет не малое число лет прежде, чем мы вырастем до способности углубляться духом в ее, Литургии, подлинные измерения. Внимательно следуя всему порядку и содержанию сей службы Богу, мы вводимся в созерцание Бытия Божественного и бытия космического. Мы вспоминаем многие важные события от «Начала», т. е. когда Бог творил Небо и Землю; когда в Совете Троицы Святой вспыхивает решение «создать Человека по образу и по подобию Богу» (ср. Быт. 1, 26); затем страшное падение сего «образа», нашего Праотца Адама; далее трагические судьбы всех его, Адама, сынов; сострадательное пришествие в нашей плоти Творца и Бога, облекшегося в Им же созданный образ; впитываем Его учение, благоговейно почитаем Его страдания ради нашего искупления; робко следуем за Ним в Гефсиманию и даже на Голгофу; мы с Ним на суде Каиафы и Пилата; мы с ужасом слышим дикие крики: «распни Его»; мы поражаемся и крепимся, когда Он говорит сораспятому разбойнику: «...ныне же будешь со Мною в раю» и вслед за сим: «...для чего Ты оставил Меня?»... «Совершилось! И преклонив главу, предал дух». И дальше: погребение, воскресение, явления Апостолам и многим другим; вознесение; ниспослание Духа Святого... и всякая деталь полна недостижимого для нас смысла. Так

мы научаемся жить в планах двух реальностей: Божественной и нашей тварной. Мы в ожидании Его Второго Пришествия; мы в каждый литургический момент и во времени сем, и в вечности; в нас течет еще жизнь растленная падением и смертоносная, и вместе с нами Его слово, Его Свет, Его жизнь. И сколько бы мы ни повторяли сие служение, данное нам по Его благому о нас промыслу, — сколько бы ни наполнялись мы все новыми и новыми проникновениями в литургическую действительность, мы никогда не достигаем ее «конца». Но все же мы и в радости, и в страхе — причащаемся Божественной Жизни, и уже не в силах оторваться от открывающейся нам неуместимо великой мысли Творца и Отца нашего. Воистину Бог возлюбил нас и пригласил быть с Ним во веки веков.

Теперь мы знаем всеми силами нашего естества, что Он «от вышних ... что Он не от сего мира» (Ин. 8, 23). Тот Огонь, что Он низвел на землю наших сердец (ср. Лк. 12, 49), возгорелся в нашей крови чрез причащение Его Крови. И, естественно, мы преисполнены благодарности к Нему за безмерные дары Его нам. И самое служение наше именуется «Благодарение — Евхаристия»... Но...

Литургическая молитва — одна из самых тягостных. Мы живем ее в страшном разрыве всего нашего существа. Благословив в начале Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, мы затем постепенно снижаемся до преходящих житейских нужд, чтобы опять подняться чрез славословие до Престола Божия. Непрестанное движение — то к Богу, то к миру — характеризует нашу Теургию. И заповедями Евангельскими, и примером Христа (ср. Ин. 13, 15) мы воспитываемся обнимать полноту всемирного бытия: от сотворения всего сущего до конца нашей земной истории, и далее сего. Однако, параллельно с вдохновляющим

восхождением в сферу небесного Света, мы замечаем углубление нашей болезни сердечной: мы видим, что вселенная в целом по-прежнему объята мраком неприязни. Дух Божий не находит отклика в отчужденных от Бога сердцах, и молитва, как бы отвергнутая людьми, возвращается к молящемуся, нанося ему рану. Кажущееся бесплодие моментами становится благоприятной почвой для горестных мыслей: человечество неизлечимо больное; напрасна всякая надежда увидеть его исцеление; зло не перестает усиливаться, внедряться все глубже и глубже в сердца людей; надо оставить молитву за него, за человечество, ибо это безрезультатное страдание, жертвой чего станешь первый ты сам. Защита от сих упадочных мыслей — иметь в памяти Христа, боровшегося против всего мира в Своем одиночестве. Победа неизбежно придет, но не в плане видимой истории Земли. Она, победа, уже неустрашимый Факт: «Я победил мир», сказал Господь (Ин. 16, 33).

Свободным тварям предоставлена возможность идти до крайних проявлений зла; но доколе приносится бескровная Жертва, доколе Литургическая молитва объемлет всех людей — живых, умерших и еще долженствующих родиться, доколе наличествуют души, молящиеся за врагов по наитию Святого Духа, — дотоле Земля сохранится от всепожирающего апокалиптического огня. Так верил Блаженный Старец Силуан. В ней, Христоподобной молитве, видел он «удерживающую» силу, о которой говорит Св. Апостол Павел в Послании к Солунянам (2 Сол. 2, 7).

Благой промысл Бога допустил меня десятки лет совершать Литургию, и каждый раз, в той или иной мере, я чувствовал снисхождение Божие на службу сию. Чрез Литургическую молитву душа погружается в океан люд-

ских страданий. В годы Первой Мировой войны, катастрофически тяжелой для России, затем в течение первых лет Революции с неописуемым хаосом гражданской войны — в душе моей отпечатлелись навсегда безысходные муки многомиллионных масс народа. И сам я стоял в условиях возможной гибели в неподдававшейся контролю буре; но Господь чудным образом сохранил меня от всякого участия в этой бойне: я никогда никого не убил. Когда же приблизился час получить благословение священства, тогда я не находил слов благодарности Богу моему за столь исключительную милость ко мне: я не только не выстрелил ни в кого, но, надеюсь, никому не нанес вреда видимого, произвольного. Разве только все мы можем одним фактом нашего существования стеснить кого-либо из живущих вокруг нас. Благодаря сему не обрелось в деяниях жизни моей канонических препятствий для восприятия священства. Но в духе я ощущал себя достойным лишь осуждения на тьму кромешную. Бог же делал со мною обратное: чем большим было мое осознание недостойности, тем щедрее Он давал мне осязать Его вечное Архиерейство. «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый» (из иерейской молитвы во время Херувимской песни).

Спасаемся мы в высшем смысле чрез соучастие в страданиях Христа за нас. Включаясь в жизнь Господа на Земле, мы обретаем Божественную вечность, исполненную любви. В условиях нашей исторической данности — любовь сия неизбежно страдающая, со-страдательная, и сие даже «до конца», до полного истощания. По дару Духа Святого нам ниспосылается парадоксальное благословение: опытное познание состояний Иисуса Христа в мерах благоволения Отца о нас. Мы со Христом и на

Тайной Вечере, и в Гефсимании, и на судах Каиафы и Пилата; мы разделяем с Ним несение креста после изнеможения от пыток и истязаний, — богооставленность и сошествие во ад. И в этом следовании за Христом — наш крест, невидимый, но реальный и Богу ведомый.

Когда же нисходит на нас Несозданный Свет, тогда сообщается нам радость воскресения, и ум наш созерцает Господа возносящимся «туда, откуда пришел Он» (Ин. 6, 62). Любезны нам слова Апостола Павла: «Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога» (Кол. 3, 1).

Подлинные измерения Литургии — воистину божественны, и мы никогда не исчерпаем ее содержания, особенно живя еще во плоти. Созданные из «ничто», мы постепенно растем, развиваемся, совершенствуемся. Чем напряженнее наша жажда Бога, тем обильнее потоки новых постижений изливаются на наши головы. Разделяя со Христом Его Чашу, мы через причащение Тела Его и Крови воспринимаем также и Его Божество, как оно явлено Им на Земле во плоти и как оно вечно пребывает на небесах. Таков путь: чрез соединение в любви с Божественной Ипостасью Единородного Сына, мы становимся Его подобием, и как ипостаси в полноте своей завершенности «по образу и по подобию» Ему усыновляемся Отцом Небесным на бесконечные веки.

На кресте, в последний момент Христос воскликнул: «Совершилось». Недоведомы нам глубины мысли Господа, но мы знаем, что тогда произошел великий сдвиг во всем космическом бытии. Сие «Совершилось» относится к предвечному Совету в недрах Святой Троицы, о чем отчасти говорится и в данном нам Откровении. Для нас еще не вполне совершилось то, чего мы ждем в надежде

от Бога. Мы продолжаем в тревоге видеть «нынешние небеса и землю, как содержимые творческим словом Божиим, как сберегаемые на день (страшного) суда и гибели нечестивых человеков... Приидет же (тот) день, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (ср. 2 Пет. 3, 7 и 10). Все мы стоим духом на этом Последнем Судилище, так невероятно близко даже по самой своей терминологии описанном Апостолом Петром.

Приведем в параллель сказанному Апостолом Петром слова Самого Христа: «...скажи нам... какой признак... кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие приидут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь: ибо НАДЛЕЖИТ ВСЕМУ ТОМУ БЫТЬ; но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое...» (Мф. 24, 4–44). «Люди будут издыхать от страха и ожидания (бедствий), грядущих на вселенную... Когда же начнет это сбываться, тогда ВОСКЛОНИТЕСЬ И ПОДНИМИТЕ ГОЛОВЫ ВАШИ, ПОТОМУ ЧТО ПРИБЛИЖАЕТСЯ ИЗБАВЛЕНИЕ ВАШЕ... ЗНАЙТЕ, ЧТО БЛИЗКО ЦАРСТВИЕ БОЖИЕ... день тот... внезапно, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному» (Лк. гл. 21). «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей, и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую сторону, а козлов по левую» (Мф. 25, 31–33).

Все сие входит в состав Божественного Акта Литургии: «Поминающие убо спасительную сию заповедь, и вся яже о нас бывшая: крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, ВТОРОЕ И СЛАВНОЕ ПАКИ ПРИШЕСТВИЕ: Твоя от Твоих Тебе приносим о всех и за вся».

«Время сотворити Господеви» (Пс. 118, 126), Владыко, благослови». С такими словами обращается дьякон к иерею пред началом Литургии. Смысл этих слов: «Время (Самому) Господу действовать». Итак, ЛИТУРГИЯ есть прежде всего Божественный Акт. Все понятия в ней меняют свой объем, свое значение. Слово «время», например, что значит? Заклание Агнца было предрешено еще в предвечном Совете Троичного Бога: «Искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, ПРЕДНАЗНАЧЕННОГО еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших чрез Него в Бога, Который воскресил Его из мертвых...» (1 Пет. 1, 18–21). Даны нам два бытийных плана: один, что «прежде создания мира», другой — наше историческое время. Совершается Литургия по всему лицу Земли изо дня в день, из века в век. Следовательно «время» Литургии: «ныне, и присно, и во веки веков». Христос, «принесши ОДНУ жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога... одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (ср. Евр. гл. 9 и 10).

Таков вечно-временный и временно-вечный характер сего Таинства. В нем, иерургически, мы встречаемся с некоторыми нарушениями хронологической последовательности; в нем — наши преходящие нужды переплетаются с вечными положениями Божиими. Литургия не есть психологическое «вспоминание» (ср. Лк. 22, 19;

1 Кор. 11, 24) когда-то имевшего место события, но непрестанно пребывающая в Истории сила. Истекают тысячелетия, но не изменяется ее, Литургии, актуальность: «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет. 3, 8). Для нас историческое время является как бы «местом» нашей первой встречи с Богом и Его вечностью. Сия последняя объемлет все временные века непротяженно, но всецело. В Литургии мы живем одновременно, сокупленно и тленность нашего земного существа и предвосхищение Царства, пришедшего в силе (ср. Мк. 9, 1). В Литургии мы предвкушаем «Брачный пир» в Царстве Отца Небесного (ср. Мф. 22, 2 и далее). «Отчасти» обладаем мы сим даром уже теперь, ожидаем же в терпении «наступления совершенного, когда все то, что отчасти, прекратится» (ср. 1 Кор. 13, 10).

Литургия строится таким образом, чтобы воспроизводить в нашем сознании возможно полнее ДЕЛО Христа на Земле (Ин. 17, 4). Чрез постоянное повторение сего Акта, всеобъемлющий смысл его становится все более и более нашим личным созерцанием, нашим мировидением. Картина сия чрезвычайно богатая; в сущности — никогда неисчерпаемая, вечно новая и живая. В коротком по времени священнодействии вмещается «воспоминание» (Лк. 22, 19) о событиях, потребовавших ряд тысячелетий, неисчислимо количество людей, сынов и дочерей Адама. От сотворения мира и явления Человека, от момента падения Адама, потрясшего космическое бытие, до пришествия на Землю Бога-Спасителя; от Его возгласа: «СОВЕРШИЛОСЬ»: мига, в который Он вкусил смерть по воспринятому Им человечеству и в который началось восстановление сотворенного Богом — все сие сливается во-единое созерцание и молитву. Незадолго до совершения Своей первой и единственной Литургии и в час

Гефсиманского плача Своего — Он, Господь, беседовал обо всем этом с учениками Своими (Мф. 26, 38), и все носил в Себе как «наши болезни» (Ис. 53, 3–4). И нам Он дает осязать Его «раны» (Ин. 20, 25), когда мы входим действительно и разумно в совершающееся в час Литургии.

Литургия есть Действие Самого Бога; она всецело принадлежит плану вечности. В ней проявляется Любовь Отца, и Сына, и Святого Духа в ее, любви, сострадании погибавшим грешникам. Любовь Божия — жертвенная. Сею Жертвою удержано человечество от исчезновения (ср. Быт. 2, 17). Животворящей силой ее сохраняется жизнь мира. Любовь Божия отдает Свою жизнь возлюбленным сынам человеческим: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16; 1 Ин. 4, 9–10).

Вечный характер Литургии выражается еще и в том, что Господь до Своей смерти на Кресте, на Тайной Вечере, преподал апостолам Свое ТЕЛО и КРОВЬ. В историческом плане нарушена последовательность. Сохранена она в предвечном Троичном Совете, где все соединено в едином Акте, непротяженном, но всеобъемлющем. Сначала все совершилось в Божественном Замысле о сотворении мира. Тогда уже Христос определился, как Непорочная Жертва. Не раз говорил Он Апостолам, что Ему предстоит суд и смерть и затем воскресение.

Да даст всем нам Дух Святой созерцать Христа, умирающего одиноким, всеми осужденным, никем непонятым. Он умирал ОДИН, по-человечески — позорною смертью; но таким путем Он потряс весь мир, радикально переменял ход истории, спас для вечности благой миллиарды людей, облагодетельствовал всю тварь.

Все сие, поскольку возможно, должен носить в своем сознании иерей, готовящийся совершить Литургию, «ибо

в нас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (ср. Флп. 2, 5). Чем теснее к стопам Христа приблизится христианин, тем меньше спутников обнаружит он вокруг себя. Имея в себе мысль о полном одиночестве Христа, не должны ли мы быть готовыми к нашей смерти тоже в одиночестве? Если бы нам, по любви к Нему, пришлось умирать без свидетелей от рук мучителей в застенках тюрем, то Он не оставит нас одинокими, но разделит с нами могущий выпасть на нашу долю подвиг, «ибо как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2, 18).

Литургический акт, при внимательном отношении и к его основной идее, и к его составным частям, воспитывает нас пребывать в атмосфере Христа. Господь увлекает нас духом обнимать весь мир, где миллионы людей в каждый данный момент или сокрушены ударами жестокой судьбы, или лежат у дверей смерти и стонами своими призывают помощь Свыше. В меру нашего личного опыта всякого рода страданий мы можем погружаться в безбрежное море людских терзаний и чрез молитву разделять с ними их ужасы, а иногда и радости. Возможно, что в какой-то момент мы настолько включимся в неизбывные муки всего человечества, что ни тело, ни психика, ни мысль не будут в состоянии следовать за плененным молитвою духом, предстоящим Богу в невыраженных словом воздыханиях (ср. Рим. 8, 26–27). Такая молитва есть дар Духа Святого, а не человеческих усилий: она доводит до грани смерти и вместе оживотворяет; она ведет нас в Гефсиманию и даже на Голгофу, и в то же время дает предвосхитить воскресение. В этой молитве мы познаем Христа, нисходящего во ад Своей безмерной любви, победительницы смерти.

Спасение миру сообщается чрез Литургическое священнодействие; особенно тем, что жаждут воспринять

благословение Отца Небесного. Нет ничего равного, ни подобного Делу Христа в путях избавления человечества. И те, которым вверено служение установленной Господом Литургии, содействуют братьям своим в шествии к бесмертию. В этом служении Церковь молится уже два тысячелетия, заботясь, подобно Апостолу Павлу, о том, чтобы людям было дано истинное разумение открытых Богом вещей; чтобы они могли «постигнуть со всеми святыми, что есть широта и долгота, глубина и высота» предвечного замысла Творца о нас, предопределившего прежде сложения мира усыновление наше в Своем возлюбленном Сыне (ср. Еф. 3, 14–21 и 1, 5).

Проходят век за веком, но в Духе Святом ничто не стареет, и тот же Дух, который влагал в уста Павла такие молитвы, и по сей день движет сердца священников и вообще верующих на молитву, в которой познается глубинным существом нашим, что Бог есть Отец наш, что на Земле явлен Свет безначального Бытия.

«Отче Святый, почтивый ны образом Твоим и даровавший нам благословение познать Истину Твою чрез воплощенного Сына Твоего и сошествие Святого Духа, от Тебя исходящего, не отврати Лица Твоего от нас, недостойных раб Твоих, но прими молитву нашу и ниспосли на всех сынов Земли дух истинного благочестия, да исполнится вселенная нетленным светом Твоего богоразумия, молим Ти ся, Отче Благий, услыши ны и скоро помилуй».

Литургия — бесценный дар человечеству: чрез нее мы познаем от века сокровенную Тайну распятия любви Божией; в ней мы живем действительно образ воскресения; чрез нее мы восходим на гору созерцания славы Преображения; она утоляет жажду нашего духа иною водою, текущею в жизнь вечную (Ин. 4, 14). Вкушавшие манну в пустыне — умирали, ядушие же хлеб, сходящий с небес,

живы будут во веки (Ин. 6, 58). Служители Нового Завета, закрепленного Кровью Христа, свободны от древнего покрывала (ср. 2 Кор. 3, 12–18) и открытым лицом приносят прошения свои пред Лицо Отчее. Храм, где совершается Литургия, — есть преддверие Святого Царства, пребывающего на небесах. Сие служение для нас является источником непорочного наслаждения. Совершитель Таинства Литургии стоит в непосредственной близости к Сыну Божию, Который есть «исполнение Закона и Пророков» (Литургия Иоанна Златоуста), чрез Которого мы стали обладателями «глаголов вечной жизни» (Ин. 6, 68; 17, 8).

Встреча вплотную с Единородным Сыном Отца не безболезненна для растленных грехом; она поражает нас, казалось бы, до последнего уничтожения, но она же затем перерождает нас уже в свободе от греха, приобщает нас богочеловеческой универсальности Христа, доводя в нас образ Божий до совершенства.

Иерей, совершающий Литургию, как и присутствующие верующие, научается жить в двух планах, по примеру Самого Христа: пребывать духом в сфере Божественной и вместе тесно со-участвовать в трагических судьбах вселенной. По временам его, иерея, внимание будет преимущественно обращено на грандиозную панораму сотворенного мира, что и составит содержание его молитвы литургической; временами же дух его допускается восходить к бесконечному, к усвоению смысла излитой на нас благодати, к Свету, исходящему от Святой Троицы. Необходимо всем нам такое погружение в Литургию, чтобы ее вечная реальность стала сопутствующей нам в нашей повседневности; чтобы священническая молитва стала нашей природой, чтобы мы воистину «соделались царями и священниками Богу», независимо

от того, из какого мы «колена или языка, народа или племени» (ср. Откр. 5, 9–10).

Литургия, в своей совокупности, охватывает не только библейские события, относящиеся к экономии спасения человека, но и вообще космическую жизнь, и даже то, что было до сотворения мира и чего ожидаем, когда «Бог будет всяческая во всех» (1 Кор. 15, 28); «когда времени уже не будет» (Откр. 10, 6). К этому переходу из временной последовательности prepares нас Божественная Литургия. Ее полнота захватывает всецело нас, настолько, что когда я был в пустыне и служил один, имея только одного монаха на клиросе, который приходил ко мне, чтобы отвечать на прошения ектений, читать послание апостолов да и прочее вспомогательное участие, заменяющее народ, то ни я, ни тот монах — никогда не испытывали какого бы то ни было недостатка: весь мир был там с нами; мир и Господь; Господь и вечность. Этот пустынный опыт научил меня молиться священнической молитвой и с народом, и без его видимого присутствия.

Позволю себе сказать, что в моем сознании преобладает современный опыт, а не древний. Начался сей опыт тогда, когда я еще вовсе не был знаком с творениями Святых Отцов. Внушенный — я так верю — тем же Духом, исходящим от Бога, он, опыт, во многом совпадал с писаниями Отцов-аскетов; но вместе и отличается от них в силу разительной перемены условий мировой жизни. Эсхатологические предощущения свойственны нашему веку в большей мере, чем когда-либо в прошлом: «Земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3, 10). Огонь уже готов, и отдан в руки безумных. Мир взят от лица вселенной. Положительная сторона этих страшных событий в том,

что не только христиане, но даже и неверующие настойчиво призываются расширяться умственно и перешагнуть узкие рамки своих национальных инстинктов или культур и мыслить в общечеловеческих измерениях. Нам приходится наблюдать, и даже часто, обратное сказанному: стремление к независимости даже малочисленных и несовершенно развитых племен. Но эти обратные движения, полярно противоположные подлинной нужде, всегда были присущи парадоксальной истории падшего человечества.

Ныне становится невозможным для иерея, приносящего бескровную жертву, пребыть в пределах лишь местных нужд, забывая все прочее человечество, судорожно бьющееся в адских тисках взаимной ненависти и всякого рода насилий. Как бы ни была чревата наша современность апокалиптическими катастрофами для грядущего, молитва христианина не должна ослабеть от кажущейся безнадежности, но возрастать в своей интенсивности: мы брошены в первые ряды великой духовной битвы.

Высока наука Евангельского Духа: нашим естественным — в состоянии падения — силам она недоступна. Но двухтысячелетний опыт нашей Церкви в подвиге покаяния показал, что человеку может быть дана Свыше духовная мощь, и тогда он становится способным выносить выше-естественное сострадание. Настоящее тело наше, с его психическим аппаратом, несравненно слабее нашего духа: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). Наш телесный «состав» следует за движением духа нашего к Богу лишь до известной меры, после которой наступает момент его изнеможения. Сострадание убивает нас. Инстинкт самосохранения закрывает наши глаза, чтобы не

видеть бесчисленных бедствий, выпадающих на долю нам подобных. Но вкусивший Духа Христова не может отказаться от встречи с этим океаном злосчастий и включается в молитву Господа, давшего нам «образ» (Ин. 13, 15). Как Он молился за весь мир, так и мы должны и жить, и чувствовать (Флп. 2, 5). Особенно сие необходимо для священника, совершающего Литургию, если он стремится войти полнее в ее, Литургии, все-видение.

По существу нет иной Литургической Чаши, кроме той единственной, которую принес Сам Господь перед исходом Своим на искупительную жертву. Он один есть воистину Перво-Священник. Его благоволением — Литургия, будучи неповторимою, в веках повторяется. В этом повторении вечного по своей сущности Таинства проявляется его актуальность, неизменное присутствие в рамках истории. Неделимая Литургия — дробится и непрестанно распространяется во все концы вселенной. Сионская Горница дивным образом расширяется, чтобы стать доступною все новым и новым поколениям «верующих в Него» (ср. Ин. 17, 20). Чрез святое причастие Христос собирает преданных Ему в то единство, которое задано нам Творцом нашим: созданный «по образу и по подобию» — призван к единству по образу Святой Троицы:

«Отче Святый, соблюди во Имя Твое тех, которых Ты дал Мне, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17, 11).

Литургия в своей вечной реальности есть всегда сопричастующая нам Пасха Господня. До пришествия Христа, Еврейская Пасха состояла в воспоминании исторического события — перехода чрез Чермное море Израильского народа, избавленного от египетского рабства, прототипа всех прочих рабств. Христианская же Пасха

есть избавление от рабства греху и смерти; переход от частных и ограниченных положений к универсальным, божественным; восхождение от земных форм бытия к небесным, к бессмертию. И заповедано нам совершать ее в Его воспоминание (Лк. 22, 19), во Имя Его. Он — истинный центр всего мироздания — является сосредоточием нашего внимания: «Все произошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло» (Ин. 1, 3). В этом радикальное изменение характера нашего Пасхального торжества. Вся Литургия в ее существенном содержании есть не что иное, как воспоминание о Нем, а не о каком-либо историческом факте. «Воспоминание», понимаемое как живое вхождение в сферу Духа Христа, в Его Божественном и земном измерениях. Он — смысл и свет Христианской Пасхи.

Вечная актуальность Литургии подчеркнута также содержанием молитвы, которую все верующие произносят пред принятием святых таин Тела и Крови Христа: «Вечери Твоея тайныя ДНЕСЬ, Сыне Божий, причастника мя прими». В этом «днесь» — **НЫНЕ** — нет ни прошлого, ни будущего, но только настоящее. И этою молитвою снова мы просим быть принятыми в лоно предвечного Божества Святой Троицы.

Душа священника неизбежно множество раз дойдет до изнеможения от видения всякого рода страданий, с одной стороны, и неправд и насилий, с другой. Именно сии безобразия и кажущиеся бессмысленными едва ли не все действия людей являются показателем падения нашего мира. Упорным подвигом мы должны удержать неумаленным наше вдохновение на Литургическую молитву за все человечество. Все страсти и гадости греха, в нас ли самих, в других ли вне нас, и составляют

повседневное содержание сей универсальной молитвы. Долг священника — неизменное повторение во времени БОЖЕСТВЕННОГО АКТА ИСКУПЛЕНИЯ МИРА, во исполнение заповеди Христа: «Сие творите в Мое воспоминание». Живое «вспоминание» и как видимое присутствие в истории вселенной Гефсиманской молитвы и Голгофской крестной смерти Господа.

Литургия, в своей вечной духовной реальности — есть ЖЕРТВА ЗА ГРЕХИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Вот, почему мы, встречаясь со вседавящей массой греха, в нас ли самих, вне ли нас, мы не перестаем пребывать внутри литургического акта. При таком сознании о священстве вся наша жизнь является служением спасению мира. В этом сущность Божьего нам дара: «царственного священства».

Быть носителем благодати «царского священства» (1 Пет. 2, 5 и 9) возможно и не имея священнического сана. Внутренняя сущность сего священства в том, чтобы молиться о всем мире, следуя «примеру» (Ин. 13, 15) Самого Господа. Для нас, человеков, последняя, доступная нам мера — молиться за всего Адама, как за самого себя. Такая молитва является знаком, что в нас восстанавливается тот «образ», по которому создан был Человек (Быт. 1, 26). Страдания Христа и Его воскресение снискали человечеству сию благодать (ср. Лк. 24, 46–49). Все и каждый из верующих в Сына Божия призваны принять сей дар от Дародателя: быть «царственным священством». Нет цены сему благословению, но оно стяжается долгим и болезненным подвигом.

ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и СЛОВО было БОГ ... все чрез Него начало быть» (Ин. 1, 1–3).

Язык человеческий предназначается для выражения реальностей различных планов: есть житейский план — естественных потребностей; есть близкий к нему и все же отличимый — примитивных душевных чувств и страстей; есть язык политической демагогии; есть научный, философский, язык поэзии; наконец наивысший из всех — язык Божественного Откровения, молитвы, богословия и других отношений между Богом и людьми — ЛИТУРГИЧЕСКИЙ.

Отвлеченное познание о бытии — имеет метафизические корни; сюда относится наука, философия и, прежде всего, Богопознание. Слова, выражающие вышеуказанные роды познания так же, как и Имена Божии, исходят из умной сферы, метафизической. В то же время им свойственно вызывать в уме или сердце различные реакции, и в этом смысле они являются «условными рефлексами», носящими характер непосредственный, автоматический.

Каждому языку поставляется задача: ввести слушателя или читателя в ту область, к которой данный язык принадлежит. Учитывая «условно-рефлективную» энергию слов, мы должны особенно большое внимание отдать литургическому языку, призванному порождать в умах и сердцах молящихся ощущение иного мира, высшего. Это достигается наличием имен и понятий, принадлежащих

исключительно божественному плану; а также употреблением небольшого количества специфических форм выражения.

Славяне промыслительно одарены благословенным языком, служившим веками для богослужения, Священного Писания и молитвы, и никогда не низшим житейским нуждам, ни даже церковной литературе. Мы категорически убеждены в необходимости употребления сего языка в богослужениях; нет вовсе нужды заменить его языком повседневности, что неизбежно снизит духовный уровень и тем причинит неисчислимый ущерб. Неуместны доводы якобы непонятности для многих современных людей старого церковного языка; людей поголовно грамотных и даже образованных. Для таковых овладеть совсем небольшим количеством неупотребительных в обыденной жизни слов — дело нескольких часов. Все без исключения затрачивают огромные усилия для усвоения сложных терминологий различных областей научного или технического знания; политических, юридических и социальных наук; языка философского или поэтического, и подобное. Зачем понуждать Церковь к утере языка, необходимого для выражения свойственных Ей высших форм богословия или духовных опытов?

Все, кто искренно желает приобщиться вековой культуре Духа, легко найдут возможность освоиться с бесценным сокровищем священного славянского языка, который изумительно соответствует великим таинствам богослужения. Немногие особенности сего языка облегчают труд временно отрешиться от страстных будней: «всякое ныне житейское отложим попечение».

Если бы мы при совершении Литургии употребляли язык нашей повседневности, то он порождал бы в душах и умах присутствующих реакции низшего плана — нашего

физического существования. Человеческое слово есть образ Предвечного Слова Отца. «Словом Господним сотворены небеса... Он сказал, и соделалось! Он повелел, и явилось» (Пс. 32, 6 и 9). И наше слово обладает творческой силою. «Слово Бога нашего пребывает вечно» (Ис. 40, 8); и наше слово достигает вечности, если сказано в путях воли Его. Чрез призывание Имен Божиих совершаются Таинства Церкви, включая преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Господа.

Слова Литургии и вообще молитв не суть только человеческие, но и данные Свыше. Церковный язык относится к сфере Божественного Бытия; он должен выражать Откровение Духа и им порождаемые умные видения. Чрез «слышание слова Божия» (Рим. 10, 17) вдохновляется человек на веру, «победившую мир» (1 Ин. 5, 4; ср. 1 Сол. 2, 13).

ГЕФСИМАНСКАЯ МОЛИТВА

Гефсиманская молитва Христа есть, несомненно, высшая из всех молитв по своему внутреннему достоинству и по своей мироискупительной силе. В то же время она является одним из бесценнейших откровений о Боге и Человеке. Принесенная Богу-Отцу в Духе Божественной любви, она, как Свет, никогда не умаляемый, вечно пребывает действенною в бытии мира. Как исторический факт — она длилась недолго; но как духовный акт любви Божией началась она еще до сотворения мира (ср. 1 Пет. 1, 20) и не прекращается до сего дня. Присутствие ее силы мы ощущаем в час молитвы за весь мир; преимущественно же во время совершения Литургии. Ее святость и величие влекут сердца тех, кто сохранил в себе образ Бога Живого.

В этой молитве Господь включил все, что произошло с момента явления в жизнь Первого Адама до последнего человека, имеющего родиться от жены. Так научены мы мыслить в нашей Церкви (Ин. 1, 29; 1 Ин. 2, 2). Лишенные бытийного опыта подобной любви — бессильны постигнуть ее необоримую энергию, освящающую в веках всякого человека, жаждущего принять сей дар. «Небо и земля прейдут», но ДЕЛО, совершенное Христом (ср. Ин. 17, 4), «не пройдет» (ср. Мф. 14, 35). Сия молитва войдет как существенное содержание в неумолкаемое славословие небес. Она не перестанет восторгать дух наш; порождать в нас желание ответить столь же полной любовью «до конца» и в сем веке, и в грядущем.

Вся вселенная в своем падении судится с Богом, обвиняя Его в своих страданиях. Судится страстно в своем увечье, последствии отпадения от Его любви. Знаю это я и по себе. Но Иисус — Бог изначальный, в Гефсимании и на Голгофе «оправдал» Бога-Творца; «Человек Христос Иисус» (1 Тим. 2, 5) там же «оправдывает» на суде Бога и Отца — Человека-человечество.

Для людей: если Бог такой, каким явил Его Христос, то Ему подобает всякая слава, честь и поклонение во все века. Для Бога-Отца: если Человек такой, каким был Христос, то Отец принимает Его, как равного: дает Ему трон «одесную Себя на небесах», превышает всякого начальства и власти, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем (ср. Еф. 1, 20–21).

Любовь Христова, победоносная в вечности, в плане Земли подвержена тягчайшим испытаниям. Никто, никогда не страдал так, как Он. Глубина муки находится в прямой связи с мерою восприимчивости каждого. Между людьми возможна такая же разница, которую мы наблюдаем между носорогом и червем: ударьте первого сильно кулаком, и он не почувствует вашего удара; едва коснешься червяка, и он уже извивается от боли всем телом. Тонкий слух музыканта болезненно встревожен неувеличим для других диссонансом; глаз живописца улавливает различие тона там, где другие при всех объяснениях остаются ничего не замечающими. Чуткий духовно при соприкосновении с кем-либо как бы видит его моральное состояние, тогда как очень многие ничего не ощущают. И если так с людьми, то кто может понять Христа, Творца космоса? «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, ХОРОШО ВСЬМА» (Быт. 1, 31). Сотворивший Божественную гармонию мира не мог не скорбеть, встречаясь повсюду с нетерпимыми извращениями первоизданной красоты

гнусными и преступными деяниями людей. Все мы знаем, что чем глубже мы любим, тем болезненнее переживаем даже малейший конфликт. Что же переживал Он, вечная Любовь, когда с такою ненавистью отвергли Его свидетельство об Отце? Он, Которого Церковь именует солнцем Правды, отдал Себя на суд лукавству осудивших Его на смерть. Он, Ипостасная Истина, был оклеветан, бесстыдно поруган, жестоко бит и нагло оплеван. Он, безгрешный (ср. Ин. 8, 46), взял на Себя грехи мира, как если бы Он Сам и был виновником всей трагедии. «Возлюбивший нас до конца» (Ин. 13, 1) переносил преследования неутолимой злобы убивавших Его, «думавших, что они тем служат Богу» (ср. Ин. 16, 2).

Чтобы хотя немного приблизить наше сознание к разумению происходившего в те самые трагические за всю историю мира дни, чтобы узреть бытийно хотя бы «как в мутном зеркале» (1 Кор. 13, 12) путь, пройденный Христом, всем нам необходимо пройти чрез множество испытаний. Когда постигают нас всякого рода удары и ужасы, тогда мы должны переносить наш ум к созерцанию мук всех страждущих на Земле; включить их чрез наши собственные болезни в молитву сердца нашего. Таким образом расширится оно и обнимет всех братьев и сестер, сокрушенных бедствиями, подобно тому, как матери в порыве опечаленной любви обнимают своих больных детей. Пусть молитва наша станет криком всей Земли к Богу и Отцу. Чрез такую молитву по действию Святого Духа войдем мы в соучастие с искупительными страстями Божественной любви Господа. Никто из нас не достигает ее безмерности; но велико для нас и то, что и нам, пусть отчасти, но с неотразимой убедительностью открывается жизнь Его. «Сообразуясь (духовно) смерти Его», мы удостоимся познать бытийно Христа (Ин. 17, 3) и

«силу воскресения Его» (Флп. 3, 10). «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его (духовно), то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим. 6, 5). Через постигающие нас потрясения возрождается наша омертвевшая в грехе натура к молитве, как-то отражающей Гефсиманскую молитву. По достижении зрелого возраста нам нередко дается переживать частичное умирание, и в меру этого опыта мы становимся более способными созерцать Христа, идущего в Гефсиманский сад и далее на Голгофу. Не физические боли Его, на кресте распятого или бичуемого, занимают первенствующее место, но они делают Его страдание тотальным, во всех планах. Даже и мы знаем, что душа в своей сфере получает раны более страшные, чем тело. И если так в земном явлении души, то что сказать о душе-духе, воспринимающем вечность? Чем больше любовь, тем больше страданий душе. Чем глубже любовь, тем безмернее ее боль¹³. А кто из людей дерзнет сказать, что его любовь превышает Христову любовь? Здесь мы имеем в виду ту сферу Бытия, которая постигается не иначе, как только силою любви духовной, которую человеку было дано Свыше познать.

Нарисовать картину страданий Иисуса Назарянина невозможно. Вся Его жизнь с нами была не что иное, как непрерывное терзание. Голгофа — лишь заключительный акт, в котором все, как в кульминационной точке соединилось: физические боли; душевные скорби вследствие отвержения людьми благовестия об Отчей любви; позорная смерть преступника; злорадный смех мстивших за понесенные от Него обличения в неправдах... Все Его осудили: Римское Государство с его классическим правом; Ветхозаветная Церковь, основанная на Синайском

¹³ Ср. Старец Силуан.

откровении; благодетельствованный Им народ, и тот кричал: «Распни Его». Ко всему этому покинутасть учениками; предательство Иуды, отречение Петра; богооставленность: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты оставил Меня?»; предстоящее схождение во ад, к тем, кто наполняет сие мрачное место. Ад Христа, конечно, не мог быть адом вражды, но был самый болезненный ад любви. И еще многое, чего не постигает наш ум, не знающий надлежащей любви ни к Богу, ни к ближнему.

Не о Себе скорбел в молитве Господь до кровавого пота, но о нашей гибели. Это видно из Его слов к плакавшим о Нем женщинам: «Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лк. 23, 28). Однако и Ему Самому нужно было пройти в Его человечестве подвиг полного истощания, как это было уже совершено в небе по Божеству по отношению к Отцу. Об этой «чаше» молился Он, как человек. Чрез Него нам дано откровение о характере Бога-Любви. Совершенство в том, что эта любовь смиренно, т. е. без остатка отдает себя. Отец в рождении Сына выливает Себя всецело. Но и Сын все возвращает Отцу. Именно сей акт тотального истощания совершил Господь в Своем воплощении, в Гефсимании и на Голгофе. Именно такую любовь заповедал нам Христос: «...кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни (души) своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26); тот «не достоин Меня». Так только тот, кто в движении всецелой своей любви, подобно мученикам, губит душу свою в мире сем ради Христа, «входит в самое небо, чтобы предстать» пред Лице Божие для «жизни непрестающей» (ср. Евр. 9, 24 и Евр. 7, 16).

Смысл жертвы Авраама в том, что он, на старости лет, привязался к «обетованному сыну» своему Исааку

настолько, что любовь его к Богу потеряла свою полноту. Чтобы снова любовь к Богу стала «краеугольным камнем» его жизни, Авраам должен был принести жертву: заклать возлюбленного сына. Когда же внутренне сей акт был совершен, тогда излишнею стала смерть Исаака: он мог оставаться при отце.

Подобное повторяется в жизни христианина: когда та или иная страсть отрывает его от Бога, он решается на многие жертвы. И если внутренний акт достиг завершения, то страсти отступают, и «заклание» становится излишним.

Не так обстоит с Христом. Господь внутренне совершил Свою жертву в Гефсимании, но Ему, ради «ДЕЛА» (Ин. 17, 4), нужно было пострадать «до конца» и внешне, иначе никто бы не постиг ТАЙНЫ ИСКУПЛЕНИЯ. Так только на Голгофе, уже умирая, Христос воскликнул: «СОВЕРШИЛОСЬ», а не в Гефсиманском саду.

Человечество в лице первого Адама претерпело страшную алиенацию, лежащую в основе всех последующих. Падение Праотца — катастрофа космических измерений. Нам необходимо учесть это, чтобы понимать органический (чтобы не сказать — логический) ход развития, выражающегося в политических формах, но являющегося по существу духовным: «смертию умрете» (Быт. 2, 17) от огня, уже готового пожирать нас. К болезням Адама дальнейшие поколения добавили множество других, так что ВСЕ ТЕЛО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА «от подошвы ноги до темени головы покрыто язвами и гноящимися ранами» (Ис. 1, 6). Самый скелет повсюду изломан. Прикасаться к такому организму — значит причинять несносные боли. Когда, однако, сие происходит с физическими болезнями, то люди с доверием отдают себя в руки врачей, терпеливо ожидая помощи. Обратное наблюдается в духовном плане:

всякую попытку поставить кости в надлежащем порядке, омыть раны, что неизбежно сопровождается болями, они встречают с неприязнью, как будто врач виновник болей.

Так происходит со Христом: Он, единый истинный ЦЕЛИТЕЛЬ, Своим явлением оскорбил всех, показывая всему человечеству его смертельную болезнь. Для падших сынов человеческих нет ничего и никого более страшного, чем Христос-Истина. Весь мир Его боится. Столь многие с необъяснимой ненавистью изливают на Него, и только на Него, всякую хулу. Все же те, кто действительно воспринимает Его как Перво-Истину, по естественному людям влечению к Истине, не могут отказаться последовать за Ним. А сие значит быть носителем Его любви; и как таковому, неизбежно быть распинаему многоразличными образами.

Бесценно для нас откровение, пусть еще частичное, глубинной жизни Христа. Чрез долгий подвиг мы постепенно входим в вечный смысл и особый характер Его страданий. Мы постигаем, что не только КАЧЕСТВЕННО, но и по силе своей они превосходят все, что знает мир. Мы нигде и ни в чем не достигаем Христа. Ему единственно во всех планах принадлежит непреходящее первенство. Однако стремиться к возможно полному познанию Его — все мы, верующие, должны. В меру познания нами Его искупительных страданий почитает на нас и вечная слава Его: «Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им» (Ин. 17, 22). Чрез Него мы становимся сынами Отца безначального. Ныне мы ЗНАЕМ, что «никто не приходит к Отцу, как только чрез Него» (Ин. 14, 6). Эти слова Христа мы принимаем в их абсолютном смысле. Действительно: если нет в самом Божестве изначала принципа Отчества и Сыновства, то никакой человеческий подвиг

не сможет привести к тому, чтобы изменить существенно и Само Первое Бытие.

Христос есть чудо, превосходящее всякий ум. Он все-совершенное откровение Бога триипостасной любви; Он же явил нам Человека в его беспредельных возможностях. В известный единому Богу момент — мы будем приведены на тот невидимый рубеж, который лежит между временем и вечностью. На сей духовной грани мы должны будем окончательно определить себя для предстоящей нам вечности или со Христом, в подобии Ему, или в удалении от Него. После сего решающего свободного выбора — и подобие, и расхождение — примут вневременный характер. Готовясь к сему бесконечно важному для каждого из нас событию, в нашей повседневности мы не раз будем колебаться: исполнить заповедь?.. или поступить по страсти нашей? Постепенно в этом всежизненном подвиге нам будет открываться тайна Христа, если мы по любви к Нему слово Его сделаем единственным законом нашего бытия. Придет такое время, когда видение святости смиренного Бога-Христа переплавит, как огонь, наше существо, превратив его в целостный порыв любви. Полные отвращения к самим себе, к гнездящемуся в нас злу, мы возжелаем уподобиться Ему в смирении, и желание это будет подобно смертельной жажде. В самом этом томлении по святости будет уже начаток ее. Умножившаяся любовь к Господу естественно сроднит нас с Ним в глубоких движениях сердца и прозрениях ума. Картина, превосходящая наше воображение, раскроется пред нами. Великая печаль о страданиях людей как болезненная спазма стиснет сердце наше. Забудем мы тело, и только дух в доступной для него мере войдет в поток Гефсиманской молитвы Христа. Таким путем рождается в нас познание Господа Иисуса (Ин. 17, 3),

которое само в себе есть вечная жизнь. Ради приобретения этого познания Апостол Павел все то, «что было для него преимуществом», (правда законная), он «почел тщетою... от всего отказался... чтобы приобрести Христа... и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения». Говорил же Павел так не потому, «чтобы уже достиг... но, забывая прошлое, простирался вперед... к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (ср. Флп. 3, 7–14).

Великий Павел сказал, что он «не достиг»; позволим ли мы себе претендовать на равенство с Христом? Но некая параллель все же должна существовать. Хотя бы бледное уподобление Господу совершенно необходимо, чтобы разумно носить имя христианина. И опять: Павел стремился к почести... призывал же Коринфян подражать ему (1 Кор. 4, 16), как он подражает Христу. Что мы и делаем ныне, чтобы и нам стать сонаследниками Иисусу в неувядаемой славе (ср. Рим. 8, 17).

Беспомощно быюсь я говорить о Науке, величайшей из всех, ведомых Земле и Небу. Усваивается она не за несколько коротких лет академической учебы, но всем нашим бытием. Реальное, не отвлеченное, познание стяжается соучастием в бытии; чрез пламенное покаяние и пребывание в духе заповедей дается нам сие страшное благословение.

Когда некая тень подобия Гефсиманской молитве осенит человека, тогда он разрывает узы эгоистической индивидуальности и вступает в новый образ бытия: персональный, ипостасный, по образу Ипостаси Единородного Сына. Воспринять страждущую любовь Христа есть неоценимый дар Духа Святого, приближающий духовно к ощущению смерти Его на кресте и вместе силы воскресения.

Сосединенный с Ним подобием умирания в глубокой молитве о мире, в томительной жажде спасения людей, предвосхищает подобие воскресения (ср. Рим. 6, 5 и 8, 11). Вводимый нисходящую Свыше силою в этот новый образ Бытия, достигает «конца веков» и осязательно прикасается к Божественной Вечности.

ИПОСТАСЬ — Персона есть первичный принцип и последнее, всеобъемлющее измерение в Божественном Бытии; так же и в человеческом, по образу Божию тварном бытии. Вне сего ипостасного принципа ничто не существует и не может существовать. «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. В Нем жизнь» (Ин. 1, 3–4). «ЖИВУ Я! говорит Господь» (Ис. 49, 18). «Аз есмь... НАЧАЛО и КОНЕЦ, ПЕРВЫЙ и ПОСЛЕДНИЙ» (Откр. 22, 13). «АЗ ЕСМЬ» (Ин. 8, 58).

Неописуемы дары Божии: они делают человека носителем полноты богочеловеческого бытия чрез единение со Христом в молитве, уподобляющей его Ему. Редкая привилегия, совмещающая крайние состояния страданий любви и ее, любви, победу. Восстав от такой молитвы, человек сквозь животворящую боль медлительно входит в действенное ощущение воскресения своей души. Он ясно зрит, «что Христос, воскресший из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет власти над Ним» (ср. Рим. 6, 9). Победа Его в вечности неизбежна. И дух молится внутри:

Господь мой и Бог мой... Ныне, Господи Иисусе Христе, по дару неисследимой силы Твоей и благоволения Твоего к нам, и я убогий и нищий перехожу от смерти в жизнь...

Ныне — аз есмь.

О МОЛИТВЕ, В КОТОРОЙ ОТКРЫВАЕТСЯ БОГ–ИСТИНА

Всякий человек, кто бы он ни был, где бы ни жил, какое бы место ни занимал, учен или неуч, богат или нищ, знатен или никому неведом, в молодости, зрелом возрасте или в старости, в дни радости или горя, из «глубины» и с силою или едва касаясь, но задумается над смыслом жизни и поставит пред собою вопрос: ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА? (Ин. 18, 38).

Девятнадцать веков тому назад Пилат небрежно бросил Христу этот вопрос. Содержание и дух вопроса, при той же самой словесной формуле, могут радикально различиваться. В случае Пилата сказался скептицизм посредственного философа-римлянина: задав вопрос, он вышел к Иудеям, не дожидаясь ответа от Христа: он был убежден, что удовлетворительного ответа вообще нет. Полагая, что и в наши дни подавляющее большинство людей стоят не выше уровня пилатовской мысли и строят свое земное бывание не на скале веры, а на отрицании возможности посмертного бытия.

Что есть Истина? Существует ли она вообще? Еще прежде, чем мы познаем ее, внутри нас присутствует положительный ответ, как сознание, что без нее было бы невозможным и само Бытие. Истина недоказуема путем снизу идущих логических демонстраций, но бытие ее для нас несомненно, ибо дано как непосредственное знание: оно предваряет всякую нашу мысль: вне сего сознания невозможно было бы вообще мышление, цель которого всегда есть нахождение именно истинного решения.

На каком уровне ставится этот вопрос? Здесь мы встретимся с бесчисленным множеством расхождений. Оставляя позади все прочие, возьмем тот уровень, который соответствует нашей идее о Человеке. Человек по природе своей не может остановиться на середине: он должен идти до конца: он имеет в виду Перво-Истину, лежащую в основе всего существующего.

Что представляет собою сия Первая и Последняя Истина, вечно неизменная, всеобъемлющая? Вот, единственно насущный вопрос (ср. Лк. 10, 42). По мере того, как в нашем земном бывании мы претерпеваем неудачи, срывы, поражения, потери дорогих нам лиц, уносимых смертью в неведомое «ничто»; после того, как переживем падение многих идолов земли: науки, философии, искусства, гуманизма, политики, внутри вырастает невыраженное словом ЧАЯНИЕ того, что пребывает непреложным.

Убедившись в недостаточности всех человеческих усилий достигнуть сию искомую нами вечную Истину, так, чтобы слиться с Нею, иметь Ее как мое личное достояние, я обратился к молитве, сначала не-христианской, а типа дальневосточных медитаций. Прошло не мало времени: приблизительно 7–8 лет, когда я с большой силой увидел себя на ложном пути: в духе мне явился Тот, Кто сказал: «Аз есмь Истина» (Ин. 14, 6). О, этот светосный момент, что вывел меня из ада смертной тьмы: всем существом я ощутил, что вступил на верный путь. Но как бы ни был он, путь, великолепен, он в то же время исполнен многих скорбей, прежде, чем мы достигнем Искомого (Ин. 16, 33).

Когда огонь веры в Него воткнулся в мое сердце подобно острию меча, тогда я преисполнился жизнерадостного вдохновения. Я еще не достиг Живой Истины, но само то вдохновение превращалось в ощущение Ее, становилось

Ее присутствием внутри меня (ср. Евр. 11, 1). Я пытался найти возможно близкую аккомодацию моего умного зрения, чтобы яснее, как в фокусе, уловить очертания явившейся мне Святой Истины, но скоро догадался, что это было безумием с моей стороны: чем больше я всматривался, тем беспредельнее становилась она.

Я не собираюсь писать о какой-то мною открытой доселе неведомой миру Истине. Я пишу о том, как мне было дано жить мое покаяние. Дух наш и алчет, и жаждет познать Истину, т. е. то Перво-Бытие, которое никем и ничем не обусловлено: абсолютное Само-Бытие, о котором говорили Пророки Ветхого Завета, о котором свидетельствовали Апостолы Нового Завета (ср. Исх. 3, 14; Ис. 44, 6; Ин. 1, 1–4; Откр. 22, 13).

Мы не воображаем, да и не можем воображать Его, исходя из самих себя. Мы не творим Бога «по образу и по подобию нашему». В благоговейной молитве мы ожидаем, что Он услышит наш вопль и даст нам о Себе «знак». В болезни нашей мы открываем себя для восприятия ответа-откровения, от Него исходящего. Мы хотим «знать» Его, Виновника нашего бытия, «как Он есть». Он являлся отцам нашим и прадедам, и мы свято храним как драгоценность полученное от них свидетельство. Доверяя им, мы веруем тому, что они сообщили нам, но вместе с тем, подобно Моисею, мы взываем к Нему: «Дай мне познать Тебя, как Ты есть в Твоей вечности». Ибо, иное дело «вера от слышания» (Рим. 10, 17), и совсем иное — «знать Тебя».

Едва мы решимся предать себя в «руки Бога Живого», как сии руки бросают нас в такие просторы, о которых мы никак не подозревали. Мы приходим в ужас перед открывающимися нам безднами. Бог кажется нам «жестоким». И однако, чрез причиненные нам «боли» неизъяснимым

процессом внутри нас раскрывается способность созерцать сверх-образно — «как Он есть»... пусть еще «отчасти» (ср. 1 Кор. 13, 12).

Он есть Свет и Истина. И когда сей Истинный Свет (Ин. 1, 9) объемлет нас, тогда мы живем Его любовь и Премудрость. Мы бываем в радости, и на нас нисходит глубинное ведение, не как мысль, но как СОСТОЯНИЕ нашего духа.

Он Суший. В Нем нет ни начала, ни конца. Он Сам есть и Начало — Принцип всего существующего и бесконечный конец всех наших чаяний. Мы «узнаем» в сердце нашем, что Он хочет видеть нас совершенными, не менее, чем Он Сам (ср. Мф. 5, 48).

Истомленные тиранией низменных страстей, мы, естественно, молим Благого Господа, чтоб Его Дух почил на нас: Дух разумения путей спасения Его. И укрепляемые сим Духом, мы видим, что в трагических испытаниях освобождаемся мы от последствий падения; что в страданиях наших расширяется наше бытие, и мы становимся раскрытыми для иных великих миров. Мы преодолеваем замкнутость-эгоизм звериного индивидуума: выходим из полуживотного состояния: не знать нашего Творца. Постигая, что для меня, из «ничто» сотворенного, необходимо пройти чрез огненную «боль», чтобы познать глубже «Мужа болезней» (Ис. 53, 1–12), я с благодарной любовью принимаю сию святую боль. Она преисполнена смысла; она посвящает меня в тайны бытия, не только тварного, но и Нетварного. Благодаря Ей — я становлюсь сострадательным: чрез нее (боль) я духом вижу всех других — страждущих: внутрь меня нисходит любовь Божия, сначала как сострадание всей твари; а в веке грядущем — как блаженство видеть спасенных во Славе Нетленной.

Маленькое отступление. Сказанное выше вовсе не значит, что мы культивируем «долоризм» психического порядка. Совсем нет. Но кто прошел чрез метафизические страдания духа, тому бывает ясно, что эта «боль» есть нечто качественно иное: необходимый «этап» в нашем вырастании от земных измерений до космических и даже более сего: вечных. Не только ли об этом Благая Весть Христа: Евангелие?

После того, как человек начинает понимать место Креста в нашем бытии по Богу — иначе он «идет на крест» (ср. Лк. 14, 27). Иначе он и понимает «крест». Сей последний воспринимается как зов Свыше от Отца Небесного (ср. Ин. 6, 44; Ин. 18, 11). В нем, кресте, как и в чаше Господней, осуществляется сопряженность моего тварного с Божественным-несозданным Бытием. В знак сего мы лобызаем крест, которым священнослужитель благословляет верующих в храме.

Мы не отрицаем реальности преходящего: христианам свойственно одновременно пребывать в двух планах: временном и вечном. Мы и самое время воспринимаем как некий дивный процесс творения Богом из ничто подобных Ему богов. Когда тварное достигнет своего совершенства-завершения, тогда мы услышим «клятву Ангела, клянущегося Живущим во веки... что времени больше не будет» (ср. Откр. 10, 5–6).

Господь сказал о Себе: «Аз есмь Истина» (ср. Ин. 14, 6). Он же призывал во Свидетели Отца Своего и Духа Святого. Не без усилий в течение ряда лет покаянной молитвы приходит уразумение этой стороны Божеского Бытия. Чем больше следуем мы за Господом в хранении заповедей Его, тем шире и глубже становится наша личность.

Итак, когда мы сами приближаемся к реализации в нас принципа Персоны, в котором прежде всего выражен в нас образ Божий, тогда из нашего опыта мы видим, что наша персональность для своего осуществления нуждается во встрече с другой и даже другими персонами. При подлинной «встрече» в нас отразится не только подобие принципу Персоны в Божестве, но и образ внутритроичной жизни: нам бывает дано любить единосущных нам людей в молитве за весь мир: жить все человечество как Единого Человека. Чрез сей опыт мы получаем новое познание, бытийное: Персона по естеству своему, по структуре и характеру не живет одна-одинок, но непременно в любви к другой, другим, себе подобным. В акте любви персона несет в себе ответ другой персоне и тем свидетельствует о ней.

Не только в Божестве, Святой Троице, Отец, Сын и Святой Дух свидетельствуют Друг — Другу, но Они же свидетельствуют нам, людям, Друг о Друге. Больше того: Апостолам поручил Господь свидетельствовать о Нем: «Когда же придет Утешитель... Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною».

Таковы отношения между людьми и между Богом и человеками: свидетельство, как истинная жизнь в любви, движется вечно по всем направлениям (ср.: Ин. 1, 7–8; 1, 15; 1, 32 и 34; 5, 31–39; 8, 13 и 18; 12, 28; 15, 26–27; 17, 1; Деян. 1, 8; 10, 39–43).

Воздыхая дух мой тянулся к Живой Истине. И «воздыхание мое не скрылось от Него» (Пс. 37, 10). «Из ямы глубокой я призывал Имя Его, и Он услышал вопль мой» (ср. Плач 3, 55–56): Его любовь коснулась моего сердца. Мне предстал неописуемо прекрасный мир христианской

молитвы. Чрез нее мне было дано общение с Богом Истинным и Живым. Говорю о молитве моего покаяния. Она принимала различные формы. Иногда мое существо, собираясь внутрь, становилось стянутым в неизмеримо малом пространственно центре. В иные разы происходило как бы обратное: мой дух вводился в некую умную сферу, не знающую границ, и мой покаянный плач странным образом сливался во-едино с созерцаемою бездной. Случалось также, что я в молитве обнимал, как я чувствовал, весь мир. Господь давал мне моменты чистой молитвы лицом к Лицу, и вечность тихо, но властно проникала в сердце мое; и уму сообщалось блаженство быть расплавленным в пламени любви, исходящей из сердца. Этот сплав всего существа: ума, сердца и тела во-едино давал ощущение целостности бытия, столь отличной от обычного разлада меж духом нашим, душевностью и телом.

Теперь я свидетельствую об Истине, которую знали отцы и праотцы наши. Свидетельствую о том, как она благоволила являться мне в ответ на длительный, пожиривший меня плач покаяния. Я жил сию Истину, как подлинно извечную, и в меру моей веры говорю и пишу. Писал о ней и Павел: «...имея тот же дух веры, как написано: я веровал, и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим...» (2 Кор. 4, 13).

Я знаю, что ведение мое не абсолютно, но это не значит, что есть некая иная истина. Я верю, что касалась меня безначальная Истина, но так же знаю, что не реализовал в акте моей жизни познанного в опыте молитвы... Но где критерий, который утвердил бы нас в доверии к данным нам опытам Бога-Истины?

Неотъемлемо от нас стремление к Тому, Кто ЕСТЬ прежде всех веков; Кто пронизывает все существующее и Своею властью удерживает в бытии. Трудно нам,

ничтожным, поверить в то, что Сей Беспредельный Владыка не презирает нас (Мф. 18, 10). Как это ни странно, но когда мы обращаемся к Нему в истинной, т. е. покаянной молитве, то Он выбегает нам навстречу (Лк. 15, 20) и любовно объемлет нас Собою. Сие СОБЫТИЕ не может быть плодом воображения, потому что превышает возможности нашей способности воображать (ср. 1 Кор. 2, 9).

Я исхожу из Откровения: Человек создан «по образу и по подобию Бога» (Быт. 1, 26). Отсюда следует, что человек наделен потенциальной возможностью достигнуть подобия своему Творцу; что в самой природе человека заложена идея Абсолютного Существа, так, что когда Бог Вседержитель входит в общение с духом человека, то сей последний может «узнать» Его, ибо Он родствен ему. Вводимый в сферу Ума Бога-Творца, тварный дух человека начинает видеть Бога «как Он есть» в Самом Себе (ср. 1 Ин. 3, 2). Я избегаю сказать — наш ум, — чтобы не породить недоразумения, приняв за ум — рассудок.

Наше первое движение к Тому, Кто «в начале». Наша установка: принять Его как основоположную Истину, независимо от того, совпадает или не совпадает такая Онтологическая Истина с нашими о Ней представлениями. И великою бывает наша радость, когда данные Откровения (1 Ин. 1, 5; Ин. 4, 13 и 16) подтверждаются ниспосланным нам видением, а именно, что мы созданы «по образу» Бога: Он является нам как Бог любви, и мы живем Его внутри нас как абсолютную гармонию, и начинаем «поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин. 4, 23–24).

«Если говорим, что не имеем греха — обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1, 8). Отсюда: только покаянная молитва соответствует истине о нас. Сей момент я не перестаю подчеркивать: предстоя Отцу

Небесному в сознании себя грешником, становимся мы в план Истины Божией. Чем глубже живем мы наш грех, как поразившую нас смерть, тем полнее предаемся мы Богу в молитве, и Его животворящею силою вырываемся из тисков времени и пространства. Да простит меня Господь и да не осудят меня строго мои братья: так было со мною. И потому, читая послания Апостола Павла, я предполагаю, не скрою — с уверенностью, что и ему были даны «видения и откровения Господни» (2 Кор. 12, 1–6) в его раскаянии пред Христом «с сильным воплем и со слезами»: тогда был он «услышан за свое благоговение» (ср. Евр. 5, 7).

В подобной молитве наш ум-дух включается в Ум Бога и получает разумение вещей, которое (разумение) не поддается адекватному выражению на обыденном языке нашем. Например: Все создано Его волею, Его мыслию. Он мыслит мир, и Его творческое мышление становится тварным бытием. Не материя, но мышление Бога-Творца первично. Так мы живем сей мир не только чрез призму экспериментального знания, но и в Духе созерцаем его иным образом (ср. Евр. 11, 1–3).

«Если любите Меня, соблюдайте заповеди Мои. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во-век, ДУХА ИСТИНЫ, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает, и в вас будет... вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю Его, и явлюсь ему Сам... кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим... слово же,

которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца... Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14, 15–26).

«Утешитель, Дух Святой... научит вас всему». «Научит» нас мыслить, как мыслит Сам Бог; научит нас любить, как любит Бог. Не удивляйтесь этому: таков смысл Евангельского зова; все послания Апостолов — Иоанна, Павла, Петра и прочих — говорят о том же; то же самое свидетельствуют Отцы наши в веках.

Встает вопрос: как можем мы достигнуть сего благословения? Ответ дан Христом: «соблюдайте заповеди Мои. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во-век». Итак, мы «знаем» Духа Святого чрез святое предание Отцов Церкви и тоже чрез наш собственный опыт Его, Духа, действий внутри нас. Он «напоминает нам все».

Больше сего: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и (вечную) обитель у него сотворим». Что может значить сие? Да то, что нам обещано унаследовать полноту Божественной жизни, полноту ведения и силы любви, которая явлена нам Нетварным Светом, не имеющим в себе никакой тьмы (1 Ин. 1, 5).

Вот свидетельство Павла: «Мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога». И еще: «Кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2, 12, 16). Чрез нашу школьную науку мы вошли в мировое мышление и стали общниками экспериментального знания. Нечто аналогичное происходит с нами в области Духа: чрез жизнь по заповедям Евангелия мы входим в самое тесное родство с Божественным Умом. Заповеди сии суть не что иное, как

самооткровение Бога «как Он есть». Становясь единственным законом всего нашего бытия, они (заповеди) сообщают нам «образ» искомого нами Божественного Бытия. «Мы знаем... что Сын Божий пришел и дал нам разум, да познаем Истинного» (ср. 1 Ин. 5, 20).

Бог-Истина не творил ничего ложного, противного Истине. И всякий акт-энергия, от Него исходящий, истинен. Христос открыл нам подлинного Человека, как он задуман Творцом: в нас вложена Истина Самого Бога, ибо мы «образ и подобие» Его. Истина вечная сообщается ипостасному началу в нас. И как Персона в человеке рождается сначала лишь как потенция, так и семя Истины в нас — тоже подлежит актуализации из потенциального состояния. В падении Адама Истина в нас подверглась искажению. Чрез благодать покаяния и послушание любви ко Отцу — Истина, в ее изначальной святости, сообщается нам как жизнь Самого Бога.

Но что происходит с человеком, принесшим покаяние в плаче? Он живет Истину не как результат своих размышлений, но как СОСТОЯНИЕ своего духа, данное ему Духом Божиим. СОСТОЯНИЕ — есть факт бытия, из которого и самая наша мысль схватывает свойственным ей образом разумение Истины: опять-таки не в процессе демонстративного мышления, но как интуитивное проникновение или как констатация факта, как познание Божественного Бытия, к нам от Бога снисходящее.

Разумение путей Господних не приходит быстро. Глубоким было мое томление — ощущать краткость наших дней. Душа была полна страха — сойти в гроб прежде, чем придет ответ от Бога на ее вопль к Нему. Но не до конца был я оставлен: чрез молитву несомненной веры во Христа-Бога, Его сострадание гибнущему человечеству постепенно передавалось и мне. До великой боли я

жил мою личную гибель, и эта боль раздвинула стены окаменевшего сердца моего. Я вообще привык мои опыты переносить на все человечество, и сострадал всем людям, пребывающим в подобном моему состоянии богоудаленности. Таким образом страдания всех становились «моими», и в одиночестве пустыни приходила иногда молитва за весь мир с таким же плачем, как за самого себя. И в той молитве я ощутил предвечного Бога, как Отца нашего. И сие чувство было убедительным свидетельством о безначальной Истине, сообщенной нам Христом.

С трепетом вспоминаю я те часы, когда Господь давал мне жить сие духовное событие. А теперь — горе мне: я не вижу той святой силы во мне.

Предмет, о котором я беспомощно пытаюсь лепетать. — Живая Истина; она не похожа ни на научные, ни на философские истины. Открывающаяся нам Истина идет безмерно далее рассудочных спекуляций. Она не есть некая отвлеченная формула нашего логического мышления; ни некое математическое уравнение, но Персона. Прежде всего это Сущий «от начала», т. е. безначальный Бог — Святая Троица: Отец, Сын и Дух Святой. Но наш логический рассудок неспособен следовать за реальным Бытием Бога со своими понятиями. Например: мы живем Отца, как абсолютную Истину. И Сын так же есть абсолютная Истина. То же и Святой Дух — абсолютная Истина. Но Истина Единая, а не три абсолютных истины. Как Един Бог и Он же Троица Лиц. В своем финальном осуществлении и Человек должен стать Единным Человеком во множестве ипостасей.

Вот другой антиномический момент: Персону в Боге мы живем как носителя абсолютной полноты Бытия; и вместе — Персона не существует одна. Для формальной

логики это есть показатель недостаточности одной Персоны, следовательно — отрицание абсолютности. Но именно такова Святая Троица, Бог любви совершенной. Совершенная любовь не живет замкнуто в Себе, но в другой, в других Персонах. Вся совокупность Бытия является неотъемлемым обладанием каждой из Трех Ипостасей. Но таковую Она — Ипостась — является в акте совершенной любви, которой свойственно такое же полное истощание, умаление Себя.

«Нет большей любви, как если кто душу свою положит за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам»... «Иисус... возлюбив Своих сущих в мире, ДО КОНЦА возлюбил их»... «Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» (Ин. 13, 1; 15, 13–15; Мф. 23, 11 и 12). Из приведенных слов Христа видим, что тот же род самоистощающейся любви, что открылся нам во Святой Троице, «ЗАПОВЕДАН» человечеству: чрез предельно доступное нам истощание в акте своего покаяния — становимся мы способными воспринять полноту и Божественной любви, и любви к ближнему (ср. Мф. 22, 37–40). «На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки», и в духе их содержится святая вечность.

В двух словах: Вечность и Истина — тема настоящих страниц. И вот, когда прикасается к нам сила сей любви Божией, тогда вне всяких сомнений мы живем, пребываем в Истине и в Вечности.

Наше «догматическое сознание» суммарно можно представить так: АЗ ЕСМЬ СЫЙ, Аз есмь Бытие, АЗ ЕСМЬ ИСТИНА. Персональное Начало в Божественном Бытии есть ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ЯДРО его. Это Тот, Кто воистину живет. Первый и Последний, Альфа и Омега,

безначальное Начало и бесконечный Конец всего. Так мы понимаем Синайское Откровение, восполненное затем воплощением Логоса Отца и сошествием Святого Духа в день Пятидесятницы на Церковь.

Сей Бог — в Его извечном Существое есть искомая нами абсолютная Истина. Познание сей Истины возможно не иначе, как чрез пришествие внутрь нас Ее силы, как чрез бытийное соединение с Нею. Персональная Истина опознается тем же персональным принципом, который заложен в нас актом творения «по образу и по подобию» Богу. Поскольку сие в нас СВОБОДНОЕ НАЧАЛО не подлежит никакому насилию извне, постольку наше соединение с Истиной зависит не только от Бога дающего (ср. Мф. 11, 27), но и от человека — приемлющего (ср.: Ин. 1, 9–12; Деян. 13, 46).

Сам собою тварный дух (человек) не может достигнуть сей Истины, однако, как образ Божий он способен на догадку (постулат) об Истине, но не дальше сего. Бытийное познание Истины дается нам как дар любви Творца к разумной твари. В наших личных отношениях с нашим Личным Богом — ничто не совершается по воле только одной стороны, но всегда наличествует согласие, содействие, синергия: соединение двух волей: Божией и человеческой: в этом наша жизнь.

«Всякий человек ложь» (Пс. 115, 2) в самом себе, как взятый из «ничто». Только чрез вселение в нас Бога-Истины и мы становимся истинными. Живая Истина преображает нас Своим пришествием внутрь нас. Абсолютная, она и всеобъемлющая, все содержащая. «Познавшие» сию Истину (ср. Ин. 8, 32), по слову Самой Истины, освобождаются от власти над ними греха, в котором смерть. Вечная, Она и нас творит бессмертными. Бог-Истина и

нас делает истинно богами. «Богами» не для других разумных тварей, но по сообщенному нам образу бытия и по содержанию жизни сей.

Божественно универсальная — никем из тварей в пределах Земли не вмещается в Ее полноте. Мы знаем Истину, подобно Апостолу Павлу, лишь «отчасти» (1 Кор. 13, 12). Но это не значит, что Истина в Себе совсем иная, чем мы Ее разумеем. Одно дело ЗНАТЬ ИСТИНУ, другое — не вмещать ее абсолютной полноты; быть недостаточным для выявления Ее во всем совершенстве в акте земной жизнедеятельности. Вместе с Апостолом Филиппом мы говорим без колебаний: мы обрели Истину; мы знаем Ее: это ХРИСТОС (ср. Ин. 1, 45).

Многоипостасное человечество является образом Святой Троицы: единая натура при множестве лиц. Но каждый из нас в отдельности носит в себе прежде всего образ Сына Единородного, и спасение наше чрез усыновление нас Отцу (ср. Гал. 4, 5).

Итак, если мы исповедуем Христа равноабсолютным Отцу, Бога и Истину, то, естественно, чтобы постигнуть Истину, мы должны следовать за Ним. И здесь наступает трагический момент. Вот, Он говорит: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Также «кто не несет креста своего и идет за Мною... кто не отрешится всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26–27 и 33).

В моем случае произошло следующее: узрев духом Христа, Который возлюбил нас до конца (ср. Ин. 13, 1), молящимся в Гефсимании и затем на Голгофе, «не противящимся злему» (Мф. 5, 39), я возненавидел себя, как я

есмы, и в молитве, порожденной сею святой ненавистью, я воспринял Его, как абсолютную Истину, как воистину Вседержителя и Бога. В этой молитве мне было дано превзойти «видимое временно» и вступить в «невидимое вечное» (ср. 2 Кор. 4, 18).

«В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33). И мы видим из опыта, что «желающие жить благочестиво будут гонимы» (2 Тим. 3, 12), войдут в конфликт с прочим миром (ср. Мф. 5, 10–12). И еще: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь... но когда родит, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем» (Ин. 16, 21–23). Почему не спросим мы Его ни о чем?

Когда Дух Святой дает нам видеть Христа, как Он есть, чрез любовь, от Духа Святого исходящую, тогда становится для нас очевидным, что Он, Христос, ВСЁ: в Нем полнота Божества и полнота человека; Он есть Истина в двух ее аспектах: 1) Он — изначальный ФАКТ Бытия; 2) Он по Своему «этическому» характеру Истинен. Истинен, т. е. Свят; Свят, т. е. Благ; Благ, т. е. «Свет, в Котором нет ни единой тьмы».

Мы малодушествуем, когда нам бывает дано увидеть надмирный характер Евангелия. Мы хотели бы как-то сузить его подлинные измерения, приблизить к нашей немощи в нашем хрупком теле, но Он никак не соглашается на умаление Своих заповедей. В предельном напряжении нашего покаяния мы начинаем прозревать: сие Откровение есть конечное, будучи всесовершенным. Оно дано на все века для всех племен и народов до скончания земной истории.

Блаженный Старец Силуан говорил: «Кто не любит врагов, тот еще не познал Бога, как должно Его знать».

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного... будьте совершенны, как «Он совершен» (ср. Мф. 5, 44–48). И снова: Когда Дух Святой сообщает нам любовь Христову — любите врагов ваших, — тогда и ум-дух услаждается Истиной этой любви. Подобно тому, как телесно мы ощущаем или силу в себе, или тепло извне от солнечных лучей, так непосредственно всем нашим существом мы ЗНАЕМ, что эта любовь есть Истина вечная. ЗНАЕТ тогда человек, что он «перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24).

Чудное ощущение пришествия Бога внутрь нас сопровождается всецелым согласием ума с сердцем. Божественная гармония сего духовного СОСТОЯНИЯ есть радование для сердца и свет для ума. Весь человек: ум-дух, сердце и даже тело испытывают «мир Божий, превысший всякого ума» (Флп. 4, 7). И любовь, и Свет, и мир — душа осознает исходящими от Всевышнего (ср. Иак. 1, 17).

Великое благо «узнать» Истинного Бога и «знать» Его неотъемлемым знанием (Лк. 10, 42). Все сие дано миру чрез Воплощенного Сына Отчего, Христа Иисуса, и благодарная душа влечется к Нему, древле на Синае открывшему Себя с Именем АЗ ЕСМЬ, и повторившему сие не раз в Своем явлении во плоти нашей. Он сообщил нам сей «преизбыток жизни» (Ин. 10, 10). И душа знает происходящее с нею и говорит:

«НЫНЕ, ХРИСТЕ МОЙ, В ТЕБЕ И ТОБОЮ — и аз есмь».

Кому за веру в Христа-Бога было дано хотя бы отчасти войти в вечный поток Его Гефсиманской молитвы и затем,

тоже лишь отчасти, подняться и на бессмертную Голгофу, тому беспрекословным образом открывается «великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам...» (1 Тим. 3, 16). С того времени он, верующий, «не знает» Его по плоти, т. е. как естественного человека, но как вездесущего Вседержителя, пришедшего в мир грешных спасти (ср.: 2 Кор. 5, 16; 1 Тим. 1, 15).

Так подлинно «верующий в Сына Божия имеет
свидетельство в себе самом»
(1 Ин. 5, 10).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В начале сего века было слово от Господа к Старцу Силуану: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». Точной даты сего события я не узнал. Оно могло иметь место в 1906 году. Немного — на год раньше этого — в 1905 году — миру стало известным Уравнение Эйнштейна: $E = mc^2$. Сие последнее легло в основу современной науки и техники. Оно открыло колоссальные источники жизненной энергии, но с другой стороны положило начало приготовлению апокалиптического огня, готового пожрать всякую жизнь на Земле (ср.: 2 Пет. 3, 7; 2 Сол. 1, 8; Евр. 10, 27; Лк. 21, 35). Первое же, данное Силуану, непревосходимое по своему достоинству, для многих верующих является путеводной звездой к Царству непоколебимому (Евр. 12, 28). По духу, в нем заложенному, оно подобно учению древних Египетских Отцов: Антония, Макария, Сисоя, Паисия великих; и других, менее известных, но, возможно, не менее великих в своих деяниях.

Слово Христа: «и не отчаивайся» — дано чрез Старца Силуана нашей эпохе, отмеченной исключительно тяжким всеобщим отчаянием. Люди нашего века нередко против своей воли все же становятся моральными соучастниками нескончаемых локальных и даже планетарных братоубийств. Как таковые, т. е. нераскаянные моральные «соучастники», они, естественно, теряют благодать Духа Святого и уже не могут верить в свое бессмертие чрез воскресение. Да и не стремятся к сему. Именно в этом

приговоре самих себя на полное уничтожение по смерти заключена духовная сущность ОТЧАЯНИЯ.

Силуан, получив слово от Господа, всецело приложил его к себе. Вот, как он пишет об этом: «Я стал делать, как научил меня Господь, и мой ум очистился, и Дух свидетельствовал спасение». «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое, и верующий в Пославшего Меня, **ИМЕЕТ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ**, и на суд не приходит, но (уже) пришел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24).

УКАЗАТЕЛЬ ССЫЛОК НА СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Быт.	1, 26	267, 283, 304	Пс.	21	27
	1, 26–27	39		32, 6	286
	1, 31	288		32, 9	286
	2, 7	134		32, 15	101
	2, 15	217		33, 7	101
	2, 17	81, 275, 292		37, 10	302
		3 гл.95, 257		50, 19	210
	3, 1–6	86		91, 6	49
	3, 5	225		110, 10	23
	3, 6	258		115, 2	310
	3, 14–19	150		118, 96	49
	22, 6	122		118, 126	273
				129	195
Исх.	3, 14	30, 299		138, 11–12	217
	20, 13	81			
	20, 21	189, 205, 259	Вар.	4, 4–5	76
	25, 8–9	263			
	26, 30	263	Ис.	1, 6	292
	33, 23	248, 259		6, 1	183
				40, 8	286
Лев.	19, 17–18	81		44, 6	299
				49, 18	244, 296
Чис.	22, 23	139		53, 1–12	300
				53, 3–4	275
Втор.	5, 18	81		55, 8	123
	18, 15–19	259		55, 8–9	187
3 Цар.	19, 10	183	Иер.	22, 24	244
				46, 18	244
Иов	1, 7	96			
	38–42	182	Плач	3, 55–56	302
Пс.	8, 5	251	Иоил.	2, 12	66

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Мф.	4, 1–11	96	Мф.	13, 27–28	139
	4, 17	26, 58, 71, 106		13, 42	254
	5, 3	69, 145, 148, 153		13, 45–46	107
	5, 3–12	108		14, 35	287
	5, 3–4	63		15, 19	44
	5, 4	57, 150		16, 13	186
	5, 8	220		16, 13–28	90
	5, 10–12	312		16, 18	187
	5, 17	260		16, 24	57, 176
	5, 17–48	213		16, 25	252
	5, 21–44	82		16, 28	40, 189, 203, 235
	5, 39	311		17, 5	145
	5, 44	177		17, 17	200
	5, 44–48	313		18, 3	30
	5, 48	45, 73, 138, 300		18, 10	53, 101, 259, 304
	6, 1–18	5		18, 10–14	179
	6, 3	152		19, 26	35
	6, 9–13	138		20, 22	35, 107
	7, 2	143		21, 10	88
	7, 7–11	212		22, 2	274
	7, 13–14	86		22, 37–39	216, 234
	7, 14	24, 91, 158		22, 37–40	176, 261, 309
	7, 24–27	166		23, 8	104, 153, 166
	7, 24–29	88		23, 10	153
	8, 12	45, 70, 119		23, 11–12	309
	9, 13	48		24, 4	110
	10, 16	119		24, 4–5	104
	10, 26–30	231		24, 4–44	272
	10, 28	121		24, 23–27	104
	10, 36	84		24, 35	170, 247
	10, 37–38	20, 176		25, 21	266
	11, 3	259		25, 30	65
	11, 12	70, 76, 154, 209,		25, 31–33	272
		226		25, 46	70
	11, 23	91		26, 38	275
	11, 27	88, 105, 188, 226,		26, 38–39	222
		260, 310		26, 38–44	164, 165
	11, 29	160, 193		26, 39–42	257
	12, 21	84, 236		26, 41	177, 280
	13, 16–17	77		26, 42	234

Мф.	26, 75	42, 184	Лк.	14, 26	151, 154, 175, 177, 291
	27, 40	168			
	27, 46	62, 76, 163		14, 26–27	176, 250, 252, 253, 311
	27, 46–50	155		14, 27	301
	28, 17	107, 195		14, 33	176, 250, 252, 253, 311
	28, 18	85			
	28, 19–20	148		15, 10	240
Мк.	4, 22	44		15, 13–24	151
	9, 1	119, 274		15, 16	123
	9, 10	133		15, 20	54, 147, 304
	10, 30	109		15, 31	102
	10, 32–33	118		15, 31–32	93
	14, 41	140		16, 9–12	61, 264
	16, 19	123		16, 10–12	102
				16, 11–12	146, 242
Лк.	1, 32–33	128		17, 10	71
	1, 35	122		17, 20	49
	1, 38–47	107		18, 14	92
	1, 41–49	262		18, 17	30
	1, 52	123		18, 29–30	109
	2, 10–11	200		21, 1	236, 272
	2, 35	107		21, 34	117
	2, 40	114		21, 35	315
	4, 1	145		22, 19	273, 274, 282
	4, 1–14	96		22, 42	47, 140
	5, 32	193		22, 42–44	253
	8, 38–39	200		22, 44	57, 165, 222
	9, 23	82		22, 53	81
	9, 31	91		23, 28	291
	10, 20	86		23, 41	40
	10, 21	86		23, 43	84
	10, 22	226		24, 46–47	50, 174
	10, 27	40, 68, 208		24, 46–49	283
	10, 42	46, 105, 129, 298, 313		24, 47	37, 150, 185
	11, 1–2	138	Ин.	1, 1	187
	11, 9–13	145		1, 1–3	284
	11, 35	183		1, 1–4	299
	11, 46	115		1, 3	169, 251, 282
	12, 4–5	172		1, 3–4	296
	12, 49	57, 58, 65, 155, 176, 268		1, 4	229
				1, 5	220

Ин.	1, 7-8	302
	1, 9	193, 300
	1, 9-12	310
	1, 11	193
	1, 14	187, 232
	1, 15	302
	1, 16	193
	1, 18	26, 259
	1, 29	40, 287
	1, 32	302
	1, 34	302
	1, 45	259, 311
	3, 3	250
	3, 16	169, 275
	3, 19	33, 46
	3, 34	193
	3, 36	103
	4, 13 и 16	304
	4, 13-15	145
	4, 14	277
	4, 23	46, 114
	4, 23-24	304
	4, 24	60
	4, 25-26	259
	4, 42	84
	5, 19-20	122
	5, 24	313, 316
	5, 26	137
	5, 30	164
	5, 31-39	302
	6, 32-33	138
	6, 37-40	155, 211
	6, 44	54, 88, 188, 255, 301
	6, 44-47	211
	6, 44-65	245
	6, 57-58	137
	6, 58	278
	6, 60-68	253
	6, 62	271
	6, 65	250
	6, 68	278
	7, 16-17	233

Ин.	7, 17	237
	7, 37-39	145
	8, 12	180
	8, 13 и 18	302
	8, 21 и 24	22
	8, 23	268
	8, 24	29, 256
	8, 31-32	134, 137, 190
	8, 32	141, 310
	8, 44	139
	8, 46	40, 289
	8, 58	260, 296
	10, 8	83, 103
	10, 10	91, 313
	10, 18	164
	10, 28	172
	10, 28-30	251
	10, 30	260, 262
	12, 25	252
	12, 26	252, 253
	12, 28	302
	12, 31	109
	12, 32-33	255
	12, 46	222
	12, 48-50	170
	13, 1	62, 112, 175, 222, 250, 289, 309, 311
	13, 15	62, 89, 268, 281, 283
	14, 3	253
	14, 6	67, 88, 177, 188, 245, 293, 298, 301
	14, 8-9	83
	14, 9	103
	14, 15-26	306
	14, 16	260
	14, 16-17	129
	14, 19	137, 226, 244
	14, 21-23	137, 157
	14, 23	102, 260
	14, 26	26
	14, 27	147
	14, 30	81, 96, 109

Ин.	14, 30–31	234	Ин.	18, 38	297
	14, 31	164		19, 30	62, 131, 169, 255
	15, 5	85, 157		20, 17	204, 229
	15, 10	84, 164		20, 25	275
	15, 10–15	85		20, 28	163
	15, 11	84			
	15, 13	112	Деян.	1, 8	302
	15, 13–15	309		3, 22	259
	15, 23	103		4, 12	207
	15, 26	60, 95, 129, 260		9, 5	223
	15, 26–27	302		9, 15–16	107
	16, 2	183, 289		9, 16	140
	16, 11	109		10, 34	20
	16, 13	129, 260		10, 39–43	302
	16, 15	103		13, 46	310
	16, 21	200			
	16, 21–23	312	Иак.	1, 17	154, 198, 251, 313
	16, 22	118, 252		1, 17–18	215
	16, 22–23	201		2, 13	143
	16, 32	76		3, 15	184
	16, 33	71, 76, 87, 96, 113, 118, 123, 200, 221, 236, 269, 298, 312		4, 4	183
	17, 1	302	1 Пет.	1, 12	77
	17, 3	7, 86, 132, 151, 224, 237, 289, 294		1, 18–21	273
	17, 4	131, 169, 177, 274, 287, 292		1, 20	287
	17, 5 и 8	88		2, 5 и 9	283
	17, 8	190, 229, 278		2, 9	133
	17, 10	204		3, 4	123, 226
	17, 11	102, 281		4, 12	112, 171
	17, 14	200	2 Пет.	1, 4	207
	17, 14	233		3, 7	315
	17, 20	281		3, 7	272
	17, 21	133, 262		3, 8	274
	17, 21–22	102		3, 10	272, 279
	17, 21–23	76		3, 12	74
	17, 22	200, 293	1 Ин.	1, 1	106, 168, 211
	17, 24	39, 88, 253		1, 5	23, 176, 304, 306
	17, 26	226		1, 8	48, 304
	18, 11	164, 301		1, 8–10	60
	18, 36	192		1, 8–9	44
				2, 2	287

1 Ин.	3, 2	179, 180, 189, 230, 304	1 Кор.	4, 16	295
	3, 20	49		11, 1	89
	4, 7	49		11, 24	274
	4, 8	49, 176, 229, 241		12, 4–11	73
	4, 9–10	275		13, 1–3	59, 142
	4, 12	104		13, 8–13	94
	4, 16	7, 121, 232		13, 9	233
	4, 16–17	254		13, 10	274
	5, 4	123, 149, 286		13, 11	236, 265
	5, 4–5	96		13, 12	12, 190, 257, 289, 300, 311
	5, 10	314		15, 3–9	184
	5, 20	132, 307		15, 9	28
				15, 23–28	142
Иуд.	1, 19	184		15, 26	118
				15, 28	133, 223, 279
Рим.	5, 20	193		15, 30	140
	6, 5	221, 290, 296		15, 42–46	184
	6, 9	296		15, 47–50	135
	7, 23	87, 111		15, 51–52	74
	7, 23–25	171		15, 54	94
	7, 24	152			
	8, 2	39, 121	2 Кор.	2, 16	251
	8, 11	296		3, 3	179
	8, 17	295		3, 6	115
	8, 19–20	142		3, 12–18	278
	8, 21	143		3, 14–16	259
	8, 21–23	142		3, 17	134, 143
	8, 26	239		3, 17–18	115
	8, 26–27	276		4, 6	54
	8, 35–39	61, 100, 236		4, 6–11	259
	10, 17	286, 299		4, 13	303
	14, 11	244		4, 18	198, 312
				5, 4	226
1 Кор.	1, 17–25	87		5, 16	314
	2, 6–12	87		5, 17	109
	2, 9	78, 150, 242, 304		6, 4	140
	2, 9–12	191		12, 1–6	305
	2, 11–15	185		12, 2	27, 28, 99
	2, 12–16	306		12, 4	28, 99, 128
	2, 14	88, 100		12, 7	25
	2, 15–16	100			
	4, 7	151	Гал.	1, 11–12	158, 236

Гал.	1, 15–16	128, 245	Флп.	4, 7	64, 178, 313
	1, 17	183		4, 13	106
	2, 1–2	128			
	2, 2	152	Кол.	1, 26	200
	2, 20	137		3, 1	271
	3, 26–28	109		4, 3	193
	4, 5	311			
	5, 1	134, 142	1 Сол.	2, 13	286
	5, 24–25	258			
	6, 15	109	2 Сол.	1, 8	315
				2, 7	269
Еф.	1, 4	45			
	1, 5	45, 277	1 Тим.	1, 12–13	184
	1, 10	133, 246		1, 13	28
	1, 20	288		1, 13–14	81
	1, 21	155, 288		1, 15	183, 193, 314
	2, 10	45		2, 5	71, 123, 155, 164,
	2, 18	194			234, 288
	3 гл.	77		3, 16	104, 168, 187,
	3, 3	168			211, 314
	3, 8–19	166		6, 8	147
	3, 14–19	133		6, 15–16	104
	3, 14–21	277		6, 16	26
	4, 1	89			
	4, 9–10	77, 194	2 Тим.	2, 2	265
	4, 13	134, 265		3, 12	312
	5, 30	104		4, 7	140
	6, 12	6, 96, 99			
Флп.	1, 29	140	Евр.	2, 6	251
	2, 5	53, 132, 276,		2, 13–15	144
		281		2, 17	230
	2, 5–8	159		2, 18	169, 252, 276
	2, 6–7	227		4, 13	171, 231, 249
	2, 6–9	165		5, 7	66, 305
	2, 7	169, 221		5, 7–11	55
	2, 8	221		6, 19–20	266
	2, 9	155		7, 16	291
	2, 9–11	246		9, 24	291
	3, 7–14	295		9 и 10 гл.	273
	3, 9–11	221		10, 27	315
	3, 10	290		10, 31	59, 172
	3, 12	158		11, 1	299
				11, 1–3	305

Евр.	11, 27	233	Откр.	1, 10	126
	11, 39-40	77		1, 8	126, 226
	12, 1	151		2, 17	102
	12, 1-11	257		3, 18-20	17
	12, 6-27	124		3, 20	146
	12, 22-24	77		3, 21-22	123
	12, 26-27	235		5, 9-10	279
	12, 26-28	74		10, 5-6	301
	12, 26-29	62		10, 6	279
	12, 27-28	146		12, 7-12	112
	12, 28	85, 112, 113, 315		14, 4	123, 145, 156
	12, 29	177		14, 6	236
	13, 8	72		21, 1	74
	13, 14	119		21, 27	39, 154
				22, 13	296, 299

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аберрация: интеллектуальная и психическая, что человек абсолютен вне Бога — 127, 256; а. почитать величием то, что в очах Бога — мерзость — 123; а. в ответственном видении Бытия — 256; а. индийской мистики — 29; принять свет ума за Нетварный — 206;

Абиссальные глубины — 173;

Абсолют: если персона есть деградация, то А. Сверх-личный — 226; Безначальный А. открылся как Персональное Бытие — 125; величие Сверх-личного А. и «душевность» Евангелия — 230; во Христе мы стоим пред Живым А. — 236; грех осознается чрез веру в Личного А. — 38; грех только при личных отношениях с Богом-А. — 22; живое знание и интеллектуальный взлет к А. — 26; как возможно сочетать дух, подобие А., и землю — 180; молитва ко Христу держит дух пред Лицом А. — 76; мы ринулись к иному А., оставив обетования Бога — 256; мысль: А. не может быть «личным» — 36; наш дух по смерти не растворится в безличном А. — 244; наша «абсолютность» есть отражение Перво-А. — 127; наше познание А. носит личный, бытийный характер — 239; Нетварный Свет избавляет от идеи о транс-личном А. — 208; Откровение А.-Персоны помогает понять психологию грехопадения Адама — 257; Откровение Христа состоит в том, что А. персонален — 256; растворение личности в Сверх-Персональном А. — 29; Само-Бытие как Истина открылось как Личный А. — 190; слияние с ним обусловлено нашей персональной смертью — 256; соединение с А. чрез гносис, а не крестный путь Евангелия — 258; созерцание ипостасного начала в нас как отражение А. — 221; человек, как образ А., влечется к Началу начал — 194; человек, как подобие А., есть личность-ипостась — 232; человек переносит несовершенство личности и на А. — 258; «я оставил Христа ради Сверх-личного А.» — 67, 173;

Абсолютное Бытие: Бог есть А. Б. — 26; и понятие индивидуума — 231; ипостасное — 232; персонально как и наши отношения с Богом — 117; по мере открытия А. Б. ощущаем ничтожество — 18;

Абсолютное Начало — 30;

Абсолютность: любовь Христа достигла а. — 85; плоть затрудняет жить а. — 41; заповедям Бога свойственна а. — 74; а. ипостасного начала в нас при смертной памяти — 221; отрицание а. персоны из-за ее само-недостаточности — 309; Христос достиг а. в нашей плоти — 101;

Абсолютность Бога: мы не вмещаем ее — 190; Христос как основа

нашего бытия в А. Б. — 83;

Абсолютность человека: есть не более, чем отражение Перво-Абсолюта — 127; из опыта свободы нашего самоопределения — 127;

Абсурд: невозможно было положить конец а. жизни — 14; живое знание освобождает от а. интеллекта — 26;

Авраам, праведный — 122, 291;

Ад: во а. нас не будут жарить на сковородах — 70; знание пути сохраняет нас живыми даже во а. — 94; победа над а. имеет два периода — 93; сущность а. есть гордость — 33; как изначальное дух «место» до обращения к Богу — 39; люди сами строят свой а. — 34; я осознал себя во а. из-за благодати покаяния — 39; сознанием сходим во а., когда открылся образ Человека — 77; я видел а. здесь, в Истории — 130; а. и Царство — 224; Свет дает ощущать внутренний а. — 51; Силуан созерцал а. — 130; союз любви сменился а. богооставленности — 61; чрез а. безнадежности пришло избавление — 70; когда а. уже не владеет нами — 222;

Ад любви: Господь сходил в а. л. к ближнему до предела — 40; дается познание его Духом Святым — 41; мало людей знают его - в нас мало любви к ближнему — 40; ад Христа, не мог быть а. вражды, но любви — 291; о подобии Христу, сходящему в а. л. — 185; о познании Христа, сходящего в а. л. — 276;

Ад покаяния — 40, 185;

Адам: в его падении исказилась истина — 307; для падших сынов А. путь в Вечность - покаяние — 39; его болезни восполнены человечеством — 292; его падение — 267, 274; повторение падения А. в моем отступлении — 42; психология его грехопадения — 257; свое видение принял за Истину — 256; становится Единым Человеком - Человечеством — 237; человечество в А. претерпело алиенацию — 292;

Весь Адам: перестает быть продуктом усилий воображения — 249; становится конкретной реальностью — 249;

Адамово мучение — 185;

АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ: Бог поставил предо мною текст откровения — 30; в сумме догматического сознания — 309; в этом АЗ и в моем Ты все Бытие: и Бог и сей мир — 249; в явлении Света Нетварного — 223; да, только Он и есть воистину Сущий — 251; душа влечется к Нему, открывшемуся на Синае — 313; есть имя Бога — 240; значит, и человек тоже персонален — 229; когда сей Бог А. приходит в сердце — 249; Когда я в Нем, то и «я есмь» — 249; НАЧАЛО и КОНЕЦ, ПЕРВЫЙ и ПОСЛЕДНИЙ — 296; необычный Человек Иисус Христос, открывшийся так Моисею — 86; с Именем открылись недостижимые дали — 30; Сей АЗ есть сущностное Бытие — 244; см. также АЗ ЕСМЬ БЫТИЕ: как ответ на поиски «что есть Бытие» — 238; АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ в нашем догматическом сознании — 309;

Академическое богословие: его представители не имели опытного знания — 162; обладание обширной эрудицией при полном неведении — 237;

- Акт:** «вечного мгновения» — 133; безначальный А. самоопределения Божественных Персон — 228; Божественного Бытия — 50, 208, 254; Божественной Жизни — 60; Бытия — 250; вечной жизни — 49; вечности — 7; видеть свой грех есть духов. акт — 48; внутренний акт склонения воли ко греху — 38; Воплощения — 155, 168, 227; воссоздания Богом — 54; единый вечный а. охвата Неба и Земли — 72; земная жизнь предстанет как непротяженный а. — 44; знание как вхождение в А. Вечности Бога — 7; а. искупления мира — 283; а. истощания — 165, 291; а. Литургии — 273, 274, 283; а. литургический — 241; а. любви — 68, 287, 302, 309; а. нашей жизни — 190; а. обожения — 227, 242; а. познание как двусторонний а. — 125; а. покаяния — 309; а. послушания Отцу — 164; а. самообожения — 29; а. самоосуждения — 194; а. Самооткровения Бога — 264; а. Св. Троицы — 275; а. соединения с Ним в Бытии — 125; а. становления — 232; а. творения — 180, 215, 228, 310; а. творения бессмертных богов — 122;
- Аналогия:** никто не может сравниться с Ним, но а. должна быть — 161; а. моего опыта и Апостолов, Отцов Церкви — 212; духа человека и звукового барьера самолета — 225; Свет Нетварный и свет физический — 219;
- Ангелы** — 28, 146;
- Андрей, Апостол:** был распят и прославлял крестную смерть Христа — 21; «если бы боялся креста не проповедовал бы его» — 21;
- Антоний, преподобный** — 315;
- Апостолы:** им дано Духом Св. познание тайны Христовой... — 77; каким плачем плакали — 57; мы не сильнее А., которые ужасались... — 118; на Фаворе были объаты Нетварным Светом — 198; на Фаворе удостоились войти в сферу Света — 186; на Фаворе слышали непостижимый голос Отца — 91; наши компетентные наставники — 128; ПОВЕСТВУЮТ о познанных ими ФАКТАХ БЫТИЯ. — 212; поручил Господь свидетельствовать о Нем А. — 302; послания А. не понятны до посещения Бога — 6; пошли на брань со всем миром после сошествия Духа — 21; приняли мученическую кончину — 21; свидетельствовали об Истине абсолютном Само-Бытии — 299; сообщили нам о том, что слышали от Господа — 148; Христос дал А. реальное знание Предвечной Истины — 86;
- Аскетика ума** (аскеза): а. умного совлечения всего относительного — 30; как чрез сосредоточенность совлечься материальности — 258;
- Аскеты:** бесчувственны к своему земному положению — 65; воспевали высоту дара смертной памяти — 13; опыт а., что гордость есть главное препятствие для Св. Духа — 32; стоят на суде Божиим со страхом — 65; творения а. соответствовали моим нуждам — 152;
- Атом водорода:** и идея развития вселенной «в начале был а. в.» — 238; не есть первобытие — 238;
- Атрибуты Божества** — 177; «Первый и Последний» как а. Б. — 132; смирение как а. Б. — 32; человек ипостасирует а. Б. — 227;
- Афон** — 5, 37, 59, 174, 213, 216, 250;
- Афонский пустынный:** его слово о молитве — 75;

Б

Бездна: видение б. становилось всегда присущим — 11; святая рука Божия бросает в б. — 6; сравнение с космонавтом в космосе и падения в б. — 13; в этой духовной б. душа искала Бога — 43; где ничего и никого нет кроме Бога любви — 52; там нет ни света, ни мрака — она прозрачна — 52; в б. нашей тьмы проникает луч несозданного Солнца — 78; гордость как мрачная б., куда погрузился человек — 33; приходим в ужас пред открывающимися нам б. — 299; Бог может достигнуть во всякой б. — 174; для верующего во Христа открываются б. — 166; Он воззвал меня из темной б. — 256; пред Отцами раскрывались б. — 235; пути спасения подвешены над б. — 149; христианам дается опытное знание мрачных б. — 159;

Безначальность Божия — 51;

Безначальный: люди становятся б. по благодати, а не по существу — 53; Любовь делает нас б. — 242; мы становимся б. по благодати — 203;

Безначальная жизнь: вливается в жилы наши чрез причащение Тела и Крови Христа — 228; сообщается чрез вселение нетварной силы — 53; как Свет Христов — 220; Свет Христов есть б. жизнь Троицы — 220; святые воспринимают б. ж. — 225; сообщается нам — 203; сообщается разумной твари — 146; Он сам молится в нас, приобщая нас б. ж. — 224;

Безначальное Бытие: его тайна: Бог Личный, Живой; Единый в Троице Лиц — 230; созерцание как прикосновение к Б. Б. — 203; Творец абсолютный в Своем Б. Б. — 191;

Безобразное: адское б. было предложено на Свет — 37; я должен увидеть Христа, чтобы ощутить свое б. — 69;

Безумие: б. признать Богом человека, умирающего на кресте — 86; полное тожество наших состояний и Христа — 132; быть богом вне Бога — 31; для душевного то, что от Духа — 185; закон Христова Духа как б. — 100; пребывание в безвидной умной сфере — 175; б. слова о Кресте — 87; б. стараться уловить очертания Истины — 299;

Беспредельность: б. Бога не постигается умом — 123; Господь с гневом бросил меня в б. мира — 14; светносная б. дается Богом в любви — 42; когда мы брошены в Божественную б. — 54; любовь Христова бросит человека в б. — 62, см. также 173–174;

Бессмертие: в нас сожительство тленность и б. — 123; восхождение от земных форм бытия к б. — 282; жизнь нелегко преобразается из временности в б. — 111; нерей содействует братьям в шествии к б. — 277; познается, если жить вторую заповедь в ее полноте — 40; как выпрыгив в грандиозной игре — 154; люди, теряя благодать Св. Духа, не верят в б. — 315; Свет свидетельствует о нашем б. — 83; Сей Свет есть свет б. — 36; Христос предал Себя на смерть, открыв дорогу к б. — 144; персона и радость свободы б. — 232;

Бесстрастие: дается нам познание бесстрастных состояний — 191; смертная

память дает опыт б. — 17; как неотступное присутствие благодати Св. Духа — 121; смысл б. — человек освобождается от власти закона греха — 121; б. и пустыня — 143; может быть дан опыт, но не постоянство — 155; это прежде всего любовь, изгоняющая страх смерти — 191; плач сообщает нам опыт б. — 63; б. сообщается Светом Нетварным — 191;

Благо Божественное — 32;

Благовестие Христа — 86;

Благоволение Бога — 37;

Благодать: дар б. чрез сораспятие включает богословие — 21; есть дар Любви Божией, без которой слезы не потекут — 21; когда мы восприимчивы к б. — 28; неизбежно отойдет от человека — 102; нисходит через сораспятие Богу-Слову — 21; отступление ее за тщеславные помыслы — 13; просвещает сердце человека, обнаруживая злокачественную опухоль — 33; гимн б. покаяния — 26; ее действия: озарение Светом, восхищение, познание — 28; чем больше была б., тем глубже раскаяние — 49; без плача невозможно быть верным ей и сохранить ее — 61; б. принимает форму «решимости»: Свет видится вдали — 81; при своем обращении к Богу человек получает б. — 102; вначале ощущается как огонь пожирающий грех — 171; говорящий как должно о Боге, получает б. — 193; может умаляться, и мы снова покрыты сенью — 242; три периода ее стяжания — 264; если человек не будет понуждать себя, то потеряет б. — 265; иногда приближается... и опять покидает — 264; умалется до меры, позволяющей сохранить способность действий — 265; чрез сораспятие уподобляет человека Богочеловеку — 21, даст кающимся опыт ада, и ада любви, и воскресения — 41;

Благодать отчаяния: Господь дал мне б. о. — 199; Господь даровал мне б. о. — 31; для полета над бездной нужна энергия б. о. — 81;

Благодать плача — 20;

Благодать покаяния: восхищение души к Богу, увлеченной явлением Света — 31; дается тем, кто верой принимает слово Христа — 21; дана миру чрез молитву Гефсиманскую, Голгофу и Воскресение — 185; раскрывает в нас образ Сына Отчего — 54; с ее приходом, ощутил себя во аде — 39; к прощению грехов есть дар Бога — 150;

Благодать смертной памяти: не снижалась до земли — 15; проучение Отцов Церкви о ней — 17; состояние, когда вечность стучится в сердце человека — 119; и ощущение, что человек центр мира — 221; ценится Отцами — 13;

Благословение: познание иной формы бытия как б. свыше — 27; как можем мы достигнуть сего б. — 306; пребывает там, где его благодарно принимают — 122;

Бог: абсолютен и в могуществе, и в истощании-смирении — 165; Б. Живой, Которому можно говорить Ты, есть тайна — 34; Б. наш есть Дух всеведущий, вседесущий — 231; без живого опыта Бога не доступен смысл веры — 6; бесстрастен, и спасенные бесстрастны — 121; благоволил прикоснуться к

вечности — 6; Бог есть Любовь, и человек способен воспринять пламя — 254; Бог кажется нам «жестоким» — 299; Бог ничего не делает с человеком без человека — 46; Бог объемлет человека всецело: ум, сердце и тело — 263; Богу как бы безразличны все страдания человека — 97; будет ждать ответа на излитый Им дар — 102; был как-то со мною, обладая средствами спасения — 13; Бытие это Я — 30; быть богом вне Бога безумие — 31; в Его извечном Существое есть искомая абсолютная Истина — 310; в нашей хрупкой плоти Он достиг абсолютности — 101; в Нем всё едино — 49; в Трех Ипостасях познается чрез вторую заповедь — 40; верное понятие о Б. обуславливает праведную жизнь — 7; вечно пребудет для твари разумной БОГОМ — 203; вечно хранит наши молитвы — 46; Б. влил в сердце мое не покидающее меня вдохновение — 76; во всяком Своем явлении человеку пребывает все Тот же — 189; возрадовался Б. о явлении человека в мир — 200; восприятие Евангелия после посещений Б. — 7; всё как приготовление к личной с Ним встрече — 259; все мое бытие, и временное, и вечное, от Него дар — 249; все создано Его волею, Его мыслию — 305; давал мне жить Свою любовь в детстве — 28; даже при великих излияниях милости Б. не возносимся — 25; далек но достижим для духа нашего — 31; дивная вещь: Он и Другой, и вместе - мой — 263; для людей: если такой, каким явил Его Христос... — 288; до посещения Б. реальность писаний скрыта — 6; достаточно ярко описан в Евангелии — 180; душу, надлом. грехом, вдохновит надеждой на победу — 197; Его Имена Свет, Любовь, Истина, Милосердие и др. — 32; Б. есть Абсолютное Бытие, Начало всех начал — 26; Б. есть Начало, Принцип всего существующего — 300; Б. есть Любовь — 7, 49, 250; Б. есть Огоньжигающий нас. — 69; Б. есть Свет — 39; Б. есть Смирение — 32; Б. есть Царь смиренной любви — 193; жаждет нашего совершенства — 101; жаждет причастить нас всеобъемлющей Полноте — 72; жизнь вечная как знание Б. — 7; жить с Ним есть неизреченное богатство — 234; знает Себя и нас абсолютным образом — 49; Б. и богатство бытия станут содержанием твоей жизни — 252; ипостазировал форму нашего бытия — 146; каждое явление Б. человеку отражается на судьбах мира — 262; как даются Имена Его — 32; как Свет, отказывается соединиться с нашей тьмой — 39; когда Б. с нами, познание проникает во все существо — 50; когда душа спрашивает Б.: «Где же Ты был...?» — 34; личное осознание Б. совпадает с Новым Заветом — 7; Личный Б. стал для меня очевидностью — 30; молитва к Живому Б. породила мысль о вечности — 9; мы воспринимаем Бога внутри нас как нашу жизнь — 239; мы знаем Его чрез Сына Единосущного — 26; мы не вмещаем Его в Его Абсолютности в пределах земли — 190; мы не воображаем, исходя из самих себя — 299; наполняет Собою все, но от меня скрывался — 13; не мыслим Его составленным из неск. элементов — 242; не насилует людской воли — 69; не оставил во тьме и привел к Сиλουану — 19; не отверг, но дал созерцать Нетварный Свет — 56; не презирает нашего ничтожества — 105; неосозаем, непостижим, неисследимы пути промысла — 41; непостижимо

велик — 101; непрестанно влечет к дальнейшему восхождению — 257; нет большего горя и острее болезни, чем не знать Б — 234; нет высшего дара, чем встреча с Живым Богом — 259; нет лишения страшнее, чем не знать Истинного Б. — 259; никак не укладывается в рамки норм. мышления — 188; никогда не бывает доволен достигнутым нами — 257; никто не умалит Господства Б., но Сам умалает — 101; ничем не детерминирован — 257; О, как Он знает человека — 150; О, как осторожно обращается Он с человеком — 197; об участии Бога в исторических судьбах народов — 140; ожидаем, что Он услышит наш вопль и даст «знак» — 299; Он есть Свет и Истина — 300; Он моя жизнь; Его Жизнь моя — 250; Он Сушый. В Нем нет ни начала, ни конца — 300; Он тихий, Он кроткий. Я могу говорить Ему «Ть» — 249; Он является нам как Бог любви — 304; Он являлся отцам нашим и прадедам — 299; оставленный мною Б. Сам искал меня — 30; оставляет нас, чтобы мы проявили наше самовластие — 264; отдается, насколько мы ГОТОВЫ в свободе Его принять — 125; открывает тайны не чрез отвлеченную философию, а бытийно — 250; открывается человеку различными путями — 69; открывшись во Свете, Б. затем скрывается — 266; открылся как Персона — 26; открылся нам как АЗ ЕСМЬ — 26; как Первая сущностная Реальность — 232; первичный принцип и Самого Себя, и для всего — 126; первое явление его акт Самооткровения данному лицу — 264; переживается как Огонь или Свет — 23; по временам отымает Свою руку от подвижника — 24; по смерти ведет нас в область не вечернего дня — 47; повторяет Себя в акте нашего творения, как «Отец» — 228; познается «в союзе любви», в состоянии чистой молитвы — 239; познается Он в явлении Света благодати — 219; положил начало новой жизни, породив покаянием — 31; попуская брань, хочет видеть нас победителями — 101; посещает с кротостью и смирением — 69; посещая человека, делает его причастником Своего Бытия — 61; почему созерцался во мраке — 259; пребывает великой тайной для нас — 26; пребывание Б. в нас как введение в Акт Бытия — 50; пребывающий в любви пребывает в Б., и Б. в нем — 7; превосходит всякую человеческую мысль — 234; предшествующие поколения ушли в надежде на Б. — 10; призывает нас учиться от Него Самого смирению — 193; раскрыл нам тайну смерти, т. е. греха — 191; «Сам Б. молился во мне» — 7; Сам Он живет согласно с данными нам заповедями — 179; Сам первый ищет сообщить нам полноту Своей жизни — 251; самосушый, любящий, смиренный, и вместе могуществен — 249; Самосушый, мы же имеем наше бытие от Него — 125; святая рука Б. бросала в бездны — 6; Сей Беспредельный Владыка не презирает нас — 304; сердце, сокрушенное отчаянием, исцелит — 197; словно отшатнулся от человека — 97; так возлюбил человека, что отдается ему без меры — 88; удивительно странный — 34; удивление пред его Умом и Знанием — 181; уже нежданный, с нами и обнимает нас любовно — 34; уязняется в прикосновениях Его любви — 7; уязвил наше сердце любовью, но затем отошел — 264; хотим знать Его, Виновника бытия, как Он есть — 299;

хочет видеть нас совершенными, не менее, чем Он — 300; человек как Образ Б. способен вместить Б. — 18; чрез Его пришествие внутрь меня, я живу, как Он — 250; что Десница Б. творила в жизни о. Софрония — 9; я был уверен в Бытии Б. — 13; я мыслил о Нем как о Враждебном Властелине — 14; я обращался к Тому, Кого еще не знал — 13; явил нам СМЫСЛ БЫТИЯ: ЛЮБОВЬ — 191; явил текст АЗ ЕСМЬ СУЩИЙ — 30;

Бог Вседержитель: и меня может сделать господином по образу Его — 59; необходимо, чтобы Сам Он возносил нас в сферу Бытия — 85;

Бог В с е м о г у ш и й: и вместе неизъяснимо кроткий — 197; может быть не иначе как благ — 14; умалет Себя — 161;

Бог Отец: в рождении Сына выливает Себя всецело — 291; Который втайне, не благоволит о делах на показ — 5; кто познал О., в том уже пребывает вечная жизнь — 86; мы живем Отца, как абсолютную Истину — 308; мы знаем О. и Духом Святым — 26; мы знаем чрез Сына, явившего нам О. — 26; обитает в непреступном свете (1 Тим. 6, 16) — 26;

Бог Сын: в Воплощении берет нашу форму быwania и наши страдания — 169; восстановил меня из моего бедственного падения — 210; встреча с Единородным Сыном Отца болезненна для нас — 278; дал познание и об Отце, и Духе Св. — 26; Из чего видно, что «приходят» к Отцу чрез Него — 88; Истощание Сына Божия познается бытийно в Церкви — 168; крайний предел сему испытанию явил нам — 257; мы знаем Бога чрез С. единосущного — 26; начал миссию к падшим с «Покайтесь» — 26; но и Сын все возвращает Отцу — 291; повсюду имеем свидетельство о Его единственности — 103; показал незаблудный путь к Отцу — 26; пришел призвать не тех, кто мнит себя праведником — 47; так же есть абсолютная Истина — 308;

Бог Святой Дух: в Д. Св. живем мы Отца — 103; в Д. Св. познается Божество Сына — 103; «Вот, некто Третий... Как возможно, что Бог один?» — 260; всякий рожденный от Д. дышит, где хочет — 9; гордость есть главное препятствие для озарения нас Д. — 32; дает переживать драму всей мировой истории человечества — 171; дал мне жить великую благочестия тайну — 211; Дары Духа бесценны — 21; делает способным видеть трагизм нашего положения — 171; жизнь Его превосходит все земные институции — 114; и по сей день движет сердца священников — 277; как понимать «в духе и истине» — 60; когда нисходит как Истина, делает истинным и человека — 60; когда отходит, мы погружаемся во мрак смерти — 51; когда человек живет в светоносной реальности Св. Д. — 35; мы знаем Отца Духом Св. — 26; «напоминает нам все» — 306; «научит» нас любить, как любит Сам Бог — 306; «научит» нас мыслить, как мыслит Сам Бог — 306; не уловим нашими усилиями — 51; оживотворяет не только Церковь и детей Ее, но и весь мир — 229; Он излечивает нас от последствий падения — 229; оставляет дом наш пустым, покинув нас — 72; отрывал меня от Земли — 11; Отцы — бестрепетные служители Д. — 20; перерождает нас и освящает — 229; печать дара Д. С. при крещении как причина «Евангельских совпаде-

ний» — 7; печать дара Д. С. спасла от блужданий — 7; по дару Д. Св. осознается грех — 38; показывает предстоящее и нам истощание в нашей смерти — 168; посетил... исполнил сердце нетленной любовью — 57; после сошествия Д. Апостолы пошли на брань с миром — 21; пришел и действительно наставляет, но медленно — 260; проходит века, но в Д. Св. ничто не стареет — 277; Утешитель онтологического порядка — 63; чрез Христа можем судить когда действует именно Д. — 83;

Бог Любви: есть Троица единосущная и нераздельная — 117; Он есть Б. Л. вечной и нетленной — 226, единый в Троице Лиц — 230; Но именно такова Троица — Б. Л. совершенной — 309; Он является нам как Б. Л. — 304; **Бог Творец:** в безмерной любви дает светоносную беспредельность — 42; и я размышлял: как бы я сотворил мир? — 181; не властвует над нами — 141; не совершает с нами ничего без нашего согласия — 129; обращается с человеком как с ФАКТОМ даже для Него — 134; умирает во мне при смерти — 11;

Бог философов — 258;

Боги: б., изобретаемые людьми, мертвы — 262; мы становимся б. не для других разумных тварей, но по образу бытия — 311; Бог Истина и нас делает истинно б. — 311; мы люди тоже можем стать б. — 72; мы становимся сынами Отца и б. еще отсюда — 53;

Боговедение: как сообщается — 50; не утратится до конца мира — 128; дано нам чрез воплощенного Логоса Отца — 224;

Боговидение: Бог делает нас причастниками жизни, смирения и б. — 53; каждое истинное б. есть дар Бога — 53; когда дается человеку — 230; отличительная черта христианского б. — 226;

Богооставленность: за какие движения духа претерпевается — 5; показывает, что надлежит подвиг большего истощания — 34; смысл б. показать, что путь не пройден — 34; смысл ее: показать, что мы еще не готовы — 34; в период б. все иссыхает — 65; при б. Бог представляется беспощадным мучителем — 97; как тяжелое испытание — 149; неверующие в Бога не знают б. — 155; неизбежно последуют дни, годы б. — 156; показывает: благая вечность еще не принадлежит нам — 158; у Христа в плане Божества онтологически не могло быть б. — 164; б. есть безмерное величие дара Божия — 164; есть другой полюс Любви Божией — 165; показывает, что все сделанное еще недостаточно для спасения — 158; почему союз любви сменился адом б. — 61; Силуан пережил б. в редкой мере — 165; смысл ее: дать человеку возможность проявить свободу — 156; сопряжена с предельным напряжением соблюдать заповеди — 164; состояние Силуана было подобно состоянию Христа — 163; сплетаются воедино с явлением Бога во Свете — 163; у старца Силуана есть кеносис его — 159; б. у Христа — никак не можем дать объяснения сему — 164; важный этап вырастания человека в самоопределении в вечности — 264; как второй период — 264; соучастие в б. Христа — 271;

Богopodobие: чрез Христа нам показан Человек в его б. — 83; любовь вводит в

созерцание нашего б. — 191; заповеди призывают актуализировать персональное б. — 231; кто открывает сердце слову Христа, становится б. — 215; полнота б. и в Господстве Его невозможна без испытаний — 109; см. также *Подобие Богу*;

Богopodobный: христианская жизнь делает маленького человека б. — 91; б. бытие как победа над страстями — 22; б. свобода детей Отца Небесного — 142; б. свобода от рабства страстей — 142; б. смирение как завершение обожения — 78;

Богопознание: б. разумными тварями осуществимо повсюду — 50; без сего Свста Земля пребывала бы вне истинного б. — 214; для б. недостаточно богословских школ и книг — 50; как отвлеченное познание о бытии имеет метафизические корни — 284; человек должен достичь Божественной Любви, б. и самопознания — 49;

Богопокинутость: жуткая вещь, когда все бессмысленно — 59; всякому человеку необходимо пройти опыт б. — 156; когда короткие мгновения кажутся вневременными — 156; крайние состояния ниспосылаются подвижнику нечасто — 156; б. предложила в ХРИСТОВО СМирЕНИЕ — 165; ставит дух наш в тягостное недоумение — 157; см. также *Богооставленность*;

Богословие: высшие его формы в Церкви — 285; б. и язык его — 284; как пребывание во Свете любви чрез со-распятие — 21; как становится интеллектуальной профессией — 237; смертная память и б. иного бытия — 18; ум воображающий непригоден для б. — 35; б. при отсутствии живой веры — 237;

Богословское образование — 214;

Богосыновство: возлюбившим Его обетована полнота чрез Сына — 226; вся тварь стремится в свободу б. — 142; призыв к нетленной славе б. — 257;

Богоудаленность — 308; см. также *Богооставленность*;

Богочеловек — 21;

Богочеловеческое бытие: все содержание его дастся человеку в вечности — 93; человеческая природа задумана Творцом способною вместить полноту б. б. — 245, дары Божии делают человека носителем полноты б. б. — 296;

Богоявление — 259;

Божественная жизнь: для нас недомыслима — 124; Его жизнь становится нашей неотъемлемой жизнью — 159; заключена в слове Христа — 215; ипостасируется человеком — 146; как смирение, мир, премудрость, ведение, любовь — 53; как становится нашим неотъемлемым владением — 112; нам обещано унаследовать полноту Б. ж. — 306; Б. ж. становится нашей жизнью — 124;

Божественная универсальность — 105, 120;

Божественное Бытие: в силу раскрытия ипостасного начала, воспринимаем сие Б. — 229; его онтологическое ядро — Персональное Начало — 309; Едино в Сущности, Ипостаси и Энергии — 242; как Живой Бог, а не отвлеченное философское понятие чистого б. — 242; и реализация человеческой Персоны — 246; как чистый дар любви Отчей — 136; логический рассудок не способен следовать за реальным Б. Б. — 308; мы можем быть введены в обладание Б. Б. — 136;

мы причащаемся Б. Б. — 150; тайна его — любовь до ненависти к себе — 250;

Божественные Ипостаси: к Каждой мы питаем в каких-то оттенках различное отношение — 202; самоопределение Б. И. исходит из самих И., — 243; свидетельствуют нам, людям, Друг о Друге — 302; Совокупность Бытия есть неотъемлемое обладание каждой И. — 309;

Божественные Персоны: Их самоопределение в вечности является безначальным Актом — 228; медлительнее приходит ведение Духа Св., как Лица — 229; мы не мыслим как статическое самозамкнутое начало — 241; неисследима глубина тайны Б. П. — 228;

Божество Христа: вера в Б. Христа как путь осознания греха — 48; если отнять полноту Б., то Церковь не победит мира — 90; из веры в него рождается духовное мужество — 80; мы через причащение Тела Его и Крови воспринимаем Б. Христа — 271; неодолимую адом Церковь Он строит на исповедании Своего Б. — 90; чрез веру в Б. Христа открывается тайна греха — 21; чрез веру в Б. Христа узревается гордость — 33; Апостолы, только исповдав Б. Христа, увидели Свет — 186; вера в Б. Христа и видение Нетварного Света — 189; когда я поверил в Б. Христа, меня осиял Свет — 189; кто НЕ могут поверить в это, не достигнут обожения — 86; об отказе принять его — 104; Церковь основана на КАМНЕ исповедания Б. Христа — 187;

Болезнь: приводит к пребыванию вне времени — 18; б. о разлуке с Богом острее ножа — 35; как исцелить ту б., которою заразил Враг Человека? — 86;

Боль: благодаря ей, я становлюсь сострадательным — 300; духовная, метафизическая б. нестерпима — 184; б. любви к Богу похожа на б. пронзенного сердца — 110; может принять губительный характер, если нет покаяния — 35; при молитве б. есть чудный дар любви Божией — 35; падшему естеству свойственно избегать б. — 69; б. без радости и радость без б. смертельны — 110; б. любви Божией — 105; есть лейтмотив моей в Боге жизни — 105; как аскетический термин — 105; не есть боль патологического характера — 110; преисполнена смысла: посвящает меня в тайны бытия — 300; прелгается в радость торжествующей любви — 105; срастворена со сладостной любовью — 110; чем сильнее духовная б., тем мощнее тяга к Богу — 105; от сознания своей гадости — 184; б. и способность созерцать сверх-образно как Он есть — 299; когда человек медлительно входит в ощущение воскресения — 296; необходимо пройти чрез б., чтобы познать «Мужа болезней» — 300; необходимый «этап» в вырастании от земных измерений до космических — 301; раздвинула стены окаменевшего сердца моего — 308; услышать приговор за то, какой я есмь — 69; человека в следовании Ему как бы не вызывает в Нем сострадания — 257; чрез нее я духом вижу всех других страждущих — 300; я с благодарной любовью принимаю сию святую б. — 300;

Борение: с умом врага — 97; со всем тем, что стяжали мы в нашем падении — 148; см. также *Борьба*;

Борьба: б. с Богом из-за непонимания происходящего со мною — 14; б. со страстями есть и вне христианства — 22; пробуждает в душе скрытую энергию

молитвы — 35; за духовную свободу может быть тяжкой — 141; за Любовь Христову начинается в нас, затем исходит в мир — 209; нет более трудной б., чем за торжество Любви Христовой — 209; б. с грехом начинается удалением от мест падений наших — 120;

Брань: наша война есть б. с общим врагом — смертью — 118; я входил в сложную б. с тщеславием от чтения Отцов — 152; за овладение Царством непоколебимым — 236;

Бывание: в нашей рабской форме б. Он явил совершенство — 161; видение трагизма человеческого б. срасталось с душой — 15; восхождение от земных форм б. к бессмертию — 282; голод познания ненасытим в пределах земного б. — 240; люди строят свое земное б. на отрицании бессмертия — 297; неудачи в нашем земном бытии — 298; Он воспринял наш рабский образ б. — 227; Он воспринял наш рабский образ б., а с ним и наши страдания — 169; личность представлялась как врем. форма б. — 29; плач разрывает кольцо земного б. — 63; путь Христа ведет от относительного б. к безотносительному — 62; совлечение форм земного б. на пути к Абсолюту — 258; удержание между временной формой б. и вечностью — 16; совлечение временной формы б. — 38; соединение с Ним лежит уже за пределами земного б. — 257;

Бытие: Абсолютное Существо даровало нам б. — 256; Абсолютное Б. может ли быть личным? — 30; б. разумной твари должно стать совершенным: по образу Троицы Божества — 133; Б. богоподобное есть победа над страстями — 22; Б. есть не «что», а «Кто» — 238; б. иных измерений прорывает завесу тела — 192; «Б. это Я» — 228; без Истины невозможно и само Б. — 297; Бог во всем определяет Свое Б., а мы нет — 135; Бог есть Абсолютное Б. — 26; Бог есть Само-Бытие — 226; Бог никем не обусловленное Б., мы творение Его — 228; Бог открылся как Личное Б. — 125; Бог самосущий, а мы имеем б. от Него — 126; в мистике я уходил от реального Б. в небытие — 30; в страданиях расширяется наше б. — 300; в этом Аз и мое Ты — все Б. — 249; внутри нас раскрывается новое, уже надмирное б. — 158; Возлюбленный является нашим Б. — 263; восприятие Б. в силу ипостасного начала — 229; все б. явится ее (любви) содержанием — 156; все мое б. от Него даруется — 249; Господь открыл мне горизонты иного Б. — 14; дух наш направлен на непреходящее Б. — 132; дух человека охватывает космическое б. — 116; Его мышление становится моим тварным б. — 305; Истина есть Само-Б. — 190; какое Б. скрыто за словами «до конца» — 223; Любовь соединяет в Самом Б. с Самим Б. — 199; мы включены в Соборное Б. по образу Троицы — 128; мы входим в Царство, сохраняя наше личное б. — 257; мы живем Единое Б. Трех — 201; мы не можем создать какое бы то ни было б. — 135; наша задача: реализовать бессмертное б. нашей личности — 244; б. нашего мира приближается к концу — 74; Он открывает тайны, включая в свое Б. — 250; откровение Абсолютного Б. и нашего ничтожества — 18; Откровение, что Б. Лично — 238; падение Адама по-

трясло космическое б. — 274; поглощается тьмою забвения в смерти — 11; познание есть «со-бытие» — 239; представляется бессмысленным — 120; раскрывалось «под знаком минуса» — 13; рассудок не способен следовать за Б. Бога — 308; самое б. наше мы получили из Его рук — 124; Б. Сверхперсональное, трансцендирующее есть небытие — 26; уверенность в Б. Бога — 13; и временное и вечное строится на заповедях Х. — 24; Сей АЗ есть сущностное Б. — 244; смертная память и богословие иного б. — 18; сопряжение тварного и нетварного Б. — 301; тайна Перво-Б. — Три есть Б. Единое — 260; тварное и нетварное Б. исчезает во мраке забвения — 221; тварные, мы не постигаем, как возможно вообще Б. — 126; триединое Б. Троицы предельно динамично — 241; ум созерцает Б. во свсте Божественном — 209; усвоение нашим б. — 295; человеческий подвиг не может изменить Перво-Б. — 294; чрез Него вводимся в Перво-Б. — 202; что является Перво-Б., Истиной — 187; «это Я — Бог персональный» — 30; чрез покаяние познание нерушимого Б. — 27; молитва как б. нетленное и нерушимое — 46; невыразимо расширяется содержание нашего бытия — 224; атом водорода не является первичным само-бытием — 238; мы не располагаем силами создать б. — 136;

В

Василий Великий, святитель — 230;

Вдохновение: артистическое в. и его свет — 186; благодать обновляет в. — 264; возносит к Богу, для вечной жизни в Его Любви — 33; Бог влил в сердце мое не покидающее меня в. — 76; в. на следование за Ним, куда бы Он ни пошел — 145; как присутствие силы Духа Св. внутри нас — 145; Свыше в значительной мере зависит от нас — 146; я терял в. от недостижимости искомого — 75; духовное и философское и художественное — 145; как присутствие силы Духа Святого внутри нас — 145; любовь исполняет душу в. — 191; молитва десятилетиями о в. следовать за Ним — 145; не навязывается силою никому — 145; подвигом надо удержать в. на литургич. молитву — 282; созерцание Его творческого в. — 181; стяжается напряженным подвигом в молитве — 145; превращалось в ощущение Истины — 298;

Ведение: мое в. не абсолютно, но нет иной истины — 303; не как мысль, но как СОСТОЯНИЕ нашего духа — 300;

Великая Суббота (1924) — 210;

Величие Бога — 34, 101;

Вера: в. в Божество Христа как путь к осознанию греха — 48; веровать способны дети или люди с Божественной интуицией — 86; в. в Бога Христа как подлинный критерий реальности — 24; в. по приказу не-совершенна в корне своем — 190; веруют во Христа те, что верят в свое обожение — 86; отсутствие детской в. в период искания — 10; скорбен и узок путь нашей в. — 18; смысл нашей в. есть знание Бога Творца — 7; в. и неверие зависят от по-

нятия о Человеке — 86; низводит ум в сердце объятые пламенем любви ко Христу — 105; в то, что мы можем быть введены в обладание Божественным Бытием — 136; в любовь Христа внушает нам предаться покаянию — 149; поможет нам удержаться на недвижимом камне заповедей — 148; в то, что Христос — Спаситель, не допустит нас отпасть от Него — 148; на камне сей в. становится возможным покаяние — 198; в дальнейшем возрастает в силу излияний благодати — 211; в. в Троицу входим в Царство, сохраняя личность — 257; иное «в. от слышания», и иное «знать Тебя». — 299; спасаемся только чрез в. во Христа, как Истину — 255; чрез в. Дух Божий возносит нас в область Божественного Света — 256;

Верность: в пустыни у Христа было испытание в. Отцу — 145; в. и дары Божии — соразмерны — 212; и проявление нашей свободы и разума — 102; и совершенство дара свободы — 102; испытание ее отнятием благодати — 102; когда проявлена, Бог вселяется навсегда — 102; оставление благодати есть возможность проявить в. Б — 156;

Верующий: в Литургии научаются жить в двух планах — 278; в. дается опыт и ада, и воскресения — 52; в. даются состояния, уподобляющие его Воплощенному Богу — 132; в. раскрывается Тайна Его сознания — 234; вводит-ся во внутреннюю область души — 170; внешне бедняк, но внутри велик — 53; все в. должны стремиться к более полному познанию — 293; для в. крестная смерть есть сильнейшее свидетельство — 86; для в. открываются сокровенные бездны — 166; и до ныне Дух движет сердца в. на молитву за мир — 133; становится, подобно Христу, надмирным (сверх-космическим) — 87; в. «не знает» Его по плоти, но как вездесущее — 314; до ныне сия благодать не перестала изливаться на в. — 198; и по сей день Дух движет сердца в. на молитву — 277; имеет жизнь вечную — 103; **ИМЕЕТ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ**, и на суд не приходит — 316; имеет свидетельство в себе самом — 314; каждый призван принять дар «царского священства» — 283; не должен доверять себе без свидетельства — 206; Фаворский Свет как наследие верующих — 214;

Ветхий Завет: велик и свят для нас — 260; Господь дал ему новые, вечные измерения — 260; и персона как самозамкнутое начало — 241; ни один пророк не достиг полноты персоны — 248; о колоссальной дистанции между В. З. и Заветом Христа — 212; пример покаяния при видении Бога в В. З. — 183; пророки В. З. говорили о Абсолютном Самобытии — 299; Ветхозаветная Церковь распяла Христа — 290;

Вечная жизнь: в рабовладении нет в. ж. — 143; в. и земная ж. зиждется согласно данному видению — 263; «да знают Тебя...» есть в. ж. — 7, 132; «кто познал Отца, в том уже пребывает в. ж...» — 86; любовь «до конца» характерна для в. ж. Бога — 250; мы возносимся для в. ж. во Свете — 33; познание Господа как в. ж. — 295; святое боговедение и есть в. ж. — 237; сердце и ум сливаются в акте подлинной в. ж. — 49; соединение с Богом в гармонии в. ж. — 244; страсти препятствуют стяжанию в. ж. — 245;

Вечная мука — 70;

Вечность: Бог благоволил прикоснуться к в. — 6; знание есть вхождение в Акт В. Бога — 7; была обращена ко мне своей отрицательной стороной — 16; вопрос о в. стал как раскаленный металл — 10; дети легко раздумывали о тайне в. — 9; искусство дает прикоснуться к в. — 16; как вечное мгновение — 133; мой дух нуждался в в. — 16; мысль о в. как следствие детской молитвы — 9; не имея протяжения, содержит протяженности веков — 93; нет иного пути к дверям Божественной В., как покаяние — 39; перерождала меня — 16; персона и в. сочетались в детской вере — 30; проблема в. доминировала в годы войны — 9; смертная память персвела мое существо в В. — 18; стучалась в двери моей души — 17; только о ней говорить в заповедях Христа — 64; удержание между врем. формой быwania и в. — 16; я видел смерть не по телу, а в в. — 13; мысль о том, что в. не заключена в психике евангельской любви — 36; готовясь к в., мы стремимся освободиться от тьмы — 44; беспространственно включает просторы мироздания — 93; как получить дар Божественной в. — 112; в нас будут на в. выправрованы все наши труды — 132; в. как непротяженный акт, когда любовно обнимем все сущее — 133; человек сам должен свободно определиться на в. — 142; как включиться в поток Его в. — 182; как любовь Христова — 178; ощущение ее не поддается психоанализу — 211; включаясь в жизнь Господа на Земле, мы обретаем в. — 270; как «вхождение в радость Господа» — 266; как совершается подлинное проникновение человека в Божественную в. — 266; не только ли об этом Благая Весть Христа: Евангелие? — 301; объемлет все временные века непротяженно — 274; тихо, но властно проникла в сердце мое — 303; чтобы пребыть вечно с Богом, надо научиться любви — 112;

Вечный покой — 74;

Видение: в. бездны становилось всегда присущим — 11; в. трагизма человеческого быwania страдалось с душой — 15; в. красоты мира сего влекло меня — 15; в., которые сообщаются Нетварным Светом — 192; в. распятых рук Христа, собирающих во-едино народы — 82; в. своего ничтожества связано с Небесным Царством — 69; в. святости Бога и нашей инфернальной тьмы — 184; в., которое подтверждает откровение, что мы созданы «по образу и подобию» — 304; в. греха — 38;

Влечение к Богу — 77, 106;

Внимание: заключается внутрь и оттуда восходит в духовную сферу — 198; мы молимся без возврата в. на себя — 52; не отрывалось от Бога — 210; Свет Нетварный изменяет направление нашего в. — 198; ум в. заключался внутрь — 10; уходит глубоко внутрь внутреннего человека, в сердце — 197;

Внутренний человек — 132, 166, 197;

Возвращение после молитвы в тело: в смягченном сердце глубокий мир — 215; дух человека пребывает и в Божественном плане, и в земном — 215; душа испытывает сладкий мир — 178; душа снова принимает раны — 178; тонкая печаль по в. к обычному образу жизнеощущения — 178; когда мы

выпадаем из пережитого ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕКА — 261;

Вознесение: при в. Господь и как человек воссел одесную Бога — 123; наша природа вместила полноту богочеловеческого бытия — 244;

Возрождение: в. в покаянии горячем — 56; наше в. начинается явлением Невтарного Света — 57; последовательность в. нашего духа чрез покаяние — 55; труден путь в. — возвращения в первозданное состояние — 111;

Войны — 130;

Воля: состояние ужаса от смерти владело мной против в. — 11; святая в. Отца, от века сущая в Нем, не чужда нам — 138; готовность разорвать узкое кольцо нашей индив. в. — 182; когда мы избираем в. Божию, мы уподобляемся Христу — 47;

Воображение: зная вред от в., Силуан молился ЧИСТЫМ УМОМ — 35; в. и опасность выпасть из соборной реальности — 128; мы научены избегать приписывать Богу порождения в. — 187; покаяние никак не допускало возможности воображать — 212; сие Событие (богопосещение) — не плод в., т.к. превосходит его — 304;

Воплощение: ближе Всех (из Троицы) мы знаем Иисуса чрез В. — 202; в акте В. воспринял наш образ бытия — 227; в В. Он умалет Себя — 161; выполняет Синайское откровение — 310; Господь явил совершенство в своем В. — 158; дало человечеству вступить на верный путь к Отцу — 201; Закон приготовил людей к принятию В. Бога — 259; и его историчность — 187; и истощание — 168, 291; как основа христианской жизни — 180; о пределе истощания, явленном в В. — 257; об акте В. нашего естества — 155; опрокинуло человеческие попытки познать Бога снизу — 187; Свет безначальный сообщен нам чрез В. — 104; чрез В. даст нам причащаться Тела и Крови — 228; то, что говорит Христос в В., может относиться к нам — 122; факт его занимает центральное место в истории — 187;

Воскресение: без веры в в. всякое страдание становится тупым — 92; благодать покаяния дана миру чрез В. Христа — 185; в день в. и суда, все что сделали, станет с нами — 46; В. Христа снискало миру благодать молитвы за мир — 283; дар покаяния дан чрез В. Христа — 33; как понимать В. из мертвых — 133; любовь переживается как в. из мертвых — 242; мы боремся за в. наше и каждого со-человека — 119; опыт в. дается в порыве покаяния — 52; по в. Христос являлся исключительно тем, кто был способен воспринять Его в обоженой плоти — 219; в литургии — 276; познается Духом Святым еще в теле — 41; сущность отчаяния есть неверие в свое в. — 315; что есть в. души? — 203;

Воспоминание: как живое вхождение в сферу Духа Христа — 282; как присутствис в истории вселенной Гефсиманской молитвы — 283;

Восточный опыт — 36;

Восхождение: Бог влечет нас к дальнейшему в. — 257; в. в сферу Света и блезнь сердечная — 269; на всех уровнях в. к Богу враг будет преследовать нас — 96; Он влечет нас к в. к Нему — 240; отвлеченное в. ума к Абсолют-

ному Бытию — 205; потрясения при в. от меньшего к большему — 123; при сознании нищеты духовной приходила сила Свыше для в. — 148; в. к Богу представляется непостижимым — 34;

Враг: внушил идею о безличном Абсолюте — 38; возбуждает душу до бунта против Бога — 98; как исцелить ту болезнь, которою заразил В. Человека — 86; ум В. космических измерений — с ним идет невидимая брань — 109; имеет по падении власть проникать в самую глубь нашу — 98; искушает на всех уровнях восхождения к Богу — 96; начинает обвинять Бога во всех терзаниях нашего мира — 98; приписывает нам свои мысли и чувства как собственные нам — 99; пытается нас отвести от Бога — 96; пытается толкнуть человека делать все противное Богу — 98; пытается толкнуть человека на крайности — 98; его действия и их подробное описание — 98;

Время: между временной формой бытия и вечностью — 16; теряло свою протяженность — 13; ум умолкает в состоянии пребывания вне в. — 18; я был брошен туда, где нет в. — 11; я стучал в двери смерти не во в., а за его границами — 42; «время» Литургии: «ныне, и присно, и во веки веков» — 273; историческое в. является «местом» первой встречи с Б. — 274; как процесс творения Богом подобных Ему богов — 301; когда его больше не будет — 301; слово «время» что значит? — 273;

«Время сотворити Господеви...» — 273;

Всеведение — 254;

Вселенная: вся в. держится под контролем властей — 81; диавол контролирует всю в. — 96; диавол обольщает всю в. — 112; и ее страдания — 130; каждодневно питается вестями о убийствах, истязаниях — 34; объята мраком неприязни — 269; переживает изменение в судьбах при рождении человека — 225; сердце и ум обретают силу включить всю в. — 65; в. судится с Богом, обвиняя Его в своих страданиях — 288;

Всемогушество Бога — 123;

Встреча с Богом: Ап. Павел до в. со Христом — 183; время — место нашей первой в. с Б. — 274; здесь нам дается первая в. с Б. — 257; нет более высшего дара, чем в. с Б. — 259; от в. с Б. человек вырастает в ипостасном сознании — 134; познание персоны чрез в. с Б. — 126; ради в. с Б. нетрудно отказаться от услаждений — 143; чуден момент встречи с Богом — 38;

Вторая заповедь: в ее полноте, познается триипостасный Бог и бессмертие — 40; Господь сходил в ад любви до предельных измерений ее — 40; разумеет смысл ее, увидим, что не начали покаяния — 40; ее измерения не видны без Христа — 176; когда дано входить молитвою в ее подлинные измерения — 261;

Вторая Мировая война — 130, 249;

Второе Пришествие — 268, 273;

Второй период (этап): длительный период богооставленности различной силы — 264; когда промыслительно человек претерпевает ослабление первой благодати — 156;

Выбор: в. на пути к искомому Благу связан с жертвами — 47; избирая волю

Божью. мы уподобляемся Христу — 47; при всяком выборе неизбежны страдания и жертвы — 47; при в. по смерти: и подобие, и расхождение будут вечны — 294;

Г

Гавриил, Архангел — 107;

Гармония: благодать тесно соединится с нами в г. вечной жизни — 244; г. духовного СОСТОЯНИЯ есть радование для сердца — 313; мы живем Его внутри нас как абсолютную г. — 304; Творец Божественной г. не мог не скорбеть, встречаясь с извращениями — 288;

Генотеизм: христианский монотеизм не то же самое, что г. Ислама — 261; Бог как одна персона — 257; персона как самозамкнутое начало в г. Ислама — 241;

Германия — 15;

Гефсимания — 159, 178, 311; в Литургии — 267, 276; Господь внутренне совершил Свою жертву в Г. — 292;

Гибель — 70, 162;

Глаголы (та римата) — 28;

Гносеология — 208;

Гносис — 258;

Голгофа — 159, 178, 185, 311; в Литургии — 267, 276; лишь заключительный акт, в котором все соединилось — 290; нужно было пострадать «до конца» и внешне — 292;

Гордость: антипод любви Божией — 148; в ней корень всех грехов — 78; гордость есть и злоба, и тьма — 78; гордый всегда пребудет вне любви Христа — 33; г. есть мерзкая тьма, антипод Божественного Блага — 32; г. есть противница Богу — 148; г. есть тьма крошечная, где человек оторван от Бога любви — 33; как избежать ее — 25; г. есть сущность греха и причина трагизма истории — 22; г. есть мрачная бездна, куда погрузился человек по падении — 33; одной г. достаточно, чтобы погибнуть — 22; ослепила человека духовно — 33; делает человека замкнутым в себе кругом — 33; есть главное препятствие для Духа Святого — 32; есть принцип зла, корень всех трагедий — 32; есть противник богоустановленного порядка — 33; есть сеятель вражды, губитель мира — 33; в ней — сущность ада — 33; ничто нечистое, то есть гордое, не прикасается к Богу — 32; присутствие ее в движениях ума и сердца — 33; формы ее выявления, все искажают образ Божий — 34; при г. невозможно иметь Духа Святого — 52; чрез смирение — восход к Богу; ибо чрез г. мы пали — 78; «не есть ли дерзание христианина неумеренная г.?» — 89; приступит к человеку тот, кто пал в пароксизме своей г. (дьявол) — 91; не возносимся в г., если осознаем наше призвание — 92; есть корень всех зол — 148; способ выбросить унаследованную в падении г. — 154; чрез нее человечество стало рабом тления — 148;

Господь: бережет свободу созданных по образу Его — 146; бросил меня в беспредельность мира — 14; в вечности Он в двух природах — 243; всегда действует с согласия сотворенного человека — 125; дал жнть в потоках Его милости — 18; если держаться ризы Г., чудо роста в Боге будет усиливаться — 24; заповедал не творить добрых дел пред людьми — 5; знает мою благодарность за беспощадность ко мне — 12; из-за любви к ближнему сходил в ад любви — 40; иногда оставляет душу, чтобы испытать ее — 264; не говорил праздных, ничего незначащих слов — 172; не имел нужды в покаянии — 40; не пытался разъяснять Таинство Бытия — 261; не совершил грех и не имел нужды в покаянии — 40; открыл мне горизонты иного Бытия — 14; отстраняется от ВСЕХ иных, мнимых «учителей человечества» — 104; показал последний предел истощания — 155; призывал во Свидетели Отца Своего и Духа Святого — 301; Сам и есть Царство — 106; соединив Бога и Человека, зовет следовать за Ним — 82; у Него все по-особенному — 18; увлекает нас духом обнимать весь мир — 276;

Гражданская война — 14;

Грех(и): всегда есть преступление или уклонение от любви Отчей — 117; проявляется как удаление от Бога и склонение воли — 22; глубинная сущность его есть гордость — 22; тайна г. открывается чрез веру в Божество Христа — 21; г. есть только там где есть личные отношения между Богом и человеком — 22; его сущность можем уразуметь только чрез веру во Христа — 29; его сущность разумеет под воздействием Света Нстварного — 29; есть преступление против любви Отчей — 22; когда открывается инферальная сущность г. — 28; метафизическая сущность г. превосходит все преступления — 31; осознается по дару Духа Святого с верою в Личный Абсолют — 38; ощутить свой г. есть великий дар Неба — 28; Господь не совершил ни единого г. — 40; мой г. предносился как самоубийство вечного отпадения от Бога — 42; видеть свой г. как духовный акт великой ценности — 48; видеть свой грех есть акт Бога-Света в нас — 48; если говорим что не имеем г., обманываем себя — 44; если исповедуем г., Он простит — 44; как излечиваются его отрицательные последствия — 46; мы сами не можем видеть г. в своих движениях — 38; г. надо исповедовать, чтобы не упести их по смерти — 45; начинается услаждением, кончается трагической гибелью — 108; путь к познанию г. Есть поставление себя на суд слова Божия — 49; путь к познанию г. есть вера в Божество Христа — 48; умалять инициальную идею Бога о нас как великий г. — 46; побеждает даже после десятилетий плача — 71; г., которые губят без видимого их совершения — 121; полнота видения г. невозможна вне Христа — 118; когда мы разрываем с Ним союз любви — 135; нет большего греха, чем войны — 131; г. как уклонение от Бога и Отца в силу аберрации — 256; г. праотца существенно повредил нашу природу — 245;

Греховное состояние — 45;

Григорий Богослов, святитель — 204;

Гуманизм — 22, 298;

Д

Дамаск — 184;

Дар(ы): Д. Духа Святого бесценны — 21; благодать есть д. Любви Божией — 21; всякий истинный д. есть пламя любви — 21; Д. Бога неописуемы — 25; д. откровения ассимилируется в истощании — 18; д. смертной памяти воспевается аскетами — 13; между д. свыше и подвигом есть соразмерность — 21; ненужный д. этой жизни и протест против него — 14; о д. мыслей предвосхищающих откровение — 18; д. покаяния стал возможен чрез Гефсиманскую молитву Христа — 33; даются каждому без отказа, но по мере жажды — 212; делают человека носителем полноты богочеловеческого бытия — 296; неописуемы — 296; превосходят меру нашу понести их — 91; д. Свыше осваивается нами непременно в страдании — 102; д. Божий, приближающий к ощущению смерти Его на кресте — 295; усвоение их связано с болезненным напряжением — 124; поведать другим о д. Божиих много опаснее — 253; усвоение д. связано с распятием нашего существа — 251; дар покаяния велик, так как дух проникает в тайны Бога — 50;

Движение вниз: выражается в постоянной памяти о нашем ничтожестве — 92; необходимо, чтобы устоять в христианском духе — 92; См. также *«Держи ум во аде»*;

Дева Мария, Богородица: «... Да не прельстиши Меня лестью...» — 207; благодаря Ей история мира вышла на новую орбиту — 262; Ее величие как Матери Бога превосходит меру человека — 187; и вмещает с тем Она единосущна нам по всему — 187; как Носитель всеведения — 254; колебания Ее из-за открывшихся страданий — 107; Невозможно отделить Ее от Христа-Бога — 187; никто из людей не был без греха, кроме Нее — 184; нуждалась в подтверждении подлинности открытой Ей — 262; пошла к Елисавете для удостоверения Откровения — 127;

Действительность: вести убитых на войне ставят перед трагической д. — 10; за д. мира сего я стремился ощутить иную — 15; невидимая, вневременная д. в искусстве — 15;

Делание — 182;

Дело Христа: литургия воспроизводит в нашем сознании возможно полнее Д. Христа на Земле — 274; д., совершенное Христом, «не преидет» — 287; нет ничего равного, ни подобного в путях избавления человечества — 277;

«Держи ум во аде» — 160, 315; как победа над страданиями — 113; требует великого терпения — 71;

Дерзновение — 21;

Детерминизм — 134; детерминированные естественные процессы — 140; д. отклоняется Церковью — 135;

- Диавол:** где бы мы ни оказались, он придет нас испытывать — 96; даже ко Христу в пустыне приступил, искушая Его — 96; контролирует не только вселенную, но и весь мир — 96; нет места, где возможно избежать встречи с д. — 96;
- Дискурсивное мышление** — 212;
- «Днесь причастника...»** — 282;
- Доброе дело** — 5, 93;
- Доверие к себе** — 127–128;
- Догматическое сознание** — 6, 309;
- Доторизм** — 301;
- Домашние** — 84;
- Доминация** — 143;
- Дух Божий:** влагает те же слова и Ап. Павлу и ныне — 133; воспитывал меня — 172; есть Дух разумения путей спасения Его — 300; Его действие познается в любви — 121; Д. Б. и видение мира погруженного в смерть — 119; молим Благого Господа, чтоб Его Д. почил на нас — 300; не находит отклика в отчужденных от Бога сердцах — 269; пишет не на скрижалях каменных, а плотяных сердца — 179; пребывая в нем мы становимся сынами Отца и богами — 53;
- Дух человека:** его благое движение и сопротивление темных сил — 178; самое интимное место его есть молитва покаяния — 5; Д. дышит, где хочет — 9; проявления д. отражают понимание Откровения — 7; за какие движения д. претерпевается богооставленность — 5; когда бывает в состоянии восторга — 34; полет д. в умном пространстве неуловим — 9; в д. оставалась надежда, что Бог благ — 14; в д. я носился над бездонной пропастью — 12; внешние катастрофы как причина страданий д. — 11; д. живущих в плотском покое не восходит к Небу — 21; достигает двух пределов: АДА И ЦАРСТВА — 120; ему тесно, т. к. он бессмертен — 180; жадно тянется к любви Отчей — 79; как исходит в вечность — 178; как угасание жизни проявлялось в д. — 16; когда живет и смерть-мрак, и надежду на Бога — 32; когда наш дух становится весь молитвою — 240; может воспринять от Бога новые излияния иного бытия — 116; мой д. не останавливался на событиях — 11; мой д. нуждался в вечности — 16; мой дух жил в таинственной сфере — 15; мой дух обращался к Тому, Кого еще не знал — 13; мысли рождались из состояния духа — 11; предстоит как ум – Уму Первому — 109; смертная память выводит д. из притяжения земли — 17; смертная память как состояние нашего д. — 17; совлекийший покаянием д. видит относительность познания — 23; я никому не говорил о параллельной жизни в д. — 15; был всецело поглощен молитвой — 28; мой д. знал куда стремиться — 31; сознавал себя в беспредельности — 27; сокрушенный д. ч. жаждет спасающего Бога — 27; человек живет себя как бестелесный дух — 27; когда д. пребывал в мире на Афоне — 37; как исходит из обычной формы существования — 79; как соединяется с Богом — 79; в свободе от мыслей живет иную форму бытия — 83; вступает в бесконечность «умного» пространства — 83; свидетельствует о безна-

чальной Истине и бессмертии — 83; созерцает реальности Бож. сферы Бытия — 82; когда перестает зависеть от естественных законов — 134; от встречи со Христом вырастает в своем ипохондическом сознании — 134; стоит выше космической материи — 134; весь в порыве осязать Неосозаемого — 199; пред д. открывалась вечность и моя тьма — 173; переходит границы сего мира и весь погружается в Бога — 201; сохраняется как персональный — 244; мой д. вводился в некую умную сферу без границ — 303; начинает видеть Бога «как Он есть» — 304; скорбит, видя себя далеким от Отца — 126; смертная память готовит д. к восприятию Откровения — 18;

Духи злоты поднебесной (дух вражий): встреча с ними — 6; нагло проникают внутрь нас — 99; стремительно атакуют смягченное покаянием сердце — 99; улучшает минуты колебать сердце и мысль — 24

Духовная жизнь: неисчислимо изобильна в своих манифестациях — 74; носит исключительно динамический характер — 74; подобна живой воде — 116; разнообразие ее показывает наше несовершенство — 74; движется между адом и царством — 120; уходила от помысла тщеславия — 153;

Духовническое служение — 5, 48, 144, 161, 179, 253;

Душа: в разрыве от видения себя и прилива силы Боговидения — 31; вечность стучалась в двери моей д. — 17; видение трагизма человечества срасталось с д. — 15; все блага Земли не покроют духовного «ущерба» д. — 90; как бы спрашивает Бога: «Где Ты был?» — 34; как обнажается от образов — 22; осознает смысл своего бытия: быть с Богом, в Нем — 79; ощущает борьбу с совестью прежде склонения на грех — 38; покаяние как восхищение д. к Богу Светом — 31; решается на молитву за мир — 46; смиряется в страхе и в свете надежды — 35; искала Бога в духовной бездне — 43; узрев Христа во Свете Его любви, влечется к Нему — 69; что бывает с д. по смерти — 45; в раскаянии становится восприимчивой к Божественному Свету — 60; видит себя во мраке смерти при богопокинутости — 59; дотоле умиравшая д. воспринимает нетленную жизнь — 78; по возврате в обычное мироощущение бывает в печали — 83; предпочла бы не возвращаться — 83; может колебаться в любви Божией и доверии к Нему — 113; скорбь ее острее, чем у матерей об умерших детях — 106; нисходила в низины ада — 172; в великой скорби тянулась к Могущему спасти — 233; когда всецело заполнена присутствием Духа Божественного — 247; испытывает свой выпад из Света как смерть — 264; как восходит до тотального покаяния, ненависти к себе — 266; не требует изъяснения переживаемого рационально — 247; получает раны более страшные, чем тело — 290; вскруживший вводится во внутреннюю ее область — 170;

Душевность: жила повседневною подобно всем людям, а мой дух жил в таинственной сфере — 15; кажушая д. Евангелия «Люби Бога и ближнего» — 230; разлад между д. и телом — 303;

Душевиный(ые): д. воспринимают слово в извращении, им свойственным — 185; д. плач убивает земнородных — 64; д. плач убивает тело, а духовный жи-

вотворит — 58; д. скорби Спасителя — 290; д. человек не принимает того, что от Духа — 185; пляч д. и духовный — 58, 184; покидание д. уровня жизни — 42;

Е

Евангелие: восприятие Е. после посещений Свыше — 7; дано на все века для всех племен и народов — 312; до посещения Богом реальность Е. скрыта — 6; и наша немощь в нашем хрупком теле — 312; Е. как путь к Абсолюту подменяют гносисом — 258; малодушие от надмирного характера Е. — 312; мы хотели бы как-то сузить его подлинные измерения — 312; начинается и заканчивается призывом к покаянию — 47; никто не может согласовать жизнь с Е. своей силой — 154; о чем Благая Весть Христа? — 301; Е. есть конечное Откровение, будучи всесовершенным — 312; «отчаемся и отпадем от вечного Евангелия?» — 236; подтверждает личный опыт — 7; пришло к нам не от человека — 236; часто пытаются свести Е. до моралистической доктрины — 237;

Евангельское слово: ассимилируется, как материнский язык — 190; воспринимается как Свет, животворная сила, новый акт творения — 215; сознанию испытанного христианина становится доступным — 120; непонятно, если не предлагается в акт нашей жизни — 190; его сходство с созерцанием Света Нетварного — 215; носит абсолютный характер Божественного всеведения — 217; ум, забыв тело, чувствовал себя во свете Е. с. — 216; своими корнями входило в сердце мое — 233; совершеннейшая жизнь в Боге Истинном выражена в простых Е. с. — 265; человек, доколе не родится Свыше, не может воспринять его — 250;

Евангельское учение — 265;

Еврейская пасха — 281;

Европа — 15;

Единение с Богом — 68;

Единство — 39, 146;

Естество человека: не выносит долгое время предельных состояний — 120; еще не составляет полного тождества с персональным началом — 243; натура не ипостасирована нами в полноте — 243; не стало единым с Сущностью нетварного Бога — 228; Он единый знает пределы его возможностей — 244; по смерти, благодать же Божия соединяется с нами — 243; полноту благодати наше земное естество не может вынести — 158; в Лице Христа оно посажено одесную Бога-Отца — 244; во Христе восприняло неумаленную полноту Божества — 244; см. также *Природа человека*;

Ефрем Сирин, преподобный — 48;

Ж

Жертва Христа: сею Жертвою удержано человечество от исчезновения — 275;

силой ее сохраняется жизнь мира — 275;

Живопись — 31;

Жизнь: внутренняя ж. должна быть скрыта от посторонних — 5; невозможно было примириться, что прерываются много жизнью — 10; подлинная ж. нам не дана — 11; покрывается ранами на всех уровнях — 18; праведная ж. обусловлена верными понятиями о Боге — 7; сама ж. учит, что недостаточно одной интеллектуальной осведомленности — 6; живет Господь, живу и я — 137; угасание ж. как проявлялось в духе — 16;

3

Забвение: вечно з. как угасание света сознания — 11; когда Бытие исчезает в бездонном мраке з. — 221; Любовь до забвения о самом себе — 263;

Задание христианина — 244;

Закон Господень — 49;

Закон греха: бесстрашие как победа над з. г. — 121; как мрак подобный свинцовой стене — 39; подвиг борьбы с убивающим нас з. г. — 171;

Закон Моисеев: Господь нес бремя его, но и исполнил заповедь Отца — 115; даже в пределах З. Пророки говорили с дерзновением — 213; должен был приготовить людей к восприятию Воплощения — 259; никто не абсолютизировал З., как последнее совершенство — 260; почему излишен? — 216;

Запад христианский — 63;

Заповедь(и): все идущие путем з. перерождаются — 21; выраженные в земных словах они кажутся релятивными — 85; жизнь по з. как хождение по канату над бездной — 82; з. Бога повелевает скрывать внутреннюю жизнь — 5; выше совести людской и ума человеческого — 49; живя по з. получаем разрешение многих извечных проблем — 84; З. Христа суть самооткровение Бога — 85; и вхождение в обладание сей бессмертной жизнью — 137; их божественное происхождение как выявляется — 85; как бытийное слияние с Богом чрез любовь — 68; как Самооткровение Бога — 179, 190; наш ум тесен для разума их — 153; отчаяние от суда по з., приводит к молитве — 55; покаяние чрез внутренний контроль, что з. не хранится — 49; призывает нас «любить» — 208; суть Нетварный Свет — 180; «широка з. Божия» — 49; показывает насколько далеки мы от Бога — 51; в них говорится только о Вечности — 64; жизнь по з. приводит к победе над космосом — 72; заповедям Бога свойственна абсолютность — 74; о совершенстве дана на все века, всем людям — 74; страх нарушить з. Господни и так погибнуть — 82; им свойствен абсолютный характер — 114; нет таких условий, где их соблюдение невозможно — 114; ставят нас лицом к Лицу Абсолютного Существа — 149; в своем совершенстве остается недостижимой — 154; все наши попытки собласта их неизбежно проваливаются — 149; чрез пребывание в з. излечивается греховная смерть — 146; чрез суд з. обостряется чувство нашей далекости от Бога — 148; в них живет Дух Отца — 190; Его повеления нам

совершенно недостижимы — 188; з. и богооставленность — 164; не можем сообразовать наши сердечные чувствования с духом з. — 171; раскрывают ум и сердце человека до беспредельности — 170; редкие обладают мужеством жить по з. в падшем мире — 80; Сам Он живет согласно с данными нам заповедями — 179; следование з. далеко превосходит наши тварные силы — 85; станут единственным принципом нашего бытия временного и вечного — 179; стремление сохранить з. и осознание своего бессилия — 170; суть проекция Божественной жизни в нашем плане — 157; в духе их содержится святая вечность — 309; в з. или запах смерти, или благоухание на жизнь нетленную — 251; если мир бы возлюбил Христа, Его з., все преобразилось бы — 217; з. и Закон Моисеев — 216; призывают актуализировать персональное богоподобие — 231; з. мы воспитываемся обнимать полноту всемирного бытия — 268; как невыразимо высокая честь: уподобиться Ему во всем — 253; как проекция Его Бытия в плане Земли — 251; как путь к бытийному постижению Предвечного Бытия — 261; колебание: исполнить з. или поступить по страсти? — 294; Он никак не соглашается на умаление Своих з. — 312; познание стяжается чрез пребывание в духе з. — 295; сообщают нам «образ» искомого нами Божественного Бытия — 307; ставят на грань между относительным и безусловным — 85; становятся единственным законом всего нашего бытия — 307; суть не иное что, как САМООТКРОВЕНИЕ Бога — 251; суть Нетварный Свет Божества — 170; суть самооткровение Бога «как Он есть» — 307; чем глубже входим в з., тем конкретнее Богосозерцание — 179; чрез з. мы входим в тесное родство с Божественным Умом — 306;

Звание — 118;

Земля: атмосфера З. пресыщена запахом крови — 34; вся З. умирает со мною — 11; стала бы чудным расм — 217; чувство бессмысленности стяжаний на З. вселяется в нас — 10; я жалел, что нет меча рассечь проклятую З. — 14;

Земная жизнь — 44;

Зло: глубоки корни познания з. — 20; невозможно искоренить своей силою — 20; его принцип — гордость — 32; наличествует только при персональной форме бытия — 139; возрастает в своей динамике — 235; не перестает усиливаться, внедряться все глубже — 269;

Злопамятство — 121;

Злые мысли — 45;

Знание Бога: з. есть смысл нашей веры — 7; з. пути сохраняет нас живыми даже во аде — 94; как вхождение в Акт Вечности Бога — 7; не делает наши страдания «воображаемыми» — 94; о переходе от эмпирического з. к высшему — 23; порывы к всеобъемлющему з. в юности — 10; з. Духом Святым освободило от абсурдов интеллекта — 26; Божественное з. — непосредственное, беспроцессуальное, всецелое — 231; великое благо — «узнать» Истинного Бога — 313; непременно соединяется с пришествием Бога внутрь человека — 206; дано миру чрез Воплощенного Сына Отчего, Христа — 313; полуживотное состояние: не знать нашего Творца — 300;

И

Иаков, Апостол — 189;

Идея Бога о Человеке: во Христе, воплощенном Сыне Отчем, созерцаем мы ее — 228; воспринимается только через покаяние — 50; и свершение дела Христа — 131; как проникнуть в нее — 49; созерцание ее порождает сожаление о потере падения — 50; чрез покаяние познаем ее искажение — 54;

Иерархия — 174;

Иерей: и грандиозная панорама сотворенного мира — 278; научается жить в двух планах — 278; не возможно ему забыть все прочее человечество — 280; см. также *Священник*;

Иеремия, пророк — 244;

Избавление: и. миру придет чрез покаяние — 34; Пасха как и. от рабства греху и смерти — 282; см. также: 236, 272, 277;

Избрание — 157;

Избыток: в чем заключается — 91; как восход к Богу — 240; Он сообщил нам сей «преизбыток жизни» — 313;

Изоляция — 128;

Илия, пророк — 91, 183;

Имя: и. Бога даются по характеру, отношению, проявлению — 32; каждая личность получит конечное на все века и. — 101; с Его И. открылись недостижимые дали — 30; Христу, уже как человеку, дано и. (за истощание) — 155;

Индивидуализм: и Гефсиманская молитва — 295; культивируется в людях и. в его страстных проявлениях — 240; на и. строится наше социальное общество — 241;

Индивидуум: и персона — 231; и. свойствен эгоизм и самолюбие — 240; мы родились и оставлены жить в массе и. — 240; не может унаследовать божественный образ бытия — 231; собрание индивидов есть состояние падения с его безысходным трагизмом — 241; мы преодолеваем замкнутость-эгоизм звериного и. — 300; смешение понятия персоны и и. — 30;

Индийская мистика — 29;

Инстинкт: духовный запрещает нарушать тайну души — 5; и. самосохранения закрывает глаза на бедствия — 280;

Интеллект — 186;

Интеллектуальный: когда богословие становится и. профессией — 237; богословское образование дает лишь и. понятие, но не спасает — 214; и. богатство при смертной памяти — 16; и. ведение о Боге — 145; и. взлет к Сверх-Персональному Абсолюту — 26; и. наслаждения во время медитаций — 29; и. осведомленность не приводит к знанию Бога — 6; и. форма восточного опыта — 30; познание как общность бытия, а не и. понимание — 263; покаяние — не только и. перемена — 52; тайны и и. восприятие — 203; только и. представление о совершенстве — 22;

- Интуиция:** Бог вложил в меня некую тонкую и. — 189; вера и и. родства с Богом — 86;
- Иоанн, Апостол** — 189, 207;
- Иоанн Златоуст, святитель** — 12, 210;
- Ипостасное измерение** — 228;
- Ипостасное начало:** актуализируется в Свете Нетварном — 220; раскрывается в нас при содействии Духа Святого — 229; Истина вечная сообщается и. н. в нас — 307; см. также *Персональное начало*;
- Ипостасность:** и. Бога ускользает от всякого определения — 226; лежит за пределами детерминации — 226; см. также *Персональность*;
- Ипостасный принцип:** В Божественном Бытии нет ничего, что было бы внс-и. п. — 228; вне его ничто не существует и не может существовать — 296; см. также *Принцип персоны*;
- Ипостась:** как и., человек идет дальше всякого определения — 122; не есть некая отвлеченная идея — 242; Живой Бог, потому что Ипостасный — 242; имеет Свою Природу, Свою Энергию — 242; наши и. поставляются в данной природной стихии — 244; претерпевает обожение по благодати — 227; для ипостаси нет внешнего авторитета — 255; становясь богом по содержанию своего бытия, она не становится Богом для других разумных тварей — 227; как стать и., преодолев лимитацию индивидуума — 231; каковою И. является в акте совершенной любви — 309; человек, подобие Абсолюта, есть личность-и. — 232; см. также *Персона, Личность*;
- Исаак** — 292;
- Исаак Сирин, преподобный** — 48;
- Исаия, пророк** — 244;
- Искушение:** в предвечном Совете Троицы путь и. падшего человека был предопределен — 169; долг священника повторения БОЖЕСТВЕННОГО АКТА И. МИРА — 283; истощание Сына как предрешенный путь и. человека — 169; мы почитаем Его за страдания ради нашего и. — 267; тайна и. открылась на Голгофе — 292;
- Искусство:** владело мною как рабом — 18; дает прикоснуться к вечности — 16; изошлось представить себя как нечто высокое — 15; как культ индивидуализма, гениев-создателей («перво-причин») — 240; как трансцендирующее земной план — 16; о тяжбе между и. и смертной памятью — 15; смертная память и вечность прекратили занятия и. — 18; я встречался со многими людьми и. — 15; я стремился приобрести познание в и. — 15; чтобы оценить гений, надо быть не далеко от него — 88; и. и муки творчества — 209; в и. ценится оригинальность, индивидуальность артиста — 241;
- Искушение Адама** — 257;
- Ислам** — 241, 261;
- Испытания:** никто не в силах пойти на эти и. — 13; помыслами гнева на Создателя — 14; без и. остались бы неведомы глубины Бытия — 61; когда невидимый меч отрезает от возлюбленного Бога — 61; все мы знаем, чрез ка-

кие и. проходил Господь — 84; всякая любовь проходит чрез и. — 84; как ДОВЕРИЕ Бога — 97; как желание Бога приобщить человека святости и полноте — 97; как проявление милосердия Божия — 97; избрание Богом выявляется именно чрез ниспосланные и. — 157; в трагических и. освобождаемся от последствий падения — 300; необходимы для расширения сердца, чтобы принять любовь Христа — 21; чтобы уразуметь путь Христа, нам необходимо пройти и. — 289; чрез и. мы растем духовно — 265;

Истина: абсолютная, она и всеобъемлющая, все содержащая — 310; абсолютное Само-Бытие, о котором говорили Пророки — 299; абсолютное Само-Бытие, о котором свидетельствуют Апостолы — 299; без нее было бы невозможным и само Бытие — 297; Бог в Его извечном Существое есть искомая И. — 310; Бог есть И. — 32; Бог-И. не творил ничего ложного, противного И. — 307; Бог-Истина и нас делает истинно богами — 310; бытие ее для нас несомненно — 297; в духе мне явился Тот, Кто сказал: «Аз есмь И.» — 298; в падении Адама Истина в нас подверглась искажению — 307; в состоянии озарения Свыше созерцает человек И. — 246; вечная, Она и нас творит бессмертными — 310; «...воздыхая, дух мой тянулся к Живой Истине» — 302; вопрос всякого человека: «ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?» — 297; Господь сказал о Себе: «Аз есмь Истина» — 301; дух наш и алчет, и жаждет познать и. — 299; если знаем Истину, тревоги не затрагивают нас — 80; есть Само-Бытие, как Оно есть — 190; есть Тот, Кто воистину ЕСТЬ — 261; живая И. не похожа ни на научную, ни на философскую и. — 308; живая И. преображает нас Своим пришествием внутрь — 310; одно дело — знать И., другое — не вмещать ее полноты — 311; и ее осуществление в жизни моей — 246; и Отец, и Сын, и Дух Святой суть и. — 308; И. есть Переона — 308; И. идет безмерно далее рассудочных спекуляций — 308; надо принять И., независимо от того, совпадает или не совпадает она с нашими о Ней представлениями — 304; И. вечная сообщается ипостасному началу в нас — 307; каждое слово Христа есть не подлежащая суждению и. — 103; как Перво-Бытие, которое никем и ничем не обусловлено — 299; мы знаем И., подобно Ап. Павлу, лишь «отчасти» — 311; мы обрели И.; мы знаем Ее: это ХРИСТОС — 311; не есть некая отвлеченная формула логического мышления — 308; не есть то, что создает идущая снизу философия — 261; не подстраивается под наше восприятие или желания — 187; недоказуема путем снизу идущих логических демонстраций — 297; недостаточность человеческих усилий достигнуть Ее — 298; никем в пределах Земли не вмещается в Ее полноте — 311; «...но где критерий доверия к данным нам опытам Бога-И.?» — 303; Он есть Свет и Истина — 300; как ответ на длительный, пожиравший меня плач покаяния — 303; опять ее насильем нельзя — 190; Персональная И. опознается тем же персональным принципом — 310; «познавшие» сию И. освобождаются от власти над ним — 310; познание И. дается нам как дар любви Творца к твари — 310; познание И. как пришествие ее силы — 310; предстоя Отцу в сознании грешником, становимся в И. — 304; принятие Истины происходит

в свободе — 190; сам собою тварный дух (человек) не может достигнуть И. — 310; семя И. в нас подлежит актуализации из потенции — 307; соединение с И. зависит и от Бога, и от человека — 310; сообщается нам как жизнь Самого Бога — 307; существом мы ЗНАЕМ, что эта любовь есть И. вечная — 313; как Сущий «от начала», безначальный Бог Святая Троица — 308; чем больше всматривался, тем беспредельней становилась она — 299; чрез вселение Бога-И., и мы становимся истинными — 310; что представляет собою сия Первая и Последняя И.? — 298; чтобы постигнуть И., мы должны следовать за Ним — 311; чувство было убедительным свидетельством о И. — 308; я воспринял Его, как абсолютную Истину — 312; я испробовал другие пути и увидел: там нет И. — 188; бытие ее дано как непосредственное знание — 297; только покаянная молитва соответствует и. о нас — 304; это не значит, что есть некая иная и. — 303; я верю, что касалась меня безначальная И. — 303; я жил сию И., как подлинно извечную — 303;

Исторический прогресс — 11;

Истошание: в Нетварном Свете наш путь видится как И. Христа — 18; в процессе ассимиляции дара откровения — 18; Дух Св. показывает предстоящее и нам наше и. в смерти — 168; как уподобление смерти Христа — 266; Он заключил Свое и. на кресте: «Свершилось» — 255; после и. приходит Нетварный Свет — 18; и. Христа: Сын предает Себя Отцу и в Божестве, и в человечестве — 168; я был доведен до и. молитвой — 17; полнота и. предвзряет полноту совершенства — 62; глубина его соответствует мере спасения — 155; и. Христа преобразилось в завершенное обожение — 155; как мы обнищаем, истошаемся — 149; не достигается человеческими усилиями: это дар Бога — 150; в Церкви нашей бытийно, живым опытом познаем и. Сына — 168; и. Бога Отца в рождении Сына — 168; в Троице — 168; как следствие хранения заповедей — 175; чрез долгий опыт само-и. стяжается любовь Божия — 156; и. Божией любви, явленное Христом — 164; нет иного пути к полноте нашего обожения — 169; преложилось в смирение Христово, которое неопишимо — 160; самоистошание Отца в том, что Он отдал Сына Единородного во искупление — 169; в и. мы соединяемся со Христом — 224; и. Христа в Гефсимании и на Голгофе — 222, 257; мрак смерти, безнадежие... пресображаются в и. — 221; Ему нужно было пройти и в Его человечестве подвиг и. — 291; мы живем сие и.-кеносис как смерть — 250; превознесен Христос-человек, никем не достигнутый в Его и. — 165; и. свойственно совершенной любви — 309; и. совершил Господь в Своем воплощении, в Гефсимании — 291; Христос и как человек совершил подвиг само-и. — 253; христоподобный подвиг и. — 257; чем полнее и., тем совершение вхождение в светоносную область Предвечного Божества — 266; чрез и. в покаянии воспринимаем полноту любви — 309; см. также *Кеносис*;

Исход: и. Ап. Павла совершился в броске отчаянного покаяния — 99; что будет по исходе мы не знаем — 45; и. духа нашего к Богу чем предваряется — 178;

Италия — 15;

К

Карьера — 93;

Катастрофа(ы): внешние к. как причина страданий духа — 11; внешние к. отождествлялись с судьбой — 11; апокалиптические к. — 280; в пределах земной жизни — 184; личная смерть переживается как космическая к. — 255; падение праотца — к. космических измерений — 292;

Кеносис: богооставленность Силуана было его к. — 160; мы живем истощанием к. как смерть — 250; Тайна Божественного К. непостижима твари — 250; см. также *Истощание*;

Кенотическая любовь: Любовь Бога — к. — 250; ненависть к себе есть полнота к. л. — 254; самоумаление человека есть выявление к. л. Бога — 140; «Совершилось..» как завершение откровения о к. л. — 255; является основным характером Божественной Жизни — 262;

Клятва — 149;

Колебания: воля человека подвержена колебаниям — 69; к. еще не кончились даже при всех откровениях — 70; неизбежны пока мы в этом теле — 73; опыт бесстрастия подвержен к. — 155;

Конец истории: совершавшееся напоминало о неизбежности к. и. — 11; становится «научно» мыслимым; технически осуществимым — 235;

Конечная цель: будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный — 73; стяжать сию Любовь (Божью) — 60;

Конфликт — 243; внутренние к. — 73, 181; к. с миром у желающих жить благочестиво — 312; к. между естеством и личностью в нас мы не переносим на Б. — 243; между личностью и позывами нашей падшей натуры — 243; психологический — 110;

Космонавт — 13;

Космос: человека как образ Бога вмещает к. — 18; Бог-Творец безбрежного к. — 211; все, что существует в к., вызвано из небытия — 251; как человек победит все, что населяет к. — 96; мой уход в небытие как уничтожение всего к. — 221; нет места в к., где можно избежать встречи с диаволом — 96; персона есть большая ценность, чем весь к. — 232; «Я победил мир (к.)...» — 71;

Красота Бога — 107;

Крест: Ап. Андрей «не проповедовал бы, если боялся к.» — 21; несмотря на попытки уклониться от К., лобызаю К. — 56; необходимость его по учению Христа — 90; когда душа сходит с к., умалется в ней поток подлинной вечности — 167-168; в знак чего мы лобызаем крест — 301; как зов Свыше от Отца Небесного — 301; к. как сопряженность моего тварного с Божественным бытием — 301; когда иначе человек понимает «крест» — 301; разумевая место К. в бытии по Богу, иначе идем на К. — 301;

Крестная смерть: Ап. Андрей прославлял К. с Христа, будучи распят — 21; благодать покаяния дана миру чрез К. с. — 185; Господь, предавший Себя на

К. с., не говорил праздных слов — 172; есть сильнейшее свидетельство в Его пользу — 86; литургия как живое воспоминание К. с. — 283; отказ от своей воли даже до К. с. — 164; участие Отца и Духа в К. с.? — 169; смерть Христа выжжена навеки в теле сотворенного мира — 131; о соучастии Отца и Духа в К. с. Сына — 169;

Л

Литургический каион — 12;

Литургия: бесценный дар человечеству — 277; будучи неповторимой, в веках повторяется — 281; в л. восходим на гору созерцания славы Преображения — 277; в л. мы предвкушаем «Брачный пир» в Царстве — 274; в л. нам Он дает осязать Его «фань» — 275; в л. проявляется Любовь Троицы к грешникам — 275; в ней мы живем действительно образ воскресения — 277; в этом служении Церковь молится два тысячелетия — 277; вечный характер л.: Господь преподал Тело до смерти — 275; вечная актуальность в «вечери... днесь» — 282; воспитывает нас пребывать в атмосфере Христа — 276; воспоминание о Нем, а не о некотором историческом факте — 282; воспоминание событий от «Начала» — 267; воспроизводит в нашем сознании ДЕЛО Христа — 274; все совершилось в Божественном Замысле о сотворении мира — 275; действие Самого Бога; принадлежит плану вечности — 275; есть всегда сопричастующая нам Пасха Господня — 281; л. есть ЖЕРТВА ЗА ГРЕХИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — 283; л. есть прежде всего Божественный Акт — 273; и два бытийных плана: предвечный и исторический — 273; л. и долгое углубление духом в ее подлинные измерения — 267; ее вечно-временный и временно-вечный характер — 273; л. и решение создать Человека по образу и по подобию Бога — 267; л. и снисхождение Божие на службу сию — 269; измерения ее воистину божественны — 271; истекают тысячелетия, но не изменяется актуальность л. — 274; как воспоминание о событиях, потребовавших тысячелетия — 274; как живое вхождение в сферу Духа Христа — 282; как жилась во время войны — 131; как содействие братьям своим в шествии к бессмертию — 277; как становится нашим личным созерцанием — 274; картина ее чрезвычайно богатая, неисчерпаемая — 274; когда ее вечная реальность сопутствует нам в повседневности — 278; л. вводит в созерцание Бытия Божественного и космического — 267; мы никогда не достигаем ее «конца» — 268; мы никогда не исчерпаем ее содержания — 271; неделимая л. дробится и непрестанно распространяется — 281; наиболее адекватно выражает ипостасную молитву — 267; не есть психологическое «воспоминание» — 273; какое погружение в л. необходимо всем нам — 278; охватывает вообще космическую жизнь — 279; служение ее в пустыни: весь мир был там — 279; сие служение именуется Благодарение – Евхаристия — 268; как служение, свойственное персоне: в духе Гефсиманской молитвы — 241; и страшное падение сего «образа», нашего Праотца Адама — 267; в л. мы

живем тленность нашего земного существа и предвосхищение Царства — 274; утоляет жажду духа водою, текущую в жизнь веч. — 277; учит жить в планах двух реальностей: Божественной и тварной — 268; чрез л. познаем Тайну распятия любви Божией — 277; что нужно носить в сознании совершающему л. — 275; является источником непорочного наслаждения — 278;

Лицеприятие — 20;

«Лицом к Лицу» — 204, 223, 230;

Личное начало — см. *Принцип персоны, Ипостасное начало, Ипостасный принцип*;

Личность: каждая личность получит и конечное на все века ИМЯ — 101; человеческая л. также есть сущностная жизнь — 232; как шпре и глубже становится наша личность — 301; лишь молитвою преодолевает все ограничения — 245; и реализация ее бессмертного Бытия — 244;

Логика: не позволяет поверить, что исторический человек есть Сам Творец — 211; после ипостасной молитвы оставляем категории формальной л. — 261; формальная логика о недостаточности персоны — 309;

Ложь: всякий человек — л. — 310; кто проповедует л., будет брошен в бездну мрака — 193;

Любовь: безначальна сама внутритроичная Любовь — 242; Бог есть Л. — 7, 32; в ней мудрость, величие, смирение, красота, мир — 61; всеобъемлющая л. — самый лучший дар Божий — 54; выводит дух человека в просторы Божественной вечности — 252; дает познание Бога — 246; истинный дар есть пламя л. — 21; как изначальная и непреложная жизнь Троицыного Бога — 241; как смысл бытия — 191; как факт самоопределения Лиц Троицы — 241; кенотический характер совершенной л. открыт нам Богом — 169; смертная память не есть противоположение л. — 17; соединяет в самом Бытии, с самим Бытием — 199; умирает со мною при смерти — 11; для носителя л. лучше быть убитым, чем убивать — 34; евангельское понятие л. превосходит психическое и плотское — 68; к Богу Отцу л. воплощенного Сына достигла абсолютности — 85; когда любовь крепче смерти, тогда она совершенна — 84; первое движение л. идет к Богу; второе к ближнему — 85; свидетельство, как истинная жизнь в любви — 302; так и к человеку Его л. идет «до конца» — 85; чрез смерть в земном плане л. побеждает смерть в вечности — 85; чрез смерть делает человека способным к Царству — 85; весь мир, Божий и тварный, объемлет она в смирении — 156; все желание переносит на возлюбленных — 155; л. сливается со Светом, и Свет проникает в душу — 192; еще не есть уже заверченный акт обожения — 242; л. погружает душу в море страданий — 192; л. преодолевает поразившую нас смерть — 242; л. выражает Сущность Божества — 241; чем больше л., тем больше страданий душе — 192, 290; не есть нечто, уже данное нам — 208; л. нужно стяжать подвигом нашего личного самоопределения — 208; отымает чувство нашего земного происхождения — 242; л. есть самое внутреннее содержание персоны — 232; л. нам не естественна в нашем падении — 234; л. как неко-

торое предвкушение обстоюанного обожения — 242; переживается как воскресение из мертвых — 242; переносит жизнь в Того, Кого любит до забвения о себе — 263; есть атрибут Божества — 252; как духовный акт, когда Возлюбленный является нашим Бытием — 263; душа осознает л. исходящую от Всевышнего — 313; как превратить наше существо в целостный порыв л. — 294; не живет замкнуто в Себе, но в других Персонах — 309; полнота ее связана с ненавистью к себе — 252; пребывающий в л. пребывает в Боге — 7; совершенной л. свойственно полное истощание — 309; чем глубже л., тем безмернее ее боль — 290;

Л ю б о в ь Б о ж и я: без нее ни ум, ни сердце не могут следовать за Христом — 178; благодать есть дар Л. Б. без которой слезы не потекут — 21; в л. находят выражение все прочие атрибуты Божества — 177; в ней смысл Бытия Самого Бога — 209; в прикосновениях Л. Б. узнается Бог — 7; влечет нас вслед за Христом — 254; восточный опыт как преступление против Л. Б. — 37; делает нас не только бессмертными, но и безначальными — 242; достижение ее есть стяжание Духа Св. (преп. Серафим Саровский) — 264; «Его любовь коснулась моего сердца» — 302; ее дар есть боль при молитве — 35; есть ядро предвечного Бытия — 177; живущие в плотском покое атрофируются для Л. Б., — 21; Духом Святым она сообщается спасенным людям — 93; из-за опыта ее человек отталкивает ядовитый запах гордости — 33; как блаженство видеть спасенных во Славе Нетленной — 300; как стяжать ее, чтобы она стала нашей вечной натурой — 61; л., явленная в Троице, заповедана человечеству — 309; Любовь Бога — кенотическая — 250; мое отпадение от Христа жил как преступление против Л. Б. — 28; неизбежно страдающая, сострадательная — 270; никто из нас не достигает ее безмерности — 289; объемлет и ад — 93; от Л. Б. рождается святое дерзновение — 21; отдает себя вне всякой меры — 32; смертная память еще не дает опыта Л. Б. — 17; человек должен достигнуть состояния Л. Б. — 49; я знал в детстве Л. Б. — 28; преп. Симеон не только пребывал, но и «знал» Л. Б. — 50; невозможно одновременно богословствовать о Б. Л. и презирать малых — 52; воспринимается как Истина, как Свет, как Царство — 83; порождает гамму различных мучений духа — 106; прикосновение ее к сердцу есть Свыше рождение в вечности — 83; прикосновение ее к сердцу есть первый шаг на берегу небесного конца бездны — 83; наполняет весь тварный мир — 93; что отрывает от нее — 100; бессмертна и не умалется от страданий — 121; болезнен путь, ведущий к стяжанию ее — 177; естественно полна сострадания и даже к врагам — 121; жалост убивающих тело — 121; жертвенная — 275; не подлежит сомнению ее Божественное происхождение — 126; когда она переходит в созерцание Света Нетварного — 191; отдает Свою жизнь возлюбленным сынам человеческим — 275; пламя ее привлекает всецело ум в сердце — 208; превосходит все, что знает Земля — 263; состояние воспринимается как естественное человеку — 263; чрез веру зарождается в сердце — 208; дает радость любовно обнять всю тварь, весь мир — 252; нет большего

несчастья, чем оскорбить любовь Святого Бога — 246; познавший Его л. уже не отойдет от Него вовеки — 251; сначала как сострадание всей твари — 300; **Любовь до конца**: до полного истощания из-за нашей исторической данности — 270; есть л. до ненависти к себе — 112; есть порог в Царство непоколебимое — 112; Его л. до к. и Его универсальность — 175; л. до. к. у Христа: к Богу и к человеку — 85; о желании ответить Ему той же л. до к. — 287; о молитве, в которой приносится жертва л. до к. — 64; объясняет кровавый пот в Гефсимани — 62; узрение сей л. во Христе и ненависть к себе — 311; христианство есть жизнь и л. до к. — 168; Христос безмерный в Своей л. до к. — 222;

Любовь к Богу: ее стяжание как конечная цель христианского подвига — 60; трудно стяжать ее — 40; прекращает обычные рефлексии и реакции — 109; когда мы отдаем себя в святые руки Создавшего нас — 140; естественно сроднит нас с Ним в движениях сердца — 294;

Любовь к врагам — 313;

Любовь Христова: бросит человека в неописуемую беспредельность — 62; быть носителем Его л. значит неизбежно быть распинаемым — 293; в плане Земли подвержена тягчайшим испытаниям — 288; в этом мире не дает покоя своему служителю — 177; воспринять страждущую л. Х. есть неоценимый дар Духа — 295; гордый всегда пребудет вне всеобъемлющей Л. Х. — 33; даст перебороть страдание и даже смерть — 62; единственная и последняя цель нашего подвига — 178; есть животворящий Огонь, брошенный с небес — 176; есть нетварная жизнь Самого Бога — 176; есть откровение Тайны и Отчей Любви — 177; истощает себя в служении всему человечеству — 40; обретя сердце, готовое принять ее пламя, вселяется — 177; поведет человека по недоступным безднам и высотам — 62; тогда душа наша жаждет спасения для всех людей — 235; ум-дух услаждается Истиной этой любви — 313; чтобы воспринять Л. Х. надо пройти испытания — 21; когда Дух Св. сообщает нам л. Х. — 313;

Люди: трагизм их положения открылся чрез опыт — 6; у всех л. единый природный корень — 14; сами строят свой ад — 34; обычно стоят на уровне человеческой морали — 48; почему становятся звероподобными — 46; спасенные л. становятся «безначальными» — 53; мы можем победить и стать сверх-космическими — 72; становятся моральными соучастниками братоубийств — 315;

Люциферизм: когда ум признает себя высшим проявлением человека — 205; тварь в свободе самоопределения отвергает заповедь: как ограничение, стремясь к самоожоению — 225;

М

Макарий, преподобный — 315;

Материальное богатство — 16;

- Медитации:** в м. я видел ум как свет — 36; возносили в мнимые духовные сферы — 29; давали часы интеллектуального наслаждения — 29; поставляли выше окружающей среды — 29; я устремился к абсолютному Бытию — 67; на пути к поиску Истины — 298; приводили к покою от рассеянности забот — 29; результат м. нехристианского типа — 36;
- Меоническая пустота** — 42;
- Микрокосм** — 230;
- Микротеос** — 230;
- Милосердие Бога** — 32, 56, 98;
- Милостыня** — 5;
- Милость Бога** — 175, 270;
- Мир:** чудный м. приходил в душу с присутствием Бога — 32; наполнял мою душу, забывавшую все нужды и тревоги — 216; весь человек: ум-дух, сердце и даже тело испытывают м. — 313; взят от лица вселенной — 279; душа осознает его исходящими от Всевышнего — 313;
- Мир (сей):** наше явление в м., в чем его смысл — 10; воспринимался как мир-раз, готовый уйти в небытие — 12; Господь бросил меня в беспредельность м. — 14; красота видимого м. влекла меня — 15; терял свою консистенцию — 13; все притягательное в м. утеряло прелесть — 31; губитель м. есть гордость — 33; нам предстоит единоборство со всем м. — 76; в пределах его мы строим нашу вечность — 121; когда влечение к нему побеждает любовь к Богу — 122; мы связаны с ним крепкими узами родства — 121; никак не является нашей последней целью — 122; тесен для заповеданной нам любви — 121; подобен тесной камере тюрьмы — 178; возрадовался падший мир о явлении Бога на Земле — 200; при Нетварном Свете: не сразу, не внезапно обычно забывается м. — 215; м. Его не узнал, не принял — 219; мы и связаны с м., и боремся за свободу — 240; желающие жить благочестиво войдут в конфликт с м. — 312; живем не чрез экспериментальное знание, а в Духе — 305;
- Мир (Христов):** состоит в несомненном знании Живого Бога — 147; сущность Х. м. в совершенном знании Отца — 80; царствует в нас из-за знания Истины — 80; чрез м. получаем силу любить врагов — 147;
- Мироздание** — 18;
- Мироощущение** — 79, 83;
- Мистическая философия** — 13;
- Мистические теории** — 206;
- Моисей, пророк:** Апостолы увидели М. на Фаворе — 91; не смог воспринять всей глубины явленного ему — 247, 259; Первый, кому открылся Бог как ПЕРСОНА — 247; после откровения томился в тине страстей евреев — 55; см. также: 86, 126;
- Молитва:** без покаяния не встречает Бога — 22; бесценный дар Неба, требует от нас досуга — 143; в покаянной м. дух совлекается всех форм страстей — 22; Господь заповедал не творить м. пред людьми — 5; детская м. породила

мысль о вечности — 9; о м. еще к Неведомому, вернее, Забытому мною — 17; захватила меня в свои недра — 17; исхода не было, кроме м. — 17; м. чистым умом — редкое явление, неописуемое — 35; не покидала меня ни во сне, ни наяву — 17; неуклонно держит дух пред Лицом Живого Абсолюта — 76; победила страсть к искусству — 16; покаянная: как самое интимное место нашего духа — 5; чрез детские м. знал о надежде на Бога предков — 10; истомляла до изнеможения психофизического состава — 32; откуда черпает свою энергию — 32; сила моей м. была не моей, исходила от Бога — 32; чрез покаяние я погрузился в м. — 31; боль при м. есть чудный дар любви Божией — 35; в м. с плачем внутри ощущался огонь — 37; есть Бытие нетленное, нерушимое — 46; когда Земное воспринимается в преходящей хрупкости — 79; о неописуемой силе, удерживающей в м. — 37; от которой не хотелось возвращаться в мир — 37; преобладала скорбь в м., сопровождавшейся огнем — 37; принимает форму томительного отчаяния — 60; я вошел в м. с детских лет — 36; я стал отрываться с насилием от м. — 36; вечно хранится Богом — 46; когда теряется опущение тела — 43; когда ум не обращается на себя — 42; м. неоформленными словом воздыханиями сердца — 43; приносимая не как от грешника, не достигает Бога — 47; с надеждою, которая идет дальше всякого отчаяния — 43; характеризовалась неприязнью к самому себе — 42; как уподобление Христу — 55; без слов, как тихое ощущение благодати — 64; в святой БОЛИ может вырвать дух человека в иной мир — 185; какой знак, что м. услышана — 59; не достигла первой ступени, если нет плача — 64; возвратившись, человек «мертв» для страстных интересов — 79; выносила меня из тесного, как тюремная камера, мира — 233; за гранью тела, когда земля забыта — 79; ищущий м. может оказаться вырванным из этого мира — 79; как очищается от постороннего и сосредоточивается — 79; когда Бог влечет нас, м. становится всепоглощающей — 78; от ужаса за себя родилась м. особого отчаяния — 70; привлекла сострадание Бога — 70; ответ на м. — видение тела Господа на Кресте — 82; в м. я бывал несдержанным, даже дерзким — 101; мрачные глубины ада и светоносные сферы небес в м. — 92; чрез м. духу раскрывается мир неописуемого величия — 92; какое получает извещение человек чрез м. — 93; становится подобною молнии — 120; как восторг нашего духа пред Ним — 138; все преодолевается, когда м. всецело захватит душу — 141; и во сне, и на людях — 129; превосходит ценность всякой иной деятельности — 141; принимает характер стремительного потока — 126; приоткрывает тайны будущего века — 133; в м. человек не знает себя в категориях Земли — 174; выводит человека из рамок времени — 174; духовное чувство от м. оставалось и по возвращении в мир сей — 173; есть дар Божий, связанный с другим даром: покаяние — 174; когда мир забывается, и самое тело не ощущается — 185; на Афоне в пещере — 174; не зависит от нашего внешнего положения — 174; о м. порожденной ненавистью к себе — 158; с особою силою захватила меня в пустыне — 173; сиявший бледно Свет вызвал

молитву славословия — 181; снижалась при ослаблении страха — 172; трепет перед гибелью и плач превращали меня в м. — 172; когда человек теряет ощущение и своего тела — 202; в м. мы живем ЕДИНОЕ БЫТИЕ Трех и различения Их — 201; роднит душу с Духом Истины — 201; включается в тысячелетнее стенание всей твари — 239; предлагается в радостное сознание Его призыва — 240; в м. дано превзойти «видимое и временное» — 312; и соучастие с искупительными страстями Божественной Любви — 289; «мне предстал неопнсуемо прекрасный мир христианской м.» — 302; не должна ослабеть от кажущейся безнадежности — 280; станет криком всей Земли к Богу и Отцу — 289; уподобляющая Христу — 296; чем глубже живем грех, тем полнее предаемся м. — 305; чрез нее мне было дано общение с Богом Истинным — 303;

Г е ф с и м а н с к а я м о л и т в а : вечно пребывает действенною в бытии мира — 287; войдет как содержание в неумолкаемое славословие небес — 287; Господь включил все, что произошло с Адама до последнего человека — 287; длилась недолго; но началась до сотворения мира — 287; забудем мы тело, и только дух вникнет в поток Г. м. — 294; и воскресение души — 296; как познание тайнства любви Божией — 251; как сострадание всему тварному миру — 57; в сей молитве кровавый пот объясняется любовью «до конца» — 62; Литургия как служение персоны в духе Г. м. — 241; наивысшая из всех м. по своему внутреннему достоинству — 287; не перестанет восторгать дух наш — 287; пребывает вечно в своей реальной силе — 131; присутствие ее силы ощущаем в час молитвы за мир — 287; разрывает узы эгоистической индивидуальности — 295; совмещает крайние страдания любви и ее победу — 296; чрез нее человек вступает в новый образ бытия: персональный — 295; чрез нее открывается «великая благочестия тайна» — 313; является бесценным откровением о Боге и Человеке — 287;

М о л и т в а з а м и р : дар ее нельзя культивировать — он есть благодать — 65; когда человек в плаче страдает всему миру — 65; не достигает цели из-за свободы людей ко злу — 46; подобно Христу обнимаем и землю, и преисподнюю — 72; подвиг христианина в завершении становится м. за м. — 85; в пустыне — 130; у преп. Силуана — 130; восстанавливает первоизданный образ Человека — 176; и любовь Христова — 178; в такой м. переживается единосущие человеческого рода — 237; раскрывает нам онтологический смысл «второй заповеди» — 237; тогда человек бытийно живет образ Троицнства — 236; была дана в пустыне — 249; в сей м. ощутил предвечного Бога, как Отца нашего — 308; в одиночестве пустыни приходила иногда м. за м. с плачем, как за себя — 308; как знак, что в нас восстанавливается «образ» Человека — 283; как последняя доступная нам мера — 283; как тень Гефсиманской молитвы Христа — 249; как «удерживающая» сила — 269; когда дано жить все человечество как Единого Человека — 302; нам бывает дано любить единосущных нам людей в м. за м. — 302; чрез сей опыт мы получаем новое познание, бытийное — 302; я в молитве обнимал, как я чув-

ствовал, весь мир — 303; как реализация Второй Заповеди — 261;
Молитва ипостасная: в и. м. оставляем формальную логику, переходя к бытийному восприятию — 261; выражается в Литургии — 267;

Молитва литургическая: в л. м. душа погружается в океан людских страданий — 269; в л. м. познаем Христа, нисходящего во ад Своей любви — 276; ведет в Гефсиманию, на Голгофу и дает предвосхитить воскресение — 276; грандиозная панорама сотворенного мира как содержание л. м. — 278; есть дар Духа Св., а не человеческих усилий — 276; и углубление нашей болезни сердечной — 269; м. л. Земля сохранится от апокалиптического огня — 269; ни тело, ни психика, ни мысль не в состоянии следовать за плененным молитвою духом — 276; одна из самых тягостных — 268; подвигом должны удержать неумаленным наше вдохновение на нее — 282; позволяет разделять с людьми их ужасы, а иногда и радости — 276; страсти и гадости греха составляют ее содержание — 282; чрез нее познается, что Бог есть Отец наш — 277; отвергнутая людьми, возвращается к молящемуся — 269; снижаемся до преходящих житейских нужд — 268; надо, чтобы священническая м. стала нашей природой — 278;

Молитва чистая: исцеляет дух от влечений во мгле неведения — 35; исцеляет дух от зачарованности призраками истины — 35; как молитва достигает чистоты — 35; подступ к чистой м. — скорбь духа о разлуке с Богом — 35; человек предстает Богу и себе в обнаженности существа — 35; человек живет в светоносной реальности Св. Духа — 35; человек при ней бывает вне земных категорий — 109; опыт ч. м. дается в напряжении покаяния — 35; в ней существовал только Бог и я, жалкий урод — 43; когда дух совлекался всего тварного — 43; прдестояние ума в совлечении всего видимого — 109; в ней познается Бог — 239; вернейший путь к познанию Бога — 239; Господь давал мне моменты ч. м. лицом к Лицу — 303;

Покаянная молитва: всецело поглощала меня — 173; покаянная м. до изнеможения приближала к смирению — 32; я приносил м. п. Богу прижавшись лбом к полу, к земле — 42; п. м. как вернейшее средство к живому ведению Бога — 50; становится всепоглащающей — 78; проходит чрез все духовные испытания — 96; чрез п. м. человек получает опыт свободы в Духе Истины — 141; и уразумение Истины Божественного Бытия — 301; когда обращаемся к Нему в истинной п. м., Он выбегает нам навстречу — 304; принимала различные формы — 303; только п. м. соответствует истине о нас — 304; п. м. и отрешение ума от прошлого — 179; посещения Божии связывались с п. м. — 209;

Молитвы, написанные о. Софронием — 153, 157, 277, 296;

Молчание — 70;

Монастырь — 174;

Монах — 250;

Монотеизм: христианский м. не то же, что генотеизм Ислама — 261; христианский м.: ТРИ Персоны, Единые в Сущности — 257;

Мораль — 48;

Мрак: «все мы сойдем во м. небытия?» — 10; как познается — 24; невежества — 39; совлечения — 22; я был брошен во м., где нет времени — 11; когда мы осознаем наш внутренний м. и благодать — 28; при богопокинутости душа брошена во м. смерти — 59; в медитациях упорно уходил во м. неведения — 67; м. в самовлюбленном погружении в себя — 156; Божественный м. — 259; м. вечной гибели — 163; внутренний м. — 195; все было м. вне Христа — 76; м. забвения — 221; м. небытия — 67, 136, 210; м. неведения — 259; м. неприязни — 269; м. отчаяния — 119; м. смерти — 51; м. страстей — 94; см. также: 32, 52, 70, 120, 157, 183, 193, 221;

Мученики — 113, 198, 291;

Мысль: мысли рождались из состояния духа — 11; готовые м. как предвосхищение откровений о Боге — 18; м. в сердце, что человек, велик если страдает — 12; не шла на исследование природы сих Огня и Свет — 210; о смерти, о врагах, о земном выпадает из сознания — 83; чуждый дух улучшает минуты колебать м. — 24; всякая мысль оставляет след в жизни — 44; о вечности — 9, 39;

Мышление: демонстративное — 307; Его творческое м. становится моим тварным бытием — 305; не материя, но м. Бога-Творца первично — 305; отрешение от него — 258; чрез нашу школьную науку мы вошли в мировое м. — 306; в состоянии видения нет процесса м. — 203; дискурсивное — 212, 260; м. и истина — 297; истина не есть отвлеченная формула логического м. — 308; обычное м. различает объект и субъект — 239;

Н

Надежда: что Бог не иначе как благ — 14; как живет н. в молитве — 32; н. в молитве, идущая дальше всякого отчаяния — 43; какова наша надежда во Христе — 47;

Надмирный: н. Бытие — 180, 192, 247; победив мир, Христос стал н. — 87; чрез покаяние верующий становится н. — 87, 214; в нас раскрывается н. бытие — 158; малодушествуем, когда видим н. характер Евангелия — 312; мудрость н. в Свете — 61; нас алечет зов Отца н. — 122; всё стремящееся к Богу в нас становится н. — 122; я выпадал из н. сияния — 70;

Напряжение: в предельном н. покаяния дается молитва чистым умом — 35; всякое приближение к Нему связано с болезненным н. — 69; Любви Бога свойственно неумяемое н. Бытия — 155; отрешение чрез аскетическое н. — 179; предельное н. пребывать верным Богу — 149; предельное н. соблюдать заповеди Божии — 164; усвоение Его дарований связано с болезненным н. — 124;

Народы — 82, 140, 272;

Наука — 198, 207, 238, 263, 284;

Небытие: мир как мираж готов исчезнуть в н. — 12; о моменте вторичного со-

зидания из н. — 38; мой уход в н. как уничтожение всего космоса — 221; я ухожу от Бытия в и. — 30; вопрос: все мы сойдем во мрак н.? — 10;

Неверие — 86;

Недовольство Богом — 182;

Независимость — 280;

Неизависть: мрачные тучи н. скрывают от взоров Свет Небесный — 34; при н. невозможно созерцать Свет Истинный — 52;

Неизависть к себе: как сильное желание порвать со всем прежним — 31; от напряжения н. к с. молитва черпает энергию — 32; исторгает молитву без возврата на себя — 52; Любить Бога до н. к с. есть совершенство любви — 112; знаменует собою наше приближение к созерцанию таинства — 151; как признак приближения к сему великому таинству — 154; мы начинаем неизавидеть себя такими, как мы суть — 149; за зло живущее в нас — 175; как н. ко греху во мне — 199; возможна, если Сам Бог соединяется с нами — 252; возненавидеть себя чрез любовь к Б. и обмыслить все сущее — 252; выносит нас за грани времен и пространств — 254; есть полнота кенотической любви Божией — 254; ею преодолевается наша смерть — 252; любовь до н. к с.: Сам совершил сие по отношению к Отцу — 253; чрез нее мы действительно приобретаем вечности — 252; это — святая неизависть: она дар Божий нам — 252; я возненавидел себя, как я есмь, и в молитве... — 311;

Неосведомленность — 13;

Непоколебимость: Божественная н. в «единстве» заключается — 74; и есть во истину «ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ» — 74; человеку будет дано пребывание в Божественной и. — 74; есть заключительный дар Бога на вечность — 71;

Неправедное богатство: первые посещения Бога еще только «н. б.», которое может быть отнято за неверность — 61; как дар благодати Божией — 242; как первое явление Бога человеку — 264;

Нетварный: н. бытие — 221, 300; н. любовь — 209; н. сила — 53, 54; н. ум — 206; Н. Энергия — 192, 220, 241; И. Бытие — 57, 61, 88; н. жизнь — 160, 177, 225, 227; н. мир — 24; см. также *Нетварный Свет*;

Нехристианская мистика — 110;

Нехристианский Восток: и его мистическая философия — 13; подвиги его не приводят к слезам любви — 63;

Николай, младший брат — 9;

Ничто: смерть как погружение в н. — 11; возвращаясь в н. становимся «материалом», из которого Бог творит — 150; см. также: 298, 300;

Нищета духовная: с болью богооставленности погружает в отчаяние — 149; из-за н. д. приходит сила для восхождения к Богу — 148;

Новый Завет: как объясняет личный опыт — 152; неизменно в веках актуален — 247; несет в себе вечность, объемлет протяженность времен — 247; служители Нового Завета, свободны от древнего покрывала — 278; совпадение Откровения Н. З. с личным опытом — 7;

Новый Израиль — 76;

О

Обетования Христа — 47;

Облик Иисуса — 24;

Обожение: совершается через покаяние — 33; мы становимся богами еще отсюда — 53; в совершенном богоподобном смирении завершение о. — 78; мы можем стать богами сверх-космическими — 72; веруют во Христа те, что верят в свое о. — 86; немогущие поверить в Божество Христа не достигнут о. — 86; при о. благодать и наша тварная природа — едины — 112; о. как сообщение нам Божественной Жизни в полиоте — 135; вне свободы невозможно спасение, как о. человека — 142; о. и подвиг нищеты духовной — 153; о. как вечное пребывание в сфере Божественного Бытия — 190; о. нашей натуры и истощание во Христе — 155; о. восстановлении в нас способности воспринять о. — 145; о. как конец покаяния чрез уподобление Христу — 195; невозможно о. без богооставленности — 164; при о. личность восторгается от измерений и форм земли — 227; полное тождество природы и личности при о. — 243; человеческая же ипостась претерпевает о. по благодати — 227; о. чрез сообщение Нетварной Энергии — 241; о. и Евангельское слово — 250; при о. новое падение исключено — 266; первый опыт благодати еще не есть совершение о. — 264; состояние о. благодатью земное тело не выдерживает — 265;

Образ Божий: дух человеческий как о. Б. — 134; как образ Перво-Бытия — 231; наш ум как о. Ума Первого — 205; персоне, как о. Б. любви, свойств. отношения любви — 232; ум как о. Ума Первого — 186; гордость искажает О. Б. в человеке — 34; выражен в принципе персоны — 302; когда о. Б. уязвит душу, то она не может забыть о сем — 106; о. Сына возжигает в нас желание уподобиться Ему — 54; что доводит в нас о. Б. до совершенства — 278; видение сего о. — 304; и восстановление его чрез молитву — 283; как доводится до совершенства — 278; образ Его Господства — 59; полнота его в обожении ипостаси — 227; снижается человек омрачением в нем о. Б. — 241; тварному по о. Б. предстоит перешагнуть порог страданий — 112; тварные по о. Б. проходят испытания — 96; ум как образ Божий — 23; Христос явил его совершенство в человеке — 228; энергия Бож. любви изливается на сотворсных по о. Б. — 241;

«**Образ и подобие**»: в нас вложена Истина Бога, ибо мы о. и п. Его — 307; мы не творим Бога «по образу и по подобию нашему» — 299; я исхожу из Откровения: Человек создан по о. и п. — 304; Бог повторяет Себя в нас — 228; и богоусыновление — 271; и единство Троицы — 281; и переональное существо — 229; и персональный принцип — 310; как исходное данное — 304; как в о. и п. в нас вложена Истина — 307; мы созданы по о. для жизни по п., ради обожения — 135; о. решении создать человека по о. — 267; см. также: *Человек как образ Бога*;

Образ Первозданного Человека — 54, 176;

Образ предвечного Человека — 77;

Образ Троицы: единая натура при множестве лиц — 311; как отражается в нас образ внутритроичной жизни — 302; бытие разумной твари должно стать совершенным по о. Т. — 133; в литургическом акте — 241; многоипостасное человечество является о. Т. — 311; мы включены в Соборное бытие по о. Т. — 128; человек, как образ и подобие, призван к единству по о. Т. — 281; человек бытийно живет о. Т. — 237;

Образ Христа — 70;

Обращение к Богу — 38;

Обращенность на себя — 5, 158;

Огонь: возгорелся в нашей крови чрез причащение Его Крови — 268; когда человек обретает силу следовать за Ним — 159; не безопасно о нем распространяться — 178; небесный о. проник внутрь и растопил сердце — 42; о. (апокалиптич.) уже готов, и отдан в руки безумных — 279; о. Гефсиманской молитвы — о. сострадания всему тварному миру — 57; пожиравший все внутри — 37; сопровождавший скорбь в молитве — 37; не давал ему объяснения — 37; пожигал во мне все не без боли — 37; Свет являлся как О. — 209; сочетание огня и отчаяния в молитве — 37; познавший о. Божественной Любви стремится быть в этом состоянии — 48; чувствовать О. Божий как бы с расстояния и каяться — 51; который уташает в нас действие страстей — 94; устоять в о. (заповедей) надолго мы не можем — 155; пронизывает жизнь Церкви и Таинства — 158; апокалиптический о. и вклад Энштейна — 315;

Опыт: ассимиляции откровения в истощании — 18; дает сказать, что творила десница Бога — 9; живой о. Бога необходим для понятия смысла веры — 6; личный о. открыл трагизм людей — 6; мой предварительный о. помог понять Силуана — 19; начертан на теле жизни — 9; о. монахов помог понять и свой о. Свьше — 5; о. не сразу усваивался рассудком — 6; о. смертной памяти готовится к восприятию Откровения — 18; подтверждается Евангелием — 7; смертная память дает о. бесстрастия — 17; я не имел понятия об о. Отцов Церкви — 13; восточный о. был интеллектуальным, без сердца — 30; зависимости от природных сил и вообще космических — 134; жизни в Нем представлен в посланиях Апостолов — 180; Написанное Богом стало содержанием моего бытия — 179; сначала проходим о. обнаружения нашего ничтожества — 153; Нам дается о. БЫТЬ: аз есмь — 212; весь о. жизни как приготовление к личной встрече с Богом — 259; о. несозданного бытия — 39;

Отвлеченное мышление — 30;

Отвращение к себе: об о. к с., при котором глубинный плач объемлет душу — 184; при о. к с. все существо погружается в молитву — 211; силой покаяния преобразуется в истощание — 221; и желание уподобиться Христу — 294; есть первый признак приближения к полноте любви — 158;

Откровение: воспринимается бытийно только через покаяние — 50; дискурсивное мышление не совпадает с данными о. — 261; совпадения личного опыта с Евангельским О. — 7; моменты совпадения О. Нового Завета и лич-

ного опыт — 7; о предвечном Совете Троицы — 271; понимание О. влияет на проявления духа — 7; смертная память готовит наш дух к восприятию О. — 18; о. о человеке как образе Бога при смертной памяти — 18; мысли как предвосхищение откровений — 18; как действие благодати — 28; о. о падении человека предстает в подлинном трагизме — 149; О. чрез Христа состоит в том, что Абсолют Персонален — 256; в болезни открываем себя для восприятия отства-о. — 299;

Отношения: грех познается в личных отношениях с Богом — 38; как свидетельство, истинная жизнь в любви, которое движется вечно по всем направлениям — 302; ничто не совершается по воле только одной стороны — 310; в заключительных самоопределениях пред Богом мы самовластны — 135; основаны на началах свободы — 135;

Отпадение — 28, 42, 264;

Отрешение: не чрез аскетическое напряжение, а молитву покаяния — 178; во мне личного начала ради Чистого Бытия — 258; от душевных и плотских связей — 252;

Отталкивание от страстей — 31;

Отцы: бестрепетные служители Духа — 20; в подвиге сохранили все заповеданное Богом — 148; веруем тому, что они сообщили нам — 299; говорят, что видят Несозданный Свет естественными очами — 202; говорят, что одно смирение может спасти — 22; жили в нищете — 20; и знание «пути» к совершению — 264; каким плачем плакали — 57; категорически утверждали, что нет иного пути как покаяние — 185; не любили похвал из-за ущерба в любви Божией — 153; о Любви Божией — 121; о молитве, почему не достигает Бога — 47; о Св. Духе — 306; о том, что благодать хранится слезами — 61; почему О. рыдают больше, чем матери о сыновьях — 20; сделали причастниками опыта богопознания — 104; удалялись в пустыни и жили среди зверей — 20; советуют беречь дар молитвы за мир — 65; настаивают на плаче, для смягчения сердца — 64; не плачут о лишении временных ценностей — 64; передали дух самой жизни — 128; свято храним полученное от них свидетельство — 299; совпадение личного опыта с их опытом — 279; что называют «адом покаяния» — 185; про учение О. Ц. о благодати смертной памяти — 17;

Отчаяние: о надежде, идущей дальше всех пароксизмов о. — 14; когда мы немощаем достичь Бога — 34; невозможно описать — 37; об о., которое приводило к молитве — 55; о молитве с надеждой, идущей дальше всякого о. — 43; о. охватывало душу: «лучше бы мне не родиться» — 75; и явление Света — 223; его сущность — неверие в бессмертие — 316; наша эпоха отмечена тяжким всеобщим о. — 315; о. за себя и безнадежная надежда — 199; о. за себя превалировало, даже когда Бог был со мною — 31;

«Отче наш» — 138;

Отшельник — 20;

Ощущение: когда я не ощущал землю из-за памяти смерти — 12; о. присутствия Бога приходило с миром души — 32; о. Божественной вечности не

поддается психоанализу — 211; о. Бога сопровождается всецелым согласием ума с сердцем — 313;

II

Павел, Апостол: «...любовь никогда не перестает...» — 93; Апостолам дано Духом Святым познание тайны Христовой — 77; более всех располагал аппаратом для описания опыта — 207; бывал в огне испытаний, которые вылились в словах — 100; был восхищен в рай — 28; в пустыне порыве раскаяния сподобился откровений — 211; в своих учениях дал нам еще более богатый материал — 207; в явлении Света познал Божество Иисуса — 198; «восшел значит нисходил ... ДАБЫ НАПОЛНИТЬ ВСЕ» — 77; «дано мне жало в плоть, чтобы не возносился» — 25; его не оставляла мысль, что гнал Церковь — 28; ему дана благодать возвещать богатство Христово — 77; «если вы воскресли со Христом, то ищите горнего...» — 271; «живу аз...» — 244; жутким было его прошлое — 183; и знание Истины «отчасти» — 311; и личное откровение Бога в Свете — 222; имел в чем каяться — 99; как воспринял Крест Христов — 86; на пути в Дамаск в том же Свете узнал Христа-Бога — 163; на пути в Дамаск узрел тот же самый Свет — 198; носил духовно в сердце своем Христа, Которого гнал — 189; о душевном и духовном — 185; о законе греха — 39; о мире, превосходящем ум — 178; о подобии Христу — 132; о полноте Божией — 165; о разумениях и чувствах христианина — 159; о свободе твари — 142; о снисхождении Христа во ад — 194; осознал себя первым грешником — 183; ощутил грех лишь, когда предстал Господь в Свете — 183; ему даны видения за раскаяние — 305; «постигнуть со всеми святыми, что есть широта и долготы...» — 277; «почел тщетою... от всего отказался... чтобы приобрести Христа...» — 295; предложил на суд Петра свое благовестие — 127; просвещал народы благовестием Тайны, от века сокроенной — 77; просил Ефесян молиться о слове — 161; сказал, что «не достиг» — 295; стремился к почести высшего звания и призывал же Коринфян подражать ему — 295; уже не я живу, по Христос... — 137; указывает на великую глубину Тайны — 77; что переживал при обращении — 183; экстаз П. совершился в броске отчаянного покаяния — 99; П. и Иоанн совершили меньше чудес, чем Петр, но послания их богаче — 207;

Падение: жажда вырваться из объятий п. как пробуждается — 24; «осознав ужас п. я предался плачу» — 31; отчаяние, когда раскрылись размеры первого П. человека — 131; п. человека было тяжким, но все же не абсолютным — 193; покаяние как чудо, которое воссоздает нас после п. — 33; откуда мы выпали в п., там видение греха — 38; в п. Адама было утеряно достоинство Человека — 71; по п. мы носим созвучия демоническим внушениям — 99; когда ум не мог больше стоять в Вечном — 174; последствия его есть ие-дуг, неизлечимый от земных врачей — 171; выражается в банальном нигилизме и моральном разложении — 225; культ падения ведет к отчужденности

от Бога — 241; «Господь оставил меня, и я пал п. нашего Праотца» — 255; едва ли не все действия людей являются показателем п. — 282; как освободиться от следов люциферического п. — 266; п. Праотца есть катастрофа космических измерений — 292;

Паисий, преподобный — 315;

Пароксизм — 14;

Пасха: есть избавление от рабства греху и смерти — 281; заповедано нам совершать ее в Его воспоминание — 282; восхождение от земных форм бытия к небесным — 282; литургия в своей вечной реальности есть п. Господня — 281; П. как переход от частных положений к универсальным — 282;

Первая Мировая война — 9, 14, 130, 270;

Первообраз: Бог влечет нас к Себе как П. — 255; только переональное начало способно познавать П. — 230; чрез Христа нам показан Человек в его п. — 83;

Первый Вселенский Собор — 104;

Персона: Бог открылся как п. — 26; п. и вечность легко сочетались в детской вере — 30; в человеке как п. есть некая безусловность, божественность — 29; вне тела человек пребывает как п. сильно, ярко — 27; п. и свобода соединены неразрывно — 135; смешение понятия п. с индивидуумом — 30; человек как п. соединяется с личным Богом в Акте Жизни — 60; трансцендентное «Чистое Бытие» как смерть п. — 68; без испытания нашей свободы мы не станем п. — 112; Бог дал нам благословение знать Его как П. — 126; в единении Бога с нами неизменно пребываем п. — 125; в самоопределениях пред Богом мы самовластные п. — 135; есть Тот, Кто единственно и подлинно живет — 229; мы создаемся как потенциальные п. — 125; самовластие как необходимое условие для нее — 135; в то время было идентичным понятию индивидуума — 231; действительно молится «лицом к Лицу» Безначального — 230; Истина есть П. — 308; не живет одна-одинок, но непременно в любви к другим — 302; Бог есть Дух; и человек-п. – дух — 232; в Божественном Бытии не может быть лимитативным принципом — 224; в любви – ее подобие Богу, Который есть любовь — 232; в перспективе геноцизма Ислама — 241; в пределах Ветхого Завета — 241; вне сего живого начала ничто не может быть — 229; вне сего начала все становится бессмысленным — 240; внутри нас восходит духовное солнце, имя которому п. — 230; во встрече с П. Бога актуализируется в нас наша п. — 230; всегда в присутствии Вездесущего Бога — 232; Господь даровал нам свет откровения П. — 240; дано обнять всю тварь в пламени любви Христовой — 240; Духом Св. вводится в сферу нетварного Божественного Бытия — 239; единственна и единична, неповторима и несводима — 231; есть бытие, неусловимое для философского и научного познания — 227; есть начало в нас новой формы бытия — 230; есть начало, воспринимаящее в себя беспредельность — 224; есть непреходящая ценность, большая чем космос — 232; есть самый внутренний принцип Абсолютного Бытия — 226; живой опыт Персоны редко дается людям в этом мире — 236; и антиномический момент: она одна, и не

одна — 308; живет, в сущности, сей Принцип, т. е. Персона — 242; п. и индивид — 240; тварная персона уходит дальше всяких определений — 226; и хриstopодобная молитва за весь мир, как «за самого себя» — 236; именно сему началу в нас предлежит вечность — 229; иногда «терпит» Его с великим трудом — 233; как п., мы создаемся потенциально, не актуально — 231; как п., находимся в противоречии с нашей природой — 243; как центр, способный вместить полноту богочеловеческого Бытия — 232; лежит в основе всего сущего — 226; Литургия как служение, свойственное п. — 241; «не безумно ли переносить это измерение на Абсолютное Бытие?» — 231; не знает одиночества — 232; не знает одиночества еще и потому, что молится за мир — 233; не определяется оппозиционно тому «что не-Я» — 232; не подвластна природным стихиям — 231; не подлежит арифметическому счету — 232; непознаваема извне, если не открывается другой п. — 227; П. в Боге мы живем как носителя абсолютной полноты Бытия — 308; в Боге становится носителем всеведения — 254; и способность воспринять пламя сей любви (т. е. Бога) — 254; обратное индивиду есть «собор персон»: соль земли и свет мира — 241; п., образу Бога любви, свойственны отношения любви — 232; реализуется встречей в любви с другою, или другим, другими — 229; рождается мы, как персоны, лишь потенциально — 243; рождается в вышеестественной молитве лицом к Лицу Бога — 231; стремится к всеобщему единству и *ad extra* — 232; трансцендирует земные пределы — 231; Христос, за молитвы Силуана, раскрыл тайнство п. — 233; является единством всего существующего *ad intra* — 232; в акте любви п. несет в себе ответ другой п. — 302; в молитве, подобной Гефсиманской, дается нам опыт п. — 266; в человеке рождается сначала лишь как потенция — 307; п. в человеческом, тварном бытии по образу Божию — 296; великое слово — Я: оно означает персону — 252; выявляется в акте самосознания, самоопределения... — 246; грань между человеческими п. не исчезает, как в Божественной Троице — 262; есть первичный принцип в Божественном Бытии — 296; как молится п. — 254; лишь п. способна познавать Живого Бога — 251; не живет в спазме самолюбивого обращения на себя — 252; о показателе недостаточности одной П. — 309; образ сего бытия был явлен миру Христом — 248; отблеск Бога в нас и подобие Христу в Гефсимании — 254; отрицание абсолютности ее — 309; П. не существует одна — 308; погружаясь в себя, п. пребудет в своем ничтожестве — 252; познающий-п. и Познаваемый-Бог соединяются воедино — 263; есть последнее всеобъемлющее измерение в Божественном Бытии — 296; содержанием ее бытия является любовь — 252; соединение с п. Христа в полноте своей завершенности — 271; человек-персона живет Богом и в Боге — 263; это «Я», кто блаженно носит в себе и Небо, и Землю — 252; «Я» забывает себя в порыве своей к Богу любви — 252; является богообразным центром — 255; см. также *Ипостась*, *Личность*;

Персона к Персоне — 204;

- Персональное начало:** в каждом пребудет несводимым ни на кого другого — 102; и свобода — 135; любовью вместит в вечности грандиозную жизнь — 220; оно обладает способностью познавать свой Первообраз — 230; его онтологическое место в Бытии Божественном и человеческом — 249; ему в нас открывается Бог во свете и как Свет — 246; не подлежит никакому насилию извне — 310; о недопустимости переносить сие начало на Абсолют — 258; в Божественном Бытии есть ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ЯДРО его — 309; см. также *Ипостасное начало*;
- Персональность:** как вносящая ограничения — 29; как временная форма бытия — 29; как первая ступень деградации, самоограничения Абсолюта — 226; являлась бы не более, чем эпифеноменом — 231; осуществление ее в встрече с другими персонами — 302;
- Персональный:** п. Абсолютное начало — 30; П. Бог — 30, 117; п. Бытие — 30, 117, 125, 238, 239, 243, 295; п. вечность — 244; п. общение — 204, 238; п. отношения — 117; п. познание — 125, 263; п. существо — 229, 231; п. форма бытия — 139; п. принцип — 227;
- Петр, Апостол:** в посланиях менее богат, чем Иоанн и Павел — 207; ЗНАЛ, что чрез н во Христе он соединяется с Богом — 207; и познание Бога во Свете по вере во Христа — 189; как плакал по отречении от Христа — 42; «нам проповедано, во что желают проникнуть Ангелы...» — 77; указывает на глубину Тайны — 77;
- Печаль:** п. о Боге обнажает душу от образов — 22; п. о разлуке с Богом подобна агонии — 35; п. о страданиях людей стиснет сердце — 294;
- Пилат** — 297;
- Писание** — 6; 62; 70; 206;
- Плач:** Отцы жили в пустыни ради свободы предаться п. — 20; когда я оплакивал себя, Он явился во Свете — 31; я не мог прекратить п., даже когда Бог был со мною — 31; нормальное состояние истинного покаяния — 118; предался п., осознав ужас падения — 31; когда я молился, как безумный, п. сокрушал кости — 37; я горько плакал, подобно ап. Петру — 42; вызывается прикосновением Духа Божия — 57; духовный п. иной, чем п. душевный — 58; душевный п. убивает тело, утешает жизнь — 58; есть следствие воздействия Духа Святого — 65; касается отношений с Вечным Богом — 57; п. любви приобщает к Богу — 63; очищает ум от страстных образов — 58; очищает человека и оживотворяет — 58; поставляет человека выше тревог и страхов — 58; принадлежит нному плану бытия — 57; афонский старец о двенадцати видах плача — 65; без п. невозможно преображение нашего естества — 59; в цивилизованной культуре презирается — 64; виды его: сладостный, средний, сострадания, и т. п. — 63; духовный п. животворит, а душевный убивает — 64; за себя и потом за людей из сострадания — 59; из покаяния становится слезами любви — 59; из-за п. вселяется радость свободы — 58; связан с непрерывной мыслью о Боге и печалью разлуки — 58; сердце не имеет иной формы выразить умиление — 57; как изобилие жизни, растущей

от силы любви — 64; меняет свой характер от состояния аскета — 63; перемены в характере п. и в состоянии человека — 60; восстанавливает способность воспринимать Свет — 71; плачущего не утрашают ни бедность, ни унижения — 64; по природе иной, чем душевный — 184; тяжело говорить о нем современникам — 57; через плач воспринимается действие самого Бога — 51; чрез п. нисходит духовное мужество — 58; плачущий легко прощает неправды и любит врагов — 65; п. не беспредметен, он направлен к Богу — 65; чем глубже, тем более свободит от нужд и страстей — 58; чрез Свет пришел п., которого не мог остановить — 59; есть явление небесного порядка — 59; когда ум, сердце и тело соединялись во-едино — 129; п. о мире всего мира и о спасении, если возможно, всех — 235; п. покаяния и ответ Истины — 303;

Покаянный плач: всего меня превращал в молитву — 172; странным образом сливался во-едино с бездной — 303;

Плоть: всегда налагает покров неведения и несовершенства — 41; пребывание во п. затрудняет жить абсолютность — 41; я ищу развода с п. — 29; в Нем сочетались Божеское могущество с немощной п. — 106; ...чтобы мы стали Его детьми, п. от п. Его — 228; в земном плане дух-персона конкретизируется п. — 232; Бог-Слово воспринял на Себя п...: Он не вымысел — 232;

Победа: будет приписана нам, потому что мы страдали — 101; заключается в смирении, уподобляющем нас Господу бесстрастному — 121; неизбежно придет, но не в плане видимой истории — 269; п. Его в вечности неизбежна — 296; уже неустранимый Факт: «Я победил мир» — 269; п. над адом как преодоление его тьмы внутри нас самих — 93; как Божеств. сострадательная любовь ко всей твари — 93; безумство дерзновения сделать п. Христа моей победой — 76; пред нами предстоит единоборство со всем миром — 76;

Подвиг: в завершении становится молитвою за весь мир — 85; между дарованиями Свыше и п. веры есть соразмерность — 21; прошлый тяжелый опыт как источник сил для п. — 9; болезнен п. совлечения страстей, препятствий для Света — 32; конечная цель христианского п. есть любовь к Богу — 60; п. христианина вначале сосредоточивается внутри — 85; какой п. приводит к победе над миром — 113; необходим и для артистов, деятелей искусства — 108; весь наш п. — знать Единого Истинного Бога — 132; освоения совершенства — 138; нищеты духовной как основа спасения — 153; в долгом п. жизни нашей видим Свет Его Божества — 191; как волевое преодоление страстных стремлений — 191; п. борьбы с убивающим нас законом греха — 171; п. предания на волю Божию — 182; как стремление стяжать заповеданную любовь Христову — 235; п. при богооставленности — 264; чрез п. постепенно входим в вечный смысл Его страданий — 293;

Подвижник: что отрывает его от Любви Божией — 100; возможно еще и в наше время встретить п. — 119; познали состояния адских мучений, тяжкий мрак — 119; прошли чрез болезненность душевных колебаний — 119; и видимые бедствия — 140; как знает себя худшим всех людей — 192;

Поднебесная — 96;

Подобие Богу: созданы мы по образу для жизни по подобию Ему — 135; у Отцов Церкви выражено по-разному — 227; чрез сообщение нетварной Энергии — 241; человек наделен потенциальной возможностью достигнуть п. Б. — 304; заключено в образе Бытия — 141;

Подражание Христу — 295;

Познание: глубоки корни п. зла — 20; подъем к п. крут, чтобы не возносилось сердце — 24; я стремился приобрести максимум п. в искусстве — 15; как действие благодати — 28; не должно умаляться желание п. о человеке — 26; отсутствие в индийской мистике реального п. — 30; п. Бога разумными тварями осуществимо повсюду — 50; п. проникает во все существо, когда Бог с нами — 50; при смирении будет дано ему большее п. о тайнах — 93; всегда носит персональный, не объективный, характер — 125; любовь и знание суть едно в вечности — 199; все, что несообщимо разумным тварям, то непознаваемо — 241; голод п. в пределах земного бытия иснасытим — 240; есть результат Откровения Свыше — 238; может быть лишь чрез персональное общение — 238; научное и духовное — 239; п. остается как память в душе — 242; носит характер персональный, бытийный, не отвлеченный — 239; познание есть «со-бытие» — 239; как совместное существование, спайка в самом бытии — 239; п. Богом человека, и человеком Бога носит характер персональный — 263; как интуитивное проникновение — 307; как констатация факта — 307; каким путем рождается в нас п. Господа Иисуса — 294; не чрез распятие, а чрез вкушение улаждительного плода п. — 258; «подобное познается подобным» — 251; стяжается соучастием в бытии — 295; **Познание Бога:** как акт соединения нашего с Ним в самом Бытии Его — 125; начинающееся, приводит к узрению во Христе Первообраза — 39; п. Б. персонами есть двусторонний акт — 125; научный, объективирующий метод здесь не применим — 125; путь к п. Б. лежит не чрез книгу, но через веру — 105; душа, ум и даже тело участвует в этом п. — 126; явлением Света дается человеку бытийное п. Бога — 126; знают Христа лишь те, кто имеют Его внутреннюю жизнь — 159; которое приводит к частично предвкушению воскресения — 159; носители такого п. кладут отпечаток на множество верующих — 159; как живое слияние всего человека с Актом Божественного Бытия — 208; никак не ограничивается одним интеллектом — 208; в нем устранин процесс объективации познаваемого — 239; знание же Живого Бога есть несравненный дар — 262; нет «объекта» в таком п. — 263; как ОБЩНОСТЬ БЫТИЯ, а не интеллектуальное понимание проблемы — 263;

Познание Истины — 104;

Покаяние: есть излияние Божественного вдохновения на нас — 33; есть чудо Божие, воссоздающее нас после падения — 33; связано с воздержанием от греховных влечений — 22; в начале п. не видим ничего кроме внутреннего ада — 24; есть бесценный дар человечеству — 33; «в теле или вне тела» — 27;

дар чрез Гeфсиманскую молитву Христа, Голгофу, Воскресение — 33; есть восхищение души к Богу — 31; есть единственное спасение от ада гордости — 33; как начало проповеди Христа — 71; не есть лишь интеллектуальное действие — 52; перемена, которой сопутствует чувство горечи — 52; полнота п., когда ум и сердце едины — 49; преп. Исаак Сирий о п. — 48; связано с заповедями «любви Бога» и «любви ближнего» — 40; сие событие весьма велико — 33; когда при п. человек забывает мир и тело — 27; чрез п. совершается наше обожение — 33; даровано миру воскресшим Христом — 35; как выражение благоволения Божия — 37; когда боль может привести к смерти, если нет п. — 35; чрез п. придет избавление миру — 34; без п. все, что сделали дурное, обличит на Суде — 46; Бог ничего не делает с человеком без человека — 46; как радикальное изменение умного подхода к жизни — 78; переход от старого мировидения к обратному — 78; призывом к п. начинается и заканчивается Евангелие — 47; п. чрез осознание, что человек не хранит заповеди — 49; только чрез п. мы воспринимаем Откровение бытийно — 50; в порыве п. дается опыт и ада, и воскресения — 52; вначале п. горечь, но потом перемена ума — 53; как обретение Бога Любви — 53; Господь начал проповедь на Земле призывом к п. — 78; о последовательности нашего возрождения чрез п. — 55; тотальное п., когда Свет открывает наш внутренний мрак — 51; конец его — в совершенном уподоблении Христу-Богу — 78; как начинается п., которому нет конца на Земле — 78; чрез п. возрождается сила жизни — 71; которое идет к истокам всемирной трагедии — 95; открывает внутри нас «место» для пришествия Духа — 95; взыскавшему п. дается познать духовные градации — 119; как восстановление непорочности и союза любви с Богом — 118; когда достигает наибольшего напряжения, тогда человек вступает в битву с Князем мира сего — 109; приближает человека к подобию Христу ГОСПОДИНУ мира — 109; с п. начинается спасение от власти греха — 108; в п. становимся открытыми для действия в нас Духа — 154; чем глубже п., тем шире раскрываются глубины бытия — 149; вырывает из мертвых объятий эгоистического индивидуума — 175; до ненависти к себе и миру души — 179; когда освящается весь человек — 176; п. на земле нет конца, ибо конец его есть совершенное обожение — 195; чем больше я вижу Бога, тем пламеннее становится п. — 183; я страдал, но знал, что ожил — 210; в безмерной печали о потере Бога душа восходит до тотального п. — 266; познание стяжается чрез пламенное п. — 295;

Покой: медитации приводили к п. — 67; трансцендентальный п. как метафизическое самоубийство — 68; п. все-трансцендирующего Не-бытия — 226;

Полнота Христова возраста — 266;

Помысл — 14, 121;

Порыв к Богу — 210;

Посещение Божие: как испытать посещение Божие — 60; первые п. Б еще не есть состояние спасенных — 61; почему признается временной психической экзальтацией — 264;

- Похоть — 17;
- Правило Церкви — 127;
- Преображение — 214;
- Преступление — 34;
- Приближение к Богу — 69;
- Призвание — 123;
- Призыв Господа — 208;
- Пример Христа:** дерзание христиан — не гордость из-за п. Х. — 89; п. Х. учит как избежать падения в гордость — 91; соблюл заповеди Отца, неся бремя закона Моисеева — 115; без п. Х. никто не познал бы тайну любви — 112; делает нас подобными Ему — 122; и священство — 283; п. Х. воспитываемся обнимать полноту всемирного бытия — 268; как образ — 281;
- Принцип Персоны:** в Боге не есть отвлеченное понятие, но реальность — 228; мне было дано уразуметь онтологическое место п. П. в Боге — 231; слово «Аз» выявляет п. П. в нас — 240; есть самый «сокровенный сердца человека» — 226; в п. п. прежде всего выражен в нас образ Божий — 302; заложен в нас актом творения «по образу и подобию» — 310; когда мы сами приближаемся к реализации в нас п. п. — 302; далеко не все уразумели его, как должно — 248; Персональная Истина опознается п. п. — 310; путь к Чистому Бытию чрез отречение от личного начала — 258; удаляется бессмысленное круговращение всего, что не-персонально — 251;
- Природа человека:** ее подобие Богу порождает жажду познать истину — 137; только Создавший нас может так знать натуру ч. — 150; задумана Творцом вместить полноту богочеловеческого бытия — 244; ипостась также явится носителем всей полноты этой — 244; в самой п. ч. заложена идея Абсолютного Существа — 304; претерпела существенный вред из-за первородного греха — 245; стоит в некотором противоречии с нашим личным началом — 245; чрез постигающие потрясения возрождается наша натура — 290;
- Причащение — 271;
- Прозорливость — 119;
- Проклятие — 34;
- Промысл:** вовсе не подобен языческому року — 46; п. дает крутой подъем к познанию, чтоб не возносилось сердце человека — 24; есть участие Бога в нашей личной жизни — 46; пути п. Бога о нас неисследимы — 41; мы не раз удивимся математически точному п. Бога — 231;
- Пророк, о котором предсказывал Моисей** — 259, 260;
- Пророки:** иногда говорили с подобным апостольскому дерзновением — 213; не достигли всей полноты, свойственной персоне — 248;
- Прощение — 49;
- Психиатрия — 73;
- Психизм Евангелия:** казалось низшим душевным уровнем — 42; мысль, что вечность не может заключаться в этом — 36; теперь проникло в сердце и ум как свет познания — 68; «Люби ближнего...» — 230;

Психоанализ — 211;

Психология — 20, 257;

Психосоматический состав — 79;

Пустыня: Отцы удалялись в п. ради плача — 20; там физически не можем исполнить делом многих грехов — 120; связывается не с географией, а образом жизни — 143; там снизошло благословение жить в свободе детей Б. — 143; условия пустыни благоприятствовали молитве за мир — 174; и борьба со внутренними страстями — 121;

Пути Божии — 72, 95;

Путь к Богу (христианский): дни и ночи становятся полными заботы искания п. — 126; в Свете Истинном п. видится как истощание Христа — 18; чрез пребывание в духе заповедей во всех обстоятельствах — 201; великолепен, он в то же время исполнен многих скорбей — 298; скорбен и узок п. нашей веры — 18; его последовательность — 61; от относительного, колеблющегося к безотносительному непоколебимому Царству — 62; «с сильным воплем и со слезами» — сей п. предлежит всем — 66; есть распятие — 82; не знать его опасно — 113; наш п.: христиане осуждают себя на муки, а получают милосердие Отчее — 91;

Пушкин А. С. — 14;

Р

Рабство — 144;

Радость: р. «узнать путь» и страх от безмерности задания — 82; «р. Моя в вас пребудет» — 84; люди хотят р. с начала их веры, а это невозможно — 108; р. зова Божия и «адамово мучение» — 185; углубляется при умножении познания путей Бога — 35;

Разлука с Богом — 62;

Разумение — 305;

Рай: достаточно пребывания в Боге, чтобы уразуметь р. — 217; осязаемая реальность «данного» момента — 217;

Раскаяние: как переживалось — 5; Ап. Павел в предельном р. был восхищен до неба — 28; тем глубже, чем больше была потерянная благодать — 49; чрез р. с самоосуждением человек очищается — 44;

Распятие — 82;

Рассудок: жил повседневностью — 15; не сразу усваивает опыты — 6; в оправданных рассудком движениях мы не видим греха — 38; и скольжение его к идее Сверх-личного Принципа — 258;

Расширение сердца — 21;

Революция — 130, 270;

Риск: наилучший «р.» по-детски довериться Промыслу Божию — 81; р. аскета в еравнении с революцией — 111;

Рождение Сына — 168;

Россия — 15, 130, 270;

С

Самовластие — 135;

Самовозношение — 121;

Самодовольство: мы становимся жертвой с. от обращенности на себя — 5; есть симптом или паралича духовного или падения — 148; здравый умом отстранится от с. и вызовет свидетелей — 152;

Самообожение: как последствие падения Адама — 127; из-за чего тенденция к с. в человеке — 29; как люциферическая форма падения — 225; опьяненный в раю зельем люциферического с., человек обезумел — 33;

Самоопределение: в заключительном с. пред Богом мы — самовластные персоны — 135; и невмешательство Бога — 140; отрицательное с. — трагический аспект свободы — 135; с. Божественных Ипостасей исходит из самих И., а никак не предопределяется или навязывается Сущностью — 243; как способность сделать в свободе разумный «выбор» — 265;

Самоосуждение: за пробежавшую мысль — 44; чрез раскаяние и самоосуждение человек очищается — 44; в этом осознании греха есть правда — 95; есть необходимое движение вниз — 92; почему оправдывает нас пред Богом? — 95; с гневом и ненавистью осуждаем себя на тьму — 94; чем глубже нисходим в с., тем более возносит Бог — 92; с. на тьму крошечную не покидало меня — 151; мы нисходим в акте с. в темные пропасти — 194;

Самооткровение Бога — 85, 188; 251; 307;

Самоумаление: акт с. — свободное выявление кенотической любви — 140; как уподобление Христу — 140; Бог Всемогуший, Он умалает Себя — 161; с. ипостаси в акте совершенной любви — 309;

Сверх-космический — 71-72, 87;

Сверх-личный — 67, 226, 244, 230, 258;

Сверх-персональный — 26, 29, 173;

Свет (тварный): опыт видения вибрирующего света — 36; солнечный с. не мешал ощущать присутствие другого — 41; артистического вдохновения, вызванного красотой — 186; научного познания — 186; роды света и светов — 186; световые явления, приносимые духами несприязни — 186; философские созерцания, переходящие в мистический с. — 186; угасание с. сознания в вечном забвении — 11;

Свет Нетварный: приходит по истощании, исцеляя раны — 18; есть безначальная жизнь Бога Троицы — 220; представляется ЕСТЕСТВЕННЫМ состоянием — 250; ровный, целостный; он исполнен глубокого мира — 214; есть Свет «Царства не от мира сего» — 212; и созерцание предвечной идеи Создателя — 39; адское безобразие было преложено на С. Н. — 37; без него не раскрывается пред нами падение Человеча — 171; без С. Земля пребывала бы вне истинного богопознания — 214; Бог есть С. — 32; Бог открывший-

ся в С. незаходимом — 20; Бог переживается как Свет озаряющий — 23; Бог явился во С. Н., когда я оплакивал себя — 31; в нем вечность; в нем невыразимая благодать любви — 189; в нем видит дух наш необъятные горизонты — 189; в нем дух восходит к созерцанию Вечного — 92; в нем наше личное общение с Ним — 204; в сиянии С. истощание видится как уподобление Христу — 18; ведет к единому познанию Бога Любви — 192; вечерний свет солнца и вместе другой С. — 217; видение С. связано с верой в Божество Христа — 189; влечет к себе, но видится недосыгаемым — 184; вне С. не постигается тайна путей спасения — 214; вне сего Света мы не познаем греха — 171; воздействует и на ум, и на сердце, и даже на тело — 36; как воспринимаются ДВА свста, но не одинаковым образом — 202; воссиял во мраке моего бытия — 70; все животворит, объемлет все существующее — 220; выявляет подлинные лики духов — 201; дает видеть наш внутренний ад и так порождает покаяние — 51; дает видеть сущность адского мрака — 24; дает духу нашему познание об ином Бытии — 197; дает живой опыт безначальной Любви — 242; дает нам видеть наш внутренний мрак — 195; дает несказанную радость свободы духа — 191; дает ощущать Святость Бога — 51; дает подлинный опыт Божественной вечности — 264; дает человеку опыт воскресения — 220; дал испытывать сострадание и любовь к людям — 217; делает человека чудным образом преображенным — 219; до явления нам С. мы живем как слепые — 171; дух человека вводится в сферу, где нет смерти — 214; душа осознает его исходящим от Всевышнего — 313; есть Бог, Всемогущий и вместе неизъяснимо кроткий — 197; есть Единый С. Святой Троицы — 247; есть С. любви, разума, бессмертия и дивного мира — 36; есть совершенно особая любовь — 198; еще невидимый, но теплотой смягчает сердце — 31; затмил все прочие света, как солнце — звезды — 186; и Божество Христа — 247; и личное откровение Бога — 222; и обнаженное предстояние души пред Богом — 129; изумит до изнеможения созерцанием благодати Божией — 194; изымает душу из рабства страстям — 142; как заповеди Его — 180; как прикосновение Божественной вечности к моему духу — 210; как тихое засыпание человека; но как полнота жизни — 215; выпадая из С., живем тьму с умноженным страданием — 72; когда приходит во славе — 108; когда становимся как бы вне-временными — 199; когда ум приближается к грани Его явления — 23; когда человек ничего физического не воспринимает — 202; кроткий, однако, более могуществен, чем все — 196; лица в Н. С. видятся молодыми и даже прекрасными — 219; молитва «Святый Боже...» чудно сочетается с С. — 197; не поддается чувственному контролю — 192; невесомый, тончайший, сообщает душе неуязвимость — 197; невидимый, но открывает глаза на нашу тьму — 39; нельзя не узнать Бога в том Свете — 189; нет разногласий в последствиях явления С. — 192; нет такого человека, кто был бы совершенно чужд С. — 193; есть нетленная жизнь, пронизанная миром любви — 197; неуловимый по природе, приходит неопределенным образом — 192; нисходит с плачем — 65; объемлет

человеческим странным образом извне — 196; озарение Н. С. как действие благодати — 28; опыт его в детстве — 151; освобождает от внутреннего ада — 59; ощущался и при солнечном свете — 41; перерождает и даже ново-творит нас — 198; подобно ап. Павлу, во С. я познал Бога — 189; показывает беспредельность, но затем удаляется — 72; показывает наше духовное «место», которое есть ад — 38; помогает уразуметь сущность греха — 29; предвещает видение С. подвигом покаяния — 198; С. при молитве с любящим состраданием за обижающих — 192; при созерцании Н. С. — неземное состояние — 36; приносит смиренную любовь, изгоняет сомнения, страх — 197; приходит при молитве глубокого покаяния за себя — 192; проникает внутрь как ощущение Бога — 24; просвещает ум новым созерцанием — 78; раскрывает призраки истины — 110; свидетельствует о Божестве Христа — 189, 201; Силуан: «душа не может не узнать в Нем своего Творца» — 163; сиявший бледно С. вызвал молитву славословия — 181; сначала открывает нам наше ужасное состояние — 107; сообщает бесстрашие — 191; сообщает нам разумение надмирного Бытия — 192; сообщен нам чрез воплощение Отчего Логоса — 104; спокойный, целостный, ровный — 36; страсти препятствуют пришествию С. — 32; тихий и нежный, влечет к себе и сердце, и ум — 196; тогда все изменяется: замирают земные страсти — 92; только Н. С. дает узреть метафизическую сущность гордости — 33; у преп. Симеона, С. Н. есть сам Христос — 50; «явленный в детстве, не забыт мною» — 41; без Света не возможно понять тьмы — 39; как наиболее тесное общение с Божеством — 203; в С. мы становимся «безначальными» — 203; когда отступает, восторг сменяется печалью — 247; «личное откровение» — 247; многообразно и многообразно является нам — 199; можно уподобить горному облаку, покрывающему вершину — 214; и молитва за людей в глубокой печали — 216; настолько превосходит наше падшее естество — 206; не есть еще неотъемлемое достояние души — 264; не может пройти незамеченным, неосознанным — 203; не улавливается никакого процесса мышления — 203; при С. нет ощущения ТАЙНЫ, нет ВОПРОСА: все освещено — 200; объемлет в состоянии молитвы поглощающего покаяния — 223; объемлет нас извне и проникает внутрь души нашей — 199; по природе своей надмирный — 214; С. познается слава Христа — 247; порождает глубокую молитву за всего Адама — 255; порождает внутри нас слова, тождественные учению Христа — 201; после Н. С. естественный свет стал для меня грубым — 219; пребывает незримым для тех, кто не разыскал Бога — 219; пребыл со мною три дня — 210; приносит новый образ духовного бытия — 214; приносит откровение о Царстве Отца Небесного — 219; приходит тихо, нежно, незаметно обнимает — 214; разогнал стоявший предо мною мрак не-бытийный — 210; раскрывает дивный цвет: Персона-Ипостась — 220; как С. любви и знания; оба сии сливаются воедино — 199; С. сей есть Энергия Божия — 247; себя самого человек видит как свет — 214; скрывает от глаз видение материального мира — 214; сокровенный, невесомый, непри-

косновенный — 214; сообщает нам радость воскресения — 271; сходство созерцания и впечатлением от Евангельского слова и С. — 215; тогда мы живем Его любовь и Премудрость — 300; утешает скорбную душу, умиряет сердце — 78; учение Церкви о С. Н. — 50; человек может еще не уразуметь, ЧТО есть сей С. — 206; человек может одновременно видеть ДВА СВЕТА: физический и Божественный — 202; при С. человек может не воспринимать материальность окружающего места — 214; человек становится как бы «никто» — 197; чрез Н. С. и веру во Христа узревается гордость — 33; явления С., единого в своей природе, различны — 222; явления С. приводят к одному: Откровению Божества Христа — 192; являлся как тонкое пламя, целительное и очистительное — 197; являлся, скорее, как Огонь, пожигавший чуждое Богу — 209;

Свет ума: свойствен нашему уму как образу Бога — 23; бывал внутри черепной коробки и вокруг нее — 36; мысленная энергия подобна с. — 36; сердце не участвует при у. с. — 36; в порыве к все-трансцендирующему Бытию видел мой ум как с. — 67; в каких случаях мой ум виделся мне с. — 186; качественно отличается от явления Бога в Свете Нетварном — 186; сего рода состояние доступно человеку по естеству — 186; умы при сосредоточении дают ощущать себя как с. — 205; я ощущал и видел мою мыслящую энергию подобную с. — 186; нашему уму свойствен с. как образу Ума Бога — 205; опасность, когда ум становится подобным с. — 205;

Светоносная сфера — 32, 105;

Свидетельство: как истинная жизнь в любви — 302; кому повелено оставить с. о высшей реальности — 196; крестная смерть как с. — 86; молитва за мир и с. об Истине — 308; о единственности Сына — 103; с. верующего в самом себе — 314; с. других персон необходимо для включения в соборное бытие — 128; с. Духа о спасении — 162; с. Отцов — 162, 299; с. Христа об Отце было отвергнуто — 289;

Свобода: без полноты разума легко становится злом — 266; в своей абсолютной форме свойственна только Богу — 143; как род вечного бытия, свойственна Персоне — 135; Отцы уходили в пустыню ради с. предаться плачу — 20; никто и ничто не может лишить людей с. ко злу — 46; принадлежит персональному началу в человеке — 135; проявляется в выборе пути и готовности на жертвы — 47; без испытания нашей с. мы не станем персонами — 112; где нет с., там нет Персоны; и наоборот — 135; вне ее невозможно спасение, как обожение человека — 142; ее трагический аспект: возможность отрицательного самоопределения — 135; два симптома: а) нежелание властвовать; и б) свобода от власти других — 141; с. и грех — разрыв союза любви с Богом — 135; как основной принцип творения богообразных существ — 140; наша с. не в той абсолютной мере как у Бога — 135; с., когда человек вонзился превзошел власть греха и смерти — 144; кто не боится смерти, тот стоит на пути к с. — 144; ничем не детерминирована извне — 134; лишь отчасти испытал я восторг духовной с. — 144; необходима для полного погружения

духа в Бога — 143; опыт царственной с. души — 144; там, где нет свободы и любви, все бессмысленно — 142; неведома большинству людей — 141; с. молитвы в тишине как уже предвосхищение царства — 217; с. во Христе принадлежит плану иных измерений — 134; полнота с. приходит когда преодолена смерть — 144; редко кому открылась тайна богоподобной с. — 142;

Святость: в самом этом томлении по с. будет уже начаток ее — 294; ощущается чрез Истинный Свет — 51; порождает покаяние — 50;

Святые — 254;

Священник: долг с. повторение БОЖЕСТВЕННОГО АКТА ИСКУПЛЕНИЯ МИРА — 283; душа с. неизбежно многожды дойдет до изнеможения — 282; он стремится войти полнее в все-видение Литургии — 281; стоит в непосредственной близости к Сыну Божию — 278; что необходимо для с., совершающего Литургию — 281;

Священство: в чем сущность его — 283; вне священнического сана — 283; каждый человек призван к царскому священству — 283; я не находил слов благодарности Богу моему за дар — 270;

Серафим Саровский, преподобный — 264;

Сердце: в глубоком с. поселилось чувство бессмысленности — 10; горечь не проникала в глубокое с. — 14; из-за плача включает вселенную и всю тварь — 65; мысли в с. как предвосхищение откровения — 18; расширение сердца — 21; что в нем совершалось — 10; чтобы не возносилось, дается крутой подъем к познанию — 24; чуждый дух улучает минуты колебать с. — 24; смягчается от теплоты невидимого Света — 31; было растоплено жаром небесного огня — 42; не участвует при умном свете, отдельно от мозга — 36; с. и ум сливаются в акте вечной жизни (в покаянии) — 49; выражает умиление и любовь в плаче — 57; когда огонь слова Божия опалает с. — 58; окаменело в животном эгоизме — 58; при покаянии чрез с. проходит меч раскаленным юнцом — 54; Бог посетил с., которым я пренебрегал — 68; каждый человек имеет сердце, созданное Богом наедине — 101; нисходим в бездонность сего океана — с. человека — 105; с. данного лица-ипостаси неповторимо — 101; закрыто для восприятия святой жизни Бога — 120; утонченное постом и молитвою с. становится прозорливным — 119; вводится в сферу неизведанной дотоле свободы — 194; как духовный центр персоны — 208; Любовь Божия чрез веру зарождается в с. — 208; как расширится оно и обнимет всех братьев — 289; с. мое бывало как разогретый воск — 246; «узнаем» в с., что Он хочет видеть нас совершенными — 300;

Силуан, преподобный: Бог привел меня к С. — 19; «Бога умолишь невозможно...» — 160, 162; велик гений Блаженного Старца Силуана — 162; «Все, чему когда-либо научила благодать...» — 264; «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся...» — 315; душа его была прикована к видению ада — 130; его метод — ставить пред общим принципом — 117; его откровение — путеводная звезда для многих — 315; «Чем больше любовь, тем больше страданий душе...» — 192; ему дана молитва за мир, как за самого себя — 130; зная

вред воображения, молился ЧИСТЫМ УМОМ — 35; и его опыт богооставленности — 159; и молитва за мир — 176; и явление ему Господа — 248; о любви к врагам и богопознании — 313; мой предварительный опыт помог понять С. — 19; не ограничивался в молитве ни временем, ни пространством — 130; о благодати и способности естества нашего — 158; о двух родах смирения — 167; о молитве за мир, которую хранится Земля — 269; об опыте богооставленности — 160; приложил всецело слово от Господа — 316; как пример подлинно христианской жизни — 248; про Свет: нельзя не узнать, что это Господь — 203; сего удостоились лишь немногие — 208; «Такой Свет... может исходить только от Бога» — 211; «У Господа никогда, ничто не умаляется...» — 213; «ум с умом борется... наш ум с умом врага...» — 96;

Симеон Новый Богослов, преподобный — 49, 218;

Синай — 126, 313;

Синайское Откровение: веками пребывало не раскрытым — 259; как мы понимаем его — 310; не вмешалось в сознании еврейского народа вплоть до пришествия Христа — 262; явилось источником силы и власти Моисея — 262;

Синергия — 310;

Сисой Великий, преподобный — 51, 315;

Склонение воли на грех — 38;

Скорбь: за самих себя как страдание — 23; вначале преобладала безнадежная с. в молитве — 37; которая поражает все наше естество — 77; погружала меня в длительный глубинный плач — 172;

Слава Бога — 88, 146;

Слава брата — 93;

Следование Христу: довело до края бездны без возможности отступления — 80; я понимал безумство дерзновения последовать за Ним — 76; кто не последовал Христу, да не дерзает судить Его — 88; как влечение любви нашей к Нему — 138; кто следует Христу, неизбежно будет потрясаясь многожды — 123; плоды сего с восторгом описаны у Отцов — 132; как научаемся этому — 156; невозможно без любви Божией — 178; есть наш крест, невидимый, но реальный, Богу ведомый — 271; чем больше с. Господу, тем шире и глубже становится наша личность — 301; не имеет характера подчинения диктату — 138;

Слезы: не потекут без дара благодати — 21; Бог породил меня с. покаяния — 31; худые поступки, недобрые слова стираются с. покаяния — 46; наивно думать, что можно пройти путь Христа без с. — 58; где нет любви — нет с. — 62; даются в изобилии, но в богооставленности — по капле — 65; текут из глубины сердца, когда владеет смиренный дух — 63; источаются святой любовью из сердца христианина — 62; сладостные с. от близости Бога Любви — 63; становятся «сладкими» от любви и покоя — 60; с болезнью всего состава нашего утопаем мы в море с. — 154; некая скверная смерть подалась горячими с. — 246;

Слово Христа: «и не отчаивайся» дано чрез Силуана нашей эпохе — 315; исходит «от Отца светов» — 215; в с. Х. заключена Божественная жизнь — 215;

никак не хотел умалять их категорического характера — 172; сделаем его единственным законом нашего бытия — 294; только соблюдающий слово Его постигает, откуда оно — 237;

Служение людям — 213;

Смена состояний — 265;

Смертная память: как угнетающая свинцовая стена — 12; когда мир воспринимался как мираж — 12; мука от осознания себя приговоренным к с. — 12; неосведомленность помогла носить благодать с.п. — 13; благодать с. п. не снижалась до земли — 15; благодать с.п. как дар Бога — 13; в писаниях аскетов воспевается как великий дар — 13; вступила в схватку со страстью художника — 15; выводит наш дух из земного притяжения, дает опыт бесстрастия — 17; «если и тысячу лет... а потом что?» — 16; есть начало конкретизации в нас нпостасного принципа — 18; есть особое состояние нашего духа, изменяет в корне нашу жизнь и восприятие — 17; не есть противоположение любви — 17; не покидала меня где бы я ни был — 15; о тягбе между искусством и с. п. — 15; освобождает нас от похотей и привязанностей — 17; ощущения и мысли при ней — 16; плотно прижимает нас к Вечному, составляет выше земных страстей, пресекает их действие — 17; сила с. п. перевело существо в вечность — 18; смерть как конец мироздания — 18; вечность сначала как угасание бытия, но затем Свет — 164; человек свою смерть переживает как космич. катастрофу — 254;

Смерть: как воспринималась с. в юности — 11; моя с. не есть нечто малое, не есть «одним меньше» — 11; обволакивала все — 16; смертная память дает пережить с. как конец мироздания — 18; когда со мною умирает все, что было в сознании, со мною умирают все люди — 11; со с. умирает мир и даже Бог — 12; я видел людей во власти с. — 16; я видел смерть не по телу, а в вечности — 13; стучал в двери с. не во времени, а за его границами — 42; как враг, общий для всего человечества — 118; с моей с. Бог умирает во мне и для меня — 221; с моею с. умирает весь род человеческий — 221; когда мы будем приведены на рубеж между временем и вечностью — 294; с с. все умирает, даже и Бог — 255;

Смирение: Бог есть с. — 32; Сам Бог есть с. — 25; одно с. может спасти человека — 22; к заповеданному с. приближался в покаянной молитве — 32; чрез с. восход к Богу; ибо чрез гордость мы пали — 78; с. естественно быть открытым для всех — 155; Силуан о двух родах с.: аскетическом и Божественном — 167;

Смирение Бога (Христово): в нем нет сравнения себя ни с кем — 32; есть атрибут Божественной любви — 32; непостижимо и безотносительно — 32; Его с. нас поражает, величие Его нас пугает — 34; идет далеко за пределы человеческой этики — 248; как совершенство любви Божественной — 167; когда истощание преложилося в с. Х. — 160;

Со-распятие — 21;

Собор персон — 241;

Соборный — 128

Совершенство: искание с. в юности — 10; по индийской мистике: как преодоление персональности — 29; человек, достигший с., может не подозревать сего — 49; слова преп. Сисоя показали его совершенство — 51; полнота истощания предваряет полноту с. — 62; не достигнуто, если жизнь разнообразна — 74; мы непрестанно томимся по Его с. — 138; в пределах Земли нет абсолютного с. — 155; Бог явил в плоти с. — 180; в том, что любовь смиренно, без остатка отдает себя — 291; не в нас самих, а во Отце — 137; наше действие не достигает с., требуемого Богом — 170; никто не ушел отсюда в равной Христу мере — 158; полноты совершенства Христа мы не достигаем — 191; самое желание его есть прикосновение Абсолюта — 167; сверхчеловечно: оно божественно — 158; Христос явил с. истощания Божией любви — 161; явленное с. Бога как критерий для нас — 180;

«Совершилось...»: в Литургии — 267; завершение откровения о кенотическом характере любви Божественной — 255; как заключение истощания — 255; как начало восстановления сотворенного Богом — 274; как явление совершенства любви Божией — 161; относится к предвечному Совсту в недрах Св. Троицы — 271; как завершение обожения чрез кенотическую любовь — 169; и схождение во ад, и победа над смертью — 131; тогда произошел великий сдвиг во всем космическом бытии — 271;

Совесть: душа борется с с. прежде чем склонится на грех — 38; не достигает уровня заповедей — 49;

Совет Предвечный Св. Троицы: заклание Агнца было предпринято еще в Предвечном С. — 273; и «Свершилось» Христа на Голгофе — 271; хронологическая последовательность не нарушена в Его вечности — 275;

Совлечение: всего тварного — 43; с. всего относительного в восточной мистике — 29; с. временной формы бытия — 38; как попытка достичь Трансцендирующего — 67; с. не приводят к единению с Искомым — 68; с. всего относительного в медитации — 67; с. ума есть и в других аскетических культурах — 22;

Соединение с Богом: — 60, 264;

Сожаление — 52, 174;

Создатель — 140, 228, 255;

Созерцание: выпадение из бытийного с. и мысли в сердце — 18; с. того, какими мы были замыслены Творцом — 24; плач от с. темной бездны в себе — 20; спокойное с. ума вопроса о вечности — 10; с. Нетварного Света как неземное состояние — 36; с. после молитвы, когда мир объемлет сердце — 64; с. божественных реальностей возможно, если дух им подобен — 52; с. беспредельной пропасти бытия, мрачного ада, но и Неба — 172; с. божественной универсальности Христа — 175; с. Его творческого вдохновения — 181;

Сознание: к чему ведет всякое уклонение с. от правильного понимания Откровения — 7; плач от с. далекости от Бога — 20; проблема вечности доминировала с. во время войны — 10; с. недостаточности постоянно преследует

нас — 71; со мною умирает все, что было в с. — 11; угасание света с. в вечном забвении — 11; с. нашего ничтожества и величия — 123;

Солнце Правды — 219;

Сомнение — 191;

Сосредоточенность — 210;

Состояние: молитва внутри принимает форму с. — 7; мысли рождались из с. духа — 11; с. видения своего ничтожества умалилось во мне — 18; с. духа, страдающего от зла в себе — 20; смертная память как с. нашего духа — 17; с. ужаса от вечного забвения насильно владело и сокрушало — 11; ум умолкает в с. пребывания вне времени — 18; есть факт бытия: мысль схватывает разумение Истины — 307; я переносил свои с. на всех людей — 14; когда нет противостояния между моим с. и действием — 32; мне было дано познать с. духа — 213; с. чистой молитвы дается в напряжении покаяния — 35; с., подобные Богу, помогают распознать Бога во Христе — 132; два с.: сходжение во ад и вознесение на небеса — 165; с. духовной гармонии есть радование для сердца — 313; человек живет Истину как с. своего духа — 307; с., уподобляющие верующего Воплощенному Богу — 132;

Сострадание: от видения людей во власти смерти — 16; порождает плач за людей — 59; убивает нас — 280; Его с. гибнущему человечеству передавалось и мне — 307;

Спасение: начинается болезненным покаянием, но его конец благое торжество — 108; Неведомый Бог обладал средствами моего с. — 13; о Страхе Божиим наиболее действенным для с. — 20; с. от власти греха начинается болезненным покаянием — 108; с. от ада гордости возможно не иначе как чрез покаяние — 33; подлинное с. — устоять в Его любви — 84; с. от смерти приходит чрез принятие Христа — 256; чтобы спасти душу для вечности, нужно погубить ее — 90; с. — это когда Бог отдается человеку в необъятности вечности — 140; мы не охватываем умом — 133; по-разному понимается — 140; вне свободы невозможно с., как обожение человека — 142; с. миру сообщается чрез Литургическое священнодействие — 276; соответствует глубине личного истощания — 155; тайны путей с. даны нам Апостолами и Отцами — 149; тайна путей сго не постигается вне Света — 214; с. наше чрез усыновление нас Отцу — 311; с. чрез соучастие в страданиях Христа за нас — 270;

Спасенные: с. во Христе являются носителями Божественной вечности — 225; Бесстрастен Бог и с. в Нем бесстрастны — 121; Божественная сострадательная любовь сообщается им — 93; жизнь Бога дана в неотъемлемое достояние с. — 137; жизнь с. — Единая как едино царство Святой Троицы — 102; им сообщается полнота — 204; становятся безначальными — 53; Царство Отца есть онтологическое единство всех с. — 146;

Спаситель — 35, 148, 200;

Становление в Боге — 31;

Страдание: из-за скорби о своей низости — 23; с. духа бывает вневременным — 195; с. духа вызвано внешними катастрофами — 11; с. от зла в себе не

понятно не пережившим сего — 20; с. умирает со мною в смерти — 11; которое не убивает нас, а вдохновляет — 54; покаянное с. предлагается в радость и сладость любви — 54; обогащает опыт, но не возводит к бесстрастию — 92; постепенно убивает и тело, и сердце, и ум — 92; способно укрощать душу, но не излечивает гордости — 92; побеждает всякое с., погружаясь в большее — 113; сливается во-едино с предельной радостью — 105; сплетается с нестерпимым блаженством — 120; с. во всех планах нашего существа: духом, умом, сердцем — 149; Его жизнь исполнена с., что душа приходит в страх — 188; как Бог сотворил мою природу способною к с. — 233; в меру познания Его с. почист на нас и вечная слава — 293; в с. наших расширяется наше бытие — 300; нарисовать картину с. Иисуса Назарянина невозможно — 290; с. всех становились «моими» — 308; с. Христа превосходят все, что знает мир — 293; физич. боли сделали с. Христа тотальным — 290; в чем с. богооставленности? — 97; с. у кающегося не нервное расстройство — 110; духовные с. — реальность невесомая и незримая — 106; духовные с. по Богу не убивают человека, а оживотворяют — 110; по природе своей принадлежат иному плану бытия — 110; суть следствие отпадения человека от Бога — 217; вневременные с. духа превосходят физическую болезнь — 7; с. Христа — 283;

Страстные идеи — 45;

Страсть: все с. имеют видимую или мысленную форму — 22; победа над с. есть богоподобное Бытие — 22; смертная память поставляет выше земных с. и пресекает их действия — 17; человек впадает в круг с. и слепнет — 47; Свет нетварный освобождает от действия всякой с. — 59; Рабы с., оторванные от Бога, взываем: «Прииди...» — 78; мы мучительно живем убийственный мрак с. — 94; пребывание с Господом убивает с. — 215; с. преобладания над братом последствием имеет потерю своей независимости, и в душе поработителя происходит провал в небытийную нустоту — 142;

Страх: объемлет душу покинутую Богом — 156; с. от тьмы не только вне, но и внутри меня — 59; когда отходит от нас и дает место удивлению Богом — 54;; с. земной проходит от Страх Божия — 20; о с. нарушить заповеди Господни и так погибнуть — 82; радость «узнать путь» и с. от безмерности задания — 82; с. отпадения от Бога, в Которого уверовали, велик — 149; и отступление от меня живой силы — 172; с. отлучения от любви Бога — 256;

Страх Божий: без очищения им закрыт путь к любви — 23; его действия и природа — 23; его природа неяснима психологией — 20; есть пробуждение от векового сна в грехе — 23; есть следствие духовного озарения человека — 20; есть чувство Бога и нас самих — 23; имеет много степеней и форм — 20; как ужас оказаться недостойным Бога — 20; начало не только премудрости, но и любви — 23; не есть страх животный — 20; несет свет разума нашей гибели и святости Бога — 23; нисходит Свыше — 23; освобождает от земного страха — 20; порождает изумление пред Богом — 24; потрясает душу от видения нас самих — 23; привязывает к Богу желанием быть с

Ним — 24; ставит пред лицом Бога для суда — 23; с. из-за присутствия Бога и сознания нашей нечистоты — 23; как начало премудрости — 23; не прекращает сокрушать меня — 213;

Стремление к Богу: как вдохновенный призыв, исходящий от безначального Божества — 153; отрешает ум от прошлого — 178; нам свойственно — 238; не отъемлемо от нас — 303;

Суд: в день с. все, что сделали, станет рядом с нами — 46; верующий постоянно поставляет себя на с. — 170; все мы стоим духом на этом Последнем Судилище — 272; не временный с., а вечный — или тьма, или Свет — 65;

Судьба — 11, 64, 266-267, 276;

Суета — 11;

Сушность (Бога): С. и Энергия есть обладание в равной мере всех Трех Ипостасей — 243; мы не рассматриваем как «объективный» момент — 242; не есть первенствующий и даже преимущественный момент — 228; не определяет Персоны-Ипостаси в их взаимоотношениях — 228; не подлежит сообщению тварям, пребудет непостижима — 146; не сообщима твари и пребывает вечно не-познаваема — 241; нет существования ее, «отдельного» от Лиц — 243; совершенно тождественна Персональному Началу в Боге — 243;

Схождение во ад: в течение сей жизни — верный путь к совершенству — 93; к Перво-Бытию шествие сие, однако, начинается с с. во ад — 194; как приготовление души для восприятия Христа — 160; человек живет с. во ад и вознесение — 165; см. также *Сошествие во ад*;

Сыноположение: мы становимся сынами Отца еще отсюда — 53; как мы становимся сынами Божьими — 122; сыны Божии не связаны географическим местом и внешними традициями — 115; почему такой сложный процесс их созидания — 180;

Т

Табула раза — 114;

Таинство: т. переоны — 233; Господь не слишком пытался разъяснять т. Перво-бытия — 261; т. любви Божьей познается в Гефсиманской молитве — 251; т. смерти: необходимо пройти т. с. для уподобления Христу — 47; т. творения из ничто — 150;

Тайна: дети легко раздумывали о т. вечности — 9; Евангельское слово раскрывает т. — 120; как Бог Живой, Которому можно говорить «Ты!» — 34; кому доверяется т. плача от зла в себе — 20; т. греха открывается чрез веру в Божество Христа — 21; т. души, стоящей пред Богом — 5; Бог пребывает великой т. для нас — 26; человек есть т. — 26; почему говорим о т. Божьих — 124; т. любви открыта Христом — 252; акт творения как влекущая т. — 180; благодать учит т. жизни в Боге — 102; т. богоподобной свободы детей Божьих — 142; человек воистину великая т. — 88; т. Бытия раскрыты только Христом — 72; «т. благочестия»: что это такое? — 168; там где отвергнута

- «т. благочестия», не приходится ждать познания Истины — 104; т. Любви Божией — полнота истощания предваряет полноту совершенства — 62; «Там, где Он...» — 253; желает видеть нас: значит — одесную Отца — 200; уподобление Ему как условие быть т. — 252;
- Тварный:** т. бытие — 224, 300, 301, 305; т. дух — 304, 310; т. естество — 138, 192, 206, 244; жажда Бога вырывает дух из всего т. — 52; т. жизнь — 243; т. из ничто — 135; т. ипостась — 227, 244, 254; т. мир — 57, 93, 96, 156; молитва вырывает из всего тварного — 28; т. образ бытия — 61; т. персона — 125, 135, 226, 239; т. по образу Бога — 96, 112; т. природа — 112; т. реальность — 268; т. силы — 85; т. совлечение всего т. — 43; т. существо — 138; т. ум — 34, 104, 206;
- Телесный «состав»** — 280;
- Тело:** его неспособность нести полноту благодати — 72; не преображенному воскресением свойственны колебания — 73; при молитве можно утратить ощущение т. — 79; тянет вниз к земле, передает духу смертность — 181; несравненно слабее нашего духа — 280; см. также *Плоть*;
- Тело Господа** — 82;
- Тело и Кровь Христовы** — 104;
- Теургия** — 268;
- Тирания страстей** — 173, 300;
- Тление** — 16, 111, 142, 149;
- Тождество:** т. Бога и человека по содержанию, не по Изначальности Само-Бытия — 203, 228; единство бытия человека с Богом, но не т. по Сущности — 146; не тождество, но аналогия Христу в состояниях — 132; полнота подобия Христу даже до т. — 133; природа и естество наши не составляют еще полного т. — 243; т. природы и личности — 243; т. Бытия Лиц Св. Троицы — 190;
- Трагедия:** корень всех т. есть гордость — 33; бытия — 289; всемирная — 95; падения — 235;
- Трагизм:** т. истории из-за гордости как сущности греха — 22; видение т. человеческого бытия срасталось с душой — 15; т. положения людей раскрыт личным опытом — 6; т. земной истории неразрешим вне и без Христа — 34, все земное неизбежно страстное и всегда отмечено т. — 215;
- Трансцендентальное созерцание** — 42;
- Трансцендентизм** — 230;
- Три стадии (периода) в стяжании благодати** — 264;
- Триединство:** есть Бытие предельно динамическое — 241; человек в молитве живет образ Т. — 237;
- Троица:** как Бог Любви и вера в Него — 257; в Т. каждая Ипостась всецело открыта для других — 262; где кенотическая любовь является основой Жизни — 262; ЕДИНСТВО Т. абсолютно в взаимопроникновении (перихорисис) — 262; Т. и всечеловеческое многоипостасное единство — 261; Любовь, явленная в Т., заповедана человечеству — 309; моменты динамический и статический сливаются в единый — 74; Триединство есть Бытие предельно

динамическое — 241; верное понятие о нем обуславливает праведную жизнь — 7; образ Ее в Литургии — 241; Свет Нетварный есть Свет Св. Т. — 247; Человек призван к единству по образу Св. Т. — 281;

Тщеславие: мы становимся жертвой т. от обращенности на себя — 5; его движение отогнало Свет — 218; состояния покинутости Богом — 253; брань с тщеславием на пути к познанию — 152;

Тьма: т. забвения поглощает в смерти все Бытие — 11; гордость есть мерзкая т. — 32; в которой живу, показывается Светом Нетварным — 39; не могу понять т., если нет противоположного света — 39; я пленник ненавистной мне тьмы — 78;

У

Ужас: у. от вечного забвения как угасания сознания — 11; у. от видения реальностей — 6; страх Божий как у. быть недостойным Бога — 20; у. благоденственного времени — 12; у. сознавать себя недостойным ТАКОГО Бога — 24; у. от самих себя — 182; у. от язв, которыми весь я поражен — 171;

Узкий путь — 86, 90;

Ум: если обратится на себя — 23; зная вред воображения, Силуан молился чистым у. — 35; когда видит себя подобным свету — 23; когда приближается к грани Света — 22; вовлекался и заключался вниманием внутрь — 10; создан по образу Бога-Света — 23; у. воображающий не пригоден для богословия — 35; умолкает в стоянии вне времени — 18; подобен малой ладье на волнах — 30; в молитве не обращается на себя — 42; сердце и у. сливаются воедино в акте вечной жизни — 49; стоит ниже заповедей — 49; у. плачущего направлен к Божественной Вечности — 64; у. плачущего парит высоко над землей — 64; у. даются созерцания исключительные по глубине — 83; наш у. сливается с Божественным у. в общении слова Его — 104; когда у. виделся светом — 186; наш ум является образом Ума Первого, который есть Свет — 186; является одною из энергий человеческой личности — 208; как бы расплавленный, у. сливается с сердцем воедино — 208; в молитве у. дух включается в Ум Бога — 305; как начинает все воспринимать во свете ПЕРСОНЫ — 251; ощущение пришествия Бога и согласие ума с сердцем — 313; понятия о Боге как о все-космичности «ВСЁ» — 258; ум — не рассудок — 304; уму сообщается блаженство быть расплавленным в любви — 303; переступает порог времени и пространства — 205;

Умаление: у. благодати — 48, 62; у. себя — 160, 175, 222, 309;

Умирание: мое у. как исчезновение всего — 11; нелегко, т. к. оно те тесные врата, узкий путь — 86; наше у. — наш крест, наше распятие — 111; одно из двух — или для Бога, или для мира — 111; у Старца Силуана — 160; у. в подобной Ему молитве предвосхищает воскресение — 296; и способность созерцать Христа в Гефсимании и на Голгофе — 290; нам нередко дается переживать частичное у. — 290;

Универсальность Христа — 175, 278;

Уподобление (подобие) Христу: в молитве — 55; некая параллель все же должна существовать — 295; тесный путь как у. истощанию Христа — 18; всем необходимо пройти таинство смерти для у. Х. — 47; у. в земном плане значит у. Ему и в Божестве — 180; у. Х. исключает рабовладение, в котором нет вечной жизни — 143; конец покаяния означал бы у. Х. вознесшемуся — 195; необходимо, чтобы носить имя христианина — 295; у. смерти нашей смерти Х. есть путь истощания — 266; образ Единородного возжигает желание у. Х. — 54; чрез соединение в любви с Божественной Ипостасью Сына — 271; степень дарований основывается на мере нашего у. Х. — 53; нужно, чтобы понимать хоть отчасти: «Кто есть Сей?» — 88; кто подобен Х. в земных проявлениях, подобен и в плане божественном — 106; покаяние приводит к п. Христу — 109; в самоумалении и в предании себя на волю Божию — 140; у. Х. до тождества, чтобы достигнуть всеединства — 133; завершается вселением в нас Духа Св. — 122; отождествление воплощенному Богу переходит в вечность — 190; «...позволим ли мы себе претендовать на равенство с Христом?» — 295; у. Ему в смерти Его возносит к подобной Его вечной славе — 221; чрез Евангельское слово — 190; у. Ему в Его Господстве: ад уже не владеет нами — 222; в молитве за мир, подобной Гефсиманской — 261; «возжелаем уподобиться Ему в смирении» — 294; должны уподобиться Сыну, как Сей уподобился нам — 251;

Усыновление: даруется через уподобление Истощанию Христа — 18; мы знаем величие призвания, т. е. избрания для у. — 92; возможно только чрез Христа и в Нем — 118; наш выбор: или наше у. Богом, или отход во мрак — 136; у. тех, кто возлюбили Его пришествие — 219; спасение наше чрез у. нас Отцу — 311; чрез соединение с ипостасью Христа в полноте своей завершенности — 271; см. также *Сыноположение*;

Утешитель — 128, 150; см. также *Дух Святой*;

Уход из мира — 120;

Учение Христа: превосходило меня, и я бывал «распят» — 82; кто построил жизнь на у. Х., тот уразумеет Кто Он — 88; у. Х. о необходимости Креста — 90; стяжается великими страданиями — 109; делает нас подобными Христу — 122; исходит от «Отца светов» — 154; как возможно осуществить — 108; говорит о том, как возродиться в Боге, в первоизданной красоте духовной — 148; у. Х. необычно: при моем ничтожестве, и моем стремлении к Б. — 76; просвещает наше внутреннее зрение — 170; утончает восприимчивость сердца — 170; Свет порождает внутри нас слова, тождественные у. Х. — 201; жить согласно у. Христа значит непрестанно бороться со страстями — 245;

Ф

Фавор: дарованием сего Света при Преображении утвердилось богопознание — 214; и личное откровение Бога в Свете — 222; в один момент: и Слава бес-

предельная, и схождение во ад — 91; как свидетельство предвечного божественства Иисуса — 91; на Ф. Нетварный Свет осиял Апостолов — 91; на Ф. Христос молился об «исходе» на суд и смерть — 91; с момента осияния на Ф., Христос вошел в историю мира — 214; см. также: 184, 189, 198;

Факт: Бог обращается с человеком как с Ф. даже для Него — 134, 255; любовь как ф. вечного самоопределения Лиц Св. Троицы — 241; пред нами Ф. Первого Самобытия Бога — 135; Ф. явления Господа ЖИВОГО Силуану — 163; Христос есть верховный ф. Безначального Бытия — 197; Христос, есть вышший, изначальный ф. Бытия — 212; Христос – ф. бытия — 312; Гефсиманская молитва как исторический ф. — 287; СОСТОЯНИЕ есть ф. бытия — 307; Ф. боговоплощения — 180, 187;

Филипп, Апостол — 311;

«Фильтр покаяния» — 45;

Фома, Апостол — 163;

Франция — 15;

Х

Храм: где совершается Литургия, есть преддверие Царства — 278; многие ходят в х., но мало кто в скинию небес — 24;

Христианин: одаряется больше, чем все пророки и праведники — 76; х. готов страдать за осуществление высшей истины — 111; как х. может «поступать достойно звания» — 88; какое сознание свойственно ему — 88; все пути человеческие ведомы будут х. — 100; для х. путь к Отцу лежит только чрез Сына — 103; его пути скрыты от чуждых взоров — 100; на пути к вечности х. встретит весь ряд испытаний — 100; встретит все, что есть в пределах духовного мира, — 109; дерзновение веры его – обладание Божественным Бытием — 136; его достоинству подобного не встречается в мире — 111; для х. нужно дерзновение победы над миром — 123; обнаруживает в себе всякое зло — 171; видит он себя воистину худшим всех и всего — 171; как молитвенник за весь мир — 176; созидает свою жизнь согласно данному ему благодатному видению — 263; когда страсть отрывает от Бога, решается на жертвы — 292; не может отказаться от встречи с океаном злосчастий — 281; х. свойственно одновременно пребывать в двух планах — 301;

Христианская жизнь: возможна во всяком месте, во всякое время — 114; объемлет и ад, и Царство — 91; «по-христиански жить невозможно; по-христиански можно только умирать» — 86; протекает в духе и истине — 114; слагается из двух волей: Бога и человека — 68; совмещает страдание и высочайшее блаженство — 91; творит маленького человека великим, универсальным — 91; диапазон ее идет дальше обычного слуха людского — 166; стоит выше всякой формы — 114;

Христианский персонализм — 30;

Христианский путь — 91;

Христианство: его изначальный принцип — 25; и вне х. есть борьба со страстями — 22; как жизнь и любовь до конца, до ненависти к себе — 168; не есть некая философская доктрина, а именно ЖИЗНЬ — 168; соединяются и конкретность, и непостижимость Бога — 104; почему многие отпадают от х. — 177; невыразимо превосходит разумение — 237;

Христово смирение — 165; см. также *Смирение Бога*;

Христос: бесценно откровение, нусть частично, Его внутренней жизни — 293; видел полный провал Своей проповеди — 165; во Х. мы встречаемся с Абсолютным Существом — 153; изумляющее чудо: Бог всемогущий, Он умаляет Себя — 161; как всесвятой и абсолютный Авторитет — «Авторитет» не насилия, а истины безначального факта и совершенной любви — 166; только Его силою мы можем преодолеть всё неспособное воспринять вечность — 153; чрез Х. познаем мы Царство свободы Духа Божьего — 134; явил совершенство истощания Божией любви — 161; вне Х. мы никогда не обнимем мира в благодати — 176; вне Х. не узреем онтологических измерений второй заповеди — 176; во Х. открывается образ предвечного ЧЕЛОВЕКА — 194; есть духовное Солнце, освещающее все мироздание — 194; есть ВЕРХОВНЫЙ ФАКТ БЕЗНАЧАЛЬНОГО БЫТИЯ — 197; есть мера всех вещей: Божественных и человеческих — 194; НАЧАЛО и КОНЕЦ, АЛЬФА и ОМЕГА — 198; никто из земнородных не достигает полноты Х. в мире сем — 161; отчасти, но и нам открывается интимно внутренний мир Х. — 191; желает видеть нас ТАМ, где Он Сам, одесную Отца — 200; есть ВЫСШИЙ, ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ФАКТ БЫТИЯ — 212; как познается в безначальном Владычестве и истощании — 221; мука Х. была большею, чем другие страдания, став «мироискупительной страстью» — 222; нам понятен чрез слово, которое Он имеет от Отца — 229; нет ничего, что могло бы разлучить нас с Ним — 236; знаем Его земную жизнь чрез Евангельское благовестие — 229; открыл нам глаза на беспредельность — 236; победил мир — 221; узреем духом Х., Который возлюбил нас до конца... — 311; без Него я не знаю ни Бога, ни Человека — 249; боролся против всего мира в Своем одиночестве — 269; бывал и остается для меня путеводной звездой — 246; в Гефсимании и на Голгофе «оправдал» Бога-Творца — 288; весь мир Его боится — 293; всесовершенное откровение Бога триипостасной любви — 294; вся Его жизнь с нами была непрерывным терзанием — 290; говорил народу на понятном простом языке — 260; для падших сынов человеческих нет ничего и никого более страшного, чем Христос-Истина — 293; до совершения Своей первой и единственной Литургии всё носил в Себе как «наши болезни» — 274; Его и наше одиночество — 276; Ему единственно во всех планах принадлежит первенство — 293; есть мера человека — 244; есть чудо, превосходящее всякий ум — 294; «кто может понять Х.?» — 288; исповедуем Х. равноабсолютным Отцу, Богу и Истину — 311; Истинен, т. е. Свят; т. е. Благ; т. е. Свет... — 312; истинный ЦЕЛИТЕЛЬ, Своим явлением оскорбил всех — 293; истинный центр всего мироздания — 282; молился за

весь мир, так и мы должны жить — 281; мы нигде и ни в чем не достигаем Х. — 293; не мог не скорбеть, встречаясь с извращениями — 288; человек не может следовать за Х., если нет с ним силы Отчей — 250; не оставит нас одинокими, но разделит наш подвиг — 276; нет никого иного, кто превзошел бы Его в чем-либо — 245; никак не соглашается на умаление Своих заповедей — 312; никто, никогда не страдал так, как Он — 288; «О, если бы мы видели в каком мире живет Христос!» — 253; о конце мира — 272; Он ВСЁ: в Нем полнота Божества и полнота человека — 312; Он есть Истина в двух ее аспектах — 312; Он изначальный ФАКТ Бытия — 312; Он, Ипостасная Истина, был оклеветан, бесстыдно поруган — 289; Он один есть воистину Перво-Священник — 281; Он по Своему «этическому» характеру Истинен — 312; «оправдывает» на суде Бога и Отца Человека — 288; опытное познание состояний Его — 270; отдал Себя на суд лукавству осудивших Его на смерть — 289; открыл нам Тайну Перво-Бытия: Три Единое Бытие — 260; открыл подлинного Человека, как он задуман Творцом — 307; показал человечеству его смертельную болезнь — 293; потряс весь мир, радикально переменял ход истории — 275; превечно определился, как Непорочная Жертва — 275; есть смысл и свет Христианской Пасхи — 282; содержанием Его бесед были недоступные реальности — 260; умирал ОДИН, по-человечески позорною смертью — 275; чем теснее к стопам Х., тем меньше спутников — 276; чрез Него мы становимся сынами Отца безначального — 293; чрез причастие собирает в единство по образу Св. Троицы — 281; что же переживал Он, когда отвергли Его свидетельство — 289; явил нам Человека в его беспредельных возможностях — 294; жизнь вечная есть знание Бога и посланного Им И. Х. — 7; благодать доверяется тому, кто доверяет Б. Х. — 20; богопознание приводит к узрению во Х. Первообраза — 39; в Нем спасение и личности, и груш, и народов — 84; в Х. сочетались Бож. могущество с немощной плотью — 106; даровал нам все: открыл вслчайш, тайну Св. Троицы: «показал нам Отца» — 83; до крайности необычный Человек есть Безначальный Бог — 86; есть Жизнь безначальная, совечная Отцу — 67; есть Сам Свет, по преп. Симеону Богослову — 50; жил в условиях Земли после падения Адама — 106; знает конечные потенции нашего естества — 118; «Иисус Христос вчера, и сегодня, и вовеки Тот же» — 72; когда стал открывать ученикам о смерти Своей — 90; на Фаворе молился о «исходе» на суд и смерть — 91; «не был ли Он оставлен всеми, даже и Отцом?» — 76; нет иного, кто бы раскрыл нам тайны Бытия — 72; нет никого, кроме Него, как основы для бытия — 83; нет положения, когда Он бессилен спасти — 84; носящий в себе всю полноту Бытия, Он — наш Путь — 76; о попытках поставить Его в ряд учителей человечества — 104; открывается как сошедший во ад и восшедший на небо — 76; охватил в едином вечном Акте и Небо, и Землю — 72; победил мир значит, что и как человек, стал надмирным — 87; победил мир не как Бог, Творец, но как человек — 71; Победитель мира «человек Х.» стал сверхкосмическим — 71; положил душу Свою за друзей и

врагов — 40; послушные Ему уподобляются Ему в молитве — 55; есть сидящий «одесную Отца», носящий в себе всю полноту — 76; стал моей жизнью и нет никакой параллели Ему — 56; только Он дает нам понимание небесного и земного — 71; явил, как человек, достижимость вечности в недрах Отчих — 118;

Ц

Царство: Бог давал мне жить Ц. — 179; в великих муках покаяния рождается человек для Ц. — 240; в Ц. никто эгоистически не затворяется внутрь себя — 155; вечная мука как сознание себя недостойным войти в Ц. — 71; Господь возвел меня до видения Ц. — 12; есть вечная реальность, которая стяжается в молитве — 70; есть онтологическое единство всех спасенных — 146; есть Сам Господь — 106; как любовь Божия — 177; какой подвиг ведет в Ц. — 113; любовь как предвосхищение Ц. — 274; Логос начал миссию с «Покайтесь, приблизилось Ц. Небесное» — 26; лучи его достигают нас уже с начала веры — 109; нужно очиститься от скверны, прежде чем войти в Ц. — 39; присутствует повсюду, но вхождение зависит от Бога — 159; состоит в избытке любви — 93; Ц., которому принадлежит аскет, не от мира сего — 53; связано с видением своего ничтожества — 69; чтобы стяжать его, надо пройти порог страданий — 112; осознание себя до конца неспособным к Ц. Святого Бога — 171;

Целостность бытия — 303;

Цель наша — 154;

Церковь: в Ц. нашей бытийно, живым опытом познаем ИСТОЩАНИЕ — 168; есть духовный центр нашего мира — 115; ее назначение ввести своих чад в сферу Божественного Бытия — 115; ее смысл и задача – триединство — 133; знает Бога в своем многовековом опыте — 104; и осуществление единства ее по подобию Троицы — 133; и постижение истин чрез литургию — 277; не победит мира и ада, если умалить Божество Христа — 90; неоторимую адом Ц. Он строит на исповедании Божества — 90; основана на КАМНЕ исповедания БОЖЕСТВА Христа — 187; отклоняет даже Божественный, т. е. оригенистический детерминизм — 135; показывает, что непреложны и неложны обетования Христа — 47; равно чтит и учителей, и немногословных чудотворцев — 208; есть союз любви Христовой в силу неразрывного единства с Ним — 115; чудное жилище Духа Святого — 114;

Цивилизация — 240;

Ч

Чаша Литургическая — 281;

Чаша Христа — 234, 291;

Человек: Бог есть Дух; и ч.-персона – дух — 232; ч. более, чем микрокосм: он

микротеос — 230; в богооставленности поражен во всех планах существа — 61; в финальном осуществлении и Ч. должен стать единым — 308; велик ч., когда он в Боге Великом — 220; воистину великая тайна — 88; всякий ч. задумается над смыслом жизни — 297; «всякий ч. ложь» в самом себе, как взятый из «ничто» — 310; его достоинство утеряно в падении Адама — 71; если Ч. такой, каким был Христос, то Отец принимает его — 288; живет Истину не как результат своих размышлений — 307; и бытийное сознание: ныне во Христе и «аз есмь» — 266; ипостасирует божественные атрибуты: вечность, любовь — 227; каждый носит в себе прежде всего образ Сына Единородного — 311; как достигает «конца веков» — 296; как осознает себя связанным с Тем, Кто Центр всего — 220; как способен выносить вышеестественное сострадание — 280; когда ЗНАЕТ ч., что «перешел от смерти в жизнь» — 313; о величии его призвания от сложения мира — 26; от понятия о ч. зависит вера и неверие — 86; создаваемый из ничто, возводится к полноте Бытия — 88; ч. с Богом не всегда легко — 97; чрез Христа нам показан Ч. в его первообразе — 83; благодать чрез сораспятие угодобляет ч. Богочеловеку — 21; Бог ничего не делает с человеком без человека — 46; в ч. есть некая безусловность, божественность — 29; вопрос: вечен ли ч.? — 10; ч. впадает в круг обманчивых страстей, ослепляясь — 47; вызывает восторг и вместе недоумение жестокостью — 46; ч. должен достигнуть состояния любви Божией — 49; его призвание — полнота совершенства — 45; если может так страдать, он велик по природе — 12; живет пред Богом в простоте, без размышлений — 49; ч. и сотрудничество с Самим Богом в творении мира — 217; ч. имеет в виду Перво-Истину — 298; каждый ч. имеет сердце, созданное Богом «наедине» — 101; ч. как безначальный — 242; ч. как ипостасный дух, принадлежит вечной онтологии — 225; ч. как некий центр мироздания — 12; как ч. ошутимо прикасается к Божественной Вечности — 296; как ч. сможет войти в сферу невечернего Света — 266; как ч. не возгордиться — 25; когда ч. живет в светоносной реальности Св. Духа — 35; между Богом и ч. пребывает онтологическая дистанция — 228; мировые события как злая насмешка над ч. — 11; ч. может решиться на акт самообожения — 29; ч. может «узнать» Бога, ибо Он родствен ему — 304; мы в самих себе бытия не имеем — 135; мы не можем созидать какое бы то ни было бытие — 135; мы призваны стать светом в Божественной вечности — 254; на земле ч. не вмещает абсолютного совершенства — 220; нам обещано унаследовать полноту Божественной жизни — 306; ч. не может идти в одиночку за Христом — 151; никто в этом мире не может навязать свою волю ч. — 255; ч., носитель Света, внешне жалок, но внутренне велик — 53; ч. обезумел и стал пленником ада — 33; ч., обоженный и подобный Богу, драгоценнее всех галактик — 88; обращенный к себе, ч. наткнется на томительную пустоту — 34; ч. опьянен в раю зельем люциферического самообожения — 33; ослеп духовно из-за гордости — 33; осознание себя ч. в юности — 10; ч. отказался бы вообще от всякого бытия — 97; ч. есть отражение, отблеск Абсолютного Су-

щества — 256; по природе своей не может остановиться на середине — 298; погрузился в бездну гордости по падении — 33; как подобие Абсолюта, есть личность-ипостась — 232; пред Богом драгоценнее других тварей — 12; признает себя родственным, единосущным Первобытию — 29; сам в некотором смысле является «центром мира» — 220; создан с возможностью во всем стать подобным Богу — 230; сотворен с потенциальной возможностью ассимилировать Жизнь Бога — 227; как становится целым: «исцеленным» — 209; как препобеждает последствия падения — 111; как освобождается от живущего в нем закона греховного — 111; ч. есть *табула раза*, ему предстоит возрасть — 114; Бог оставляет ч. реагировать в свободе его — 134; в ч. зависимость и свобода, тленность и бессмертие — 123; ч. двойствен: он и в мире, и превосходит его — 122; ч. живет Бога как свою жизнь — 125; ч. не вмещает полноты Бога — 126; ч. призван вместить полноту бытия человеческого и Божественного — 128; рожденный в молитве ч. никогда не бывает один — 232; силою Божией любви ч. объемлет весь мир — 220; ч. станет вездиприсутствующим — 254; становится тождественным Богу — 203; человеку не чужды гордые порывы безумной свободы — 256; ч. есть тварная ипостась — 254; «ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ В МИР»: событие, сообщившее всему мирозданию новую ценность — 225; что Господь по Божеству, то ч. имеет по благодати — 106; ч. мучительно живет себя, как худшего всех — 184; ч. явится носителем полноты богочеловеческой жизни — 220;

Человек образ Бога: внутри имеет утасненные от посторонних глаз глубины — 227; Господь бережет нашу свободу как созданных по о. Б. — 146; о. Б. живет как персональное существо — 229; о. Б. и наша форма бытия ипостасна — 231; о. Б. и принцип персоны — 226; о. Б. и слово АЗ — 240; о. Б., как и Бог, есть сокровенная тайна — 26; о. Б. и сам становится истинным — 60; может стать господином, победив мир — 96; ищет святого, непреложного, абсолютного Блага — 62; как образ Его Господства: свободы от чуждой власти и зла — 59; как отражение Абсолюта — 221; смертная память подтверждает откровение о ч., как о. Бога — 18; способен вместить и Бога, и космос — 18; как ипостась, идет дальше всякого определения — 122; носим стремление к разгадке Божественного Бытия — 125; как о., должен отстраняться от господствования над другими — 141; о. Б. естественно влечется к Началу всех начал — 194; он есть некий всемирный центр, — 254; покаяние раскрывает в нас образ Сына Отчего — 54; человек призван к единству по образу Святой Троицы — 281; Святая воля Отца не чужда нам, Его о. — 138; омрачение в человеке о. Б. — 241; способен на догадку (постулат) об Истине — 310; человек как о. Б. станет носителем полноты богочеловеческой жизни — 220; узрение во Христе того о., по которому мы созданы — 39; ч. — образ сего смиренного и свободного Бога — 141; не есть Перво-Бытие, но тварный образ Его — 231;

Человечество: в духовном мире ч. наблюдается двойное движение — 225; в

лице первого Адама претерпело страшную алиенацию — 292; все тело покрыто язвами и гноящимися ранами — 292; как получаем разрешение многих извечных проблем ч. — 84; как человек реально живет все ч., как ЕДИНУЮ ЖИЗНЬ — 261; многоипостасное ч. является образом Св. Троицы — 311; «надо оставить молитву за него...» — 269; неизлечимо больное — 269; по образу Троичного Единства призывается ч. стать единым — 262; ч. как единая природа во множестве персон — 261; привычка переносить личные опыты на все ч. — 308;

Чистое Бытие: абсурд интеллектуального взлета к Ч. Б. — 26; распад и умирание личности в океане Ч. Б. — 29; и смерть моего персонального начала — 68; как ум приводится к понятию Ч. Б. — 258; как философское понятие, неприложимо к Живому Богу — 242;

Член Церкви — 133;

Ш

Шкала духовных состояний — 119;

Э

Эгоизм: свойствен индивиду — 240; мы, в узах страстей безлюбивного э., ненавидим себя — 254;

Эйнштейн — 315;

Экспериментальное знание — 305-306;

Экстаз — 99;

Энергия: Божественной любви изливается на сотворенных «по образу», и стяжание ее заповедано нам — 241; Э. в Божественном Бытии есть момент, выявляющий Сущность — 241; моя мыслящая э. была подобна свету — 36; Сущность и Э. есть обладание в равной мере всех Трех Ипостасей — 243; сообщение нам нетварной Э. обожает нас — 241; всякий акт-э., от Него исходящий, истинен — 307; каким путем проникает в нас э. несозданная — 150; э. молитвы откуда черпается — 32; э. молитвы пробуждается борением в душе — 35;

Эсхатологические предположения — 279;

Ю

Ювеналий, монах — 218;

Я

Явление Бога — 158;

Явление Света: менее редки, чем некоторые думают — 207; никто не должен

доверять себе без должного свидетельства — 206;

Язык: предназначается для выражения реальностей различных планов — 284; я. Божественного Откровения, молитвы, богословия — 284; его задача: ввести слушателя в определенную область — 284; «зачем понуждать Церковь к утере я?» — 285; литургический я. призван порождать ощущение иного мира — 284; я. научный, философский — 284; необходимость употребления славянского я. в богослужении — 285; повседневный я. порождал бы низшие реакции — 285; я. политической демагогии — 284; я. поэзии — 284; славянский я. соответствует великим таинствам богословия — 285;

Языческий рок — 46;

ИНОСТРАННЫЕ ТЕРМИНЫ

Ad extra (лат.): «снаружи» — 232;

Ad intra (лат.): «изнутри» — 232;

Big-bang (англ.): «изначальный взрыв мироздания» — 238;

Tabula rasa (лат.): «чистая доска» — 114;

Μετάνοια (греч.): «покаяние» — 78;

Ὁ ὄντως ὢν (греч.): «Тот, Кто есть Сущий» — 208;

Ῥήματα (греч.): «глаголь» — 28;

Περὶχώρησις (греч.): «взаимопроникновение» — 262;

Τὸ Πᾶν, τὸ Ἔν (греч.): «всеединство» — 258;

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Формат 60х90/16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 182
Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-
полиграфического центра, г. Сергиев Посад
Тел./факс: 8 (495) 721-26-45

